This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

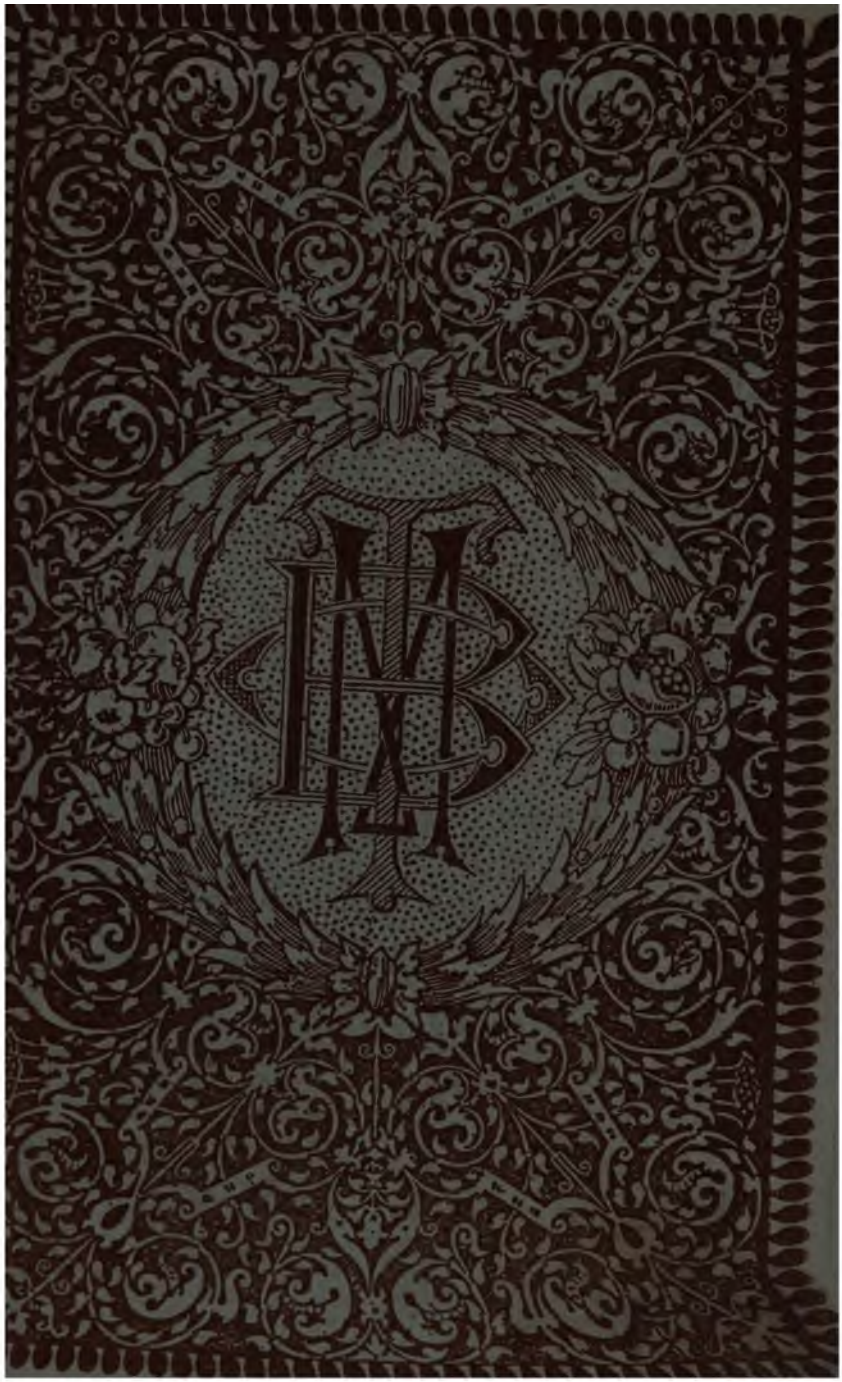
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

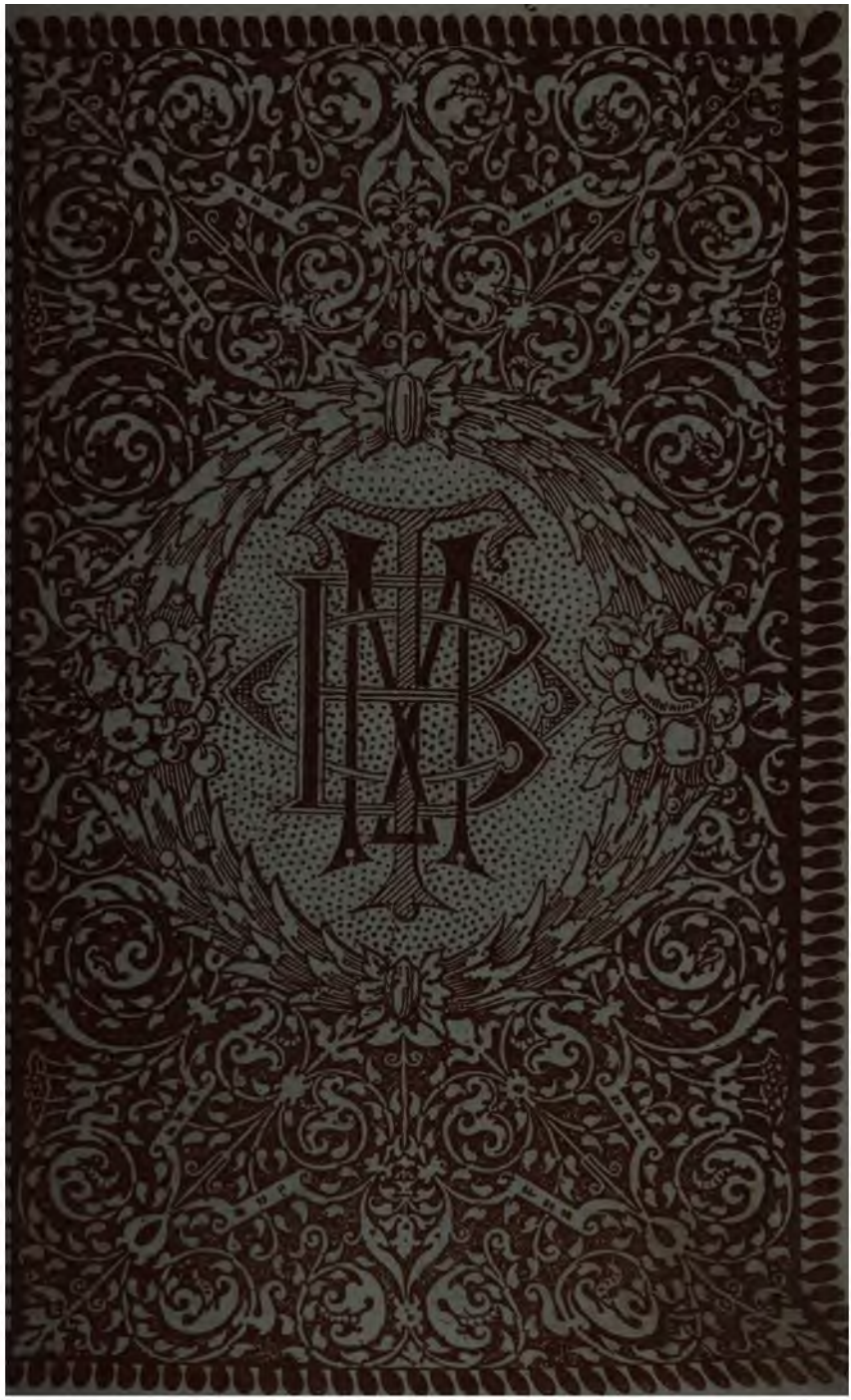
В. И. ДАЛЬ

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARY
ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ.



ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ.

№163



Д/14-III

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

ВЛАДИМІРА ДАЛЯ

(КАЗАКА ЛУГАНСКАГО)

ТОМЪ ТРЕТІЙ

Даль, В. И.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЛАДИМІРА ДАЛЯ

(КАЗАКА ЛУГАНСКАГО)

Первое посмертное полное изданіе, дополненное, свѣренное и вновь просмотрѣнное по рукописямъ

ТОМЪ ТРЕТІЙ

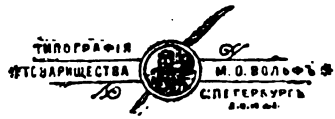
I. ВАКХЪ СИДОРОВЪ ЧАЙКИНЪ
II. БѢДОВИКЪ
III. КОЛБАСНИКИ И БОРОДАЧИ
IV. ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА
V. ПЕТЕРБУРГСКІЙ ДВОРНИКЪ
VI. ДЕНЬЩИКЪ
VII. ЧУХОНЦЫ ВЪ ПИТЕРѢ
VIII. НАХОДЧИВОЕ ПОКОЛѢНІЕ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостиный дворъ, № 18

МОСКВА
Кузнецкій мостъ, домъ № 12

1897



Дозволено цензурою 1-го марта 1897 г. Редакторъ-издатель А. М. Вольфъ.

ВАКХЪ СИДОРОВЪ
ЧАЙКИНЪ

ИЛИ

РАЗСКАЗЪ ЕГО О СОБСТВЕННОМЪ ЖИТЬѢ-БЫТЬѢ,

ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ ЖИЗНИ СВОЕЙ.

Не думаю, чтобы жизнь моя и большая часть того, что относится къ личности моей, заслуживали большого вниманія; но увѣренъ, что уроки, коими надѣляла меня судьба, постоянно въ теченіе 30 лѣтъ, считая съ самаго дня рожденія моего, могутъ быть поучительны не для одного меня, а для всѣхъ, если бы только они могли врѣзаться другому въ голову и въ сердце, какъ мнѣ; увѣренъ также, что спознаться съ людьми, коихъ случилось мнѣ разсмотрѣть очень близко, никому не мѣшаетъ, а многимъ будетъ и очень кстати. Первыя 30 лѣтъ жизни моей были рѣзки въ очеркахъ и пестры красками, хотя и самъ я человѣкъ темный, какъ вы сейчасъ это увидите; но не ищите, въ за-

пискахъ живого человѣка повѣсти или романа, т. е. сочиненія; это рядъ живыхъ картинъ, изъ коихъ немногія только по пословицѣ: *гора съ горой*, — въ связи между собою и съ послѣдующими.

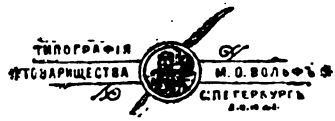
ГЛАВА I.

ОТЪ СОТВОРЕНІЯ МОЕГО И ДО БАРСКОЙ ПЕРЕДНЕЙ.

Я сынъ приписного по ревизскимъ сказкамъ, по народной переписи, комлевскаго мѣщанина, и остался безъ званія и мѣста, когда отецъ мой скончался, покинувъ меня голосистымъ крикуномъ, но еще безсловеснымъ. Мать моя поѣхала, съ какими-то попутчиками, отыскивать отца, который, отправившись по торговлѣ или промыслу своему—онъ былъ барышникомъ, какъ у насъ говорятъ, т. е. торговалъ лошадьми—отправившись на лебедянскую ярмарку, пропадалъ, не знаю сколько времени, безъ вѣсти,—поѣхала и меня повезла съ собою; на пути захворала, сердечная, попутчики покинули ее въ чужомъ мѣстѣ, она умерла, а я остался круглымъ сиротой, не научившись еще и самой необходимой на свѣтѣ вещи: ѣсть хлѣбъ. Село было господское; мужикъ, у котораго въ избѣ скончалась мать моя, а я остался на рукахъ, пошелъ съ жалобой на бѣду эту къ барину; — тотъ, выбранивъ мужика порядкомъ за такую непріятность, велѣлъ взять меня во дворъ, кормить, поить и ростить. Вотъ все, что я впослѣдствіи слышалъ отъ людей господскихъ о томъ, кто я таковъ и откуда.

Когда я сталъ знать и помнить себя, то было мнѣ, видно, года четыре: названная мать моя, скотница въ барскомъ домѣ, колотила меня кулакомъ въ спину, приговаривая: «молись, молись, молись, не ложись спать,

какъ собака». Эти слова остались въ памяти моей, и это первыя мои воспоминанія. Потомъ, года черезъ два, помню разительную перемѣну: барскіе покои; я попалъ туда со скотнаго двора по замѣчательному случаю. Одинъ изъ барченковъ сшалилъ что-то, и баринъ велѣлъ привести со двора какого нибудь мальчишку и высѣчь въ барскихъ покояхъ при виноватомъ, въ острастку; на это, какъ безроднаго сироту, избрали меня. Помню, какъ большой, плотный дворецкій пришелъ, схватилъ меня за руку и потащилъ по двору, по лѣстницѣ; въ покояхъ поразилъ меня крикъ, шумъ, плачъ — это баринъ сердился, бранилъ барченка; барыня заступалась за него, а тотъ ревѣлъ. Я глядѣлъ на все это довольно спокойно, ничего не понимая, покуда, наконецъ, меня вдругъ, ни съ того ни съ сего, схватили, растянули и высѣкли. И я, и три барченка, мы всѣ выли въ голосъ, баринъ кричалъ, и все грозилъ одному изъ нихъ и приговаривалъ; а барыня объ эту пору уже успокоились немного и отошли. Когда все это кончилось, баринъ спросили; «чей это головорѣзъ?» И услышавъ, что я скотницынъ пріемышъ, которая уже вбѣжала въ переднюю, также ревѣла во всю глотку и кинулась барину въ ноги, то онъ, сказавъ. «а ты чего тутъ ревешь, тебѣ какое дѣло? что онъ сынъ что-ли твой? Ты чего пришла заступаться? Дура!»—приказалъ оставить меня въ покояхъ: пусть-де привыкаетъ, наука эта не мѣшаетъ ему, пригодится, онъ будетъ бояться теперь и станетъ слушаться; потомъ пригрозилъ мнѣ и, притопнувъ ногой, выслалъ въ переднюю. Названная мать вынесла меня на рукахъ, обмыла, одѣла, успокоила и опять понесла въ барскіе покои: я снова ревѣть, на чемъ свѣтъ стоитъ; и тутъ уже поколотила меня и сама Катерина. Заглушивъ кулаками страхъ мой, она передала меня холопамъ въ переднюю.



Дозволено цензурою 1-го марта 1897 г. Редакторъ-издатель А. М. Вольфъ.

ВАКХЪ СИДОРОВЪ ЧАЙКИНЪ

ИЛИ

РАЗСКАЗЪ ЕГО О СОБСТВЕННОМЪ ЖИТЬѢ-БЫТЬѢ,

ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ ЖИЗНИ СВОЕЙ.

Не думаю, чтобы жизнь моя и большая часть того, что относится къ личности моей, заслуживали большого вниманія; но увѣренъ, что уроки, коими надѣляла меня судьба, постоянно въ теченіе 30 лѣтъ, считая съ самаго дня рожденія моего, могутъ быть поучительны не для одного меня, а для всѣхъ, если бы только они могли врѣзаться другому въ голову и въ сердце, какъ мнѣ; увѣренъ также, что спознаться съ людьми, коихъ случилось мнѣ разсмотрѣть очень близко, никому не мѣшаетъ, а многимъ будетъ и очень кстати. Первыя 30 лѣтъ жизни моей были рѣзки въ очеркахъ и пестры красками, хотя и самъ я человѣкъ темный, какъ вы сейчасъ это увидите; но не ищите, къ за-

пискахъ живого человѣка повѣсти или романа, т. е. сочиненія; это рядъ живыхъ картинъ, изъ коихъ немногія только по пословицѣ: *гора съ горой*, — въ связи между собою и съ послѣдующими.

ГЛАВА I.

ОТЪ СОТВОРЕНІЯ МОЕГО И ДО БАРСКОЙ ПЕРЕДНЕЙ.

Я сынъ приписного по ревизскимъ сказкамъ, по народной переписи, комлевскаго мѣщанина, и остался безъ званія и мѣста, когда отецъ мой скончался, покинувъ меня голосистымъ крикуномъ, но еще безсловеснымъ. Мать моя поѣхала, съ какими-то попутчиками, отыскивать отца, который, отправившись по торговлѣ или промыслу своему—онъ былъ барышникомъ, какъ у насъ говорятъ, т. е. торговалъ лошадьми—отправившись на лебедянскую ярмарку, пропадалъ, не знаю сколько времени, безъ вѣсти,—поѣхала и меня повезла съ собою; на пути захворала, сердечная, попутчики покинули ее въ чужомъ мѣстѣ, она умерла, а я остался круглымъ сиротой, не научившись еще и самой необходимой на свѣтѣ вещи: ѣсть хлѣбъ. Село было господское; мужикъ, у котораго въ избѣ скончалась мать моя, а я остался на рукахъ, пошелъ съ жалобой на бѣду эту къ барину; — тотъ, выбранивъ мужика порядкомъ за такую непріятность, велѣлъ взять меня во дворъ, кормить, поить и ростить. Вотъ все, что я впослѣдствіи слышалъ отъ людей господскихъ о томъ, кто я таковъ и откуда.

Когда я сталъ знать и помнить себя, то было мнѣ, видно, года четыре: названная мать моя, скотница въ барскомъ домѣ, колотила меня кулакомъ въ спину, приговаривая: «молись, молись, молись, не ложись спать,

какъ собака». Эти слова остались въ памяти моей, и это первыя мои воспоминанія. Потомъ, года черезъ два, помню разительную перемѣну: барскіе покои; я попалъ туда со скотнаго двора по замѣчательному случаю. Одинъ изъ барченковъ сшалилъ что-то, и баринъ велѣлъ привести со двора какого нибудь мальчишку и высѣчь въ барскихъ покояхъ при виноватомъ, въ острастку; на это, какъ безроднаго сироту, избрали меня. Помню, какъ большой, плотный дворецкій пришелъ, схватилъ меня за руку и потащилъ по двору, по лѣстницѣ; въ покояхъ поразилъ меня крикъ, шумъ, плачъ — это баринъ сердился, бранилъ барченка; барыня заступалась за него, а тотъ ревѣлъ. Я глядѣлъ на все это довольно спокойно, ничего не понимая, покуда, наконецъ, меня вдругъ, ни съ того ни съ сего, схватили, растянули и высѣкли. И я, и три барченка, мы всѣ выли въ голосъ, баринъ кричалъ, и все грозилъ одному изъ нихъ и приговаривалъ; а барыня объ эту пору уже успокоились немного и отошли. Когда все это кончилось, баринъ спросили; «чей это головорѣзъ?» И услышавъ, что я скотницынъ пріемышъ, которая уже вбѣжала въ переднюю, также ревѣла во всю глотку и кинулась барину въ ноги, то онъ, сказавъ. «а ты чего тутъ ревешь, тебѣ какое дѣло? что онъ сынъ что-ли твой? Ты чего пришла заступаться? Дура!»—приказалъ оставить меня въ покояхъ: пусть-де привыкаетъ, наука эта не мѣшаетъ ему, пригодится, онъ будетъ бояться теперь и станетъ слушаться; потомъ пригрозилъ мнѣ и, притопнувъ ногой, выслалъ въ переднюю. Названная мать вынесла меня на рукахъ, обмыла, одѣла, успокоила и опять понесла въ барскіе покои: я снова ревѣть, на чемъ свѣтъ стоитъ; и тутъ уже поколотила меня и сама Катерина. Заглушивъ кулаками страхъ мой, она передала меня холопамъ въ переднюю.

ГЛАВА II.

ОТЪ БАРСКОЙ ПЕРЕДНЕЙ ДО ФРАНЦУЗА СЪ ОТМОРОЖЕННЫМИ НОГАМИ.

Первое время думалъ я, что меня прикомандировали въ переднюю для одной только нужды: чтобы щелкать колодою картъ по носу. Я сидѣлъ тутъ безвыходно, холопы играли въ три листа или подкаретную, и при этомъ били меня за всѣхъ по носкамъ. Это продолжалось однако недолго: вслѣдъ за тѣмъ помню я себя вдругъ за однимъ учебнымъ столомъ съ баричами, и почти за панибрата съ ними.

Это покажется иному странно. Надобно узнать однакоже Ивана Яковлевича Шелоумова, моего отца и благодѣтеля, чтобы понять сколько нибудь такую перемѣну. Иванъ Яковлевичъ Шелоумовъ былъ человѣкъ до такой степени странный, что иные называли его помѣшаннымъ. Особенностей въ немъ была такая бездна, что никто въ мірѣ не могъ бы, въ какомъ бы то ни было случаѣ жизни, угадать, что дѣлаетъ теперь Иванъ Яковлевичъ, какое выведетъ заключеніе, на какой родъ дѣйствій рѣшится. Нравъ его былъ необъяснимъ. Казалось, онъ по днямъ, по часамъ, по недѣлямъ принималъ на себя временно и поочередно всѣ возможные нравы и былъ сегодня не тотъ человѣкъ, что вчера, иногда вовсе не тотъ, что часъ тому назадъ; утромъ скупъ до невозможности, къ обѣду благоразумный хозяинъ, къ вечеру мотъ; въ понедѣльникъ сердитъ и брюзгливъ, во вторникъ насмѣшливъ, въ среду отчаянно веселъ, въ четвергъ ученъ, глубокомысленъ, въ пятницу богомоленъ, въ субботу страстный игрокъ, въ воскресенье затѣямъ нѣтъ конца, и весь домъ выворотитъ вверхъ дномъ и на изнанку. Онъ

какъ будто всегда разыгрывалъ какую нибудь роль, но, казалось, безъ намѣренія, не зналъ и не замѣчалъ этого самъ, а слѣдовалъ житейскимъ правиламъ своимъ, на этотъ разъ составленнымъ, и готовъ былъ, въ каждую минуту, отдать вамъ отчетъ въ нынѣшнихъ дѣлахъ своихъ—но, замѣтьте, только въ нынѣшнихъ—излагая чередъ вами цѣлую вереницу опытной премудрости своей. Онъ, казалось, дѣйствовалъ всегда по душевному убѣжденію и не ханжилъ, но убѣжденіе это мѣнялось не только съ видами луны, а иногда и съ высотою солнца. Дома онъ обыкновенно корчилъ строгаго, но справедливаго отца семейства; если тутъ случался въ такую минуту кто нибудь посторонній, то Шелоумова рѣчь изобиловала безконечными поученіями, онъ былъ нравоучителенъ до приторности; съ дворовыми и крестьянами былъ онъ то крайне ласковъ, шутливъ, словоохотливъ, снисходителенъ; то опять вдругъ приходило ему въ голову, что надобно ихъ взять въ руки, и онъ былъ крикливъ, шумливъ, драчливъ, до нестерпимости; то опять хотѣлъ достигнуть всего однимъ путемъ убѣжденія: тогда наставленія, поученія, мысли вслухъ у краснаго крыльца, сочиненія Ивана Яковлевича читались по цѣлымъ часамъ собраннымъ въ одну кучу крестьянамъ, какъ приказъ земскаго суда. Послушайте его въ такой часъ, и вы найдете живого Стародумова или Прямикова, лица, которыя, какъ мы полагали, могутъ жить только въ скучныхъ монологахъ отжившей вѣкъ свой драмы. Докучая всѣмъ до невѣроятности, когда находила на него эта полоса премудрости, онъ самъ былъ собою доволенъ и счастливъ; послушать его, такъ онъ преобразовалъ весь околодокъ, изъ крестьянъ своихъ сдѣлалъ умныхъ, разсудительныхъ, добрыхъ и послушныхъ людей,— а посмотришь на дѣлѣ, безтолочь такая же, какъ и всюду: та же безсмертная овца, тѣ же тальки, самосидныя

яйца, утиральники и пени съ новоженцевъ *). При людяхъ, которые мало знали Ивана Яковлевича, или пріѣзжали въ первый разъ, онъ нерѣдко вдругъ прикидывался хватомъ, молодцомъ, силачемъ, отчаяннымъ ратникомъ на поприщѣ спасенія погибающихъ—и все, что онъ желалъ, можетъ быть, когда нибудь сдѣлать, все это являлось у него уже готовымъ, дѣйствительно исполненнымъ и сдѣланнымъ, и онъ лгалъ и вралъ тогда безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Иногда находила на него неодолимая охота потѣшить присутствующихъ русскими пѣснями, даже пляской, и тогда онъ пускался во всѣ нелегкія, кстати ли, не кстати, ему все одно. Иногда ломалъ онъ немилосердно, и по цѣлымъ днямъ, русскій языкъ, передразнивая нѣмца, англичанина, итальянца—и тогда уже ни съ кѣмъ не говорилъ иначе; въ другое время порывался говорить по-украински, по-польски; то начиналъ пріучать себя говорить самымъ отборнымъ, книжнымъ русскимъ языкомъ, то хотѣлъ поддѣлаться подъ нарѣчіе крестьянское — то корчилъ заику, косноязычнаго и, наконецъ, звѣря или птицу. Иванъ Яковлевичъ напримѣръ нерѣдко, сидя у

---

*) Для нѣкоторыхъ читателей надобно, вѣроятно, пояснить это мѣсто. *Безсмертный баранъ* или овца дается молодому крестьянину, когда его женятъ, на обзаведеніе хозяйства; крестьянинъ обязанъ прокормить эту даровую овцу, и подносить барину каждогодно по ягненку; жива ли, нѣтъ ли овца, никто не спрашиваетъ; она числится безсмертною. *Тальками* называются уроки, задаваемые бабамъ на зимнія ночи, когда ихъ заставляютъ прясть ленъ; здоровыя бабы ходятъ на другую барскую работу, а хворыя, косолапыя, сидятъ при нагорѣлыхъ лучинахъ и прядутъ свои тальки. Бабы, въ одномъ мнѣ извѣстномъ случаѣ, не могли или не хотѣли откупиться отъ работы этой за 60 к. въ зиму, а между тѣмъ плачутъ за нею горько и просятъ освободить отъ нея. *Самосидныя яйца* — раздаются по парѣ во всѣ крестьянскіе дворы, и бабы обязаны высидѣть и представить за нихъ весною цыплятъ. Шитые утиральники и по десяти рублей собираются со всѣхъ новоженцевъ, въ пользу господъ, когда молодымъ дается позволеніе вступить въ бракъ. Все очень полезныя и крайне хозяйственныя заведенія.

себя одинъ, упражнялся въ томъ, чтобы кричать пѣтухомъ, теленкомъ, кошкой или выть волкомъ; свои къ этому привыкли, и если вдругъ страшный вой раздавался по цѣлому дому, то никто на это не обращалъ вниманія. Разъ только странный волчій вой переполошилъ весь домъ, потому-что дѣло происходило ночью. Иванъ Яковлевичъ самъ перепугался этой тревоги: мать охала, стонала и дрожала, дѣти ревѣли въ голосъ, дѣвки и холопы сбивали другъ друга съ ногъ, дворня сбѣжалась, потому что уже и ночной сторожъ, думая, что въ домѣ рѣжутъ, колотилъ во всю мочь деревяннымъ клепаломъ и оралъ во всю глотку: караулъ! Ивану Яковлевичу, какъ они тогда сказывали, показалось, что уже должно быть утро, и они хотѣли только напугать проспавшихъ холоповъ. Я помню также, какъ Шелоумову вздумалось непремѣнно выучиться ржать по-конски; это стоило большаго труда, и за этимъ привозили изъ сосѣдства учителя, какого-то цыгана или татарина. Обыкновенно Иванъ Яковлевичъ подражалъ по наружности во всемъ такому человѣку, котораго недавно видѣлъ, если человѣкъ этотъ особенно понравился ему, или онъ хотѣлъ его осмѣять.

Вотъ вамъ отецъ мой и благодѣтель на-лицо; послѣ этого не мудрено, если онъ, вспомнивъ вдругъ, что я несчастный сирота, приказалъ вымыть, вычесать меня, одѣть въ старое платье барченка, призвалъ, говорилъ очень долго и назидательно — хотя я и ровно ничего не понималъ—и велѣлъ мнѣ учиться, вмѣстѣ съ барчами, у священника, у отставнаго протоколиста, котораго не велѣно было принимать никуда на службу, и у взятаго для ученья въ домъ француза съ отмороженными ногами, который остался въ томъ краю, когда всѣ товарищи его, плѣнники съ ногами, отправились домой.

ГЛАВА III.

ОТЪ ЗАМОРОЖЕННАГО ФРАНЦУЗА ДО ЗЕЛЕНОЙ КУРТКИ ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА.

Этому французу и священнику я обязанъ многимъ; они меня всему доброму выучили, что я знаю и что во мнѣ есть; протоколистъ училъ насъ только, вмѣсто всемірной и россійской исторіи, быть всемірными и россійскими негодяями, воровать для него у барина табакъ, а у барыни сахаръ, нитки, иголки; лучшее, чему онъ насъ выучилъ, это играть въ козны, въ свайку и ловить разными силками и западочками пѣвчихъ птицъ. Случай, по которому онъ, наконецъ, лишился хлѣба у Ивана Яковлевича, стóитъ того, чтобы объ немъ упомянуть: человѣкъ этотъ, какъ я сказалъ, таскалъ домой все, что только попадалось ему подъ руку, и, между прочимъ, завелъ очередь между учениками своими, и отпарывалъ каждый день у одного по пуговкѣ, роговой или мѣдной, какая случалась,— а обтяжныхъ впрочемъ не трогалъ. Дѣтямъ велѣлъ онъ всегда говорить, что пуговка оторвалась и потерялась. Но какъ въ этомъ домѣ никто много объ одеждѣ нашей не заботился, а протоколистъ день за день продолжалъ промыселъ свой, то баринъ и замѣтилъ вдругъ за обѣдомъ, что на баричахъ ни на одномъ нѣтъ ни одной пуговицы. Дѣло пошло на разбирательства, а какъ я уже вовсе не желалъ, чтобы меня опять посѣкли въ примѣръ и страхъ другимъ, то я и открылъ въ ту же минуту всю продѣлку. Протоколиста комнатку, черезъ дворъ, въ пристройкѣ, освидѣтельствовали, нашли цѣлый вьюкъ краденыхъ бездѣлушекъ, надѣли ему на шею низку пуговицъ, низку изъ кусочковъ сахару—помню, что большого

труда стоило нанизать сахаръ этотъ, но Иванъ Яковлевичъ настоялъ на своемъ—напутали на протоколиста нитокъ, шелку, булавками да иглами прикололи къ сюртучишку краденые листки бумаги, ленточки, всякую дрянь, и, выводивши его въ этомъ нарядѣ по двору и по всему селу, вывели за околицу и пустили по дорогѣ. Помню, что протоколистъ просилъ жалобно: «что угодно извольте дѣлать надо мной, хоть плетьми прикажите наказать, только чести не лишайте, не изгоняйте изъ дому своего безъ куска хлѣба». Но всѣ просьбы не помогли, протоколиста не стало.

У священника выучился я по-русски и еще кой-чему; французъ настроилъ меня на такой ладъ, что меня забрала страстная охота учиться всему на свѣтѣ. У него безъ пути не проходило ни одного часу: сидитъ за чаемъ, разговариваетъ съ тобой обо всякой всячинѣ и шутя пріохочиваетъ ребенка разспрашивать и слушать; какую вещь ни возьметъ въ руки, придерется къ ней и разскажетъ, какъ дѣлается, гдѣ, куда и для чего годится, когда изобрѣтена и прочее. Пойдетъ гулять съ тобой на костыляхъ—ни цвѣтка, ни листика, ни букашки не пропуститъ, чтобы не заучить, какъ называется она, въ какой разрядъ и порядокъ она слѣдуетъ, и почему, и куда, и для чего бываетъ пригодна. Отъ него я шутя выучился тремъ языкамъ. Онъ съ попомъ нашимъ былъ очень друженъ,—умѣлъ ладить со всѣми, даже съ Иваномъ Яковлевичемъ, и,—за что я также вѣкъ буду ему благодаренъ,—не давая намъ никогда слоняться отъ бездѣлья изъ угла въ уголъ, занималъ столярной, токарной и картонной работой, и выучилъ немного чинить часы, замочки и прочее.

Такимъ образомъ минуло мнѣ уже 17 лѣтъ—да, теперь только вспомнилъ, что я ни слова не сказалъ

о второй названной матери моей, Настасьѣ Ивановнѣ Шелоумовой. Грѣшно бы мнѣ забыть ее, когда выросъ я у нея въ домѣ, какъ сынъ. Она любила и уважала Ивана Яковлевича, какъ нельзя больше, до такой степени, что, примѣняясь каждый день къ личинѣ, которую онъ надѣвалъ на себя, разыгрывая свои разнородныя роли, и сама того не замѣчая, также измѣнялась день за день, въ правилахъ, нравѣ, видахъ и намѣреніяхъ своихъ, и слѣпо шла ощупью за Иваномъ Яковлевичемъ. Отставала она отъ него, противилась, плакала, молила и кричала тогда только, когда онъ впадалъ въ крайности вредныя и дурныя, когда находило на него рвеніе преобразовать весь міръ плетью и палкой. И дѣйствительно, тогда Настасья Ивановна брала вскорѣ надъ нимъ верхъ, и побѣжденный, образумившись, перескакивалъ съ верхней ступени крайностей своихъ на вторую и третью, перестраивалъ ладъ дудки своей пониже, а иногда гласно и торжественно винился и повиновался супругѣ своей, проповѣдуя честь и славу и хвалу женщинамъ и признавая ихъ естественными наставницами и руководительницами нашими. Въ такую пору ничего въ домѣ и въ хозяйствѣ не дѣлалось безъ спросу Настасьи Ивановны: къ ней посылались и дворецкіе и бурмистры, и конюшіе—до которыхъ ей, по принятому въ домѣ порядку, не было никакого дѣла, потому что она не входила и не мѣшалась ни во что. «Дочерей у меня нѣтъ», говорила она обыкновенно, «Богъ не далъ; стало быть, нѣтъ и хозяйства, нѣтъ и дѣла, какъ только угождать на Ивана Яковлевича; а сыновья ростутъ у него на рукахъ, какъ себѣ знаютъ». И за тѣмъ она обыкновенно тяжело вздыхала, покачивала головой, а нерѣдко и плакала. Жалобы, слезы и вздохи были ея стихіей; безъ нихъ она, какъ казакъ безъ коня, какъ воинъ безъ шпаги.

Всегдашній ея разговоръ, съ своими ли, съ чужими, это было благодареніе Богу за семейное благополучіе свое; но это дѣлалось такимъ плачевнымъ образомъ, что, не вслушавшись, можно бы подумать, не поминаетъ ли она какого нибудь покойника и жалобно ему причитываетъ. О четырехъ дѣткахъ своихъ она говорила точно такимъ образомъ, будто у нея всего одно только дитя за душой, да и то кто нибудь отрываетъ отъ груди ея; о любезномъ Иванѣ Яковлевичѣ, будто онъ разбитъ параличемъ и лежитъ уже на одрѣ смерти; о порядочномъ имѣніи, которое съ избыткомъ обезпечивало всѣ нужды семейства, будто сегодня Господь далъ насущную кроху, а будетъ ли завтра, кто знаетъ? По этой же причинѣ, она всегда говорила умалительными и уменьшительными словами: муженекъ, муженечекъ, дѣточки, дѣтушки, дѣтеныши, деньжоночки, мужички, домишко, огородишко, пашенька и проч. Она одѣвалась очень просто, всегда въ темное платье, но чернаго ни за что на свѣтѣ не шила и не терпѣла: «Нѣтъ, батюшки свѣтики мои, ужь сама на себя лиху бѣду не накличу.»

Иванъ Яковлевичъ ходилъ, по обстоятельствамъ, въ разнородномъ домашнемъ платьѣ: иногда можно было, взглянувъ на него, отгадать, кто онъ таковъ сегодня, и чѣмъ или кѣмъ хочетъ быть. Когда онъ являлся въ халатѣ своемъ, то это значило, что онъ намѣренъ быть хозяиномъ, домосѣдомъ, отцомъ семейства; если выходилъ поутру прямо въ сюртукѣ, байковомъ или камлотовомъ, то это значило, что онъ будетъ человѣкъ крайне-дѣловой и занятой; если же въ коротенькой курткѣ, то это была одна изъ самыхъ дурныхъ примѣтъ, и очень походило на расправу со всей дворней; тогда уже холопы толкали другъ друга въ локоть, и отъ передней до скотнаго двора было извѣстно, что баринъ вышелъ кушать чай въ *курткѣ*.

Если только Настасьѣ Ивановнѣ удавалось стащить съ плечъ Ивана Яковлевича куртку эту, которая-де прилична однимъ ребятишкамъ, тогда и гроза проносилась мимо. Но двѣ крайности: вовсе безъ верхняго платья, въ одной только разстегнутой настежъ жилеткѣ, или въ щегольскомъ убранствѣ—показывали, что баринъ будетъ отчаяннымъ молодцомъ, весельчакомъ. Щегольское убранство, впрочемъ, было въ ходу только при чужихъ, когда кто пріѣзжалъ погостить, и было двоякое: суконный сюртукъ, или даже фракъ, со всѣми къ нему принадлежностями, или же кофейнаго цвѣта венгерка, съ черными снурами и приборомъ. Очевидно, что въ первомъ случаѣ выходилъ свѣтскій щеголь, во второмъ—лихой рубака, спаситель всѣхъ утопающихъ и сгорающихъ. Тогда примѣрамъ самоотверженія Ивана Яковлевича не было конца, и онъ чистосердечно разсказывалъ, что представилъ было самъ себя къ медали за спасеніе погибавшихъ, когда, съ отчаянною рѣшимостью погасилъ руками загорѣвшійся ситцевый пологъ у постели спавшей жены своей; что не умѣютъ цѣнить достойныхъ, медали не дали; но умалчивалъ при этомъ случаѣ, что онъ самъ и поджегъ пологъ этотъ, заснувши и не погасивъ свѣчи. «Слѣдовалъ бы владимірскій крестъ», прибавлялъ онъ, «да не совсѣмъ приходимся по статуту, такъ ужъ хоть бы золотую медаль на владимірской лентѣ дали: ну, нѣтъ!» Когда онъ выходилъ безо всего, то говаривалъ, охорашиваясь: «ничего тутъ нѣтъ мудренаго, что Суворовъ надѣвалъ ленту свою на рубашку, и такъ выходилъ—дайте мнѣ только ленту, и я ее надѣну такъ!»

Дѣти Шелоумовыхъ были не одинаковы; третій сынокъ былъ, кажется, въ мать, плаксивый мальчишка; четвертый—баловень отца и матери, упрямый и большой шалунъ; второй—мнѣ ровесникъ, былъ хо-

рошій, умный мальчикъ, и одинъ изо всѣхъ охочъ къ наукамъ; съ нимъ мы ладили и жили дружно. Старшій былъ отъявленный негодяй, достойный ученикъ нашего общаго наставника, протоколиста. Онъ давно уже зналъ все и умѣлъ все, и въ ссорѣ съ братьями, тотчасъ козырялъ имъ старшинствомъ своимъ и тѣмъ, что онъ одинъ будетъ наслѣдникомъ отцовскаго имѣнія, а ихъ устранитъ и не признаетъ братьями. Отцу онъ не смѣлъ грубить, а матери сказалъ однажды въ глаза, что сожжетъ домъ надъ нею, если она станетъ такъ присматривать за нимъ, какъ за маленькимъ, и не дастъ ему воли дѣлать, что хочетъ. «Вонъ, у васъ есть дитя», сказалъ онъ, указавъ на младшаго, «а я по отцѣ въ домѣ старшій.» Съ нимъ-то, съ Сергѣемъ Ивановичемъ, жили мы очень не въ ладахъ, съ малыхъ лѣтъ. Меня звали Вашей, Вашкой или Вашенькой,—онъ всегда перемѣнялъ букву *а* на *о*, и не смотря на всѣ ссоры и запреты, до послѣдняго дня никогда не звалъ меня иначе; если у меня было что нибудь съѣстное въ рукахъ, и близко никого изъ старшихъ не случалось, то Сергѣй Ивановичъ ужь непремѣнно выбьетъ у меня изъ рукъ и, толкнувъ его ногой, закричитъ собакѣ: пиль! Если я, подъ руководствомъ француза, склеивалъ и росписывалъ бумажный домикъ, строилъ деревянную мельницу, то бывало оглянуться не успѣю, какъ Сережа, наткнувъ избушку мою на длинную палку, бѣгалъ по улицѣ и кричалъ: «кому набалдашникъ!»—и, наконецъ, выманивъ меня этимъ зловѣщимъ крикомъ, разбивалъ работу мою въ дребезги, не давъ добѣжать до него на нѣсколько шаговъ. Эта же знаменитая палка имѣла и еще другое назначеніе: Сергѣй Ивановичъ караулилъ гдѣ нибудь въ дверяхъ дѣвокъ, и подставлялъ имъ нечаянно палку, чтобы онѣ черезъ нее падали. На жалобу я какъ-то рѣдко рѣшался, драться самъ же

смѣлъ, и если бы не костыль француза, то не было бы мнѣ иногда житья отъ Сергѣя Раза два я ему однако же отомстилъ; я сдѣлалъ гласный доносъ на него: 1-е, за жестокіе побои одному крестьянскому мальчишкѣ, у котораго самъ же онъ отнялъ и задушилъ зайчонка, и 2-е, за покражу у старосты полтинника. Оба раза Иванъ Яковлевичъ пришелъ мгновенно въ такое расположеніе духа, что цѣлыя сутки ходилъ въ курткѣ, и еще засучивъ рукава — самый отчаянный знакъ; оба раза Сергѣй Ивановичъ были наказаны, какъ наказываютъ только дворянъ малолѣтнихъ, и никакая мольба Настасьи Ивановны—высѣчь лучше для примѣра одного изъ дворовыхъ мальчишекъ, которые вчера еще пролѣзли въ палисадникъ и рылись въ огородѣ, не помогла: Сережа наказанъ, и куртка еще цѣлые сутки нагоняла страхъ на Божій міръ въ селѣ Путиловѣ. Этого-то мнѣ Сергѣй Ивановичъ никогда не могъ простить; и когда мнѣ уже минуло 17 лѣтъ, какъ я упомянулъ, а ему 19, то онъ все еще твердо помнилъ угрозы свои, готовъ былъ вырвать у меня изъ рукъ послѣдній ломоть хлѣба и бросить его собакѣ.

ГЛАВА IV.

ОТЪ ЗЕЛЕНОЙ КУРТКИ ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА ДО ПОСЛѢДНИХЪ ФОКУСОВЪ ЕГО.

Итакъ, всѣ мы подросли; мнѣ минуло 17 лѣтъ— считая по именинамъ, — дня своего рожденія я не зналъ; но это сдѣлалось такъ незамѣтно, исподволь, что мы все еще считались ребятами, и Иванъ Яковлевичъ говорилъ о томъ, куда намѣренъ пристроить сыновей своихъ на службу, какъ о вещи, еще весьма

отдаленной. Въ одинъ вечеръ, когда у насъ съѣхались кой-кто изъ сосѣдей и навезли невѣстъ богатымъ женихамъ, Иванъ Яковлевичъ былъ необыкновенно въ духѣ, строилъ проказы на диво, надрывался, чтобы утѣшить, насмѣшить и занять всѣхъ, и между прочимъ, провизжалъ нечаянно такъ натурально щеночкомъ, что Настасья Ивановна, отъ жалости къ такой махонькой твари, даже прослезилась и, глубоко вздохнувши, покачала головой; потомъ Иванъ Яковлевичъ схватилъ меня съ необыкновеннымъ жаромъ, вытащилъ на средину комнаты, поставилъ передъ себя и, перебирая пальцами лѣвой руки мнѣ по лицу, пилилъ меня правой рукой поперегъ живота, подражая голосомъ чрезвычайно удачно контрбасу; эта шутка всѣхъ насмѣшила до слезъ; но Иванъ Яковлевичъ вдругъ, закашлявшись и какъ будто вздумавъ что-нибудь новое, опрометью побѣжалъ изъ залы въ свой кабинетъ. Все затихло въ ожиданіи; я также, стоя посреди комнаты, ждалъ приказанія, думая, что штуки будутъ еще продолжаться, и не смѣя сойти съ мѣста. Проходитъ нѣсколько минутъ, и все тихо,—а въ кабинетѣ раздается какой-то глухой и дикій голосъ, всѣ считали обязанностью хохотать надъ этой шуткой хозяина, хотя никто еще не понималъ, что изъ этого будетъ; одна Настасья Ивановна упрашивала только мужа плаксивымъ голосомъ перестать, потому что это слишкомъ страшно, и предваряла гостей, что Иванъ Яковлевичъ собирается взвыть волкомъ. Голосъ затихъ, всѣ снова стали прислушиваться—послышалось сильное хрипѣніе: опять захохотали: нельзя же, хозяинъ тѣшитъ гостей, надо благодарить. «Вотъ, Настасья Ивановна», сказала одна гостья, «вамъ не въ угоду была та штука. Иванъ Яковлевичъ тотчасъ и другую нашелъ, заснулъ, экой проказникъ!» Затихло и хрипѣніе; ждали, ждали, больше ничего нѣтъ:

Настасьѣ Ивановнѣ показалось сомнительно, что-де Иванъ Яковлевичъ долго тамъ дѣлаетъ и гостей покинулъ, пошла въ кабинетъ, и сама взвыла волкомъ. Иванъ Яковлевичъ лежалъ на диванчикѣ и простывалъ уже: съ четверть часа, какъ изволили скончаться.

Итакъ, бѣднаго Ивана Яковлевича сразилъ внезапно-кровяной ударъ, и ни слѣду жизни больше, ни тѣни надежды. Суматоха сдѣлалась въ домѣ страшная, всѣ тѣснились въ трехъ-аршинный кабинетецъ, толкали другъ друга — бабы подняли вой, истинный волчій, какого покойнику не удавалось за-живо подслушать; привезли запыхавшагося мельника, который, какъ около машиннаго дѣла ходитъ, умѣлъ также поставить рожки и бросить кровь; не пошла, но при этомъ случаѣ всѣ, кто былъ живой тутъ, убѣдились, что покойникъ приготовилъ было еще много штукъ на сегодняшній вечеръ. Поднесли свѣчи, стали раздѣвать покойника, чтобы бросить ему кровь: всѣ тѣснились и зорко, пристально вглядывались—сняли перчатку съ лѣвой руки—на кулакѣ написана красками преуморительная рожа, нельзя не смѣяться, при всей жалости. Иванъ Яковлевичъ умѣлъ закутывать искусно и свивать расписанную, такимъ образомъ, руку, и у него выходилъ изъ этого плачущій младенецъ, котораго онъ качалъ и убаюкивалъ, и самъ же за него ревѣлъ. Сняли фракъ—другая штука на готовѣ: положена вдоль спины бѣлая полотняная рубаха — какъ будто зналъ, что она ему сегодня понадобится! — Это была завѣтная штука Ивана Яковлевича, которой онъ никому не разсказывалъ, только всѣхъ ею удивлялъ— смерть ему измѣнила; теперь все вышло наружу! Иванъ Яковлевичъ ходитъ, будто ни въ чемъ не бывало, и заведетъ рѣчь, что можно-де съ кого угодно снять все бѣлье, а платья не трогать, оно останется сверху.

Разумѣется, никто этому не вѣрилъ, но никто и не соглашался, при всемъ честномъ обществѣ, на пробу, а только спорилъ, что быть не можетъ. Тогда Иванъ Яковлевичъ говаривалъ: «ну, такъ ужь и быть, для такого дня, для такихъ гостей, извольте, я жертвую собой—и, снявъ шейный платокъ, развязывалъ обложенный изъ-за спины воротничекъ рубахи, разстегивалъ рукава ея, на бѣлыхъ нитяныхъ пуговачкахъ,— и приказывалъ кому нибудь ухватить на затылкѣ воротъ рубахи и тянуть смѣлѣе; къ общему ужасу и удивленію, рубаха вся выходила этимъ путемъ наружу, а фракъ оставался на плечахъ, и все платье на своемъ мѣстѣ и въ порядкѣ.

По этимъ приготовленія Ивана Яковлевича еще не кончились: ногти среднихъ пальцевъ были у покойника покрыты слоемъ желтаго воску, для отличнаго фокуса съ серебряными пятачками; изъ кармана жилетки выкатился свистокъ, которымъ Иванъ Яковлевичъ бывало дразнилъ соловья; словомъ, покойникъ былъ этотъ день весь на фокусахъ, и глядя на все это, можно было усомниться, не фокусъ ли и это холодное чело, бездыханная грудь и сердце безъ боя?

Но нѣтъ, это былъ не фокусъ; «всѣ тамъ будемъ», какъ замѣтилъ при этомъ случаѣ староста, — «кто прежде, кто послѣ!» Мы осиротѣли, не успѣвъ и подумать о сбыточности такого горя, не испытавъ ни одного мгновенія страха, боязни и надежды, у изножья его одра. Я плакалъ горько; соленая, ѣдкая слеза текла по щекѣ и растравляла царапину, которую провелъ тутъ невзначай живой Иванъ Яковлевичъ, когда игралъ на контрабасѣ; я потиралъ ее рукой, и плакалъ и оглядывался — мнѣ казалось, благодѣтель мой еще стоитъ за мною, и пилитъ меня по брюху, и царапаетъ пальцами по лицу— а трупъ его лежалъ уже передо мною!

Это былъ вообще первый покойникъ, котораго мнѣ, съ издѣтства, случалось такъ близко видѣть; я не могъ вѣрить, что благодѣтеля моего нѣтъ: онъ живой былъ еще слишкомъ близокъ ко мнѣ. Я остался при покойникѣ и прорыдалъ всю ночь; дьячки читали однообразнымъ, глухимъ полуголосомъ, французъ сидѣлъ въ углу на креслахъ, сложивъ руки на положенные поперекъ передъ собою костыли; дѣти Ивана Яковлевича плакали, кромѣ Сергѣя, который скоро утѣшился; Настасья Ивановна всю ночь пролежала на полу ничкомъ, вопила и выла, припоминая и причитывая все добро, которое видѣла отъ супруга своего, и оканчивала всегда вопросомъ: «а кто мнѣ теперь будетъ»—и прочее. Дворня, въ первую минуту, съ пронзительнымъ воемъ бросилась въ барскіе покои, но вскорѣ угомонилась, кромѣ нѣсколькихъ бабъ, которыя остались помощницами при Настасьѣ Ивановнѣ. Мужики приходили изъ села безпрестанно, входили тихо и чинно, вздыхали крестились молча и опять уходили. Бабы всѣ любопытствовали только взглянуть на лицо покойника; посмотрѣть на него, больше имъ ничего не нужно было. На третій день были похороны, къ коимъ вдругъ явился, откуда ни взялся опять, нашъ протоколистъ, котораго мы не видали уже нѣсколько лѣтъ. Онъ такъ ѣлъ за поминальной трапезой, будто онъ, во всѣ годы эти, не бралъ въ ротъ ни крохи, въ ожиданіи такого сытнаго случая.

ГЛАВА V

ОТЪ ПОСЛѢДНИХЪ ФОКУСОВЪ ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА ДО КАЗЕННАГО ДОБРА, КОТОРОЕ НЕ ТОНЕТЪ И НЕ ГОРИТЪ.

Начинается правленіе Сергѣя Ивановича, старшаго наслѣдника, потому что, въ междуцарствіе, до назна-

ченія и пріѣзда опекуновъ, прошло много времени; а во все это время правилъ дѣлами и хозяйствомъ онъ одинъ. Правленіе это ознаменовалось тѣмъ, что протоколистъ снова поселился въ домѣ и остался правою рукою новаго хозяина; что француза согнали со двора, а отца Стефана, который прежде бывалъ ежедневно, не стали пускать въ домъ. Все — примѣты хорошія. Въ первый разъ отроду пришла мнѣ въ голову мысль о томъ, что современемъ изъ меня будетъ? Какой мнѣ путь открытъ въ мірѣ, какое мое назначеніе?—Сильно овладѣла мною эта забота, отбивала отъ сна и ѣды, и я пошелъ отвести душу къ французу, котораго взялъ къ себѣ въ домъ на время священникъ. Первый потрепалъ меня по щекѣ и сказалъ мнѣ, по-французски, то мѣсто изъ евангелія, гдѣ сказано, что каждому дню подобаютъ заботы свои; а отецъ Стефанъ, кивнувъ головой, проговорилъ тоже по-славянски. Я просидѣлъ у нихъ долго, они утѣшали меня много — но не утѣшили; никто изъ нихъ не могъ рѣшить моего сомнѣнія, и сказать мнѣ что нибудь положительное. Я не думалъ тогда, что судьба печется обо мнѣ уже по своему, и что будущая участь моя рѣшается въ эту самую минуту въ барскомъ домѣ.

Протоколистъ шныряль всюду, наставлялъ и поучалъ Сергѣя Ивановича и рывшись въ конторѣ, открылъ нечаянно—что покойный баринъ приписалъ меня, при послѣдней народной переписи, когда я былъ еще по другому году, въ свои крѣпостные и дворовые; съ этою вѣстію, съ ревизскою сказкою въ рукахъ, поспѣшилъ онъ къ нынѣшнему своему покровителю. Взявши меня круглымъ сиротою въ домъ, Иванъ Яковлевичъ, вѣроятно, нисколько не призадумался пристроить меня къ своей дворнѣ; ребенокъ взятъ еще сосункомъ, вскормленъ;—своихъ у него нѣтъ, здѣсь онъ чужой—куда же его больше дѣвать, какъ не въ дворовые?

Когда же впослѣдствіи сдѣлали изъ меня полубарича, то Иванъ Яковлевичъ, какъ сказывала послѣ Настасья Ивановна, намѣренъ былъ дать мнѣ отпускную; но времени впереди казалось еще много, ребенку вѣдь все равно, куда онъ приписанъ и гдѣ числится, а выростетъ, успѣемъ отпустить. Такъ думалъ Иванъ Яковлевичъ, да не такъ вышло!

Не успѣлъ я воротиться отъ священника, какъ малый прибѣжалъ за мною — звать меня къ Сергѣю Ивановичу, который уже перебрался въ покои стараго барина. Въ углу стоялъ подобострастно протоколистъ; «дурная примѣта», подумалъ я — и не обманулся. Сергѣй Ивановичъ, назвавъ меня, въ первый разъ отроду, неисковерканнымъ именемъ моимъ, Вакхомъ, продолжалъ: «я привожу послѣ покойнаго батюшки дѣла въ порядокъ; и подумалъ также о тебѣ. Вотъ видишь, ревизскія сказки, въ которыхъ ты значишься сыномъ тогдашней скотницы нашей, Катерины, и долженъ служить господамъ своимъ не хуже другого. Полно тебѣ жить дармоѣдомъ, это стыдно и грѣшно. Надѣюсь, ты помнишь всѣ наши благодѣянія, и постараешься ихъ заслужить: я, на первый случай, не попомню тебѣ старыхъ твоихъ грѣховъ. Бывшаго старосту я смѣнилъ, а новый безграмотенъ, да и мало еще привыченъ къ дѣлу; будь же ты у него помощникомъ, да слушайся его во всѣмъ, а не то, если не подорожишь моею милостью, такъ будешь свинопасомъ. Ступай, жить можешь покуда въ конторѣ».

Все это меня такъ озадачило, что я опять въ ту же минуту пошелъ на судъ и совѣтъ къ отцу Стефану. Французъ стучалъ костылями въ полъ и грозилъ кулакомъ на воздухъ, а отецъ Стефанъ, выслушавъ все спокойно, пошелъ самъ въ контору за справкой. Она подтвердила все: меня приписали, 16 лѣтъ тому назадъ, забыли про это, или оставили безъ вни-

манія; такъ я и росъ, и никто объ этомъ маловажномъ обстоятельствѣ не заботился. Просьбы священника у Настасьи Ивановны не помогли, а разсердили Сергѣя, которому и мать не смѣла указывать; братья его и подавно были безгласны: онъ всѣхъ ихъ рвалъ за уши и грозилъ сѣчь; то же досталось и второму, Николаю, который ходилъ за меня просить. Такимъ образомъ, участь моя была рѣшена. Французъ успокоился, когда нечего больше было дѣла, и училъ меня переносить свою судьбу, удерживая отъ всѣхъ дурныхъ замысловъ и покушеній, которые иногда роились въ моей бѣдной головѣ,—какъ, напримѣръ, отъ побѣга, на который я однажды было почти рѣшился.

Быть крѣпостнымъ—это по себѣ еще не такъ велика бѣда: да мое-то положеніе было нестерпимое, и еслибъ не отецъ Стефанъ да не французъ, я бы себя погубилъ. На что же мнѣ дали это образованіе? приписали, такъ и оставили бы у Катерины, на скотномъ дворѣ, и я бы пасъ свиней, да плелъ бы лапти, не хуже другого; а теперь тяжело. Какъ помощникъ старосты, записывалъ я бирки его, стоялъ по цѣлымъ днямъ и считалъ снопы, когда молотили для пробнаго умолота; объѣзжалъ пашни, околицу, стоялъ съ хворостиной, когда пахали не на урокъ, а по днямъ, и былъ вообще на посылкахъ, въ родѣ десятскаго; бывало въ темную грязную ночь, идешь отъ избы до избы подъ окно, постучишь и наказываешь по наряду старосты, кому куда съ зарей на работу. Вотъ въ чемъ состояли занятія Вакха Сидорова Чайкина, попавшаго изъ полубаръ чуть не въ свинопасы.

Но всего этого Сергѣю Ивановичу было мало; онъ видно рѣшился доконать меня, сталъ налегать со дня на день больше. Немного все-таки совѣстно было ему передъ всѣми живыми людьми; дѣлалъ я все, что ни заставятъ, и ужъ жалобъ на меня не было никакихъ—

а я видѣлъ, чего ему хотѣлось: онъ таки не шутя хотѣлъ понемногу поднять меня до чина свинопаса, и хотѣлось ему непремѣнно меня посѣчь. Французъ всегда умѣлъ меня утѣшить и успокоить, во всѣхъ обстоятельствахъ давалъ положительные совѣты, что дѣлать; но когда я ему предложилъ однажды послѣднее обстоятельство на разрѣшеніе, тогда онъ замолчалъ и стиснулъ только зубы, повелъ бровями и пожалъ плечами. Отвѣта я долго не могъ отъ него добиться; наконецъ онъ сказалъ: «дѣлай, что самъ знаешь», всталъ, и пошелъ раскачиваться по маленькой свѣтлицѣ на костыляхъ.

Но Господь сохранилъ меня и не допустилъ до этого; иначе, можетъ быть, теперь лежалъ бы на душѣ моей большой грѣхъ. Тутъ случилось вотъ что:

Какъ теперь помню, въ воскресенье поутру, когда мы выходили отъ обѣдни — а въ деревняхъ, какъ вы знаете, обѣдня и начинается, и оканчивается рано,— зазвенѣлъ вдругъ на концѣ села колокольчикъ, поднялась пыль, летитъ тройка. Ну, это ужь, конечно, никто, какъ исправникъ. Въ деревнѣ это событіе не послѣднее: исправникъ безъ дѣла не пріѣдетъ, всѣмъ, конечно, хочется знать, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, и барскіе холопы всегда уже по два и по три стоятъ, упершись головою въ двери, и подслушиваютъ, о чемъ идетъ рѣчь. Я отъ обѣдни пошелъ съ отцомъ Стефаномъ къ нему на домъ, а чрезъ полчаса вдругъ шасть въ двери названная мать моя, старуха Катерина. Она вошла запыхавшись, и съ какимъ-то особеннымъ таинственнымъ видомъ помолившись, прокашлявшись и поздоровавшись, разсказываетъ въ отчаяньи, что исправникъ пріѣхалъ за мной, что меня берутъ въ солдаты. Долго не могли мы добиться толку у старушки, которая едва успѣла отвести духъ, какъ залилась слезами, и начала причитывать по мнѣ, какъ по покойникѣ: «а ты ра-

дость моя, а ты ненаглядный мой, а ты красное солнышко мое»; и проч. Когда батюшка побранилъ ее и успокоилъ, а французъ въ нетерпѣніи прикрикнулъ, стукнувъ костылемъ въ полъ, то она также несвязно и безтолково, хотя во всей подробности, разсказала, что Андрюшка сталъ было подслушивать у дверей кабинета, куда баринъ ушелъ съ исправникомъ, да баринъ увидалъ и взялъ Андрюшку за чубъ, и ударилъ лбомъ о косякъ, и отбилъ Андрюшкѣ охоту подслушивать; тамъ Ефимка съ Ванькой подошли, немного погодя, на смѣну, и кой-что слышали-таки, да баринъ опять вдругъ выскочилъ и ухватилъ ихъ обоихъ за чубы, и долго колотилъ лобъ объ лобъ; между тѣмъ, однако же, Андрюшка отдохнулъ, оправился и снова подкрался, со щеткой въ рукахъ, на случай прикинуться, будто онъ подметаетъ; и всѣ они вмѣстѣ слышали, что исправникъ пріѣхалъ за мной и беретъ меня въ солдаты.

Какъ ни была для насъ троихъ, отца Стефана, француза и для меня, вѣсть эта непонятна, потому что нельзя было тутъ добиться никакого толку и смыслу, однако она насъ всѣхъ крайне обрадовала: это была одна изъ счастливыхъ минутъ жизни моей, и я не смѣлъ дать полной вѣры словамъ моей старухи. «Коли быть мнѣ битымъ», сказалъ я, «такъ пусть бьетъ меня государевъ чинъ, а не Сергѣй Ивановичъ». Французъ былъ просто внѣ себя отъ радости; батюшка поздравлялъ меня съ отдачею въ солдаты, какъ поздравляютъ близкаго человѣка съ чиномъ генерала. Помню все это какъ теперь: я стоялъ среди комнаты, сложивъ руки, выставивъ ногу впередъ, и кажется, старался придать себѣ солдатскую осанку; батюшка передо мною, въ праздничномъ подрясникѣ своемъ, и, положивъ правую руку на грудь, увѣрялъ меня въ искренней своей радости, въ милости Господней и непостижимости про-

мысла Его, и косился немного на француза, который вскочилъ съ мѣста, стоялъ на одномъ костылѣ, другой вскинулъ на плечо, вмѣсто ружья, и потряхивая молодецки головой, пѣлъ изо всей силы: T'en souviens-tu, столь извѣстную военную французскую пѣсню. Между тѣмъ попадья выглядывала любопытно изъ-за перегородки, со сковородникомъ въ рукахъ, а старая Катерина выла отъ всей души и уже ни на кого болѣе не глядѣла.

И дѣйствительно, я въ тотъ же самый день вечеромъ сидѣлъ уже, съ писаремъ исправника, на особой тележкѣ и мчался въ уѣздный нашъ городъ Мнѣ, какъ водится, хотѣли набить на ногу колодку, но отецъ Стефанъ упросилъ исправника, поручившись за меня и снабдивъ меня на дорогу пирогомъ матушкинаго печенья. Французъ простился со мной, какъ солдатъ съ солдатомъ и далъ мнѣ три цѣлковыхъ—у меня, разумѣется, не было ни гроша.—Настасья Ивановна плакала, прощаясь со мной, вспоминая покойнаго своего сожителя, и благословила меня образочкомъ; Николай Ивановичъ также заплакалъ и обнялъ меня, Сергѣй же самъ не видался со мной, а велѣлъ только отобрать у меня платье и обувь, и дать сапоги и зипунишко поплоше, изъ домашняго сукна.

Я ужь было думалъ, что Сергѣй Ивановичъ меня отдалъ въ солдаты, хотя и не понималъ, для чего это сдѣлалось такимъ необыкновеннымъ порядкомъ; во всякомъ случаѣ, я благословлялъ судьбу свою. Никто не взялъ на себя труда объяснить мнѣ загадку эту; одинъ только Николай сказалъ мнѣ, что меня берутъ по указу губернскаго правленія. Что же я за важный человѣкъ, что обо мнѣ правленіе пишетъ указы, и почему, и за что? Я уже боялся ошибки, боялся, что меня опять обратятъ, когда писарь исправника, попутчикъ мой, объяснилъ мнѣ все дѣло.

Отецъ мой, какъ я сказывалъ, отправился изъ Комлева въ Лебедянь на ярмарку, и пропадалъ безъ вѣсти болѣе году. Я родился во время отсутствія его, вскорѣ послѣ отъѣзда, и мать сама поѣхала со мною отыскивать отца. Она, бѣдная, и не знала того, что ему тамъ давно уже лобъ забрили, и что она солдатка, а сынъ ея кантонистъ. На пути сказали ей знакомые, встрѣчные извозчики, что мужъ ея, слышно было, никакъ въ тюрьмѣ померъ; вѣдь за тѣмъ и сама она въ Путиловѣ Богу душу отдала, а я на грѣхъ остался. Казенное добро въ водѣ не тонетъ, на огнѣ не горитъ; черезъ 18 слишкомъ лѣтъ, меня доискались и велѣли поставить на службу. Какимъ случаемъ отецъ мой угодилъ въ солдаты, этого писарь не зналъ.

ГЛАВА VI.

ОТЪ КАЗЕННАГО ДОБРА, КОТОРОЕ НЕ ГОРИТЪ, НЕ ТОНЕТЪ ДО ПРЕГЛУПАГО ПОКРОЯ ПЛАТЬЯ.

Разсказалъ бы я, какъ еще одна добрая душа поплакала со мною въ Путиловѣ, какъ она стояла на порогѣ избенки, подъ мельницей, накрывъ глаза лѣвою рукою и ощипывая правою цвѣтную завязку на рубашкѣ своей,—да не хочу докучать читателямъ. Она же недавно тогда помогала отцу таскать порожніе мѣшки на мельницу, и вся, отъ головы до ногъ, припудрена была мукою. Огромное колесо ворочалось мѣрно, шумный стрежень воды прядалъ съ лопасти на лопасть, вся мельница дрожала, гулъ отдавался далече, и вблизи пѣтухъ, похлопывая крыльями, кричалъ во все горло, и его не было слышно; только было видно, что вытянулся и клювъ свой разинулъ. А колесу какое до чего дѣло? Оно знаетъ свое, слу-

житъ мельнику вѣрно, покуда всѣ клепки не разсыплются. Пожалуй, хоть голову подставь, и ту измочалитъ, и все будетъ вертѣться попрежнему Его не разжалобишь.

Въ первый разъ отроду увидалъ я, каковъ былъ свѣтъ за Путиловскою околицей; уѣздный городишко нашъ, съ каменными присутственными мѣстами, показался мнѣ столицей, а губернскій поселилъ во мнѣ такое уваженіе, что я легонько ступалъ по тропинкамъ улицъ его, не смѣя развязно и свободно ходить. Тутъ я получилъ письмо отъ француза, который писалъ мнѣ между прочимъ: что Катерина все еще не отчаявается исходатайствовать мнѣ свободу отъ службы, и что протоколистъ взялъ у нея, на этотъ предметъ, цѣлковый. Она шла своимъ путемъ—вѣрила только всякому вздору и обману, вѣрила протоколисту, а не слушалась совѣтовъ отца Стефана—не давать этому отъявленному мошеннику по-пустому денегъ.

Меня черезъ внутреннюю стражу сдали въ полкъ и привели къ присягѣ. — Страшна показалась мнѣ присяга эта, и я перечитывалъ ее нѣсколько разъ послѣ. Слова: «не щадя живота своего, до послѣдней капли крови»—придавали мнѣ однакоже какую-то бодрость, и я расписывалъ воображеніемъ своимъ разные случаи, когда доведется мнѣ исполнить на дѣлѣ клятву эту. Полкъ вскорѣ выступилъ въ походъ, какъ слышно было, въ Италію, но все это оказалось ложною тревогой; войска размѣщены были въ южныхъ губерніяхъ на квартирахъ, и храбрость моя, не остывшая во время перехода 800 верстъ пѣшкомъ, съ ружьемъ и ранцемъ, начинала остывать теперь отъ скуки и бездѣлья. Между тѣмъ офицеры замѣтили меня и уже въ обращеніи своемъ нѣсколько отличали; а когда однажды рисуночекъ мой дошелъ случайно до полковника, то онъ призвалъ меня, поговорилъ со мною, раз-

спрашивая обо всемъ, и, наконецъ, въ угоду полковницѣ, которой рисунокъ этотъ по вкусу пришелся, такъ, что она много надъ нимъ смѣялась, велѣлъ мнѣ объяснить, что такое всѣ эти лица и гдѣ они? Оговорка моя, что это будетъ долгая сказка и въ связи съ прежними приключеніями моими, не помогла; полковница требовала непремѣнно моихъ поясненій, и сѣла на стулъ, какъ будто собиралась меня долго слушать. Я разсказалъ, что тутъ дворецкій приволокъ меня со скотнаго двора, а холопы подаютъ уже скамейку и розги, и меня собираются сѣчь за то, что третій сынокъ Ивана Яковлевича воткнулъ сальный огарокъ въ отцовскую пѣнковую трубку; четверо баричей стояли рядкомъ и лѣсенкой, одинъ подъ однимъ, вплоть у скамьи; Настасья Ивановна, отстоявъ дѣтенышей своихъ, спокойно уходила изъ комнаты, принявшись уже за свою работу, за веретено; Иванъ Яковлевичъ стоялъ въ зеленой курткѣ своей, грозный, величественный, держалъ распущенный клѣтчатый платокъ въ рукѣ и указывалъ тою же рукой на третьяго сыночка своего, будто бы говорилъ: «Это, шельменокъ, слѣдовало бы тебѣ, принимай на свой счетъ, гляди, ужь я его не пожалѣю!» Всѣ четыре сыночка ревѣли, глядя прямо на отца и не закрывая лица руками,—такой ихъ объялъ страхъ,—а съ меня огромный дворецкій тащилъ палету и безъ того уже изодранные шароваришки, между тѣмъ какъ двое холоповъ наперерывъ старались уложить меня и поднять на воздухъ. Все это дѣлалось съ такимъ усердіемъ, что, казалось, они изорвутъ мальчишку на клочки, а Ивану Яковлевичу доведется сѣчь одну скамейку. Картинка эта всѣхъ много позабавила; полковникъ хохоталъ, полковница смѣялась почти до истерики, двѣ свояченицы также, и вдругъ всѣ стали говорить обо мнѣ между собою по-французски: сожалѣть обо мнѣ, хвалить пристойную наружность

мою и умаливать полковника, чтобы онъ принялъ во мнѣ участіе. Мнѣ совѣстно было слушать все это, и я сказалъ полковнику, что разумѣю по-французски; это породило еще болѣе любопытства: со мною заговорили и заставили разсказать, на этомъ языкѣ, вкратцѣ похожденія свои. Всѣ обступили меня, стояли вокругъ меня, глядѣли во всѣ глаза, какъ на диво какое, на звѣря-тюленя морскаго, и не могли натѣшиться, надивиться, что человѣкъ говоритъ на двухъ, трехъ языкахъ и играетъ на фортепіано; а почему? потому, что человѣкъ этотъ стоялъ на вытяжку, въ солдатской шинели, не смѣя развести рукъ, и приговаривалъ за третьимъ словомъ: «ваше высокоблагородіе». Приди онъ въ какомъ угодно иномъ платьѣ, и все это не показалось бы нисколько удивительнымъ.

Съ этого дня судьба моя измѣнилась. Полковникъ, который принималъ у себя и юнкеровъ своего полка съ большою разборчивостью, вскорѣ велѣлъ мнѣ ходить къ себѣ обѣдать каждый день — Я охотно занимался обученьемъ дѣтей его, тѣмъ болѣе, что пріобрѣлъ тутъ же и еще ученицу въ рисованьѣ—ученицу, о которой поговоримъ послѣ. Отъ писарской должности я отказался, желая служить, коли служить, во фронтѣ, и ходилъ во всѣ наряды наравнѣ съ прочими солдатами, а свободное время проводилъ у полковника. Онъ приближалъ меня къ себѣ понемногу и съ большою осторожностью; видно было, что онъ хотѣлъ напередъ меня испытать, увѣриться, таковъ ли я, каковы были мои слова; но менѣе чѣмъ черезъ годъ, я былъ въ домѣ свой; а черезъ два, мнѣ нашили галуны. Полковникъ показалъ мнѣ представленіе, въ коемъ, несмотря на короткій срокъ службы моей, просилъ убѣдительно о производствѣ моемъ, въ томъ уваженіи, что въ полку де не было ни одного офицера, каковъ этотъ рядовой. Пусть это и была одна только фигура

убѣжденія, но она показываетъ, какъ любилъ меня полковникъ.

Положеніе мое, при всемъ этомъ, было очень странное: мнѣ, какъ солдату, всякій говорилъ *ты*, начиная отъ полковника и полковницы и до деньщиковъ; однѣ только горничныя были вѣжливѣе, называли меня всегда кавалеромъ, почтеннымъ и Вакхомъ Сидоровичемъ. Навытяжкѣ передъ каждой парою эполетъ, я съ дамами полковничьими былъ какъ со своими;—да лихъ не свои, и не въ свои сани сѣлъ

Разъ какъ-то нарядили меня съ тремя рядовыми въ конвой, за пойманными бродягами, которыхъ отправляли въ земскій судъ. Дорогою одинъ изъ конвойныхъ пустился въ разспросы, кто изъ нихъ, изъ арестантовъ, откуда родомъ. Я только было оборотился назадъ, чтобъ велѣть солдату молчать и не разговаривать съ арестантами, какъ услышалъ, что одинъ изъ нихъ отвѣчалъ: изъ Комлева. «Изъ Комлева: съ родины моей!» Я подумалъ съ минуту и сталъ самъ его разспрашивать, и сколько помню, одинъ только этотъ разъ, во всю службу свою, погрѣшилъ я завѣдомо противъ присяги своей — каюсь, но не раскаяваюсь. Я спросилъ: знавалъ ли онъ въ Комлевѣ мѣщанина Сидора Чайкина, или жену его Марью? «Какъ не знать», отвѣчалъ онъ, «годовъ тому будетъ съ 20, я у нихъ сына крестилъ».— Какого сына?—«Такого сына, какъ бываютъ они: Вакха. Сидоръ въ тѣ поры уѣхалъ по торгамъ, а мнѣ и наказалъ быть крестнымъ отцомъ, коли родится у него сынъ, оно такъ и сталось». И комлевскій бродяга оказался—крестнымъ отцомъ моимъ: онъ сказалъ мнѣ, что я родился 1-го марта, а отецъ мой былъ отданъ въ солдаты того же года, во время самой лебедянской ярмарки, слѣдовательно, около Троицы или Покрова, т. е. во всякомъ случаѣ позже, лѣтомъ или осенью. Обстоятельство это, повидимому пустое, было для

меня довольно важно: если показаніе крестнаго отца моего справедливо, то я не кантонистъ, не солдатъ, а свободный человѣкъ.

Проводивши крестнаго отца своего въ кандалахъ, куда слѣдовало, и давши ему цѣлковый на дорогу, я, какъ воротился, пошелъ къ полковнику и объяснилъ все. Тамъ слушали меня съ большимъ участіемъ, полковникъ сказалъ разсмѣявшись: «видно тебѣ, братъ, чудеса такія на роду написаны, а между тѣмъ надобно списаться».

Полтора года послѣ этого случая, всего послѣ четырехъ лѣтъ службы моей, и на 22-мъ въ исходѣ отъ роду, получилъ я чистую отставку, какъ неправильно записанный на службу. Радъ ли я былъ отставкѣ, спросите вы? Да что же мнѣ было дѣлать? Тянуть лямку до прапорщика оставалось мнѣ еще 10 лѣтъ; склонность моя влекла меня къ наукамъ, а здѣсь,— конечно, также наука, да не та. Ходить въ замкѣ, во взводѣ, я выучился, да это меня не тѣшило. Итакъ въ отставку; ружье и ранецъ въ сдачу каптенармусу, а фракъ—подарокъ доброй полковницы—на плеча. А вѣрите ли, когда пришелъ я въ аммуничникъ сдавать казенное добро, такъ ружье свое повертѣлъ въ рукахъ, и призадумался надъ нимъ; кажется, еслибы я съ нимъ сходилъ въ славный походъ, не на шутку тяжело было бы съ нимъ разстаться. Преглупымъ платьемъ показался мнѣ теперь нашъ фракъ, даже послѣ солдатской шинели: венгерка, куцая куртка моего покойнаго благодѣтеля—право гораздо толковѣе.

ГЛАВА VII,

ОТЪ ПРЕГЛУПАГО ПОКРОЯ ПЛАТЬЯ ДО ПОПУТЧИКА.

Куда мнѣ дѣваться теперь и что мнѣ начать, я еще не зналъ; небольшія деньжонки у меня были;

житье у полковника мнѣ было веселое, ничего не стоило, и я сначала никуда не торопился. Я тѣшился вольной волей своей, и тутъ мнѣ было хорошо. Полковникъ и милыя хозяйки строили иногда со мною планы о будущности моей—все это казалось еще далеко впереди. Нѣтъ, далеко отъ насъ только прошлое.

Ученица моя, о которой я упомянулъ выше, была меньшая свояченица полковника, Груша. Видно, необыкновенныя похожденія мои, нынѣшнее званіе, конечно несогласное со степенью даннаго мнѣ образованія, и другія обстоятельства и случайности возбудили въ ней живое ко мнѣ участіе. Какъ дѣвица военная, она привыкла и ко всему быту этого сословія, къ подчиненности солдатъ ея полка, къ услужливости ихъ; но такой солдатъ, какъ я, ей, конечно, еще не попадался; немножко живое воображеніе ея расписало ей взаимное положеніе наше красками романическими; я былъ молодецъ вовсе неопытный по этой части, и коротко сказать, ничего не думалъ и ни о чемъ не думалъ, какъ едва не дожилъ до того, что и думать было поздно. Обыкновенно связь и дружба подобнаго рода, если она возрастаетъ до извѣстной степени, оканчивается тѣмъ, что молодые люди начинаютъ говорить другъ другу наединѣ *ты*; здѣсь наоборотъ: Груша начала меня тѣмъ отличать, что говорила мнѣ, когда никто насъ не слышалъ, *вы*. Я принялся жить, когда вышелъ на свѣтъ, за околицу Путилова, съ такимъ жаромъ и рвеніемъ; я видѣлъ столько прекраснаго впереди, и кромѣ хорошаго, видѣлъ иногда только смѣшное, а дурное забывалъ; я жилъ и дышалъ съ такою свободою и самоувѣренностію, не смотря на незавидный жребій свой, съ такою простотою и недогадливостію, съ такою чистою совѣстью, что шелъ бодро и безъ оглядки впередъ, думая: все хорошо какъ оно есть; и беречься, остерегаться я не умѣхъ,

тѣмъ менѣе могъ я уберечься отъ такой бѣды, какая мнѣ тогда грозила, попирать ландыши на пути ногами, когда, казалось, безгрѣшно могъ ими радоваться и утѣшаться. О послѣдствіяхъ не было у меня никакого понятіи, мы съ Грушей только очень подружились. Не хотѣлось бы докучать вамъ, а не могу я стстать такъ сухо отъ этого завѣтнаго предмета. — Полковница, конечно, давно видѣла неумѣстную дружбу нашу, но ей насъ было жаль обоихъ, и она считала все это ребячествомъ.

Вслѣдъ за отставкой моей, одинъ изъ капитановъ того же полка посватался за Грушу; это надѣлало такой суматохи въ домѣ, что тайна не могла остаться безъ объясненій. Разумѣется, я никогда не смѣлъ и подумать о бракѣ съ Грушей, и дѣйствительно, мысль эта никогда мнѣ въ голову не приходила; но она отказала жениху, которому, по всѣмъ соображеніямъ старшей сестры и зятя, отказывать не слѣдовало. Грушу никто не неволилъ, а хотѣли только допытаться о причинѣ отказа; но кромѣ слезъ и заклятій, что она никогда замужъ не выйдетъ, отвѣта не добились. Все это, однако же, произвело во мнѣ и въ ней, безъ всякаго объ этомъ предметѣ разговора, такую видимую для всѣхъ перемѣну, что никому не трудно было разгадать загадку; полковница воспользовалась первымъ случаемъ, чтобы со мною объ этомъ переговорить.

Она сдѣлала это очень тонко и искусно, съ женскимъ умѣньемъ и изворотливостію, и спросила меня, что я объ этомъ думаю? — Никогда въ жизнь мою не испыталъ я такой пытки, и за себя и за Грушу. Въ эту минуту только очи мои прозрѣли. Я отвѣчалъ, наконецъ, что ничего не думаю и думать не въ состояніи, просилъ ее думать за меня и, безъ всякихъ обиняковъ, приказать мнѣ, что теперь дѣлать: я готовъ на все безо всякой оговорки или исключенія

«Кажется», прибавилъ я, «если я только въ этомъ омутѣ что-нибудь вижу, кажется, мнѣ должно ѣхать сегодня или завтра».

— Должно,—отвѣчала она:—чувства ваши, которыя васъ никогда въ жизни не обманывали, и теперь остались вамъ вѣрны. Не осуждайте насъ за это: поживите еще немного на свѣтѣ, такъ, чтобы вы могли оглянуться назадъ, на происшествіе это, и, право, вы насъ оправдаете.

Разумѣется, что отставной унтеръ-офицеръ свояченицѣ полковника своего не женихъ; объ этомъ, даже съ устраненіемъ всѣхъ свѣтскихъ предубѣжденій, толковать нечего. Въ ту же ночь я сѣлъ тайкомъ на нанятую двуконную подводу, оставивъ полковнику и полковницѣ по письму, и ускакалъ, по ближайшему пути, на почтовый трактъ. Мнѣ и теперь еще больно, что я долженъ былъ оставить полкъ свой и домъ полковника, этотъ пріютъ мой, убѣжище и рай — такимъ безславнымъ образомъ. Зачѣмъ не могъ я разстаться съ этой семьей такъ, какъ послушное и доброе дитя, выходя на свѣтъ, покидаетъ домъ родительскій?

Отъ француза, съ которымъ я постоянно переписывался, получилъ я письмо передъ отъѣздомъ; въ Путиловѣ произошли большія перемѣны: тамъ давно уже наѣхали опекуны, приняли имѣнье, сдали его вскорѣ опять Сергѣю, за совершеннолѣтіемъ его, и наѣхали уже опять другіе, потому что имѣнье было отдано въ опеку, за дурное обращеніе помѣщика съ крестьянами. Добрый французъ мой нашелъ спокойное мѣсто у сосѣдняго помѣщика.

Выѣхавъ на столбовую дорогу, я поудержалъ прыть свою и не сталъ закладывать себѣ парныхъ подводъ, а сѣлъ и выжидалъ попутчика. Надобно однако же вамъ сказать, куда я ѣхалъ: послѣднее похожденіе мое заставило меня подумать толкомъ и основательно о бу-

дущности моей. Будь я безъ всякаго чина, просто ничто, такъ бы тутъ заботиться не о чемъ, какъ о деньгахъ; деньги есть — все будетъ, и жить на свѣтѣ можно. Но отставной унтеръ-офицеръ — это званіе отводило мнѣ мѣсто по чину въ харчевнѣ, въ кабакѣ, на толкучемъ и подъ качелями; а во всякое другое общество двери для меня не отворяются. Такъ ли я былъ воспитанъ, того ли могъ желать? Повторю еще разъ, оставь меня на скотномъ дворѣ, у Катерины, и я бы пасъ свиней и былъ бы счастливъ, когда у меня брюхо набито, и мнѣ бы въ голову не пришло искать и желать иной участи: но если ужъ разъ сдѣлали изъ меня человѣка съ другими понятіями, чувствами и потребностями, тогда я не могу, не въ силахъ довольствоваться панибратствомъ черни. Итакъ, что мнѣ дѣлать, какимъ родомъ сбыть этотъ камень преткновенія, чинъ? Идти служить—много воды, можетъ быть, утечетъ, пока дослужусь до перваго офицерскаго чина. Остается другое средство — идти учиться; учиться — я бы радъ былъ не только за чинъ, а отдалъ бы его, еслибъ онъ на мнѣ былъ; у насъ же даютъ за это чинъ въ прибавку, только выучись чему нибудь! Дѣло рѣшено, ѣду въ Питеръ, буду зарабатывать чѣмъ могу насущный хлѣбъ свой — живутъ же тамъ и другіе люди, и не всѣ же лучше и умнѣе меня, — и стану учиться въ академіи или университетѣ.

Комлевъ, родина моя, лежалъ отъ прямого пути не болѣе сотни верстъ въ сторонѣ; чего бы мнѣ, казалось, тамъ искать? Ни своихъ, ни даже чужихъ, которые бы могли помнить меня. Да какъ же не взглянуть, хоть мимоходомъ, на колыбельку свою? Потянуло меня туда. Выѣхавъ на большую дорогу, сталъ я у крестьянина, обошелъ постоялые дворы, завернулъ и къ станціонному смотрителю, и обѣщалъ всюду на водку, если кто найдетъ попутчика, который бы

соглаеился подвезти за сходную цѣну отставного служиваго. Узнаю, что на станціи впереди есть какой-то баринъ, который также ждетъ попутчика, и тотчасъ отправляюсь туда.

ГЛАВА VIII.

ОТЪ ПОПУТЧИКА ДО ЧЕМОДАНА, ВЪ КОТОРОМЪ ДОБРА НЕМНОГО.

Нахожу виднаго молодого человѣка, который стоялъ, сложивъ руки въ карманы, передъ открытымъ окномъ, и напѣвалъ, звучно заливаясь: «соловей мой, соловей»; а вслѣдъ за тѣмъ перешелъ онъ къ vive Henri quatre. Смотритель обрадовался мнѣ, и просилъ увезти этого постояльца, который хозяйничаетъ тутъ уже дней десять и надоѣлъ ему горьше рѣдьки. «А я было думалъ, онъ меня подвезетъ?» сказалъ я. — Ну, тамъ какъ себѣ знаете,—отвѣчалъ тотъ, махнувъ рукой,— только убирайтесь, пожалуйста, отсюда.

Молодой человѣкъ, — лѣтъ ему было однако же подъ 40, — очень обрадовался товариществу моему, сказалъ было, что ему надо ѣхать въ Кіевъ, но въ ту же минуту согласился ѣхать со мною и на Комлевъ, увѣряя, что это ему все равно—хотя это было такъ же равно, какъ и направо и налѣво, назадъ и впередъ; мигомъ приказалъ закладывать лошадей, что смотритель исполнилъ съ отмѣннымъ удовольствіемъ и поспѣшностью; тотъ бросилъ въ телѣгу легонькій и крошечный чемоданчикъ и, взявъ порожнюю трубку въ зубы, сидѣлъ уже, поджавъ ноги, на телѣгѣ и распѣвалъ оперныя аріи. Всѣ обстоятельства эти, конечно, должны бы были надоумить меня, съ кѣмъ я связался, но, на бѣду, онъ спросилъ меня тотчасъ же: не говорю ли я по-французски; я, какъ отставной ун-

теръ-офицеръ, думалъ повысить себя въ глазахъ его на чинъ, показавъ образованность свою,—и на этомъ-то лощеномъ языкѣ онъ такъ благородно и заманчиво умѣлъ убѣдить меня во всемъ, заставить встрѣчать всѣ желанія его съ предупредительною вѣжливостью, что я, несмотря на какое-то внутреннее безпокойство, былъ не въ силахъ ему въ чемъ-либо отказать, даже показать малѣйшую недовѣрчивость. Нѣтъ, по-русски онъ бы меня не надулъ, а по-французски обморочилъ, зачаровалъ. Это былъ такой тертый калачъ, какого мнѣ въ жизнь мою болѣе не случалось видѣть. Очень смуглое, сухое, но широкое лицо, черный щетинистый волосъ и брови, огромныя бакенбарды, огромные бѣлки, прямой, умѣренный носъ, рѣзкія черты и очень выразительная игра мышцъ и движеній въ лицѣ. Когда онъ улыбался иронически — скрививъ немного ротъ, насупивъ противуположную бровь и выглядывая изъ подлобья, — то нельзя было не смѣяться въ душѣ, не почувствовать привязанности и уваженія къ этому нѣмому проявленію ума и остроты. Широкія плечи и молодецкая осанка, какое-то ловкое умѣнье красоваться непринужденно, во всякомъ положеніи тѣла, и еще не знаю что, какая-то невидимая бездѣлица, сноровка въ простой дорожной одеждѣ его, придавали ему что-то благовидное, укрывали отъ глаза простого зрителя, не наблюдателя, скудное состояніе крайне изношеннаго платья. Смотритель потребовалъ, кромѣ прогоновъ, сколько-то рублей съ копейками за кой-какіе съѣстные припасы, забранные попутчикомъ моимъ у него, въ первые дни квартированія; въ послѣдніе же, какъ видно, онъ хлебалъ молоко въ долгъ въ разныхъ крестьянскихъ дворахъ, и три бабы явились у подъѣзда со своими требованіями. Попутчикъ мой, не обращая ни на кого изъ нихъ ни малѣйшаго вниманія, разговаривая со мною, досталъ свой бумаж-

никъ, вынулъ оттуда маленькую картиночку и, подавая мнѣ ее съ повозки, сказалъ, все по-французски: «Вотъ этотъ городъ, гдѣ я былъ такъ счастливъ, l'alma citta di Roma, я его всегда ношу при себѣ; если вы охотникъ до хорошенькихъ очерковъ перомъ въ три тѣни, въ чемъ я не сомнѣваюсь, судя по образованности вашей, то возьмите листокъ этотъ себѣ, теперь я самъ скоро тамъ буду. Потрудитесь удовлетворить этихъ скотовъ; у меня въ бумажникѣ однѣ крупныя ассигнаціи, тутъ конца не будетъ разсчетамъ—сядемъ и поѣдемъ, пора, тамъ сосчитаемся».

Теперь я понялъ все; но попутчикъ мой былъ такъ милъ и развязенъ, что я не нашелся, какъ тутъ поступить иначе, а заплатилъ деньги, сѣлъ, поѣхалъ, и, несмотря на всю любезность и разговорчивость продувного товарища своего, твердо рѣшился везти его не далѣе одной станціи. Я и самъ былъ такъ бѣденъ деньгами, что не отдалъ бы ихъ въ эту минуту и и доброму человѣку въ нуждѣ, а тутъ — бросить въ воду!

Пріѣхали на станцію; попутчикъ очень зорко вглядывался въ меня, и все болталъ, несмотря на молчаливость мою и, закричавъ, чтобъ скорѣе закладывали лошадей, ухватилъ меня съ какимъ-то дружескимъ толчкомъ и урывкой подъ руку и повелъ скорыми шагами ходить; онъ все болталъ, и, вдругъ покинувъ меня, извинился, сказавъ, что сію минуту будетъ, и ушелъ, повернувъ за уголъ, за ближній крестьянскій плетень. Я рѣшился сказать смотрителю, чтобы онъ вѣдался съ другимъ проѣзжающимъ, который велѣлъ закладывать, а я не поѣду на почтовыхъ; самъ же, похаживая взадъ и впередъ, ждалъ своего попутчика для объясненій.

Проходитъ четверть часа, полчаса,—его нѣтъ; иду его искать,—нѣтъ нигдѣ. «Тѣмъ лучше, подумалъ я,

какая мнѣ нужда объ немъ заботиться», и пошелъ искать себѣ дешевую подводу или крестьянина-попутчика. Но оно вышло не къ лучшему; товарищъ укралъ у меня изъ кармана, видно, въ то самое время, когда подхватилъ меня довольно бойко подъ руку, мой бумажникъ, и пропалъ съ нимъ, какъ въ землю провалился, среди бѣлаго дня; всѣ поиски мои, всѣ старанія смотрителя, которому я обѣщалъ награду, остались тщетными; ямщики бѣгали по деревнѣ, скакали по всѣмъ дорогамъ: нѣтъ его. Онъ, видно, смѣтилъ уже по лицу моему, что я его далѣе везти не намѣренъ, и взялъ свои мѣры.

Не учиться стать было мнѣ идти пѣшкомъ: я надѣлъ заслуженную солдатскую шинель свою, продалъ смотрителю и содержателю постоялаго двора за безцѣнокъ три четверти пожитковъ своихъ, навьючился остальнымъ, и пошелъ, отвѣтивъ только смотрителю, который спросилъ, указавъ на чемоданчикъ попутчика моего: а это же что у васъ?—«это не мое». Вѣроятно, тамъ добра было немного. Я, даже, не оглянулся.

ГЛАВА IX.

ОТЪ ЧЕМОДАНА, ВЪ КОТОРОМЪ ДОБРА НЕМНОГО, ДО ФОРТЕПІАНЪ СЪ ТУРЕЦКИМЪ БАРАБАНОМЪ.

Мой паспортъ объ отставкѣ послужилъ мнѣ на пути, до самаго Комлева, вмѣсто бумажника; отставному солдату, который шелъ на родину, на пятистахъ верстахъ, ни отказали въ пищѣ и ночлегѣ ни въ одной деревнѣ. Мало того: когда меня захватила на пути ранняя зима, то къ ночи и въ непогоду мужики не выпускали меня изъ села; «тамъ свалишься гдѣнибудь,» говорили они, «да замерзнешь, выпивъ на

дорогу, а послѣ за тебя отвѣчай; ложись, служивый, да отдохни, сдѣлай милость; заутре накормимъ и отвеземъ тебя, нарядимъ подводу, только бы невредимо выпроводить изъ околодка. Мы и то теперь еще не оклемаемся съ третьяго году, какъ, спасибо, сосѣди черепановскіе кинули на нашу межу какое-то мертвое тѣло: словно вся деревня на два года къ земскимъ въ кабалу пошла. Тутъ приставили изъ села, въ рабочую пору, караулъ, ровно добро какое стеречи, да держали недѣли три; тутъ весь судъ выѣхалъ, и стали по квартирамъ, и корми ихъ курицами; тутъ заковали того, чья пашня на межѣ, гдѣ нашли покойника, да и всѣхъ поочереди перещупали, у кого была запасная скирда на гумнѣ. А чего, покойникъ этотъ ужь имъ больно знакомъ; его исправникъ изъ того уѣзда, ровно въ подарокъ, нашему прислалъ, перетащилъ черезъ границу, взявши тамъ, что пришлось съ мужиковъ; да вотъ съ веревкой на шеѣ таки, покуда не разсыпался весь, и ходилъ все съ межи на межу. Ужь мы, братъ, наплакались тогда; такъ сиди, сдѣлай милость, служивый, и не пустимъ до утра, хоть какъ хочешь.»

Добрался я до Комлева; отлегло мнѣ вдругъ, отошло отъ сердца, ровно кладъ какой дался,—а не все ли мнѣ равно тогда было, что Комлевъ, что Тамбовъ, что Ирбитъ? Чужой всюду; случай однако же послужилъ мнѣ не только отыскать, въ первый же день, домишко, въ которомъ я родился, но и поселиться въ немъ, у добрыхъ, хотя очень забавныхъ и странныхъ людей, и пожить съ полгода спокойно: безъ гроша нельзя было идти въ столицу, а въ Комлевѣ нашелъ я вскорѣ учениковъ, и сталъ учить всему на свѣтѣ. Горекъ хлѣбъ учительскій, да дѣлать было нечего; рублей двѣсти, за очисткой расходовъ, надо было заработать.

Хозяинъ мой былъ также учитель, музыкантъ,

разумѣется единственный въ городѣ, какъ учитель и какъ бальный оркестръ. Голоса у него не было, онъ говорилъ осиплымъ шопотомъ, и разсказывалъ каждый день по нѣскольку разъ, что онъ голосъ потерялъ на пожарѣ; но за то игралъ онъ на всѣхъ инструментахъ въ мірѣ, не только поодиначкѣ и порознь, но и на всѣхъ вдругъ. На вечеринки являлся онъ за цѣлковый, обвѣшанный съ ногъ до головы цѣлымъ оркестромъ, и игралъ всю ночь напролетъ. Когда онъ упражнялся однажды дома на девяти инструментахъ вдругъ, перенявъ это отъ какого-то проѣзжаго фигляра, то сдѣлался пожаръ, домъ вдругъ обхватило пламенемъ; музыкантъ до того испугался, что выскочилъ на улицу съ девятью инструментами, привязанными въ разныхъ мѣстахъ тѣла, бѣгалъ съ этой музыкой по улицѣ, и не могъ долго отъ нея отвязаться: бубны гремятъ, тулумбасъ за спиной стучитъ, потому что къ локтю привязана палка, тарелки между колѣнъ брянчатъ—словомъ, тревога страшная. Растерявъ по улицамъ всѣ инструменты свои, онъ надсѣдался два часа крикомъ на пожарѣ; былъ нѣсколько разъ окаченъ съ ногъ до головы водой, сильно простудился, и съ той поры остался безъ голоса. Человѣкъ этотъ былъ, казалось, природою назначенъ въ музыканты: ноги какъ флейты, губы, какъ раструбъ кларнета, руки ровно смычки, а самъ—настоящая віолончель. Притомъ—щеголь: коли въ праздникъ уберется, надѣнетъ жилетку съ разводами и стеклянными пуговками, а голубой фракъ откинетъ—настоящій растегай, до которыхъ онъ былъ такой страстный охотникъ. Онъ всюду слышалъ и видѣлъ музыку: зазвенитъ ли стаканъ, брякнетъ ли серебряная ложка, онъ откликается изъ третьей комнаты октавою; знаетъ наизусть звукъ всей домашней посуды своей по камертону, и мнѣ жаловался однажды, что у него одна кастрюля фальшивитъ, если не долить

ее водой до мѣтки, которую онъ нарочно въ ней сдѣлалъ. Коли вечеромъ дѣвки издали поютъ, а жуки пролетомъ гудятъ, то онъ, сидя на крылечкѣ, подбираетъ къ голосамъ дѣвокъ басы жуковъ; коли на зарѣ плотники рубятъ избу, и звонкій стальной топоръ звенитъ,— Сидоръ Еремѣевичъ откликается на скрипкѣ или на гитарѣ квинтой и квартой. Онъ, несмотря на безголосность свою, былъ большой знатокъ и рядитель музыки, и замѣтилъ однажды, когда я разыгралъ ему кой-что изъ тогдашнихъ новыхъ оперъ Россини, что онъ это знаетъ; это хорошо, но это-де все выкрадено изъ гвардейскихъ маршей; Россини все такъ дѣлаетъ. Немножко онъ правъ, подумалъ я, хоть и не совсѣмъ.

Хозяйка моя, супруга музыканта, мастерски пекла растегаи, гладила каждый день манишку супруга своего и готовила на вечеръ бѣлый шейный платокъ, пила чай изъ даровой чашки, съ надписью золотомъ: «въ знакъ великодушія», и охотнѣе всего разсказывала исторіи болѣзней разныхъ знакомыхъ своихъ, въ родѣ слѣдующей: «Она, батюшка, ослѣпла на одинъ глазочекъ, окривѣла, такъ, ни съ чего; прикинулся ячмень, она и говоритъ бабамъ: «бабы, покажите мнѣ кукишъ»; бабы показали кукишъ, а тутъ стало застилать туманомъ, и окривѣла.—Не слушаются добрыхъ людей, батюшка, отъ того и худо бываетъ; вотъ хоть бы у сосѣдки нашей, ребенокъ пошелъ было до году и сталъ ходить—говорили люди, что бы путы было перерѣзать *), какъ только пошелъ онъ въ первый разъ, такъ нѣтъ, ну и сѣлъ опять, и ползаетъ до трехъ годовъ».

Добродушный Сидоръ Еремѣичъ, хозяинъ мой, не только не ревновалъ ко мнѣ, какъ къ сопернику въ промыслѣ своемъ, но съ истиннымъ безкорыстіемъ худож-

*) Т. е. чиркнуть ножемъ по землѣ между ногъ.

[illegible] доставлялъ мнѣ тутъ и тамъ случай давать уроки, посылалъ иногда вмѣсто себя, бралъ съ собою на вечерниці, и дѣлалъ со мною свой цѣлковый; цѣна была за это въ Комлевѣ искони одна, и болѣе никто не жаловалъ, хоть приди одинъ, хоть самъ-семь. Сидоръ Еремѣичъ ихъ избаловалъ, отвѣчая одинъ за семерыхъ.

Въ Комлевѣ стояла пѣхота и былъ батальонный [illegible] своей помѣщицѣ понадобилось показать холостымъ офицерамъ, какъ мило поетъ у нея дочь. Для этого тотчасъ же составили концертъ въ пользу бѣдныхъ, и всѣ ученики и ученицы Сидора Еремѣича и мои [illegible], надували, насвистывали и наигрывали [illegible] что гораздъ. Меня пригласили сопровождать пѣвицу на фортепіано.—Пробы дѣлались на однихъ фортепіанахъ, а къ концерту принесли другія, незнакомыя мнѣ дотолѣ, съ музыкой Сидора Еремѣича, т. е. съ [illegible], кларнетами, свистками, словомъ—съ цѣлымъ оркестромъ и даже съ турецкимъ барабаномъ. [illegible] что все это приводится въ движеніе, во время [illegible] педалью; я полагалъ, не разсмотрѣвъ [illegible], что педаль внизу обыкновенный, [illegible] время концерта, на самомъ великолѣпномъ [illegible] которой переливалась сладкозвучная [illegible] шумъ всѣхъ возможныхъ звуковъ [illegible] съ [illegible] стукомъ турецкаго барабана [illegible] мое ухо мое. Пѣвица чуть не [illegible] сначала вздрогнули, потомъ подняли [illegible] несчастный случай едва не лишил[illegible] учениковъ и ученицъ; мать пѣвицы, [illegible] къ тому неутомимое старание [illegible] до конца непримиримымъ моимъ [illegible]

ГЛАВА X.

ОТЪ ФОРТЕПІАНЪ СЪ ТУРЕЦКИМЪ БАРАБАНОМЪ ДО КОЧЕРГИ И ЩЕТКИ.

Зима прошла, я свелъ счеты свои, и убѣдился, что хотя и преподавалъ въ Комлевѣ усердно всѣ искусства и науки, но не скоро заработаю себѣ кормовыя деньги на первые полгода столичной жизни. Мнѣ казалось выгоднѣе побыть съ годъ у какого-нибудь помѣщика, на всемъ готовомъ; тогда жалованье, хоть оно и не велико, можно бы было сберечь почти все. Сидоръ Еремѣичъ помогъ мнѣ и въ этомъ: помѣщикъ трехъ сотъ душъ—не шутка—Василій Ивановичъ Порубовъ, взялъ меня, на мѣсто прогнаннаго имъ нѣмца, въ домъ, за 400 р. въ годъ, на всемъ готовомъ. Я крайне обрадовался; въ годъ заработаю 400 р. и съ ними пойду въ Питеръ.

Василій Ивановичъ жилъ въ деревнѣ, верстахъ въ 15 отъ Комлева. Онъ былъ давно уже вдовъ, и радѣлъ о воспитаніи дочери и сына—ей 12, ему 15 лѣтъ.—Василій Ивановичъ, служивъ въ молодости въ военной службѣ, пришелъ однажды къ корпусному командиру, съ горькой жалобой на полковника, который-де не даетъ ему ходу, не представляетъ къ отличію, и просилъ униженно уважить просьбу его и представить къ кресту или чину. Корпусный командиръ спросилъ его: «Развѣ вы думаете, что довольно жить и быть здоровымъ, чтобы получать награды?» Василій Ивановичъ согласился безпрекословно, что, кромѣ этихъ случайностей, необходима и милость начальства, безъ которой-де конечно трудно до чего-нибудь дослужиться.—Генералъ захохоталъ, выслалъ Порубова, а этотъ, пождавъ еще немного, и выждавъ только производство двухъ стояв-

шихъ подъ нимъ поручиковъ, разсердился, вышелъ въ отставку и, какъ говорится, насмѣялся начальству своему, потому что ему данъ былъ, при отставкѣ, чинъ штабсъ-капитана.

Когда я прибылъ къ Василію Ивановичу въ усадьбу, то встрѣтилъ его въ воротахъ барскаго дома, въ слѣдующемъ поѣздѣ: на старый, высокій каретный ходъ, тѣхъ временъ, когда еще вмѣсто рессоръ употреблялись пасы, ремни съ зубчатыми колесиками, были поставлены, для легкости, вмѣсто каретнаго кузова, ободранныя большія кресла, и на нихъ сидѣлъ баринъ. На высокихъ козлахъ сидѣлъ малый, а позади хода привязана была большая деревянная лошадь, поставленная на колеса; на этой лошади сидѣлъ 15-ти-лѣтній Митенька, мой будущій ученикъ, и погонялъ плетью деревяннаго коня своего, между тѣмъ какъ тятенька его очень снисходительно со мною разговаривали, и, обѣщавъ скоро воротиться, просили войти въ домъ. Василій Ивановичъ такимъ образомъ ѣздилъ каждый день съ сынкомъ покататься, и объѣзжалъ всѣ межи свои, всѣ межевые столбы и ямы. Вошедши въ домъ, откуда Василія Ивановича сейчасъ только выпроводили и, какъ видно было, въ эту минуту никого не ожидали, я встрѣтилъ въ первой комнатѣ еще поѣздъ другого, не менѣе страннаго рода: барышня каталась, верхомъ же, на тучной здоровой дѣвкѣ, которая, съ ужаснымъ хохотомъ и крикомъ, прыгала курцъ-галопомъ взадъ и впередъ, между тѣмъ какъ цѣлая стая дворовыхъ ребятишекъ и дѣвокъ, окружавшая потѣшное зрѣлище это, съ такимъ же неистовымъ крикомъ, скачками и взмахами обѣихъ рукъ, изъявляла душевное свое удовольствіе. Когда я вошелъ, то поѣздъ съ большою поспѣшностью удалился, холопы стали по угламъ и грызли ногти, а дѣвка подошла, наконецъ, ко мнѣ, удерживаясь всѣми силами отъ смѣха, и сказала: «барина дома нѣту-съ.»—

«Это я вижу»,—отвѣчалъ я. Дѣвка отвернулась, побѣжала, разсыпалась на пути неподдѣльнымъ заливнымъ хохотомъ, на который и холопы, и дѣвки, и вся дворня единодушно, со всѣхъ угловъ и закоулковъ, отозвалась тѣмъ же, и весь барскій домъ огласился дружнымъ, до половины замореннымъ хохотомъ. Я сталъ оглядываться: хохотуши всѣхъ родовъ и величинъ стояли и сидѣли, прижавшись подъ столами и дверьми, за шкафами, ширмами, словомъ—гдѣ только былъ свободный уголокъ.

Часа черезъ полтора Василій Ивановичъ воротился, принялъ меня очень милостиво и радушно, кончилъ напередъ всего со мною рядъ и уговоръ, представилъ мнѣ обоихъ учениковъ моихъ, и разсказалъ, за что прогналъ своего француза: онъ понемногу завелъ въ домѣ галантерейную и мелочную лавочку, которую и возилъ съ собою въ городъ, когда на зиму вся семья туда перебиралась, и образовалъ изъ воспитанниковъ своихъ пребойкихъ и изворотливыхъ сидѣльцевъ.

Василій Ивановичъ былъ человѣкъ очень веселаго нрава; вечеромъ къ нему съѣхались человѣка три близкихъ сосѣдей, и вышедшій нынѣ вовсе изъ моды пуншъ находилъ тутъ своихъ потребителей. Было много крику и смѣху: никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы отставной служивый, какъ я, не пилъ пуншу, тогда какъ Митенька выпивалъ всегда стаканъ свой съ удовольствіемъ. Двое изъ гостей были мелкопомѣстные; по этому поводу завязались споры, шутки и перекоры. Василій Ивановичъ торжествовалъ; онъ не упустилъ случая разсказать любимую остроту свою, конечно, не собственнаго изобрѣтенія, что дворяне здѣшніе раздѣляются на три разряда: на великодушныхъ,—у коихъ болѣе ста душъ, и которые, слѣдовательно, имѣютъ полный голосъ на выборахъ,—на малодушныхъ, у коихъ менѣе ста и на бездушныхъ, у коихъ нѣтъ ничего. Одинъ изъ мало-

душныхъ гостей принималъ невыгодныя отношенія свои очень къ сердцу и грозилъ весь вечеръ, стараясь перекричать собесѣдниковъ своихъ, что скоро, очень скоро прикупитъ къ своимъ 37 душамъ еще 63, и тогда у него будетъ сотня сполна, и онъ будетъ участвовать въ выборахъ, и уже дастъ себя знать: тогда избираться будутъ во всѣ мѣста и должности одни только достойные.

На другое утро Василій Ивановичъ занялся хозяйствомъ: онъ велѣлъ подать и отмѣрить при себѣ 20 аршинъ домотканой полосушки, собственно себѣ на халатъ; совѣтовался со мною, нельзя ли намъ завести своихъ пѣвчихъ, и спрашивалъ, не умѣю-ли я лѣчить собакъ; приказалъ отправить въ городъ къ извѣстному птицелову, Три-Ивана, четверть крупъ и мѣрку конопляннаго сѣмени, на которыя вымѣнялъ у него перепела и щегленка; позвалъ Ваньку, и требовалъ отчета, для чего онъ вчера былъ пьянъ? И когда Ванька повинился, оправдавшись тѣмъ, что ему надо было побить жену, и что онъ нарочно для этого только и выпилъ немного, то Василій Ивановичъ обратился съ вопросомъ къ Сидоркѣ: чего онъ смотритъ, и скоро ли рѣшится поучить также немного жену свою, которая нисколько не лучше Ванькиной? Наконецъ, распорядившись такимъ образомъ дома и приведя все въ порядокъ, Василій Ивановичъ поѣхалъ опять съ сынкомъ прокатиться на межу, въ тѣхъ же дѣдовскихъ креслахъ на каретномъ ходу, и подтвердилъ только, чтобы Митину лошадь привязали сзади покрѣпче, потому что она вчера на ухабѣ оторвалась, и Митя остался-было среди дороги, верхомъ на деревянномъ конѣ своемъ, и насилу докричался отца, который, какъ и кучеръ, не слышалъ крика его, за стукомъ экипажа.

Такимъ образомъ я опять съ утра остался въ домѣ съ тѣмъ же обществомъ, которое вчера такъ просто-

душно веселилось, во время отсутствія барина; и какъ я, чтобы не мѣшать, удалился въ свою комнату, а притомъ меня уже считали своимъ и не такъ передо мною чинились, то вскорѣ и раздался по цѣлому дому смѣхъ, визгъ и топотня босыхъ дѣвокъ, и я издали могъ отличить знакомую мнѣ побѣжку барышниной лошадки.

Въ своемъ покойчикѣ нашелъ я еще памятникъ француза: всѣ стѣны были исписаны, вѣроятно по недостатку или для сбереженія бумаги, счетами купленныхъ и проданныхъ вещицъ: колецъ, серегъ, пряжекъ, иголъ, пуговокъ, шелку и проч. Вечеромъ опять пріѣхали собесѣдники и пили пуншъ, и Степанъ Степановичъ опять кричалъ громче всѣхъ и грозилъ, что скоро, очень скоро, прикупитъ онъ 63 души къ 37, и тогда объ немъ услышатъ; до того времени-де онъ молчитъ.

На третій день опять тоже; вся разница была та, что Василій Ивановичъ, послѣ коротенькаго, дѣлового утра своего, пригласилъ меня ѣхать съ нимъ на межу, приказавъ мнѣ осѣдлать коня, не деревяннаго, а живого. Тутъ я увидѣлъ, чѣмъ Василій Ивановичъ занимается на этихъ ежедневныхъ прогулкахъ своихъ: онъ объѣзжаетъ каждый день поочередно участокъ межи своей; лошади, затвердивъ путь этотъ наизусть, останавливаются у каждой межевой ямы, у каждаго столба; Василій Ивановичъ выходитъ, осматриваетъ, любуется и ѣдетъ дальше, а потомъ домой. Онъ разсказалъ мнѣ годъ, число и обстоятельства, когда которая межа проведена и столбъ поставленъ, указывалъ всѣ урочища, по коимъ у него и у предковъ его бывали тяжбы, излагая начало, ходъ и конецъ ихъ, во всей подробности. Частью побѣдитель, а частью побѣжденный, Василій Ивановичъ оградился, наконецъ, послѣ многолѣтнихъ и убыточныхъ тяжбъ, кругомъ и со всѣхъ сторонъ межевыми знаками, и съ этихъ-то поръ, уже лѣтъ девять, не можетъ нарадоваться ими, и ѣздитъ

ежедневно услаждать ими зрѣніе и душу свою. Вокругъ всей межи проложена была торная дорога. На обратномъ пути опять оторвалась Митина лошадка; онъ насилу насъ докричался, заставилъ кучера тащить себя съ полверсты къ рыдвану, и стегалъ его плетью за то, что худо привязываетъ лошадку его. — Василій Ивановичъ успокоилъ, однакожъ, сынка, сказавъ: «душа моя, Митенька, твоя лошадка бѣсится, оттого она и оторвалась»; и Митя расхохотался, и былъ доволенъ. Когда мы воротились домой къ обѣду и вошли въ покои, то пыль столбомъ и разгорѣвшіяся лица барышни и дѣвокъ показывали, что онѣ и сегодняшнее утро, пользуясь отсутствіемъ барина, провели въ тѣхъ же пріятныхъ занятіяхъ.

Вечеромъ, на половинѣ Василія Ивановича, шло все по старому; собесѣдники и пуншъ явились въ урочный часъ; но въ дѣтской произошла небольшая перемѣна противъ прежнихъ дней. Митенькѣ здѣсь нельзя было ѣздить на деревянной лошади своей, привязанной къ каретному ходу, ни Вѣрочкѣ также на своей; поэтому они, какъ охотники до ѣзды, выдумали ѣздить по комнатѣ другъ къ другу въ гости. — Пріѣхала Вѣрочка къ Митенькѣ на стулѣ; онъ принялъ ее привѣтливо, освѣдомился, по настоянію толстой няни, о здоровьѣ супруга гостьи своей, и обѣщалъ къ ней быть съ женой. Она уѣхала, а онъ ѣдетъ къ ней верхомъ на щеткѣ и погоняетъ кочергой; послѣдняя была жена его. Но Вѣрочка не хочетъ признать ее родней, говоритъ, что это не жена, а кочерга; Митенька, обидѣвшись невѣжливымъ пріемомъ сестры, которая никакъ не хотѣла поцѣловаться съ женой его, ткнулъ сестру, наконецъ, кочергой въ зубы, и вышибъ ей оныхъ два.

За исключеніемъ такихъ, довольно рѣдкихъ, особенныхъ случаевъ, все шло день за день обычномъ своимъ

порядкомъ; французъ выучилъ малютокъ Василья Ивановича французской азбукѣ; къ русской у нихъ не было охоты, и годъ прошелъ, когда мы остановились на раздорожицѣ, на *мыслете*. Василій Ивановичъ просилъ меня всегда только объ одномъ: не торопить и не принуждать дѣтей, идти исподволь, потихоньку. По окончаніи года, мнѣ плата выдана была сполна, и мы разстались съ Порубовымъ дружески, остались повидимому другъ другомъ довольны. Впродолженіе этого года, Василій Ивановичъ сдѣлалъ только одно умное дѣло: онъ скупилъ въ губерніи до двухъ сотъ мертвыхъ душъ, т. е. такихъ, которыя значились налицо, по послѣдней народной переписи, но которыхъ уже не было; за покойниковъ этихъ Василій Ивановичъ платилъ по 5 и 10 р., приписалъ ихъ законнымъ актомъ къ лоскуточку болота, купленному рублей за 500, а потомъ заложилъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ имѣнье въ 200 душъ, на которое имѣлъ всѣ законные акты, по указной цѣнѣ, по 200 р. душу и, взявъ 40 т. рублей, предоставилъ Совѣту вѣдаться съ болотомъ и покойниками. Не понимаю о-сю-пору, какъ Василья Ивановича на это стало.

На прощанье Митенька разсказалъ мнѣ, передразнивая голосомъ крикъ животныхъ, о коихъ говорилъ, прибасенку: жукъ летитъ и говоритъ: *убью;* гусь спрашиваетъ: *каво?* Теленокъ отвѣчаетъ: *меня*, а утка поддакнула; *такъ, такъ, такъ,* а коза подслушавъ:—*ме-э-э...!*

ГЛАВА XI.

ОТЪ КОЧЕРГИ И ЩЕТКИ ДО МЕТЛЫ СЪ ФОНАРЕМЪ.

Пріѣзжаю къ Сидору Еремѣичу, чтобы снарядиться въ путь, къ окончательной цѣли своей, въ столицу.

Хотя я и видался съ нимъ нерѣдко, но онъ обрадовался мнѣ до крайности, обѣщалъ нынѣ же къ обѣду растегаи и *акуратное* пивцо, разсказалъ, что голосъ его все еще не поправляется; показалъ мнѣ вновь составленное имъ полное собраніе русскихъ музыкальныхъ инструментовъ: балалайку, гудокъ, рожокъ, поигралъ на каждомъ немного, замѣтилъ, что и гусли его и торбанъ принадлежатъ сюда же, и что онъ писалъ черезъ птицелова Три-Ивана, на Украйну, и просилъ убѣдительно прислать, при первой возможности, *рыле*, съ которою тамъ слѣпцы поютъ думы свои; супруга его только-было начала разсказывать, какъ засѣдатель, неосторожно подгулявши, пошелъ плясать въ сочельникъ, и что его за это скорчило, таки вотъ такъ,—и присѣла, словно сама хотѣла проплясать въ присядку,—какъ вдругъ двери растворяются и входитъ самъ Иванъ Ивановичъ.

Одинъ почтенный нѣмецъ, который жилъ уже давненько въ Комлевѣ, никогда и никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы человѣка, который къ намъ теперь вошелъ, звали Иваномъ Ивановичемъ Ивановымъ.—Нѣмецъ говорилъ, покачавъ головой: «одинъ Иванъ—это должно, два Иванъ—это можно; три Иванъ—никакъ невозможно»; и, несмотря на всѣ убѣжденія, считалъ это шуткой и ничего болѣе не слушалъ. Вотъ почему Ивана Ивановича Иванова звали въ Комлевѣ *Три-Ивана;* подъ этимъ прозваніемъ былъ онъ извѣстенъ цѣлому городу. Это былъ отставной и холостой чиновникъ лѣтъ 50, который уже годовъ 15 занимался только двумя промыслами: мирилъ тяжущихся и ловилъ пѣвчихъ птицъ. Самъ онъ былъ миролюбивѣйшій человѣкъ въ мірѣ, а мирилъ другихъ какъ по внутреннему побужденію своему, такъ и для выслуги, по статуту, анненскаго креста; ему недоставало для этого еще только двухъ мировыхъ, изъ коихъ одну онъ имѣлъ

уже въ виду.—Пожелаемъ ему отъ души креста, который старика, повидимому, очень утѣшитъ; право, онъ его заслужилъ. Если бы у насъ хоть на десять ябедниковъ былъ всюду одинъ такой примиритель.

Три-Ивана былъ птицеловъ, голубятникъ и рыбакъ; и все это въ такой степени, до которой только можетъ развиться какая-нибудь страсть человѣческая. Добродушное, округлое, рябоватое лицо его сіяло, какъ воскресное солнышко, когда онъ заговорилъ о своемъ предметѣ,—а какъ онъ никогда и ни о чемъ болѣе не говорилъ, то и былъ постоянно веселъ и доволенъ. Остренькій носикъ, нѣсколько похожій на птичій, и каріе маленькіе глазки, настоящіе огневики, оживляли еще болѣе лучезарное благополучіемъ лицо, на коротенькомъ туловищѣ въ темнозеленомъ сюртукѣ, съ закинутыми на спину или опущенными въ задніе карманы руками; иначе Иванъ Ивановичъ не ходилъ; кожаный картузъ очень рѣдко надѣвался на лысину, а большею частью носился подъ мышкой, потому что вѣчно былъ набитъ разными птицеловными снарядами или живыми птичками, которыя у него не улетали даже изъ картуза,—такъ онъ умѣлъ съ ними ладить,—или, наконецъ, червями, рубленымъ мясомъ, для наживки удочки. Въ этомъ видѣ ходилъ Иванъ Ивановичъ, и притомъ вѣчно присвистывалъ сквозь зубы, манилъ чижа, щегла, снигиря или чечетку.

Три-Ивана жилъ въ своей, очень опрятной, избушкѣ, построенной всего на 4-хъ и $4^1/_2$ саженяхъ; на конькѣ поставлены шесты съ вѣниками, а на нихъ повѣшены цапки или западочки; по угламъ забора, также на шестахъ, скворечницы; весь дворикъ представляетъ родъ садика, въ которомъ большая часть небольшихъ деревьевъ подложныя, воткнутые сучья, обвязанные и обвѣшанные пучками разныхъ травъ и кустиковъ, для приманки птицъ. Посрединѣ родъ бесѣдки, къ которой

ведетъ узенькій, низкій крытый ходъ, прямо изъ дому, а по обѣ стороны бесѣдки *лужокъ* и *тайничокъ*, сѣтки, коими ловятъ птицъ и отъ коихъ шнуры проведены въ бесѣдку. Весь заборъ былъ кругомъ утыканъ вѣниками и метлами, волчцомъ и коноплями, и повсюду разставлены силочки; домъ и дворъ Ивана Ивановича былъ для птичекъ очарованный замокъ, изъ котораго, если онѣ только залетали, имъ улетать не удавалось. Иванъ Ивановичъ мастерски дразнилъ и подзывалъ всѣхъ, безъ изъятія, пѣвчихъ птицъ, гонялся иногда за какимъ-нибудь щегленкомъ, котораго признавалъ издали *шестерикомъ* или *осьмерикомъ* *), по цѣлому городу, лысый, руки въ карманахъ сюртука, и безъ картуза, и все насвистывалъ, и приводилъ-таки щегла, наконецъ, къ себѣ на дворъ, и подманивалъ подъ лучокъ. Домъ снутри и снаружи былъ рѣшительно покрытъ клѣтками всѣхъ родовъ и величинъ, работы самого Ивана Ивановича. Вы могли у него купить и промѣнять на что-угодно, по уговору, любую пѣвчую птичку, кромѣ чернаго жаворонка, котораго держалъ онъ, какъ привозную рѣдкость, и берегъ пуще глазу:— ему не было цѣны; на двухъ концахъ двора стояли двѣ голубятни: въ одной водились *чистые*, въ другой *вертуны* или *турманы*. Избави Богъ, если одному изъ тѣхъ или другихъ вздумалось бы перелетѣть на другую голубятню: Три-Ивана бросался, завидѣвъ такой соблазнъ, какъ бѣшеный, прямо изъ окна, съ хворостиной на дворъ, загонялъ всѣхъ голубей по мѣстамъ и на цѣлыя сутки запиралъ голубятни. Это дѣлалось, чтобы породы отнюдь не перемѣшались. За то, какіе были у Ивана Иваныча голуби! До него черные, чернопле-кіе, черногривые и чернопѣгіе вертуны не водились

*) По числу бѣлыхъ пятнышекъ на хвостѣ, состоящихъ, по словамъ знатоковъ, въ тѣсной связи съ голосамъ щегла.

вовсе; вѣрьте мнѣ,—ни у кого въ Россіи не водились: онъ ихъ развелъ въ своемъ заводѣ, на своей голубятнѣ и отъ него уже они разошлись, и теперь, конечно, не въ рѣдкость. Онъ завозилъ голубей своихъ за сотни верстъ, даже любимая шутка его была—подарить пріѣзжему охотнику голубка, показавъ напередъ, каково онъ *ходитъ*, и потомъ отъ души насмѣяться легковѣрному, который увозилъ голубя съ большими хлопотами домой, и только и видѣлъ его, покуда держалъ взаперти: какъ выпустилъ—такъ и пошелъ прямымъ путемъ домой, въ Комлевъ, къ Ивану Ивановичу. Иногда Три-Ивана распродавалъ охотникамъ всю голубятню свою, и бралъ за пару рубля по два, по три и болѣе; черезъ двѣ, три недѣли опять всѣ дома; охотники бывало только похаживаютъ вкругъ очарованнаго забора Ивана Ивановича, да поглядываютъ; взять нечего. За то, какъ берегъ ихъ Иванъ Ивановичъ, какъ холилъ, какъ ухаживалъ за бѣднякомъ, когда иной завертится и убьется;—а гоняетъ: безъ того нельзя, для чего же ихъ и держать? Но посмотрѣли-бъ вы, когда Три-Ивана взгонитъ *чистыхъ* своихъ! Тогда онъ отправляется обыкновенно на вышку, на бесѣдку, гдѣ на кровлѣ всегда стоялъ у него свѣтлый мѣдный тазъ съ водой: онъ чистился постоянно, по два раза въ недѣлю, по средамъ и по субботамъ. Тамъ-то стоитъ Иванъ Ивановичъ, превыше суетъ мірскихъ, и глядитъ не вверхъ, гдѣ голуби летаютъ, а внизъ, въ воду, въ тазъ, и видитъ все, видитъ, какъ они ходятъ на кругахъ, все выше да выше, и круга дѣлаются все меньше да меньше; изрѣдка только, глядя въ магическое зеркало свое, покрикиваетъ онъ: «врешь, врешь, сбился», когда голубь выходилъ изъ круга, но черезъ минуту все опять было въ порядкѣ. Если случалось, что какой нибудь изъ голубей, не смотря на благородство крови своей и приличное данное ему воспитаніе, выходилъ не въ семью, безобра-

зилъ поведеніемъ своимъ всю голубятню, посрамлялъ товарищей и хозяина, напримѣръ: козырялъ, хлопалъ крыльями на лету, рыскалъ, садился на чужія кровли, то Три-Ивана съѣдалъ его преспокойно, на другой же день, въ бѣломъ соусѣ. Верхъ торжества для Ивана Ивановича былъ, когда онъ успѣвалъ сманить и загнать чужого голубя; но онъ никогда не позволялъ себѣ при этомъ какихъ-нибудь неблагопристойностей, низостей, какъ другіе голубятники, напримѣръ: ловить голубей въ силки, или тому подобное;—нѣтъ, онъ дѣйствовалъ всегда на-чистоту, хоть самъ хозяинъ тутъ стой: подпускалъ своихъ, осаживалъ ихъ исподволь, опять подганивалъ, если нужно, а какъ скоро только сѣлъ пріятель, то уже все равно, что въ рукахъ; Три-Ивана заганивалъ его прутомъ вмѣстѣ со своими въ голубятню, и тотъ уже не смѣлъ и подумать улетѣть, ровно невидимая сила его приковала, слушается, и идетъ! Но враги Ивана Ивановича (на которыхъ онъ былъ золъ, и могъ очень сердиться)—это были хорьки, ястреба и, въ особенности, кошки. «Я лучше дамъ себя укусить бѣшеной собакѣ», говаривалъ онъ, «чѣмъ позволю кошкѣ перелѣзть по моей крышѣ.» И онъ въ 15 лѣтъ успѣлъ убѣдить всѣхъ жителей Комлева въ непозволительности держать въ городѣ кошекъ, или успѣлъ перебить всѣхъ ихъ,—не знаю; но только въ Комлевѣ давно уже кошки перевелись: не было ни одной. Пожалуйтесь на крысъ и мышей, и Три-Ивана сію минуту задаритъ васъ мышеловками своей работы, только не держите, не разводите кошекъ. При всемъ неограниченномъ миролюбіи его, у него бывали ссоры и тяжбы съ сосѣдями за кошекъ; онъ настоятельно требовалъ, чтобы полиція запретила держать ихъ, подводя ихъ подъ статью о хищныхъ звѣряхъ, которыхъ пунктомъ такимъ-то держать въ городахъ запрещено. Не успѣвъ же въ этомъ дѣлѣ путемъ правосудія, ус-

пѣлъ онъ въ немъ путемъ убѣжденія и самовластія: билъ кошекъ всюду, гдѣ онѣ ему попадались, ловилъ ихъ въ капканы, платилъ мальчишкамъ за каждую убитую ими кошку, усовѣщевалъ жителей, при каждомъ удобномъ случаѣ, не держать этой подлой твари, которая бываетъ причиною всякаго зла на свѣтѣ: лихорадки, сухотки, родимца и вообще гнѣва Божія. Если же ястребъ, коршунъ или сорокопудъ попадались въ руки нашему Три-Ивана, то онъ, добродушнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, не довольствовался простою смертью хищника, а казнилъ его на маленькомъ лобномъ мѣстѣ, и долго мучилъ и терзалъ напередъ, съ разными поучительными наставленіями.

Весною и осенью Три-Ивана ловилъ пѣвчихъ пролетныхъ птицъ, какъ у себя дома, такъ и въ близкихъ рощахъ, куда уходилъ съ зарею на цѣлый день, со всѣми необходимыми снарядами; лѣтомъ ловилъ перепеловъ, накрывалъ жаворонковъ, и кромѣ того, рыбачилъ на удочку, чѣмъ занимался и въ теченіе цѣлой зимы. И это дѣло, какъ извѣстно, мастера боится: никто не умѣлъ сдѣлать крючокъ, вылить въ мѣлъ или кирпичъ грузильце и пригнать поплавокъ такъ, какъ Три-Ивана; ни у кого рыба не клевала какъ у него, и онъ разсказывалъ вамъ подробно, сколько въ которомъ изъ ериковъ и озеръ какой рыбы счетомъ, говорилъ объ ней какъ о дворовой птицѣ, какъ будто всѣ подгородныя воды составляютъ собственность его или сняты имъ на откупъ, и онъ всю рыбу бережетъ для себя одного. Часто слышали отъ него жалобу, въ родѣ слѣдующей: «плутъ этотъ, кривой Мишка, вытащилъ *у меня* изъ Грачева озера 13 окуней; что съ нимъ будешь дѣлать—пусть ѣстъ на здоровье; однако, видно, еще сотни съ полторы крупныхъ осталось.»

О молодости Ивана Ивановича разсказывали въ Комлевѣ два анекдота, не знаю выдуманныхъ или

истинныхъ; говорятъ, что онъ, будучи въ то время еще страстнымъ охотникомъ до ружья и собакъ (охоту эту Три-Ивана впослѣдствіи однако же бросилъ вовсе), просился изъ той губерніи, гдѣ служилъ, въ южныя губерніи Россіи, потому только, что суровый климатъ былъ не по здоровью любимой лягавой собакѣ его; и второе, что Ивана Ивановича въ молодости, еще въ чинѣ губернскаго регистратора или провинціальнаго секретаря,—не помню чиновъ, о коихъ нынѣ уже почти не слыхать—товарищи завели ночью въ овинъ воробьевъ бить: взяли по метлѣ, а ему дали въ руки фонарь, приперли ворота, и вмѣсто воробьевъ, его же бѣднаго самого гоняли по овину изъ угла въ уголъ метлами.

ГЛАВА XII.

ОТЪ МЕТЛЫ СЪ ФОНАРЕМЪ И ДО САМОГО ПОЛКОВНИКА И ДАЛЬШЕ.

Какъ бы то ни было, а Три-Ивана вошелъ къ пріятелю своему Сидору Еремѣичу, придерживая осторожно подъ мышкой картузъ, поздоровался, подошелъ къ ручкѣ супруги хозяина, опять запустилъ руки въ задніе карманы, повертывался на каблукахъ, разсказывалъ съ восхищеніемъ, какъ онъ казнилъ сегодня сорокопуда, который былъ до того дерзокъ, что хотѣлъ вытащить синичку изъ клѣтки; Сидоръ Еремѣичъ приказалъ подать для двухъ гостей своихъ самоваръ, хозяйка потчивала и угощала насъ усердно, и отвѣчала, когда Иванъ Ивановичъ, какъ человѣкъ вѣжливый, привсталъ съ мѣста и просилъ, чтобы она сама изволила выкушать чашечку, отвѣчала: «благодарю покорно, я одну посудинку выдержала, непродовольствовалась». Сдѣлавъ должное и успокоивъ такимъ образомъ совѣсть свою, Три-Ивана обратился ко мнѣ и заговорилъ со

мною какимъ-то горестнымъ, сострадательнымъ родомъ, жалѣя и соболѣзнуя о горькой участи моей и утѣшая меня тѣмъ, что Богъ не безъ милости. Я отвѣчалъ ему, что, слава Богу, кончилъ дѣла свои хорошо, и теперь ѣду въ Питеръ, куда такъ давно порывался. «Какъ ѣдете?» спросилъ онъ, «да вѣдь у насъ наборъ?»—Какая же мнѣ нужда до набора?—«Помилуйте, да вѣдь васъ общество наше, мѣщане, отдаютъ въ рекруты; они тамъ высчитали, что очередь за вами?»

Три-Ивана не обманулъ меня: общество посылало уже за мною въ усадьбу Порубова и, не заставъ меня тамъ, въ тотъ же вечеръ отыскало въ домѣ Сидора Еремѣича, посадило въ кандалы и отправило съ отдатчиками въ губернскій городъ. Я отъ нечаянности этого происшествія такъ обезумѣлъ, что опомнился только въ губернскомъ городѣ, гдѣ засталъ уже письмо примирителя и птицелова, въ которомъ онъ, какъ законникъ, изъявилъ сильное сомнѣніе, вправѣ ли общество отдать меня, какъ отставного унтеръ-офицера, снова на службу, и совѣтовалъ объявить объ этомъ подробно въ присутствіи.

Одинъ изъ отдатчиковъ, ходившій хлопотать тутъ и тамъ о скорѣйшемъ пріемѣ нашемъ, воротился съ вѣстью, что подмазалъ вездѣ, гдѣ было можно: инспектору врачебной управы отдалъ самъ изъ рукъ въ руки и съ глазу на глазъ; прокурору, чрезъ одного изъ присяжныхъ, который по этимъ дѣламъ употреблялся; военному пріемщику, чрезъ унтера его, и, кажется, все ладно. На другое утро меня повели. Солдатомъ я служилъ, какъ читатели помнятъ, но въ рекрутскомъ присутствіи не бывалъ, а отданъ прямо, черезъ бригаднаго командира кантонистовъ; нынѣ при всѣхъ продѣлкахъ, одно только не показалось мнѣ, что унтеръ-офицеръ сталъ толкать меня носками по голени, чтобы я подъ мѣркой вытягивался. Я и безъ того не присѣ-

далъ, а стоялъ солдатомъ; но онъ дѣлалъ это по всегдашней привычкѣ и обычаю.

Въ присутствіи, кромѣ прочихъ, былъ еще жандармскій штабъ-офицеръ и даже флигель-адъютантъ. Это не прежнія времена, и нынѣ при выборѣ всякую неправду выведутъ наружу. Надобно же быть еще такому случаю: военный пріемщикъ былъ прежній ротный командиръ мой; а знаете-ли, кто былъ флигель-адъютантъ? Родной отецъ мой, полковникъ.

Ну, нечего по-пустому калякать: меня выслушали, призадумались, дѣло было сомнительное, хотя и казалось бы — отдавать отставного унтера въ солдаты нельзя; но никто не смѣлъ взять на себя рѣшеніе этого вопроса, случая необыкновеннаго, на который у насъ нѣтъ никакихъ постановленій,—и два мѣсяца прошло въ перепискѣ, на которую однако же послѣдовало рѣшеніе въ мою пользу. Я жилъ у полковника, разсказывалъ ему всѣ похожденія свои—онъ слушалъ съ любопытствомъ, и взялъ съ меня слово, что я напишу записки свои: вотъ онѣ. Полковникъ былъ здѣсь на короткое время и безъ семейства—Груша выходитъ замужъ и, какъ говоритъ полковникъ, очень счастливо. Триста рублей полковничьихъ къ моимъ четыремъ сотнямъ, которыя я сберегъ въ цѣлости, итого 700, — сумма почти баснословная,—зашита была въ синій получекмень мой, и я отправился съ обозомъ извозчиковъ по пути въ Питеръ.

Что мнѣ докучать читателю, не только подробностями пути, но и самаго житья моего въ Питерѣ: я перебивался съ петельки на пуговку, съ корки на корку; для чужого человѣка Питеръ—тотъ же лѣсъ, а люди, покуда не обживешься, не спознаешься съ ними, тѣ же дикари и звѣри. Не стану пересчитывать вамъ всѣ сотни тысячъ неудачъ, которыя встрѣчалъ я каждый день и на каждомъ шагу: но дайте разсказать

мнѣ два-три примѣра. Менѣе всего помѣхъ встрѣтилъ я со стороны медико-хирургической академіи; тамъ только нашелъ я радушный пріемъ и поддержку. Всего труднѣе было мнѣ заработывать, во все время, свой кусокъ хлѣба и форменный мундиръ со всею къ нему аммуниціей. Учить дѣтей и переписывать съ листа— вотъ источники для нашего брата; я вовсе не прочь и отъ черной работы, но колкой дровъ и ноской воды болѣе какъ на хлѣбъ не заработаешь, а время убьешь все; мнѣ же можно было работать только по ночамъ, да междучасками.

Попалъ было я въ контору русскаго купца, съ уговоромъ, работать вечеромъ по два часа; но вскорѣ стали меня употреблять вмѣсто артельщика, давать кучу порученій на слѣдующее утро, когда мнѣ надо было быть на чтеніи. Я объяснился: это-де противъ уговора и сверхъ силъ моихъ, и уволенъ былъ съ такимъ аптекарскимъ счетомъ, по которому, славу Богу, съ меня ничего не взяли.

Попалъ я еще къ портному, для переписки всѣхъ счетовъ его на тисненой розовой бумагѣ голубыми чернилами, какъ любовныя записки — но онъ хотѣлъ также возложить на меня не только обязанность сборщика всѣхъ недоимокъ, но и отвѣтственность за нихъ: «вы самъ писалъ четъ,» говорилъ нѣмецъ, «вы долженъ отвѣчать; это мой правилъ».

Но самый замѣчательный въ этомъ родѣ случай былъ и съ замѣчательнымъ лицомъ; позвольте распространиться.

XIII.

НЕЧЕТНАЯ И НЕДОБРАЯ, КАКЪ ТРИНАДЦАТЫЙ ГОСТЬ ЗА СТОЛОМЪ.

Въ началѣ семисотыхъ годовъ, когда у насъ можно было идти по самозванцы, что по грибы, когда Царе-

вичемъ Димитріемъ не назывался развѣ только тотъ, кто не хотѣлъ; когда бѣдная отчизна наша, изнемогая отъ ранъ, едва въ силахъ будучи поднять, на болѣзненномъ одрѣ своемъ, отягченную уже оковами руку, и отмахивалась отъ лжецарей своихъ, какъ отъ шерней и оводовъ—въ это время услышали впервые про боярина Андрея Горипалаго, который былъ, по крайней мѣрѣ, пальцемъ на одной изъ удрученныхъ рукъ своего отечества. Горипалый не былъ самъ свидѣтелемъ убіенія Царевича Димитрія, но, будучи преданъ душой отчизнѣ своей и Богомъ даннымъ Государямъ, онъ вызвался для посылки къ первому тогда появившемуся самозванцу, убѣдился лично, что это не Димитрій, котораго онъ видалъ, убѣдился даже, что самозванецъ этотъ былъ не русскій, и съ этой минуты Горипалый уже не давался болѣе въ обманъ, а убѣждалъ, кого могъ, сильнымъ словомъ своимъ, здравымъ умомъ и теплымъ сердцемъ, не вѣрить обманщикамъ, постоять за мать государство свое, за себя и за дѣтей и внучатъ своихъ, за кости дѣдовъ, бить поголовно незванныхъ пришельцевъ и грабителей земли русской, покуда они еще ссорятся промежъ собою; и, наконецъ, —онъ же, бояринъ Андрей Горипалый, какъ говоритъ темное преданіе, не послѣдній вразумилъ бояръ избрать на царство благодатный Домъ Романовыхъ.

Сынъ Андрея былъ въ числѣ осьмнадцати молодыхъ людей, посыланныхъ еще Борисомъ Годуновымъ за море для ученья, и бояринъ Андрей самъ просилъ Царя объ этой милости для сына своего, милости, которой въ тѣ времена другіе боялись и вовсе ея не искали.—Нисходя далѣе, находимъ потомка Андрея Горипалова при лучезарномъ дворѣ одной изъ славнѣйшихъ въ мірѣ Императрицъ; но знаемъ объ этомъ Горипаловѣ мало, почти только, что онъ уже прибавлялъ къ прозванію своему *овъ* вмѣсто *ый*, былъ искусный

распорядитель пышныхъ празднествъ и пировъ; но человѣкъ съ головой, и выписалъ для сына своего чрезвычайно лощенаго, всезнающаго француза, въ шитомъ атласномъ кафтанѣ, съ рукавами въ натяжку.—Французъ этотъ поставилъ на ноги уже не такого чудака, какъ былъ Горипалый Андрей;—и этотъ, правда, также назывался Андреемъ,—чѣмъ знаменитый гофмаршалъ, отецъ его, хотѣлъ напомнить Государынѣ услугу и заслуги праотца того же имени—но Андрей въ Андрея, какъ извѣстно, не удается; иной угодитъ въ родъ и племя, а иной свихнется. Впрочемъ, если въ этомъ Андреѣ и было еще что-нибудь, кромѣ лица человѣческаго, то уже въ сынѣ этого Андрея, въ Гаврилѣ Андреевичѣ Горипаловѣ, свѣтское воспитаніе нашего вѣка добилось, наконецъ, настоящаго первообраза своего, полновѣснаго вельможи. Довольно любопытно слѣдить такимъ образомъ, какъ мы теперь, за цѣлымъ поколѣніемъ, и видѣть, какъ природа постоянно борется съ искусствомъ нашимъ, какъ порывается родить человѣка, по исподволь пересиленная, переспоренная воспитаніемъ нашимъ, нерѣдко, наконецъ, должна уступить ему и произвести на свѣтъ, въ третьемъ, четвертомъ колѣнѣ, настоящее животное. Тутъ, въ Гаврилѣ, кажется, уже нечего было ни чинить, ни портить, а онъ вылился съ самаго первоначала, какъ ему быть слѣдовало: ни толстъ, ни тонокъ, ни коротокъ, ни дологъ, а такъ, очень видный, рослый, плотный, хорошо сложенный мужчина. Лобъ у него былъ превысокій, уши плоскія, огромныя, брови густыя и морщины надъ ними очень благообразныя; глаза также большіе, но какіе-то междоумки: трудно было рѣшить, съ перваго взгляда, что въ нихъ сквозило, чѣмъ они блестѣли, тупеемъ ли, остріемъ ли, съ лица ли, или съ изнанки—но въ нихъ была какая-то важная остойчивость; а расходящаяся, отъ внѣшнихъ угол-

ковъ глазныхъ къ вискамъ, связка мелкобороздыхъ морщинокъ придавала даже иногда глазу Гаврилы Андреевича видъ какой-то прозорливости. Лицо его было вообще довольно окладистое, черты всѣ очень соразмѣрныя, но что бросалось въ глаза, при первой встрѣчѣ съ Гаврилою Андреевичемъ, и чему завидовали всѣ сверстники и даже наголовники его, это было удивительное искусство, съ которымъ природа расположила на лицѣ его всѣ морщинки и складочки: онѣ были такъ правильны, такъ отчетисто и чисто подобраны, что нельзя было бы вытиснуть ихъ лучше зубчатымъ утюгомъ. Все это вмѣстѣ придавало лицу Гаврилы Андреевича, а слѣдовательно и ему самому, видъ чрезвычайно основательный, разсудительный, важный, дѣловой, а для нѣкоторыхъ даже умный; онъ и слылъ тонкимъ политикомъ.

Я въ одно время работалъ немного на Гаврилу Андреевича—не думайте однако же, чтобы я шилъ на него сапоги, нѣтъ: это было дѣло знаменитаго Аренса —я сдѣлалъ, по заказу, нѣсколько выписокъ изъ огромнаго тяжебнаго дѣла, и поэтому былъ разъ или два въ кабинетѣ этого вельможи, видѣлъ также, какъ онъ принималъ однажды поутру десятка два дѣловыхъ посѣтителей, большею частью по службѣ, и могу вамъ все это пересказать; разумѣется, что оно останется между нами. Съ этимъ же условіемъ я признаюсь вамъ также, за что я потерялъ довѣренность Гаврилы Андреевича, и почему, впослѣдствіи уже, кабинетъ его сдѣлался для меня столь же недоступнымъ, какъ гостиная его: мнѣ слѣдовало получить за труды мои 175 рублей, по уговору; я былъ такъ неостороженъ, что деньги эти мнѣ понадобились, и какъ никто мнѣ ихъ не приносилъ, то я за ними осмѣлился придти самъ; съ тѣхъ поръ Гаврилы Андреевича, по нынѣшній день, все нѣтъ да нѣтъ дома, и я ему уже не работникъ

Если бы вамъ можно было, при свиданіи съ Гаврилою Андреевичемъ—напримѣръ у князь Соломкина, я знаю, что вы тамъ бываете—если бы, говорю, можно было напомнить какъ-нибудь Гаврилѣ Андреевичу о нижайшемъ ожиданіи моемъ, то вы бы меня этимъ очень одолжили.

Дома, и одинъ про себя, Гаврила Андреевичъ жилъ по своему и для себя, а у людей или при людяхъ побольшесвѣтски. Поэтому и надобно отличить въ немъ двухъ особъ, два лица: Гаврила Андреевичъ домашній, свойскій, себѣ на умѣ, и Гаврила Андреевичъ гостинный, свѣтскій, или какъ нынѣ сказали бы: салонный; домашній ходилъ въ лиловыхъ плисовыхъ сапогахъ, въ китайскомъ парчевомъ халатѣ, съ непокрытой головой, на которой сѣдые, не совсѣмъ рѣдкіе волосы причесаны были просто, безъ всякихъ затѣй; въ правой рукѣ, у домашняго Гаврилы Андреевича, почти безвыходно жила большая золотая табакерка и двойной индійскій платокъ, то есть два платка, сложенные одинъ на одинъ, вмѣстѣ: это заведено было, ради всегдашняго затяжного насморка. Домашній Гаврила Андреевичъ всегда плевалъ въ серебряную чашку съ граненой и вызолоченой крышкой: всегда садился между двухъ зеркалъ, когда его причесывали, и открякивался, харкалъ и пыхтѣлъ, во все время этой продѣлки, особеннымъ, звучнымъ и величественнымъ образомъ, не спуская большихъ глазъ своихъ съ зеркала; домашній глядѣлъ всегда сухо, важно, былъ молчаливъ, угрюмъ, спрашивалъ, отвѣчалъ и приказывалъ всегда односложными словами: «да, нѣтъ, ну, а?» И, наконецъ, у домашняго нижняя губа всегда казалась нѣсколько отвислою, или по крайней мѣрѣ она выпячивалась немного впередъ. Въ гостиномъ большесвѣтскомъ Гаврилѣ Андреевичѣ всего этого слѣду не было; прическа изысканная, подчерненный помадой

курчавый волосъ въ завиткахъ, чулки и башмаки, хотя уже короткихъ штановъ не носили; на пальцахъ богатые перстни, тонкій батистовый платокъ, и только два такихъ же про запасъ въ карманѣ; табакерка маленькая, осыпанная алмазами, съ изображеніемъ барскаго дворца и усадьбы села Прохорова, наслѣдья Горипаловыхъ; походка важная, но не спѣсивая, лицо привѣтливое; нижняя-же губа подбиралась всегда на свое мѣсто; притомъ, всегдашняя улыбка, шутливость и веселость. Изъ всего этого вы изволите видѣть, что хотя Гаврила Андреевичъ лобъ и уши свои носилъ безсмѣнно и въ гостяхъ, и дома, но что все это принимало, въ большомъ свѣтѣ, какъ-то иной видъ и образъ: тамъ праздничный, а тутъ будничній; въ свѣтѣ Гаврила Андреевичъ ходилъ на лицо, а дома сидѣлъ на изнанку, или можетъ быть наоборотъ, какъ угодно.

Утро у Гаврилы Андреевича было дѣловое, и я обѣщалъ вамъ разсказать занятія одного такого утра, въ которое мнѣ случилось простоять съ часа-мѣста въ пріемной благодѣтеля моего.

Когда ударило одиннадцать, то Гаврило Андреевичъ вышелъ, въ коричневомъ сюртукѣ со звѣздой, и пошелъ сряду въ обходъ, приговаривая: «вы что? что?» или: «что вамъ угодно?» смотря по степени извѣстности ему дѣла или дѣлового просителя. Впрочемъ, тутъ постороннихъ значительныхъ лицъ не было вовсе: это все почти были свои.

Первый чиновникъ подалъ списокъ и отчетъ по данному ему порученію, распорядиться приглашеніемъ половины столицы на вечеръ. Тутъ Гаврила Андреевичъ, развернувъ расположенный по азбучному порядку списокъ, съ перваго взгляда замѣтилъ, что на букву С кого-то недостаетъ; слѣдовало быть, какъ Гаврила Андреевичъ зналъ на память, девять человѣкъ, а тутъ только восемь. Чиновникъ, служившій, какъ видно, по

этой части не первый день, далъ на это не запинаясь удовлетворительный отвѣтъ, объяснивъ, что одинъ С. изъ столицы, а слѣдовательно и изъ букваря Гаврилы Андреевича, выбылъ.

Другой чиновникъ, собою очень благовидный, поклонился, сказавшись чиномъ и прозваніемъ, и просилъ покорно какого-то незанятаго доселѣ мѣстечка, ссылаясь притомъ, относительно себя, на двухъ извѣстныхъ Гаврилѣ Андреевичу лицъ. Гаврила Андреевичъ заставилъ чиновника повторить трижды имя свое, сказалъ потомъ, прищурясь и приподнявъ голову, что какой-то однопрозванецъ просителя служилъ у Ивана Петровича, и былъ удаленъ *по неблагонадежности* своей, такъ уже не онъ ли это? И на отвѣтъ просителя, что онъ у Ивана Петровича не служилъ, и никогда и ни откуда удаленъ не былъ, отвѣчалъ, кивнувъ головой и проходя далѣе: «да, ну объ этомъ надобно прежде обстоятельно узнать». Проситель поклонился и тутъ же вышелъ.

Еще чиновникъ принесъ, на выборъ и благоусмотрѣніе Гаврилы Андреевича, печатные дѣловые бланки съ вычурными узорчатыми заголовками. Его превосходительство изволилъ разсматривать ихъ съ большимъ вниманіемъ, относя все дальше и дальше отъ себя, во всю длину руки, и закидывая назадъ голову, поверты-валъ листъ въ рукахъ, сличалъ, сравнивалъ; но какъ очковъ у Гаврилы Андреевича при себѣ не было, а дѣло показалось ему слишкомъ важнымъ, чтобы рѣшить его такъ, на скорую руку, то и было чиновнику приказано обождать, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи выхода заняться этимъ основательно и на досугѣ, въ кабинетѣ.

Наконецъ, очередь дошла до низенькаго, черноволосаго чиновника съ анненскимъ крестомъ на шеѣ, на котораго я уже давно смотрѣлъ, не понимая, какія у него въ рукахъ разноцвѣтныя дощечки? Это, какъ оказалось, были образчики красокъ, для окраски половъ,

дверей и оконъ въ департаментѣ. Это дѣло отвлекло Гаврилу Андреевича уже вовсе отъ остальныхъ докладчиковъ, и дѣловое утро тѣмъ кончилось. Сперва изволили разсматривать образчики отъ свѣту, къ себѣ и отъ себя, и съ боку, потомъ подошли къ окну, и дѣлали разныя замѣчанія на счетъ цвѣта, вида, цѣны, сравнивали, сличали, клали дощечки на полъ и отходили отъ нихъ и заходили со всѣхъ сторонъ, приказывали держать ихъ въ рукахъ, подымая выше головы и отходить и постепенно приближаться—а, наконецъ, изволили отправиться въ кабинетъ, унести съ собою образчики, и позвать туда же низенькаго чиновника съ анненскимъ крестомъ и еще другого, съ извѣстными бланками.

Слышавъ своими ушами, какъ Гаврила Андреевичъ изволили приказать чиновнику, который приходилъ съ зазывнымъ спискомъ для раута, чтобы на офиціантовъ справить къ этому вечеру бѣлые атласные жилеты и шелковые чулки, я уже нисколько не призадумался подойти къ его превосходительству съ покорнѣйшею просьбою, приказать выдать мнѣ мои 175 рублей, о коихъ, конечно, полѣнились-де доселѣ довести до его свѣдѣнія, между тѣмъ какъ они мнѣ, бѣдному человѣку, крайне нужны... Но видно я, отъ робости, говорилъ такъ тихо, что Гаврила Андреевичъ меня и не слышалъ; по крайней мѣрѣ они не обратили на меня никакого вниманія, а впослѣдствіи швейцаръ уже не пускалъ меня болѣе въ домъ, и должокъ остался за Гаврилой Андреевичемъ по сегодняшній день. Вотъ вамъ все.

ГЛАВА XIV.

ОТЪ ГЛАВЫ ТРИНАДЦАТОЙ И ДО ПЯТНАДЦАТОЙ.

Всѣхъ лучше и вѣрнѣе, какъ узналъ я на опытѣ, платятъ господа сочинители за перебѣлку сочиненій

своихъ, особенно стихотворцы, если только угодишь ихъ вкусу размѣщеніемъ и пригонкой стиховъ и выборомъ прописныхъ буквъ. Разъ, помню, досталось мнѣ перебѣлять огромное предположеніе одного весьма извѣстнаго сановника, о томъ, чтобы, для исправленія народной нравственности, забить въ кабакахъ наглухо двери и сдѣлать только стойки въ окнахъ, прямо съ улицы. Разсужденіе это начиналось словами: «Въ предметѣ томъ, поелику, ибо и въ тѣхъ видахъ для соблюденія казеннаго интереса,» и проч.

Наконецъ, попалъ я на колею, которая избавила меня отъ всѣхъ крайностей денежной нужды, но это было уже въ послѣдній годъ моего курса. Судьба свела меня съ журналистомъ, который сдѣлалъ изъ меня, какъ изъ многихъ другихъ студентовъ, если не писателя, то по крайней мѣрѣ писаку. Я писалъ по заказу обо всемъ, о чемъ писать меня заставляли, получалъ небольшія деньги всегда сполна, и видѣлъ послѣ статьи свои въ печати съ разными прикрасами и съ загадочными подписями двухъ буквъ, взятыхъ на выдержку изъ азбуки нашей.

Вотъ сколько я наговорилъ о побочныхъ и пустыхъ предметахъ, окружавшихъ меня во время четырехъгодичнаго университетскаго курса, а не сказалъ ничего собственно о послѣднемъ, о занятіяхъ моихъ. Все шло чинно, мѣрно, тихо, и я получилъ, наконецъ,—дѣйствительно заслужилъ и получилъ, — дипломъ лѣкаря первой степени. О, это стоило для меня всѣхъ первостепенныхъ звѣздъ на свѣтѣ! Давнишнія, завѣтныя мечты мои исполнились, я самъ себѣ заработалъ и пріобрѣлъ почетное мѣсто въ обществѣ, и теперь не стыдно было мнѣ назваться воспитанникомъ коровницы и отставнымъ унтеръ-офицеромъ; я, напротивъ, гордился этимъ, и охотно разсказывалъ всякому, кому угодно было меня послушать. Вслѣдъ за томительнымъ испытаніемъ, на

которомъ мнѣ очень трудно было отвѣчать по заведенному порядку, наизусть отъ слова до слова и безъ собственныхъ разсужденій, я отправленъ былъ въ Алтыновскую губернію уѣзднымъ лѣкаремъ того же уѣзда.

На пути въ Алтыновъ былъ со мною странный случай: судьба, казалось, хотѣла испытать на выѣздахъ, на первыхъ порахъ, рѣшимость молодого врача, едва только вступившаго въ это званіе. Уставши и простудившись немного, я рѣшился переночевать въ одной деревнѣ, тѣмъ болѣе, что я выѣхалъ изъ столицы сейчасъ послѣ назначенія своего, и противу поверстнаго срока опоздать не боялся. До свѣту еще сдѣлался въ избѣ шумъ и вопль; я вскочилъ, думая, что пожаръ, но оказалось другое: какой-то бродяга повѣсился на воротахъ у хозяина моего, и баба, идучи по воду, кинула ведра свои, бросилась въ избу и подняла страшный вой. Я снялъ немедленно висѣльника, несмотря на всѣ убѣжденія хозяина, и старался привести его въ чувство: но старанія мои были тщетны. Между тѣмъ мужики собрались, старосты и прочее деревенское начальство, и объявили мнѣ рѣшительно, что не выпустятъ меня изъ села покуда не пріѣдетъ исправникъ, даже поговаривали довольно громко, что меня должно посадить подъ караулъ. — Никакія убѣжденія и угрозы мои не помогли, меня стерегли, караулили, не давали лошадей, и продержали трои сутки, до прибытія исправника. Къ крайнему удивленію моему, этотъ нашелъ не только распоряженія мужиковъ вполнѣ основательными, но, посадивъ-таки хозяина моего и сосѣдей его подъ караулъ и осуждая поступокъ мой, какъ крайне неблагоразумный и подозрительный, увѣрялъ, что никакъ не можетъ понять, какая мнѣ, постороннему человѣку, была нужда, мѣшаться въ такое *уголовное* дѣло, и требовалъ, чтобъ я ѣхалъ съ нимъ въ уѣздный городъ. Показавъ ему свою подорожную, я объявилъ положительно, что ни-

куда бы не поѣхалъ по подобному настоянію его, но что мнѣ дорога и безъ того лежитъ туда, и потому, милости просимъ, если угодно, ѣхать вмѣстѣ. Тамъ держать меня долѣе не посмѣли, взяли только отъ меня письменное показаніе во всемъ и напророчили бѣду неминучую. Бѣды, конечно, не было, но перепиской по этому дѣлу мучили меня болѣе году, и самъ инспекторъ управы очень былъ недоволенъ неумѣстнымъ рвеніемъ моимъ, и судилъ точно какъ коломенскій исправникъ: «на что мѣшаться и вязаться не въ свое дѣло?» — А если бы висѣльникъ былъ еще живъ? — возразилъ я. Но инспекторъ оставался при своемъ: «какое вамъ до него дѣло, на что въ такія непріятности мѣшаться?»

Прибывъ въ Алтыновъ и принявъ дѣла свои, я при первой поѣздкѣ для освидѣтельствованія какого-то мертваго тѣла, открылъ изобрѣтательную промышленность моего лѣкарскаго ученика, который, при покойномъ предмѣстникѣ моемъ, управлялъ врачебно-полицейскими дѣлами уѣзда и, съ большимъ умѣніемъ и знаніемъ всѣхъ обстоятельствъ и отношеній, обдѣлывалъ самыя щекотливыя и тонкія дѣлишки. Въ одномъ, довольно значительномъ селеніи, чрезъ которое мнѣ довелось ѣхать, въ сопровожденіи правой руки моего предмѣстника, крестьяне рѣшились отправить ко мнѣ въ избу цѣлое посольство, мимо низшей инстанціи, моего подручника, который, стоя въ сѣняхъ, старался выпроводить взашей незванныхъ гостей, спасибо неробкихъ: вытолкали ихъ въ дверь, они подошло къ окну, съ нижайшею просьбою, отсрочить имъ сборъ по 40 коп. съ дому, который разложилъ моимъ именемъ расторопный ученикъ (только право не мой) на все село, за прививаніе оспы. Я глядѣлъ на мужиковъ во всѣ глаза, но вскорѣ, смекнувъ въ чемъ дѣло, позвалъ ихъ къ себѣ, и все объяснилось. Это водилось, искони, такимъ обра-

зомъ: ученикъ отправляется прививать оспу; пріѣзжая въ деревню, коли можно въ рабочую пору, онъ разстанавливается какъ можно шире на квартирѣ, шумитъ, кричитъ, грозитъ, требуетъ на завтра подводъ, посылаетъ во всѣ дворы обвѣщать, чтобы всѣ бабы съ ребятами собирались, и раскладываетъ по столамъ и скамьямъ ножи, ланцеты, всякіе припасы, требуетъ бинтовъ, повязокъ и чтобы все это на каждомъ дворѣ было готово по образцу. Затѣмъ и самъ вздыхаетъ тяжело, сожалѣя объ участи малыхъ ребятъ, которыхъ велѣно рѣзать ланцетомъ и прививать такимъ снадобьемъ, о которомъ-де въ священномъ писаніи ничего не говорится; бабы ревутъ, отстаиваютъ дѣтей, и мужики рады, если могутъ отдѣлаться умѣреннымъ взносомъ, котораго вѣдь и за труды, все одно, не миновать же. И десятскіе, послѣ разговора старосты съ оспопрививателемъ на особицу, бѣгаютъ по селу, стучатъ въ ставни и обвѣщаютъ сносить по гривнѣ съ дому, такъ лѣкарь (то есть фельдшеръ) уѣдетъ и никого не тронетъ. На слѣдующій разъ онъ пріѣзжаетъ съ тѣмъ же, и еще съ новыми угрозами: подать жалобу, что уже и весною не давали привить дѣтей—и конецъ пѣсни тотъ же; наконецъ, случится ѣхать уѣздному лѣкарю—не говорю уже о членѣ управы—тутъ уже всякій видитъ необходимость загладить прошедшее, кончить дѣло миролюбивой сдѣлкой, и староста опять повѣщаетъ о сборѣ. Такимъ образомъ мой опытный помощникъ успѣлъ уже, по пріѣздѣ моемъ, принять, моимъ именемъ, необходимыя мѣры, и, видно у, мужиковъ не стало терпѣнія, и они пришли просить меня объ отсрочкѣ. Къ этому должно прибавить еще три слова: я не могъ настоять, чтобы дѣло было обнаружено законнымъ порядкомъ и мой мошенникъ отданъ подъ судъ; его перевели въ другой уѣздъ, гдѣ онъ продолжалъ успѣшно службу.

Во время частыхъ разъѣздовъ моихъ по службѣ, мнѣ случилось также разглядѣть однажды близенько разъѣзды уѣзднаго землемѣра. Видѣли вы это? оно довольно потѣшно. Пріѣзжая однажды въ деревню, вижу безконечный поѣздъ: подводъ пятнадцать, въ томъ числѣ двѣ брички—и все это набито мѣшками, кулями, сундуками, нѣсколькими полупьяными, какъ видно по первому взгляду, выгнанными изъ службы чиновниками, и лицами женскаго пола, того разряда, которыхъ называютъ у насъ салопницами, и множествомъ ребятишекъ. Спрашиваю съ удивленіемъ, что это? «Землемѣръ», отвѣчаютъ мужики, снимая шапки, «ѣдетъ межевать луга наши; все спорное, сколько лѣтъ бьемся—и драки сколько было у насъ изъ-за нихъ, и казны сколько издержали — насилу вотъ Господь смиловался, велѣно отмежевать».—Какой же съ нимъ обозъ?—«Да это, батюшка, что проѣздомъ соберетъ—муки да крупы, да овса, такъ и складываетъ на подводы и возитъ съ собой все лѣто, а къ зимѣ домой. Вѣдь подводы ему ни почемъ; а во что онѣ намъ становятся, того ихъ милость не разсчитываетъ. Да Богъ съ нимъ, только бы дѣло покончилъ; по рублю съ десятины взялъ уже съ весны, теперь видно по другому собирать придется».—Какой же народъ съ нимъ?—«Да это нахлѣбники, батюшка; извѣстное дѣло, куда пріѣдетъ, мужики кормятъ и его, и кто съ нимъ ѣдетъ, только не обижай насъ; ну онъ и наберетъ нахлѣбниковъ, они ему по цѣлковому, что-ли, платятъ въ мѣсяцъ, а онъ ихъ все лѣто и возитъ по губерніи, и разставляетъ по квартирамъ и кормитъ. Тутъ глядите, что будетъ: какъ только въ деревню, такъ всѣ и разбредутся по дворамъ, кричатъ, шумятъ, дерутся, давай того, давай сего — что дѣлать-то станемъ».

Я уѣхалъ; черезъ недѣлю возвращаюсь тѣмъ же путемъ, землемѣръ со свитой все еще празднуетъ име-

нины свои въ той же деревнѣ, и мужики уже два раза посылали въ городъ за виномъ. Слишкомъ ведро опорожнили. Наконецъ, раздается по селу радостная вѣсть: *землемѣръ отдалъ приказъ чистить астролябію;* значитъ скоро примется за работу. Между тѣмъ, рабочіе и понятые, наряженные изъ этой и сосѣднихъ деревень, все дожидаются, хотя, конечно, домашняя работа ихъ не ждетъ. Съ этою радостною вѣстію, что астролябія чистится, одинъ изъ понятыхъ поскакалъ верхомъ въ сосѣднюю деревню. Я уѣхалъ, и впослѣдствіи слышалъ только, что пьяный землемѣръ наставилъ межевыхъ столбовъ и вкривь и вкось, и отрѣзалъ не только мельницу, но и половину дворовъ одной деревни; а какъ столбы землемѣра неприкосновенны и губернскія власти не могутъ уничтожить дѣйствій его, то тяжба возобновилась, и пошла по наслѣдству съ поколѣнія на поколѣніе.

ГЛАВА XV.

ОТЪ ПЛОХАГО РАСПОЛОЖЕНІЯ ДУХА И ДО ХОРОШАГО.

При такомъ образѣ жизни, службы и мыслей въ Алтыновѣ, мнѣ иногда до нестерпимости трудно было жить и служить, и я не скоро обтерпѣлся. Всякая несправедливость казалась мнѣ дневнымъ разбоемъ, и я выступалъ противъ нея съ такою же рѣшимостію и отчаяніемъ, какъ противу человѣка, который бы душилъ подлѣ васъ кого нибудь, ухвативъ его за горло: гдѣ кричатъ караулъ, туда я бросался со всѣхъ ногъ. Но я большею частію оставался въ дуракахъ, заслужилъ только прозваніе *безпокойнаго человѣка*, а горю помогалъ очень рѣдко. Въ Алтыновѣ требовали, чтобы вы проходили спокойно своимъ путемъ и не мѣшались не въ свое дѣло, то есть не заботились бы о томъ.

если подлѣ васъ рѣжутъ другаго, а только оберегали бы свой кадыкъ и свою голову. Управа наша, при каждомъ удобномъ случаѣ, ожидала отъ меня свой обычный азіятскій пишкетъ, ожидала, и со дня на день становилась нетерпѣливѣе, и, какъ видно было по всѣмъ пріемамъ ея, искала случая показать мнѣ, что долготерпѣніе ея истощилось.

Я былъ въ самомъ плохомъ расположеніи духа и раскаявался уже почти въ избранномъ мною званіи; я мечталъ принести столько пользы человѣчеству, а вмѣсто этого сидѣлъ теперь надъ срочными донесеніями всѣхъ родовъ, и сводилъ всѣми неправдами концы, отписывался и огрызался, какъ могъ, на придирки, замѣчанія и выговоры; на важныя донесенія свои по разнымъ предметамъ, требующимъ немедленныхъ и самыхъ дѣятельныхъ мѣръ, не получалъ вовсе отвѣтовъ, а по пустымъ, которые не стоили и полулиста бумаги, заводились огромныя дѣла и нескончаемая переписка— словомъ, все это выводило меня вовсе изъ терпѣнія, и я началъ думать о томъ, какъ бы перейти врачемъ въ полкъ въ военную службу — тамъ, казалось мнѣ, все-таки не то; тамъ, дѣлай свое дѣло и тобою будутъ довольны; взятокъ не берутъ. Получаю, какъ нарочно, объ эту пору, три письма отъ академическихъ товарищей своихъ, которые пошли въ армію, и которымъ я писалъ недавно и плакался на горькую участь свою.

Что же они писали? Да одинъ писалъ вотъ что: «Полковникъ крайне мною недоволенъ, обходится со мной оскорбительно, грубо, а дѣваться мнѣ отъ него некуда; корпусный докторъ дѣлаетъ мнѣ строгія замѣчанія, грозитъ—отъ него подавно не уйдешь. Бѣда эта началась съ того, что съ одной стороны требуютъ и взыскиваютъ съ меня того, на что съ другой не даютъ средствъ, и наоборотъ; все это обрывается на

мнѣ, и горькія, убѣдительныя просьбы и жалобы мои замираютъ въ самой глухой пустынѣ, въ лѣсу людей. Другая бѣда—которая еще, Богъ вѣсть, чѣмъ кончится—вотъ какая: дивизіонный и корпусный доктора требуютъ самымъ строгимъ и настоятельнымъ образомъ, чтобы мѣсячныя вѣдомости были доставляемы къ сроку. Это хорошо; но я ихъ не могу переслать по голубиной почтѣ, а могу только закончить послѣдняго числа каждаго мѣсяца, и потомъ, благословясь, отправить. Но квартиры наши расположены такъ несчастливо, что вѣдомости мои не могутъ дойти, по обыкновенной почтѣ, въ дивизіонную квартиру прежде 4-хъ или 5-ти дней, а требуютъ, не принимая никакихъ отговорокъ, чтобы онѣ были на мѣстѣ, отнюдь не позже послѣдняго числа каждаго мѣсяца. Никакія представленія и убѣжденія не помогаютъ, никакихъ отговорокъ не принимаютъ: получаю выговоръ за выговоромъ, со строжайшимъ подтвержденіемъ въ общихъ словахъ: доставлять вѣдомости къ сроку. Я попытался закончить вѣдомость 25-мъ числомъ мѣсяца и отправить ранѣе—новый строжайшій выговоръ, циркулярно, по всей дивизіи: я отправлялъ уже нарочнаго на свой счетъ—но онъ мало опереживаетъ почту, и привозитъ мнѣ обратно тотъ же строжайшій выговоръ. Есть ли тутъ человѣческій смыслъ, любезный другъ, скажи Бога ради, и что мнѣ тутъ дѣлать?»

А другой писалъ вотъ что: «Показать искусство или познанія свои, въ чемъ, какъ полагали мы въ слѣпомъ невѣдѣніи своемъ, состоитъ обязанность и назначеніе врача—показать себя въ своемъ дѣлѣ, на это у меня о-сю-пору не было случая; старшіе чиномъ лечатся у старшихъ чинами, а о томъ, что дѣлается въ лазаретѣ, мои судьи судятъ, конечно, уже не по рецептамъ, какъ докажетъ тебѣ нижеслѣдующій примѣръ. Генералъ смотрѣлъ лазаретъ, и при первой встрѣчѣ со мною,

окинувъ меня съ головы до ногъ, сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ: «Куда вы, сударь, правую руку завалили? Не умѣете стоять передъ начальствомъ?» Далѣе: выговоръ за помятыя постели, выговоръ за поношенные халаты больныхъ, за оловянную посуду, по которой только видно было, что она въ ежедневномъ употребленіи, и выставлена не напоказъ; словомъ, ты видишь, тутъ рѣчь шла вовсе не о тѣхъ предметахъ, которые преподавали намъ въ академіи, и наука, братъ, наша пропала. Бывало, когда толковали намъ о рукахъ и ногахъ, такъ рѣчь шла о вывихахъ, переломахъ, о пульсѣ, кровопусканіяхъ или, какъ говоритъ фельдшеръ мой: венесекусахъ—тутъ не то. А знаешь ли, чѣмъ старался утѣшить меня костоправъ мой, фельдшеръ, когда генералъ ушелъ, посовѣтовавъ полковнику держать меня въ рукахъ? Онъ мнѣ объяснилъ загадку: «Мы маху дали, ваше благородіе,» сказалъ онъ, «да я не смѣлъ доложить вамъ, потому что вы сами изволили распоряжаться. Бывало, при Иванѣ Кондратьичѣ, поставимъ къ смотру больныхъ по кроватямъ, не по болѣзнямъ, а подъ ранжиръ; досчечки распишемъ почище, бѣлилами, которыя на этотъ случай Иванъ Кондратьевичъ нарочно изъ городу выписывалъ; трудныхъ, которые не могутъ прифрунтиться, выведемъ вонъ, въ жидовскую корчму, либо въ баню, чтобъ на глаза не попадались; прочихъ выровняемъ, пригонимъ халаты, за сутки не велимъ ложиться, чтобы не помять постелей; оловянную посуду также всю напоказъ, подъ ранжиръ, и не марали ее, а кормили больныхъ, перечистивъ все, изъ черепковъ; аптеку также всю прибирали стклянку подъ стклянку, а невидное, неказистое прятали куда нибудь, уносили, а вы изволили приказать выдать больнымъ для нóски и туфли, и халаты, и одѣяла, и простыни—ну, разумѣется, больной ходитъ, шаркаетъ, обобьетъ: ляжетъ—помнетъ; оно ужь и не

въ такомъ порядкѣ. У насъ все это выдавалось бывало только къ смотру, и все было новое».

Какъ прочиталъ я два письма любезныхъ мнѣ товарищей по академіи—такъ чуть не подурачился, чуть не заплакалъ. Больно мнѣ было за нихъ, больнѣе еще за свою отчизну. Взялъ я шапку и пошелъ душу отвести къ человѣку, котораго я душевно уважалъ, познавъ благородство и честность его, при нищенскомъ состояніи кармана. Это былъ нашъ уѣздный стряпчій, Негуровъ. Онъ встрѣчаетъ меня весело и дружески—начинаю ему плакаться на горе свое, жалѣть, что избралъ эту часть, что не пошелъ служить куда нибудь по гражданской службѣ, «вотъ какъ ты, напримѣръ,» сказалъ я, пожавъ ему руку, «тебя всѣ любятъ, уважаютъ, ты и въ маломъ чинѣ и званіи своемъ полезенъ—а я?»

— Постой же,—сказалъ Негуровъ, — не торопись мнѣ завидовать; нѣтъ ли у тебя подставнаго на мое мѣсто, я могу уступить его. — «Что это значитъ?»— Какъ что значитъ, развѣ ты не слышалъ, что я сегодня уже подалъ въ отставку, и остаюсь, до времени, съ семьей безъ мѣста? Но Богъ милостивъ, а на Руси не безъ добрыхъ людей, найду другое.— «Да что это такое, разскажи Бога ради?» — Да вотъ что: ты слышалъ конечно, что къ намъ, вмѣсто умершаго, назначенъ новый прокуроръ; онъ человѣкъ намъ вовсе неизвѣстный, и можетъ быть бездѣльникъ, а можетъ быть и честный человѣкъ — не знаю, но во всякомъ случаѣ, принялся за службу свою, съ перваго дня, очень неудачно, и не только, какъ говорится, лѣвной, но даже, такъ сказать, ногой. Пишетъ онъ ни съ того, ни съ сего, циркуляромъ ко всѣмъ уѣзднымъ стряпчимъ. «Предупреждаю всѣхъ стряпчихъ, чтобы они отнынѣ приняли за основаніе совсѣмъ иныя правила, чѣмъ доселѣ: я не потерплю злоупотреб-

леній, которыя введены ими въ обычай, и прошу дѣйствовать отнынѣ иначе.» Каково это тебѣ нравится? Положимъ, что у него прямое и честное намѣреніе сдѣлать добро—хотя это право очень сомнительно и болѣе пахнетъ приглашеніемъ задобрить строгаго, неумолимаго начальника; но, положимъ, говорю, что намѣреніе было честное. Развѣ это такъ дѣлается? Развѣ можно начать исправленіе частнаго зла тѣмъ, чтобы напередъ ошельмовать всѣхъ поголовно? Развѣ можно сказать человѣку въ глаза: ты воръ и бездѣльникъ,—если не знаешь и не видалъ человѣка этого въ глаза, и ничѣмъ опорочить его не можешь? Но не менѣе того, циркуляръ поѣхалъ во всѣ уѣзды, а мнѣ достался изъ первыхъ рукъ. Я въ тотъ же день отвѣчалъ: «крайне больно и прискорбно, что новый начальникъ нашъ, не узнавъ еще никого по дѣламъ и поступкамъ его, оскорбляетъ такимъ воззваніемъ всѣхъ подъ рядъ: и праваго, и виноватаго. Что же собственно до меня относится, то я и впредь буду руководствоваться тѣми же правилами, коихъ постоянно держался, въ теченіе осьмнадцати лѣтъ службы своей.» Прокуроръ обращаетъ мнѣ рапортъ мой, съ надписью на немъ: «предписаніе мое не требовало отвѣта; неумѣстныхъ разсужденій не люблю; если г. Негурову угодно, можетъ объясниться со мною лично».

«Прихожу утромъ на другой день въ канцелярію прокурора, и застаю его тамъ, обще съ двумя его помощниками. «Что вамъ угодно?« — Я пришелъ по вашему приказанію съ вами объясниться. — «Какого рода объясненіе вамъ угодно? вы обидѣлись циркуляромъ моимъ? Можете обижаться: скажу вамъ вдобавокъ, что онъ въ особенности къ вамъ относится, и что я повторяю еще на словахъ приказаніе свое. Довольно вамъ этого, или еще что нибудь угодно?»

«— Довольно, — отвѣчалъ я, — даже черезчуръ много. Желаю вамъ служить и знаться всегда съ такими людьми, которые могутъ переносить подобныя выходки очень спокойно. — Вышелъ, и черезъ часъ прислалъ просьбу объ отставкѣ.»

ГЛАВА XVI.

ОТЪ СТРЯПЧАГО НЕГУРОВА ВПЛОТЬ ДО ДѢВИЦЪ КАЛЮЖИНЫХЪ.

Когда бѣдный Негуровъ разсказалъ мнѣ все это спокойно, какъ человѣкъ, привыкшій, въ теченіе долговременной службы своей, къ подобнымъ явленіямъ, когда я надивился спокойствію духа его и благородной рѣшимости, твердой вѣрѣ его въ Провидѣніе, то устыдился своего малодушія. Въ самомъ дѣлѣ, я человѣкъ одинокій, на мнѣ не лежитъ огромнаго семейства, о чемъ же мнѣ столько заботиться? Буду прать противу рожна, буду, пренебрегая всѣми мелочными дрязгами и кознями тщедушныхъ и проискныхъ людей, буду идти своимъ путемъ, *не щадя жизни своей, и до послѣдней капли крови*, какъ присягалъ я, а остальное предоставимъ Богу и Царю. Развѣ не удается иногда всякому изъ насъ, и самому незначительному человѣку, по мѣсту, чину и званію, сдѣлать добро, отстоять правду и посрамить бездѣльничество, заклеймивъ его презрѣніемъ благородныхъ? Что же мнѣ послѣ этого до мелочныхъ придирокъ, до злонамѣренныхъ покушеній, повитыхъ неправдою и вскормленныхъ криводушіемъ людей? Они за себя отвѣтъ дадутъ, а мы за себя. И давно ли Негурову удалось сдѣлать доброе дѣло, и не стóитъ ли оно того, чтобы за него иногда потерпѣть? Развѣ присяга моя

«до послѣдней капли крови» относится только для солдата, который буквально исполняетъ это, подставляя лобъ подъ пулю, а не до нашего брата, у котораго иная капля поту, переработанная изъ той же крови, стóитъ капли самой крови; у котораго забота не за свое, а за общее благо, и пря, война, единоборство за человѣчество и правду, избороздятъ чело преждевременными морщинами, изсушатъ боевую жилу алой крови въ сухожилье?

Да, и Негурову недавно еще удалось сдѣлать, въ тѣсномъ кругу своемъ, славное дѣло. Мы были вмѣстѣ у пріемки рекрутъ. Зрѣлище жалкое. Тутъ справедливость, строгая, святая справедливость, одна только можетъ оставить сколько-нибудь успокоительныя воспоминанія. Негуровъ не довольствовался тѣмъ, чтобы сидѣть съ судьей и городничимъ за краснымъ сукномъ и слушать, какъ предсѣдатель кричитъ поочередно: *лобъ и затылокъ*! онъ входилъ добросовѣстно самъ во все, что только до него касалось. Онъ взялъ между прочимъ посемейные списки, сидѣлъ надъ ними каждый вечеръ за полночь—между тѣмъ, какъ прочіе господа занимались, для отдыха отъ дневныхъ трудовъ, вистомъ—и сличалъ списки эти, во всей подробности, съ очередными списками волостныхъ правленій. Рано утромъ, входитъ однажды къ Негурову молодой франтъ своего рода, хватъ въ темносинемъ тонкомъ кафтанѣ, и раскланивается по-полубарски: «Я-де волостной писарь такой-то, прибылъ съ рекрутами и съ отдатчиками.»—Что же тебѣ надобно?—«Да къ вашей милости, много наслышаны объ васъ, просимъ покорнѣйше, позвольте поблагодарить васъ.» — Благодарить тебѣ меня не за что, я тебя въ глаза не видалъ, ни худа, ни добра тебѣ не сдѣлалъ, прощай!—«Да ужь это такъ у насъ водится.» Ну, такъ у меня не водится; пришелъ не званъ, поди-жь не гнанъ; пошелъ!

—Утромъ Негуровъ показываетъ предсѣдателю отмѣтки свои на спискахъ и между прочимъ говоритъ: «вотъ, извольте посмотрѣть, тутъ что нибудь да кростся; что это значитъ:—Севрюгины—это семья *шестериковъ*, шесть мужиковъ въ семьѣ, а съ 1807 года не выставила рекрута, и нынѣ опять она не показана въ очередныхъ.»—Это я-съ,—подскочилъ молодой волостной писарь,—это наша семья-съ, батюшкина-съ, у насъ нѣтъ способныхъ.—«Да ты первый, любезный другъ, можешь въ гвардію идти, не говоря о другихъ!» Но—сынъ, какъ видите, волостной писарь, отецъ старикъ у него коштанъ, т. е. стряпчій, повѣренный и ходатай для міра, и притомъ очень зажиточенъ, такъ дѣло всегда кой-какъ и обходилось. И нынѣ вышло чуть не то же: Негуровъ и я не дали подкупить себя; остальные — пусть Богъ ихъ судитъ, что и какъ у нихъ было, но только всѣ приняли сторону волостного писаря, и когда мы таки не безъ труда настояли на томъ, чтобы его раздѣли и осмотрѣли, то онъ былъ признанъ неспособнымъ, потому-что на лѣвомъ боку нашлась какая-то царапина, небольшой рубчикъ, который, по словамъ военнаго пріемщика, не дастъ ему стягивать мундира. Въ эту самую минуту вдругъ дверь растворяется, и входитъ флигель-адъютантъ, только-что прибывшій изъ сосѣдней губерніи. «Здравствуйте, господа, какъ у васъ идутъ дѣла?» Ему въ отвѣтъ тотчасъ представляютъ спорный случай и волостного франтика, который тутъ же и стоялъ нагишомъ на-лицо. Флигель-адъютантъ поглядѣлъ на военнаго пріемщика, осмотрѣлъ еще разъ неспособнаго, поговорилъ два слова со мной и попросилъ присутствіе принять этого молодца на собственную его, флигель-адъютанта, отвѣтственность. Малый вздрогнулъ, старикъ отецъ упалъ въ ноги—но *лобъ* раздавалось уже отъ дверей къ дверямъ, и пріятеля забрили.

Отецъ покаялся послѣ, что всѣ эти продѣлки стоили ему, въ теченіе трехъ наборовъ, до 8-ми тысячъ рублей, а слѣдовательно онъ, безъ стѣсненія, могъ бы давно уже поставить за сына, не только одного, но и двухъ и болѣе наемщиковъ; одна страсть ходить кривыми путями и болѣе на нихъ надѣяться погубила его на этотъ разъ, гдѣ онъ наткнулся на честнаго человѣка. Негуровъ спасъ этимъ подставнаго *одиночку*, т. е. одного сына у вдовой матери.

Между тѣмъ время бѣжало, я жилъ и служилъ въ Алтыновѣ уже слишкомъ годъ — но я еще ни слова почти не сказалъ о нашей общественной жизни. Замѣчательнѣйшее въ цѣломъ Алтыновѣ было, безъ всякаго сомнѣнія, семейство или домъ Калюжиныхъ. Этотъ первообразъ въ своемъ родѣ, повторяющійся съ безконечными измѣненіями (о, какъ природа разнообразна!) въ каждомъ губернскомъ городѣ, стоитъ того, чтобы имъ заняться пообстоятельнѣе. Скажу напередъ: меня звали туда, какъ гостя — я не пошелъ; меня зазвали, какъ врача, по обязанности моей, приняли какъ гостя, и, несмотря на ничтожное положеніе и званіе мое — что такое уѣздный лекарь? — приняли почетно, заставили противъ воли быть гостемъ, быть своимъ, и едва-едва только отпустили душу мою на покаяніе; смерть была на носу. Изъ этого можете видѣть, какъ рѣдки и дороги въ Алтыновѣ женихи; а гдѣ неурожай, тамъ и голодъ; гдѣ голодъ — тамъ человѣкъ подымается на необыкновенныя хитрости и ухищренія, и даже — о ужасъ! — пожираетъ себѣ подобныхъ!

въ такомъ порядкѣ. У насъ все это выдавалось бывало только къ смотру, и все было новое».

Какъ прочиталъ я два письма любезныхъ мнѣ товарищей по академіи—такъ чуть не подурачился, чуть не заплакалъ. Больно мнѣ было за нихъ, больнѣе еще за свою отчизну. Взялъ я шапку и пошелъ душу отвести къ человѣку, котораго я душевно уважалъ, познавъ благородство и честность его, при нищенскомъ состояніи кармана. Это былъ нашъ уѣздный стряпчій, Негуровъ. Онъ встрѣчаетъ меня весело и дружески—начинаю ему плакаться на горе свое, жалѣть, что избралъ эту часть, что не пошелъ служить куда нибудь по гражданской службѣ, «вотъ какъ ты, напримѣръ,» сказалъ я, пожавъ ему руку, «тебя всѣ любятъ, уважаютъ, ты и въ маломъ чинѣ и званіи своемъ полезенъ—а я?»

— Постой же,—сказалъ Негуровъ, — не торопись мнѣ завидовать; нѣтъ ли у тебя подставнаго на мое мѣсто, я могу уступить его. — «Что это значитъ?»— Какъ что значитъ, развѣ ты не слышалъ, что я сегодня уже подалъ въ отставку, и остаюсь, до времени, съ семьей безъ мѣста? Но Богъ милостивъ, а на Руси не безъ добрыхъ людей, найду другое.— «Да что это такое, разскажи Бога ради?» — Да вотъ что: ты слышалъ конечно, что къ намъ, вмѣсто умершаго, назначенъ новый прокуроръ; онъ человѣкъ намъ вовсе неизвѣстный, и можетъ быть бездѣльникъ, а можетъ быть и честный человѣкъ — не знаю, но во всякомъ случаѣ, принялся за службу свою, съ перваго дня, очень неудачно, и не только, какъ говорится, лѣвной, но даже, такъ сказать, ногой. Пишетъ онъ ни съ того, ни съ сего, циркуляромъ ко всѣмъ уѣзднымъ стряпчимъ. «Предупреждаю всѣхъ стряпчихъ, чтобы они отнынѣ приняли за основаніе совсѣмъ иныя правила, чѣмъ доселѣ: я не потерплю злоупотреб-

леній, которыя введены ими въ обычай, и прошу дѣйствовать отнынѣ иначе.» Каково это тебѣ нравится? Положимъ, что у него прямое и честное намѣреніе сдѣлать добро—хотя это право очень сомнительно и болѣе пахнетъ приглашеніемъ задобрить строгаго, неумолимаго начальника; но, положимъ, говорю, что намѣреніе было честное. Развѣ это такъ дѣлается? Развѣ можно начать исправленіе частнаго зла тѣмъ, чтобы напередъ ошельмовать всѣхъ поголовно? Развѣ можно сказать человѣку въ глаза: ты воръ и бездѣльникъ,—если не знаешь и не видалъ человѣка этого въ глаза, и ничѣмъ опорочить его не можешь? Но не менѣе того, циркуляръ поѣхалъ во всѣ уѣзды, а мнѣ достался изъ первыхъ рукъ. Я въ тотъ же день отвѣчалъ: «крайне больно и прискорбно, что новый начальникъ нашъ, не узнавъ еще никого по дѣламъ и поступкамъ его, оскорбляетъ такимъ воззваніемъ всѣхъ подъ рядъ: и праваго, и виноватаго. Что же собственно до меня относится, то я и впредь буду руководствоваться тѣми же правилами, коихъ постоянно держался, въ теченіе осьмнадцати лѣтъ службы своей.» Прокуроръ обращаетъ мнѣ рапортъ мой, съ надписью на немъ: «предписаніе мое не требовало отвѣта; неумѣстныхъ разсужденій не люблю; если г. Негурову угодно, можетъ объясниться со мною лично».

«Прихожу утромъ на другой день въ канцелярію прокурора, и застаю его тамъ, обще съ двумя его помощниками. «Что вамъ угодно?« — Я пришелъ по вашему приказанію съ вами объясниться. — «Какого рода объясненіе вамъ угодно? вы обидѣлись циркуляромъ моимъ? Можете обижаться: скажу вамъ вдобавокъ, что онъ въ особенности къ вамъ относится, и что я повторяю еще на словахъ приказаніе свое. Довольно вамъ этого, или еще что нибудь угодно?»

«— Довольно, — отвѣчалъ я, — даже черезчуръ много. Желаю вамъ служить и знаться всегда съ такими людьми, которые могутъ переносить подобныя выходки очень спокойно. — Вышелъ, и черезъ часъ прислалъ просьбу объ отставкѣ.»

ГЛАВА XVI.

ОТЪ СТРЯПЧАГО НЕГУРОВА ВПЛОТЬ ДО ДѢВИЦЪ КАЛЮЖИНЫХЪ.

Когда бѣдный Негуровъ разсказалъ мнѣ все это спокойно, какъ человѣкъ, привыкшій, въ теченіе долговременной службы своей, къ подобнымъ явленіямъ, когда я надивился спокойствію духа его и благородной рѣшимости, твердой вѣрѣ его въ Провидѣніе, то устыдился своего малодушія. Въ самомъ дѣлѣ, я человѣкъ одинокій, на мнѣ не лежитъ огромнаго семейства, о чемъ же мнѣ столько заботиться? Буду прать противу рожна, буду, пренебрегая всѣми мелочными дрязгами и кознями тщедушныхъ и проискныхъ людей, буду идти своимъ путемъ, *не щадя жизни своей, и до послѣдней капли крови*, какъ присягалъ я, а остальное предоставимъ Богу и Царю. Развѣ не удается иногда всякому изъ насъ, и самому незначительному человѣку, по мѣсту, чину и званію, сдѣлать добро, отстоять правду и посрамить бездѣльничество, заклеймивъ его презрѣніемъ благородныхъ? Что же мнѣ послѣ этого до мелочныхъ придирокъ, до злонамѣренныхъ покушеній, повитыхъ неправдою и вскормленныхъ криводушіемъ людей? Они за себя отвѣтъ дадутъ, а мы за себя. И давно ли Негурову удалось сдѣлать доброе дѣло, и не стóитъ ли оно того, чтобы за него иногда потерпѣть? Развѣ присяга моя

«до послѣдней капли крови» относится только для солдата, который буквально исполняетъ это, подставляя лобъ подъ пулю, а не до нашего брата, у котораго иная капля поту, переработанная изъ той же крови, стóитъ капли самой крови; у котораго забота не за свое, а за общее благо, и пря, война, единоборство за человѣчество и правду, избороздятъ чело преждевременными морщинами, изсушатъ боевую жилу алой крови въ сухожилье?

Да, и Негурову недавно еще удалось сдѣлать, въ тѣсномъ кругу своемъ, славное дѣло. Мы были вмѣстѣ у пріемки рекрутъ. Зрѣлище жалкое. Тутъ справедливость, строгая, святая справедливость, одна только можетъ оставить сколько-нибудь успокоительныя воспоминанія. Негуровъ не довольствовался тѣмъ, чтобы сидѣть съ судьей и городничимъ за краснымъ сукномъ и слушать, какъ предсѣдатель кричитъ поочередно: *лобъ и затылокъ*! онъ входилъ добросовѣстно самъ во все, что только до него касалось. Онъ взялъ между прочимъ посемейные списки, сидѣлъ надъ ними каждый вечеръ за полночь—между тѣмъ, какъ прочіе господа занимались, для отдыха отъ дневныхъ трудовъ, вистомъ—и сличалъ списки эти, во всей подробности, съ очередными списками волостныхъ правленій. Рано утромъ, входитъ однажды къ Негурову молодой франтъ своего рода, хватъ въ темносинемъ тонкомъ кафтанѣ, и раскланивается по-полубарски: «Я-де волостной писарь такой-то, прибылъ съ рекрутами и съ отдатчиками.»—Что же тебѣ надобно?—«Да къ вашей милости, много наслышаны объ васъ, просимъ покорнѣйше, позвольте поблагодарить васъ.»—Благодарить тебѣ меня не за что, я тебя въ глаза не видалъ, ни худа, ни добра тебѣ не сдѣлалъ, прощай!—«Да ужь это такъ у насъ водится.» Ну, такъ у меня не водится; пришелъ не званъ, поди-жь не гнанъ; пошелъ!

—Утромъ Негуровъ показываетъ предсѣдателю отмѣтки свои на спискахъ и между прочимъ говоритъ: «вотъ, извольте посмотрѣть, тутъ что нибудь да кроется; что это значитъ:—Севрюгины—это семья *шестериковъ*, шесть мужиковъ въ семьѣ, а съ 1807 года не выставила рекрута, и нынѣ опять она не показана въ очередныхъ.»—Это я-съ,—подскочилъ молодой волостной писарь,—это наша семья-съ, батюшкина-съ, у насъ нѣтъ способныхъ.—«Да ты первый, любезный другъ, можешь въ гвардію идти, не говоря о другихъ!» Но—сынъ, какъ видите, волостной писарь, отецъ старикъ у него коштанъ, т. е. стряпчій, повѣренный и ходатай для міра, и притомъ очень зажиточенъ, такъ дѣло всегда кой-какъ и обходилось. И нынѣ вышло чуть не то же: Негуровъ и я не дали подкупить себя; остальные — пусть Богъ ихъ судитъ, что и какъ у нихъ было, но только всѣ приняли сторону волостного писаря, и когда мы таки не безъ труда настояли на томъ, чтобы его раздѣли и осмотрѣли, то онъ былъ признанъ неспособнымъ, потому-что на лѣвомъ боку нашлась какая-то царапина, небольшой рубчикъ, который, по словамъ военнаго пріемщика, не дастъ ему стягивать мундира. Въ эту самую минуту вдругъ дверь растворяется, и входитъ флигель-адъютантъ, только-что прибывшій изъ сосѣдней губерніи. «Здравствуйте, господа, какъ у васъ идутъ дѣла?» Ему въ отвѣтъ тотчасъ представляютъ спорный случай и волостного франтика, который тутъ же и стоялъ нагишомъ на-лицо. Флигель-адъютантъ поглядѣлъ на военнаго пріемщика, осмотрѣлъ еще разъ неспособнаго, поговорилъ два слова со мной и попросилъ присутствіе принять этого молодца на собственную его, флигель-адъютанта, отвѣтственность. Малый вздрогнулъ, старикъ отецъ упалъ въ ноги—но *лобъ* раздавалось уже отъ дверей къ дверямъ, и пріятеля забрили.

Отецъ покаялся послѣ, что всѣ эти продѣлки стоили ему, въ теченіе трехъ наборовъ, до 8-ми тысячъ рублей, а слѣдовательно онъ, безъ стѣсненія, могъ бы давно уже поставить за сына, не только одного, но и двухъ и болѣе наемщиковъ; одна страсть ходить кривыми путями и болѣе на нихъ надѣяться погубила его на этотъ разъ, гдѣ онъ наткнулся на честнаго человѣка. Негуровъ спасъ этимъ подставнаго *одиночку*, т. е. одного сына у вдовой матери.

Между тѣмъ время бѣжало, я жилъ и служилъ въ Алтыновѣ уже слишкомъ годъ — но я еще ни слова почти не сказалъ о нашей общественной жизни. Замѣчательнѣйшее въ цѣломъ Алтыновѣ было, безъ всякаго сомнѣнія, семейство или домъ Калюжиныхъ. Этотъ первообразъ въ своемъ родѣ, повторяющійся съ безконечными измѣненіями (о, какъ природа разнообразна!) въ каждомъ губернскомъ городѣ, стоитъ того, чтобы имъ заняться пообстоятельнѣе. Скажу напередъ: меня звали туда, какъ гостя — я не пошелъ; меня зазвали, какъ врача, по обязанности моей, приняли какъ гостя, и, несмотря на ничтожное положеніе и званіе мое — что такое уѣздный лекарь? — приняли почетно, заставили противъ воли быть гостемъ, быть своимъ, и едва-едва только отпустили душу мою на покаяніе; смерть была на носу. Изъ этого можете видѣть, какъ рѣдки и дороги въ Алтыновѣ женихи; а гдѣ неурожай, тамъ и голодъ; гдѣ голодъ — тамъ человѣкъ подымается на необыкновенныя хитрости и ухищренія, и даже — о ужасъ! — пожираетъ себѣ подобныхъ!

ГЛАВА XVII.

ОТЪ ДОМА КАЛЮЖИНЫХЪ И ДО ДОМА КАЛЮЖИНЫХЪ, ИЛИ СОБСТВЕННО ОБЪ ЭТОМЪ ПРЕДМЕТѢ

Если вамъ только случалось жить въ какомъ нибудь губернскомъ городѣ, то вы, безъ всякаго сомнѣнія, знаете семейство Анны Мироновны. Примѣты его вотъ какія: живетъ оно довольно открыто; мужъ служитъ, въ порядочныхъ чинахъ, но объ немъ мало рѣчи, болѣе бываетъ разговору о супругѣ его Аннѣ Мироновнѣ, которая все знаетъ, всюду бываетъ и всюду первая изъ первыхъ. Она числится одной изъ почетнѣйшихъ барынь въ городѣ, вывозитъ на вечера по три, по четыре, даже по пяти взрослыхъ дочерей, и дочери эти пристраиваются одна за другою, по свѣтскому понятію, довольно выгодно, хотя онѣ, какъ говорится, ни съ рожи, ни съ кожи, всѣ болѣе или менѣе просты, чванны, собою очень посредственны, ходятъ въ люди въ блесткахъ, а дома—шлюхами. Домъ держится собственно Анной Мироновной, во всякомъ смыслѣ: она проситъ, принимаетъ и угощаетъ гостей, она и сама напрашивается куда слѣдуютъ въ гости, она же и добываетъ все необходимое для наружнаго блеска въ долгъ и въ счетъ, и взаймы и на прокатъ; говорятъ даже, что когда она благословляла вторую дочь свою подъ вѣнецъ, то довольно богатый образъ въ золоченомъ окладѣ, былъ взятъ ею въ рядахъ съ бою, потому что, по доброй волѣ, ей никто въ долгъ не вѣрилъ. Между тѣмъ купцы формально отказать ей, въ безденежномъ заборѣ товаровъ, не смѣютъ; она слишкомъ почетное, слишкомъ извѣстное лицо въ городѣ; нравственное вліяніе ея слишкомъ велико. Это Наполеонъ своего рода, до изгнанія его изъ Россіи съ

естіемъ, и всѣ языки должны ей покорствовать. акъ ее, вѣроятно, никогда не изгонятъ съ безче-мъ изъ Россіи, то изъ этого и слѣдуетъ, что она шій тактикъ, стратегикъ и политикъ, чѣмъ покой-Наполеонъ. Одна дочь у нея за генераломъ, или крайней мѣрѣ за статскимъ совѣтникомъ. Въ домѣ нны Мироновны все очень порядочно, потому что ь составляютъ первыя три комнаты: зала, гости-столовая; далѣе не ходите, тамъ задній дворъ, нельзя же требовать опрятности и порядка. До-и показываются только около полудня, то есть въ ной походной и боевой аммуниціи, а если вы ихъ атите врасплохъ, то онѣ, какъ маменькины уче-ы въ военномъ искусствѣ, поспѣшно отступаютъ, чтожая за собою всѣ переправы и затрудняя пре-кованіе: то есть онѣ, бѣгутъ опрометью вонъ, за-ныывая за собою двери. Какъ быть, домашній ка-ецъ скоро затаскивается, платчишко, если даже и случится накинуть, также; а чѣмъ всю будниш-аммуницію строить новую, такъ лучше поберечь жонки на выѣздное и щегольское платье. — Ко-о, барышни наши не такія лютыя хозяйки, чтобы шнее платье изнашивалось и маралась отъ хозяй-къ трудовъ и работъ; о, нѣтъ! на это есть у нихъ а Богу, и Машка, и Сашка, и старуха Сидоровна; вѣдь нельзя же и уберечься за всякій часъ: то дется напомадиться и обтереть обо что-нибудь кое руки, то невзначай потрешься около шандала, плеснешь на себя чего нибудь; день за день, въ мъ да въ одномъ, не набережешься; и не къ у, впрочемъ, признаться, это домашнее. Мыть бы но платье это, конечно, но и тутъ встрѣчаются ыя помѣхи; не всегда есть подъ рукой бальные ски, коими бы можно временно замѣнить будниш-платье—а вѣдь не ходить же, какъ дѣлаютъ иногда

служивые наши, когда моютъ бѣлье свое, такъ, ни въ чемъ; этого нельзя, это не водится, даже и въ самыхъ отдаленныхъ домашнихъ комнатахъ Анны Мироновны, хотя туда, кромѣ посвященныхъ въ домашнія тайны, не заглянетъ ни одно человѣческое око. Кромѣ того, дѣвки заняты нужнѣйшимъ: то шьютъ наряды, то стираютъ, по необходимости, бѣлье, то штопаютъ чулочки, если они повредятся выше пятки и подошвы, на видномъ мѣстѣ, а въ противномъ случаѣ, собираютъ петельки на одну нитку, и затягиваютъ въ курчавенькій комочекъ. Еще и то сказать, привычка—та же природа: не хочется разстаться съ блузой, къ которой привыкнешь, и знаешь уже наизусть гдѣ недостаетъ пуговки, гдѣ оборвалась петелька, и привыкъ уже ко всѣмъ сподручнымъ ухваткамъ, какъ ее тамъ, безъ большаго труда, придерживать и прихватывать. А, наконецъ, зимою, когда барышни носятъ стеганые капоты, то ужъ вы и сами знаете, что мыть такую вещь неудобно, и тутъ, по неволѣ, ходишь восемь мѣсяцевъ въ салѣ и во всякой всячинѣ. — А кто же виноватъ, что у насъ климатъ такой суровый и зима долгая? Говорятъ даже, что это и самому Наполеону было вредно, а вы хотите, чтобы такое обстоятельство осталось безъ вліянія на домъ Анны Мироновны!

Итакъ, если вы живали въ губернскихъ городахъ, то вы, конечно, домъ этотъ знаете.

И такое точно семейство жило въ Алтыновѣ. Герасимъ Степановичъ былъ старшимъ по чину и вліянію совѣтникомъ одной изъ палатъ, и ему, ни въ какомъ случаѣ, не слѣдовала казенная квартира; но Анна Мироновна сумѣла такъ устроить дѣла, что имъ данъ былъ довольно обширный казенный домъ, хотя, правда, нѣсколько въ ветхомъ состояніи; но за то постоянно отпускался ремонтъ, а Герасимъ Степановичъ надѣялся

овладѣть вскорѣ домомъ этимъ, по праву 10-ти-лѣтней давности своего въ немъ проживанія. Онъ надѣялся вскорѣ купить домъ съ молотка, — такъ, рублей за семь съ полтиной — домъ былъ уже, стараніемъ Анны Мироновны, удостоенъ въ негодность, освидѣтельствованъ, и донесено, что даже строительные припасы всѣ отъ ветхости пришли въ негодность. Всѣ въ городѣ были одного мнѣнія на счетъ Калюжиныхъ; всѣ знали, что Герасимъ Степановичъ не надсядется въ защиту какого-нибудь безгласнаго подсудимаго, да и, вообще, не станетъ подрываться куда нибудь безъ какихъ нибудь особенныхъ видовъ и нужды; — но у Герасима Степановича въ вѣдомостяхъ графа *состоитъ*, одного мѣсяца, соотвѣтствовала графѣ *состояло*, слѣдующаго мѣсяца, а итоги подъ суммами, дѣлами и арестантами всегда были вѣрны; всѣ знали, что онъ, не имѣя состоянія, нуждался въ подкрѣпленіяхъ посторонняхъ, особенно при его родѣ жизни, и потому никто не удивлялся, если случай тутъ или тамъ раскрывалъ какое-нибудь обстоятельство, и молва пускала его, со всѣми околичностями, по бѣлу свѣту; это было въ порядкѣ вещей, и объ этомъ говорили только, какъ о всякой городской новости, какъ о томъ, что къ купцу Шугаеву привезенъ изъ Нижняго свѣжій товаръ, что Ѳома Ивановичъ даетъ вечеръ, а на Степанидѣ Семеновнѣ было опять новое платье, седьмое въ теченіе зимы. Иногда, правда, дивились изподтишка, отчего Герасиму Степановичу все съ рукъ сходитъ? 17 лѣтъ живетъ онъ въ этой должности въ Алтыновѣ, 17 лѣтъ всѣ знаютъ все, что знать можно, и по разу или по два въ годъ бываютъ яркіе разительные случаи, гдѣ весь городъ, наостривъ уши, ждетъ, что-то будетъ теперь Герасиму Степановичу, неужели и это такъ пройдетъ? И проходитъ. Весь городъ знаетъ, и перечтетъ вамъ по пальцамъ, всю крайность домашнихъ

обстоятельствъ Калюжиныхъ, странные и позорные происки ихъ, замѣчательныя и многосложныя соображенія и дѣйствія Анны Мироновны потайными пружинами и рычагами, въ разныхъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, и особенно, если нужно пристроить одну изъ дочерей-погодковъ: словомъ, Калюжины составляли семью анекдотическую; но при всемъ томъ они занимали, по всѣмъ тремъ размѣрамъ пространства, въ длину, въ ширину и глубину, одно изъ первыхъ мѣстъ въ обществѣ. На всякой порядочной свадьбѣ въ городѣ, Анна Мироновна бываетъ посаженою матерью, или Герасимъ Степановичъ отцомъ: все купечество было помѣшано на томъ, что Анна Мироновна, какъ главнѣйшая половина счастливаго супружества, какъ одно изъ почетныхъ лицъ въ городѣ, должна вложить серьги невѣстѣ, когда ее повезутъ подъ вѣнецъ, а у каждой изъ дѣвицъ Калюжиныхъ было въ городѣ крестниковъ и крестницъ по пятнадцати.

За долги Анны Мироновны лавочникамъ и сидѣльцамъ расплачивались всегда посторонніе; это было такъ заведено искони, и Анна Мироновна не видѣла никакой причины измѣнять такой порядокъ. Расплата эта происходила двоякимъ образомъ: или собственно посредствомъ просителей, которые, по здравому разсудку своему, всегда уже являлись къ Аннѣ Мироновнѣ съ росписками отъ купцовъ въ уплатѣ счетовъ ея; или же обыкновеннымъ и законнымъ порядкомъ, чрезъ алтыновскую коммисію погашенія долговъ Калюжиныхъ. Коммисію эту составляли всѣ наличные жители, весь городъ; купцы раскладывали на нихъ, по счетамъ своимъ, долги Анны Мироновны, и набавляли цѣну на товаръ, отчего и можно было сказать, безъ всякаго преувеличенія, что въ Алтыновѣ дешевле брать товаръ въ долгъ, если даже и платить за него, чѣмъ на наличныя деньги. Съ должниковъ своихъ купцы

рады были получить хоть что нибудь, а честнымъ и вѣрнымъ плательщикамъ не уступали ни гроша, а набавляли еще, говоря: «да съ кого же намъ, батюшка, выручить? Въ убытокъ торговать нельзя». Для пяти дочерей, которыхъ привыкли дóма называть дѣтками, не было въ домѣ никакого особаго угла ни днемъ, ни ночью; онѣ болтались днемъ, отъ нечего дѣлать, между залой и дѣвичьей, то по окнамъ, то по печамъ, иногда съ полезной книгой въ рукахъ, какъ напримѣръ съ «Библіотекой», гдѣ есть такія милыя, острыя шуточки; изрѣдка передъ баломъ, съ какою-нибудь легонькою работой для накладки или оборки, а больше такъ, ни съ чѣмъ, въ ожиданіи вечера. Вечеромъ все какъ-то сноснѣе, и скука не такъ одолѣваетъ. Вечеромъ, если онѣ не выѣзжали сами, непремѣнно кто-нибудь пріѣзжалъ къ нимъ; большею частію любезная и милая молодежь, которой нравилось несвязное обращеніе въ домѣ Калюжиныхъ, и которая также, вставъ поутру, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала вечера, послѣ томительнаго, длиннаго на этомъ свѣтѣ и скучнаго дня. Въ этомъ отношеніи молодежь вполнѣ сочувствовала дѣвицамъ Калюжинымъ. Тутъ были славные и завидные женихи: одинъ съ самыми длинными въ цѣломъ городѣ ногами и съ перехватомъ; онъ, чувствуя превосходство свое, всегда становился вилами посреди комнаты и, если можно, противъ зеркала; другой отлично хорошо говорилъ по-французски, и былъ мастеръ смѣшить до слезъ; этотъ всегда старался, занявъ нѣсколько времени и насмѣшивъ цѣлое общество, залучить на свой пай дѣвицу на-особицу, въ чемъ ему, какъ крайне образованному, благовоспитанному человѣку, никто и не думалъ мѣшать; кому же довѣрить дѣвушку, если не человѣку такой тонкой, высокой образованности, цвѣту столичнаго общества? Третій былъ не очень казистъ, и ходилъ себѣ такъ, спусти

рукава, говорилъ вслухъ мало, но такъ занимательно нашептывалъ и занималъ вполголоса, что—однимъ словомъ—бесѣда его, надобно полагать, была очень поучительна, потому что собесѣдницы, изъ дому Калюжиныхъ, слушали его съ большимъ удовольствіемъ; онъ же иногда приносилъ и книги, — въ другихъ домахъ съ осторожностію и съ оглядкой, а къ Калюжинымъ, гдѣ не было никакой цензуры, гдѣ не предстояло никакой опасности, чтобы родители полюбопытствовали узнать вкусъ услужливаго гостя,—безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Иногда Калюжинымъ удавалось подхватить гдѣ-нибудь подъ руки и посадить къ себѣ за столъ молодаго, холостаго помѣщика, особенно пріѣзжаго, и это былъ большой праздникъ. Если такого человѣка удавалось разъ подхватить подъ руки, то его обыкновенно съ рукъ не спускали; развѣ ужь, наконецъ, самъ потянется да вырвется. Такимъ образомъ, вечеръ проходилъ довольно пріятно: можно было отдохнуть отъ дневной скуки и спокойно улечься около полуночи, съ увѣренностію, что до завтрашняго вечера осталось менѣе сутокъ. Ложились барышни наши тутъ и тамъ, въ повалку, гдѣ случалось; кроватей своихъ у нихъ не было, чтобы не занимать лишняго мѣста; простынь и одѣялъ также, потому что это лишній расходъ, а дѣло не видное; одна лежала на одномъ диванѣ, другая на другомъ:, третья на стульяхъ, четвертая на полу, и этой доставалась обыкновенно перина; укрывались онѣ—которая старенькимъ одѣяльцемъ, немножко излохмоченнымъ, которая салопомъ своимъ, капотцемъ да мантономъ. Хлопчатая бумага—пренесносное вещество: гдѣ только подбой или покрышка продерется, то она такъ и лѣзетъ вонъ.— Впрочемъ одно изъ одѣялъ этихъ было въ домѣ извѣстно подъ названіемъ *атласнаго*, и за него было много несогласія; всякой хотѣлось одѣваться атлас-

нымъ одѣяломъ. Атласу оставалось на немъ одна только память, да все-таки атласъ. Утромъ, всякая изъ дѣвицъ вставала со своего ложа и, завернувшись чинно въ салопецъ свой или одѣяльце, отправлялась къ завѣтной вѣшалкѣ, за ширму, сымала съ гвоздя или подымала съ полу домашнее платьеце свое, тутъ же надѣвала и отопочки, башмачки, но уже къ обѣду умывалась, чесала, закалывала распущенную косу, и проч. Все это дѣлалось чинно, спокойно, протирая со сна молча глаза; иногда только выходили маленькія непріятности, если младшая попадала ногами въ башмачки четвертой сестры, та—въ слѣдующую за тѣмъ пару, и такъ далѣе, покуда, наконецъ, на долю старшей оставалась пара дѣтскихъ отопковъ, въ которые она никоимъ образомъ не могла вправить ноженьку свою. Пять паръ башмаковъ—не шутка; выходитъ десять штукъ; какъ станутъ разбирать изъ кучки, куда дѣвка ихъ всѣ свалила, подобравъ въ трехъ или четырехъ комнатахъ, то иногда такая запутанная вещь выходила, что въ продолженіе цѣлаго часа не могутъ барышни подобрать пару къ одному окаянному башмаку, другой не лѣзетъ на ногу, да и только. Между тѣмъ, всѣ уже разбредутся по занятіямъ своимъ, одна къ окну, одна къ печи, одна немножко растянется на диванъ, и дѣвка бѣгаетъ съ однимъ башмакомъ по цѣлому дому и, приговаривая: «барышня, пожалуйтесь», ловитъ барышень за ноги и примѣриваетъ башмакъ.—Разумѣется, что та, которой достанется стоятъ босикомъ за ширмой и дожидаться этого розыску и слѣдствія, повышаетъ, отъ времени до времени, плачевный голосъ свой, и даетъ сестрамъ, въ отчаянномъ положеніи своемъ, приличныя поступкамъ ихъ названія Впрочемъ, какъ выѣздные башмаки всегда поступали, въ свою очередь, въ будничные, а потомъ и въ утренніе, то въ общей суматохѣ, до одиннадцати ча-

совъ утра, отнюдь не позже однакожь, можно было видѣть барышень нашихъ иногда въ одномъ розовомъ башмакѣ, въ другомъ голубомъ или зеленомъ. Случались иногда также маленькія неудовольствія и по тому поводу, что дѣвка, у которой были только двѣ руки и двѣ ноги, не могла чесать болѣе одной барышни вдругъ, между тѣмъ какъ утро уже нечаянно проскочило сквозь пальцы, настало обѣденное время: долгоногій французъ и другіе милые посѣтители съ нетерпѣніемъ ожидали въ гостиной выхода и, подходя на цыпочкахъ къ дверямъ общей жилой комнаты, прислушивались къ пискливымъ и тоскливымъ напѣвамъ барышень, негодующихъ другъ на друга и на дѣвку, за остановку и проволочку. Тутъ слѣдовало-бы по справедливости положить пеню за протори и убытки. При томъ же и гребень одинъ; не дюжинами-жь ихъ закупать для дому; и какъ ни бейся, а надобно выждать очереди. Сама ни одна изъ барышень не умѣла вычесаться, да оно кажется и неприлично: на это есть дѣвка. Бываетъ и то: гребень завалится куда-нибудь, за комодъ, въ рукомойникъ—ударитъ 10, 11 — и въ домѣ пойдетъ такая суматоха, крикъ, пискотня, плачъ, что даже жалостно слушать: ищутъ, дѣвки бѣгаютъ какъ шальныя, барышни ходятъ слѣдомъ гуськомъ и погоняютъ, пора выходить, а еще нѣтъ и гребня.

Но если и парная одежда, какъ башмаки, нерѣдко разрознялась въ домашнемъ быту дѣвицъ Калюжиныхъ, то непарная, какъ само собою разумѣется, ходила съ плечъ на плечи, безъ всякаго разбора, и къ этому разряду, въ особенности, принадлежало все бѣлье; маменька и дочки носили его сподрядъ и безъ всякаго различія. Вѣдь оно мягкое, убористое, можно по нуждѣ и стянуть, и распустить и подобрать, и—однимъ словомъ—это не платье: какъ оно сидитъ, до того никому нѣтъ нужды. Обзавести каждую своимъ бѣльемъ—это

не бездѣлица: полотно дорого, а никто изъ посѣтителей не удивится такой роскоши, и даже не узнаетъ о томъ: предметъ, сами посудите, таковъ, что неловко похвалиться этимъ передъ кѣмъ нибудь въ глаза; оно какъ-то не приходится. Итакъ, бѣлье общее, и это новый источникъ домашнихъ непріятностей; не всегда доставало на перемѣну кругомъ, а нельзя же ходить всегда въ безсмѣнномъ, особенно лѣтомъ. Пора, когда барыни въ полномъ убранствѣ, по узкости облитаго платья, бѣлья не носили вовсе, миновалась, и безъ крайности не хотѣлось заводить такую моду. Еще поводъ къ разбору: подадутъ бѣлье—оно проношено или тесемочки выдернуты, виситъ такъ, что съ нимъ не справишься, а тутъ дѣло спѣшное; вотъ — и вскинется одна: «это ты, Настя, ужь сейчасъ видно, которая вещь на тебѣ была, это ты оборвала тесемочки»; а тутъ еще подхватитъ дѣвка: «нѣтъ-съ, барышня-съ, это онѣ на подвязки выдернули-съ...» ну и пойдутъ перекоры. Поэтому и бѣлье, всегда и во всѣхъ отношеніяхъ, было не слишкомъ исправно; спросить не на комъ, да и кому какая нужда объ немъ заботиться, только бы съ плечъ да съ ногъ долой, а тамъ—авось другой достанется, пусть носитъ, какъ знаетъ; не самой же, и въ самомъ дѣлѣ, заняться вычинкой бѣлья: это не дворянское дѣло; пожалуй, вонъ у Василья Адамовича, у директора гимназіи, говорятъ, дочери сами на себя башмаки тачаютъ; такъ это другое дѣло, на то они нѣмцы. Ужь гораздо же приличнѣе русской дворянкѣ, дочери значительнаго чиновника, ходить дома какъ нибудь, лишь бы въ люди показаться по-людски, чѣмъ работать на себя по-холопьи одежду. Рубахи цѣлой въ домѣ не было, это правда; оказывалась также иногда крайняя нужда въ исподницахъ и чулкахъ,—но за-то наслѣдственный жемчугъ перенизывался по воскресеньямъ, для забавы; это дѣлалось въ гостиной, и на

зывалось: *дѣти занимаются рукодѣльемъ*. Впрочемъ, не годится и наговаривать по-пустому: барышни иногда рукодѣльничали; онѣ, я думаю, могли вышить что нибудь по канвѣ, гдѣ стежка идетъ на готовую за стежкой и ни обузить, ни посадить нечего; а бѣлошвейная работа, ну, это, конечно, имъ не рука: на это есть дѣвки. Конечно, всѣ вещицы, которыя ходили тутъ и тамъ, подъ именемъ ихъ работы, принадлежали къ моднымъ и самымъ безполезнымъ вещамъ въ мірѣ; но вы опять-таки хотите, чтобы барышни, дворянки русскія, были ремесленницами и работали что-нибудь годное, путное, полезное для дома! Въ этомъ-то и штука, чтобы выдумать такую вещь, которою бы вѣжливые гости могли любоваться, а между тѣмъ видѣть, по первому взгляду, что это сдѣлано для одной лишь забавы, не по нуждѣ, не для нужды, и даже вовсе не для употребленія. Когда Калюжина готовила одной дочери приданое, то справила ей, уже отдѣльно отъ сестеръ, полдюжины рубахъ, шесть шелковыхъ платьевъ, одно буднишное ситцевое; но ни юбочки, ни кофточки,— а убрала за то постель; наволоки, простыни и парадное шелковое одѣяло кружевомъ. Да, позабылъ я сказать еще о носовыхъ платочкахъ: для общаго обихода было въ домѣ съ дюжину батистовыхъ платковъ, но уголки у нихъ всѣ были прорваны, даже оторваны на-прочь; это дѣлалось такимъ образомъ: въ мытьѣ ихъ связывали по-парно, чтобы удобнѣе перекидывать, для просушки, черезъ веревку, а потомъ, когда приходилось катать или гладить, то для скорости развязывали узлы зубами, или просто растягивали въ ручную, и видно батистъ былъ плохъ; частенько зубъ прачки проходилъ въ узелокъ на-вылетъ, или кончикъ одного платка оставался въ затянутомъ узелкѣ другаго.

Съ этимъ превосходнымъ порядкомъ въ домѣ согла-

совалось, разумѣется, и самое воспитаніе дочерей: одно другому не уступало. Не думайте, чтобы мать ихъ баловала; нѣтъ: право, имъ, иногда, по цѣлымъ днямъ, житья не было отъ нагоняевъ, если онѣ въ чемъ-либо согрѣшали противу тактики Анны Мироновны, вынужденной обстоятельствами; онѣ, при постороннихъ, отвѣчали головою — которой доставалась порядочная мойка—за всѣ невыгодныя послѣдствія поведенія, несогласнаго въ чемъ-либо съ планами матери. Но что дѣлалось за завѣтной ширмой, за перегородкой, или вообще въ домѣ, далѣе столовой, счетомъ третьей комнатѣ отъ передней, до этого разумѣется Аннѣ Мироновнѣ не было никакого дѣла: въ это она, какъ благоразумная и чадолюбивая мать, не мѣшалась, не стѣсняла волю дочерей ничѣмъ. Если, напримѣръ, Калюжины приглашены были на обѣдъ или вечеръ, то никакая головная боль, ни угаръ, ни тошнота, ни другія обстоятельства и невозможность одѣться, не спасали дочерей отъ корсета и выѣзда; вы согласитесь, что это также благоразумно и чадолюбиво, потому что оно дѣлалось собственно для нихъ же, для дѣтей—ихъ надобно было показать, гдѣ только есть къ тому случай.—Тогда не принималось никакой отговорки, должно было одѣться, ѣхать, улыбаться, глядѣть на всѣхъ весело, заманчиво, любезничать. Если носили въ домѣ на рукахъ женишка, то уже долгоногимъ не было пощады: и не гляди на него, и не говори съ нимъ теперь, влюбляйся тамъ на просторѣ и на свободѣ, когда никого нѣтъ, а теперь сюда держись, сюда носомъ, туда кормой, правь по компасу и не сбивайся съ румба, вотъ тебѣ маякъ. Если—что случалось впрочемъ очень рѣдко и, можетъ быть, всего раза два, три—если слишкомъ строгій порядокъ въ домѣ выводилъ, наконецъ, которую-нибудь дочь изъ терпѣнія, и она, наслышавшись отъ какой-нибудь подруги о томъ, какъ то или другое водится

въ другихъ домахъ, пыталась завести какой-нибудь толкъ и порядокъ въ бѣльѣ-ли, въ чемъ-ли другомъ,— то Анна Мироновна останавливала ее въ ту же минуту и говорила: «вздоръ, чтобы я распоряженій твоихъ въ домѣ и не видѣла, и не слыхала; ты бы, сударыня, изволила напередъ позаботиться, чтобы порядочный человѣкъ къ тебѣ присватался да не покинулъ бы опять послѣ, по твоей же глупости, да тогда и распоряжайся у себя въ домѣ, какъ хочешь. Какъ жили донынѣ, такъ будемъ жить и впередъ».

ГЛАВА XVIII.

ОТЪ ДОМА КАЛЮЖИНЫХЪ И ДО КВАРТИРЫ ЧАЙКИНА ЧЕРЕЗЪ БОЛЬШУЮ УЛИЦУ И РЫНОКЪ, ЗА ВТОРЫМЪ ПЕРЕУЛКОМЪ.

Итакъ, вотъ вамъ этотъ знаменитый, хлѣбосольный домъ Калюжиныхъ, домъ, вамъ, конечно, уже знакомый, потому что, повторяю, онъ есть въ каждомъ порядочномъ городѣ Руси.

Время было, о ту пору, какъ я прибылъ въ Алтыновъ, для Калюжиныхъ, надо думать, тяжелое, старшую дочь отдали благополучно за вице-губернатора, другую, съ помощію зятюшки, старались пристроить за одного изъ совѣтниковъ, который былъ уже поставленъ въ такое положеніе, что рѣшительно не зналъ, что дѣлать, и какъ быть, и съ горя запилъ, чего, говорятъ, съ нимъ прежде не бывало; этимъ счастливымъ обстоятельствомъ воспользовались, и когда Артемій Семеновичъ началъ приходить въ себя, то ему сказали, что онъ женихъ Марьи Калюжиной, и что вице-губернаторъ хлопочетъ о представленіи его къ награжденію землею по чину.

У Калюжиныхъ стояли на всѣхъ концахъ города махальные, которые извѣщали Анну Мироновну обо всемъ происходящемъ; кромѣ того, домъ Калюжиныхъ былъ угольный, окна во все лѣто растворены настежъ, такъ уже и сквознымъ вѣтромъ заносило всѣ вѣсти, которыя летали безъ хвоста по городу. Изъ пяти домашнихъ караульныхъ, три, по крайней мѣрѣ, стояли постоянно на часахъ у оконъ, чтобы видѣть все, что дѣлается на улицѣ: кто прошелъ, кто проѣхалъ, куда,— кто кому кланяется, кто нѣтъ, и прочее. Вы видите, что тутъ недоставало часовыхъ и на двѣ смѣны, полагая три притина, но бѣдненькія барышни обмогались, какъ могли, и только по праздничнымъ днямъ ставили за ворота, въ помощь себѣ, передовой постъ, ведетъ, состоявшій изъ двухъ дѣвокъ и человѣка: полныя и законныя три смѣны.

Всѣ вновь пріѣзжіе пользовались особенною милостію и привѣтливостію въ домѣ Калюжиныхъ. На другой, много на третій день пріѣзда новаго чиновника, его приглашали къ Калюжинымъ къ обѣду; при прощаньѣ приглашали запросто по вечерамъ, и на слѣдующій вечеръ, если онъ самъ не являлся, за нимъ посылали; при третьемъ посѣщеніи ему вручались пять альбомовъ дѣвицъ Калюжиныхъ, съ просьбою написать или нарисовать что нибудь, а потомъ уже дѣло шло обыкновеннымъ порядкомъ.

Я не хотѣлъ заводить въ Алтыновѣ обширнаго знакомства, отнѣкивался въ особенности, по слухамъ и какому-то предчувствію, отъ дома Калюжиныхъ, но меня, наконецъ, позвали туда, какъ врача. Разумѣется, что тутъ не было для меня никакого повода отговариваться: я пошелъ. Посѣщеніе это кончилось знакомствомъ моимъ въ домѣ; все было уже такъ искусно и мило подведено и подготовлено, что мнѣ и тутъ не осталось ни одной уловки, если я не хотѣлъ быть

просто неучемъ и грубымъ. Вторымъ слѣдствіемъ этого приглашенія, гдѣ лекарское званіе мое служило только благовиднымъ предлогомъ, было то, что господа члены управы сильно противу меня возопіяли и требовали отъ меня отвѣта, какъ я смѣю втираться въ ихъ практику и принимать на себя чиновныхъ больныхъ, когда тутъ есть врачи постарше меня и сверхъ того еще мои начальники? Какъ я смѣю быть совмѣстникомъ непосредственнаго начальства моего? Это-де, при первомъ спопутномъ случаѣ, можетъ обойтись подчиненному дорогонько. Между тѣмъ и третье слѣдствіе, необходимое при знакомствѣ въ домѣ Калюжиныхъ холостаго человѣка, не замедлило вскорѣ оказаться на дѣлѣ.—Не знаю, съ котораго конца начать былъ эту—она какъ-то запутана. Повода я, право, не подалъ къ ней никакого, развѣ только тѣмъ, что также расписался и разрисовался въ пяти альбомахъ барышень; но что же вы будете дѣлать, коли вамъ ихъ подносятъ,—не сказать же: пишите сами!

Итакъ, я никакого грѣха не замышлялъ, ни о чемъ не думалъ, бывалъ разъ въ недѣлю у Калюжиныхъ, на ряду со множествомъ другимъ—вдругъ слышу, что меня не только пустили по городу женихомъ, но даже у Анны Мироновны съ зятемъ, вице-губернаторомъ, вышла маленькая ссора изъ-за меня; онъ противится этому союзу, обѣщаетъ найти жениха почище меня и не желаетъ родниться съ отставнымъ солдатомъ, который угодилъ какъ-то въ уѣздные лекаря; а она настаиваетъ, хочетъ отдать за меня дочь, которой-де отъ счастья своего не бѣгать, а нынѣ время такое, что за женихами не набѣгаешься. Все это казалось мнѣ до времени очень забавнымъ, и я сталъ только бывать у Калюжиныхъ еще рѣже прежняго и только въ такіе дни, гдѣ собиралось тамъ много, и, наконецъ, почти отсталъ вовсе. Въ городѣ, гдѣ два дома разсорились за

то, что одна барыня сказала: «ахъ, какой вы крѣпкій чай дѣлаете» — а другая отвѣчала сухо: «для гостей своихъ я ничего не жалѣю», — и слово за словомъ и разошлись или разъѣхались турухтанами; гдѣ кромѣ того, какъ извѣстно, какой-то безплотный бѣсъ, въ видѣ вихря, носитъ по городу и перепутываетъ, на каждомъ перекресткѣ, городскія вѣсти и сплетни,— въ такомъ городѣ, подумалъ я, не уберешься отъ этихъ швей (прошу наборщика не сдѣлать въ этомъ словѣ опечатки) — пусть ихъ плетутъ. Но этимъ я не отдѣлался.

Я жилъ въ низенькомъ домикѣ безъ палисадника; улицы въ этой части города такъ широки, что бабы лѣтомъ черезъ улицу другъ другу въ окно горшки на ухватѣ передаютъ; передъ окнами моими нанесло огромный сугробъ снѣга, а его прикрыли еще пластомъ навоза; весна пришла, я растворилъ рано окна, а между тѣмъ по улицамъ не было еще проѣзду на колесахъ. Семейство Калюжиныхъ, маменька съ четырьмя дочками, сѣли въ огромный возокъ и отправились по этой распутицѣ съ визитами. Ѣдутъ онѣ по моей улицѣ, взобрались на знаменитый сугробъ мой, а оттуда кучеръ возьми да и вывали ихъ прямо ко мнѣ въ окно. Я сидѣлъ въ халатѣ за работой въ сосѣдней комнатѣ, но, услышавъ страшный крикъ въ окнѣ своемъ, успѣлъ еще во время подскочить, чтобы принять подъ руки незванныхъ и нежданныхъ гостей. Въ самомъ дѣлѣ, имъ нельзя было вылѣзть иначе изъ возка, какъ прямо ко мнѣ въ окно. Разъ, два, три, четыре, пятая сама Анна Мироновна—всѣ, слава Богу. Народъ сбѣжался, возокъ поставили на ноги, подали подъ крыльцо, и я гостей своихъ выпроводилъ: разъ, два, три, четыре— пятая сама Анна Мироновна; слава Богу, всѣ.

Это происшествіе, въ которомъ я, право, столько же виноватъ, какъ и вы, разнеслось сейчасъ же по

всему городу, надѣлало шуму, толковъ, а меня, который не бывалъ уже болѣе мѣсяца въ домѣ Калюжиныхъ, изъ благодарности пригласили къ обѣду и на вечеръ и взяли съ меня слово быть непремѣнно. Анна Мироновна разсказывала чудеса объ отчаянной неустрашимости моей, какъ я спасалъ ихъ изъ-подъ опрокинутаго возка—хотя, по правдѣ сказать, мнѣ оставалось только открыть окно свое и вся поклажа, весь грузъ вывалился бы въ мою комнату. Я былъ при этомъ лицо страдательное. Но странно, какъ нѣсколько дней сряду послѣ этого происшествія, весь городъ тѣснился болѣе обыкновеннаго въ гостиную Калюжиныхъ, какъ будто любопытствуя взглянуть на нихъ, послѣ визита уѣздному лекарю: тѣ-ли онѣ, какія были? А еще страннѣе, что г. вице-губернаторъ счелъ за нужное подослать ко мнѣ послѣ этого знакомаго со мной чиновника своего, съ объявленіемъ, чтобы я и не думалъ о невѣстѣ изъ дома Калюжиныхъ, что этому-де не бывать. Я глядѣлъ долго, вопросительнымъ знакомъ въ натурѣ, на пріятеля моего, и не зналъ, хохотать ли мнѣ или сказать пошлую грубость. Наконецъ я сдѣлалъ и то, и другое; я расхохотался и спросилъ его: «развѣ есть въ Алтыновѣ обычай,—сватать непремѣнно тѣхъ дѣвицъ, которыхъ кучеръ вздумаетъ вывалить къ вамъ въ окно?» Пріятель замѣтилъ однакоже, что я сватался на Прасковьѣ Герасимовнѣ и что я нынѣ возобновилъ предложеніе свое; я отвѣчалъ прямо, что это нагольная ложь; и когда тотъ увѣрилъ меня, что онъ объ этомъ самъ слышалъ отъ Анны Мироновны и былъ свидѣтелемъ споровъ ея по сему предмету съ зятемъ, то я въ ту же минуту одѣлся и пошелъ къ вице-губернатору самъ.

«Что скажете, почтеннѣйшій?»

— Я пришелъ къ вамъ со страннымъ объясненіемъ; но какъ быть, извините меня. Вы приказывали сказать

мнѣ подъ рукою, что не желаете, не допустите брака одной изъ свояченицъ вашихъ съ уѣзднымъ лекаремъ: свидѣтельствую передъ вами, что уѣздный лекарь этотъ никогда не думалъ льстить себя такой несбыточной надеждой, что онъ даже никогда не желалъ, не искалъ этого, и слѣдовательно ничѣмъ не угрожалъ вашему семейному спокойствію.

— Какъ?— спросилъ вице-губернаторъ, сблизивъ и нахмуривъ брови.

— Такъ,—отвѣчалъ я,—никогда не думалъ я объ этомъ, и первое слово слышу сегодня отъ пріятеля моего, почему и счелъ долгомъ лучше сейчасъ съ вами объясниться.

— Вы однакоже имѣли намѣреніе, т. е. желаніе, продолжалъ вице-губернаторъ,—и можетъ быть оставили его, какъ человѣкъ благоразумный, который...

— Который,—прервалъ я,—никогда объ этомъ не думалъ, никогда на свѣтѣ ничего подобнаго не говорилъ, никогда, сколько знаетъ, не подавалъ къ такимъ сплетнямъ ни малѣйшаго повода;—и только.

Его высокородіе походили взадъ и впередъ, заложивъ руки въ карманы, промычали раза два отрывисто букву *м*, потомъ вдругъ обратились ко мнѣ съ просьбой, чтобы это все осталось между нами.

— Я въ дѣлѣ этомъ,—сказалъ я, человѣкъ посторонній, не спросите вы меня, и я бы ничего объ этомъ не зналъ, не только не говорилъ. Но что же теперь, когда сплетня получила, повидимому, такую гласность, прикажете мнѣ отвѣчать тѣмъ, которые заблагоразсудятъ спросить меня объ ней, съ такою же откровенностію, какъ вы?

— Послушайте, сказалъ вице-губернаторъ,—а какъ почтенное имя и отчество ваше, позвольте узнать?

— Вакхъ Сидоровъ.

— Виноватъ, извините меня. Послушайте-ка, лю-

безный Вакхъ Сидоровичъ; сами вы изволите видѣть, дѣло щекотливое—рѣчь идетъ о доброй славѣ дѣвицы одного изъ первыхъ домовъ здѣшнихъ: скажите, что вамъ отказали; вамъ можно современемъ доставить покровительство; вы знаете, безъ этого молодому человѣку служить трудно.

Я поглядѣлъ нѣсколько времени на этого уѣзднаго лекаря изъ податнаго состоянія, передъ которымъ стоялъ вице-губернаторъ со звѣздой, въ видѣ какого-то просителя, и забылъ на время, что я самъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ этой комедіи. Я опомнился, когда вице-губернаторъ сталъ просить меня убѣдительнѣе и обѣщать, еще съ большимъ жаромъ, высокое покровительство свое.

— Не для того, Иванъ Степановичъ, сказалъ я наконецъ,—что вы обѣщаете мнѣ лестное покровительство свое, — я обходился безъ него и не при такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ живу нынѣ,—не потому, что она дѣвица изъ перваго дома въ Алтыновѣ, а я изъ послѣдняго въ Комлевѣ, а просто такъ, безъ всякихъ причинъ — извольте, я сдѣлаю это: я буду говорить, что мнѣ отказали. Но потрудитесь уже взять на себя извинить меня передъ Анной Мироновной: я у нихъ въ домѣ болѣе бывать не могу.

Вице-губернаторъ облобызалъ меня и проводилъ до передней; чрезъ два дня вышла страшная сплетня, которую пересказать въ подробности не поворотится языкъ, да и не стоитъ того: изъ благодарности къ поступку моему, разсказывали обо мнѣ ужасныя и безпримѣрныя злодѣянія, ухищренія, происки, черные поступки всѣхъ родовъ, вслѣдствіе-де коихъ мнѣ и было вдругъ отказано не только отъ бывшей невѣсты моей, но и отъ дому Калюжиныхъ; предостерегали весь городъ не знаться и не водиться съ такимъ неблагодарнымъ злодѣемъ, который-де былъ принятъ въ

домъ, обласканъ какъ свой, и прочее, и наконецъ отблагодарилъ такимъ чернымъ поступкомъ. Листки мои во всѣхъ четырехъ альбомахъ были, по приказанію маменьки, вырваны и преданы поруганію; наконецъ, призывали тайно какую-то знахарку, кто говорилъ для привораживанья моего, кто говорилъ изъ мести, чтобы напустить на меня корчи и сухотку.

Я почти лишнимъ считаю прибавлять еще какое-нибудь поясненіе; наглая сплетня о сватовствѣ моемъ изобрѣтена и распущена была первоначально самою Анной Мироновной, съ тѣмъ: 1-е, чтобы въ городѣ заговорили о новомъ женихѣ въ семействѣ Калюжиныхъ — мѣра, признанная издавна полезною и потому повторяемая у Калюжиныхъ, какъ во-время оно чистительныя средства, около перваго числа каждаго мѣсяца; 2-е, чтобы понудить другихъ жениховъ приступить порѣшительнѣе къ дѣлу; 3-е, наконецъ, чтобы приготовить себѣ, на всякій случай, убѣжище; если, то-есть мѣра, по первымъ двумъ статьямъ, оставалась бы недѣйствительною, то сдѣлали бы изъ подставнаго жениха заправскаго, настоящаго, постарались бы придать дѣлу такую степень гласности и запутать нареченнаго со всѣхъ сторонъ подосланными людьми и подведенными штуками, что бѣдняку въ самомъ дѣлѣ ничего бы не оставалось, какъ жениться, если онъ не хотѣлъ бѣжать съ этого свѣта куда-нибудь на другой, или по крайней мѣрѣ въ другую губернію.

Я далъ вице-губернатору слово принять все это на себя и сдержалъ его. Впрочемъ, вѣроятно и независимо отъ этого и противъ воли моей, вся вина упала бы на меня; одинокому и ничтожному, по чину и званію, человѣку, слишкомъ мудрено было-бы состязаться въ доброй славѣ и имени съ такимъ почетнымъ и хлѣбосольнымъ домомъ, каковъ былъ въ Алтыновѣ домъ Калюжиныхъ.

Я отставалъ отъ общества все болѣе и болѣе, жилъ бѣдно и тѣсно однимъ жалованьемъ своимъ и посвятилъ все время свое, весь досугъ, книжнымъ и письменнымъ занятіямъ и больнымъ тѣхъ званій и сословій, которыя не легко находятъ необходимую для нихъ помощь и пособіе. Вся безмездная практика Алтынова и его окружности была у меня въ рукахъ.

ГЛАВА XIX.

ОБЪ ОГУРЦАХЪ, МОРКОВИ, ТЫКВАХЪ, КАРТОФЕЛѢ И ДРУГИХЪ ПРЕДМЕТАХЪ РОСКОШИ.

Однажды утромъ ко мнѣ заходитъ Негуровъ, который, вышедши, какъ я сказывалъ, въ отставку, нашелъ давно уже очень хорошее и выгодное мѣсто, управлялъ большимъ имѣніемъ образованнаго и благомыслящаго вельможи, проживающаго въ столицѣ, и былъ доволенъ судьбой. Съ нимъ, съ Негуровымъ, я иногда отводилъ душу, и когда онъ бывалъ въ городѣ, то всегда меня навѣщалъ.

Негуровъ сдѣлался замѣчательнымъ хозяиномъ и его образъ мыслить, судить, образъ дѣйствій, смышленность истинно-русская, меня всегда чрезвычайно занимали и привлекали. Я слушалъ его по цѣлымъ часамъ, и здравыя сужденія, необыкновенно удачно приспосо бленныя къ обстоятельствамъ и выраженныя плавною, чистою русскою рѣчью, плѣняли меня, какъ ребенка. Помню, онъ говорилъ, въ этотъ достопамятный для меня день, о причинѣ упадка помѣстій и о нравѣ русскаго крестьянина.

«Большая часть хозяевъ и промышленниковъ нашихъ», говорилъ онъ, «двухъ родовъ: старовѣры и модники, выскочки. Первые тупы, упрямы, держатся

за изувѣрствомъ безтолковыхъ учрежденій и распоряженій закоренѣлаго предразсудка; вторые изображены Крыловымъ очень удачно въ баснѣ «Огородникъ и философъ»—они выписываютъ мастеровъ и управителей изъ-за границы, въ полной увѣренности, что коли онъ нѣмецъ или французъ, такъ долженъ все знать и все умѣть, и не замѣчаютъ того, что къ нимъ ѣдутъ изъ-за моря одни выжимки, соръ и бракъ, люди, которымъ тамъ уже некуда дѣваться. Другое, не менѣе важное обстоятельство: у отца 500 душъ и имѣніе въ порядкѣ; старикъ живетъ бариномъ, у него по обычаю 50 человѣкъ дворни, своя охота, свои пѣвчіе—тремъ сыновьямъ его достается каждому $166^2/_3$ души, а каждый изъ нихъ непремѣнно хочетъ жить, какъ жилъ отецъ. Они не привыкли жить иначе, по крайней мѣрѣ съ дѣтства привыкли слышать и думать, что въ свою очередь заживутъ барами—какъ отъ этой завѣтной мысли отказаться, допустить, чтобы всѣ сосѣди говорили: «старикъ жилъ не такъ, жилъ открыто, у него было то, другое, третье—у сыновей нѣтъ этого ничего, они живутъ мелкопомѣстно». И куда дѣвать имъ дворню эту, избалованную, гульливую, праздничную непривыкшую къ работѣ, если бы они, сыновья, и вздумали жить похозяйственнѣе? Нашъ родъ хозяйства таковъ, что огромная дворня объѣстъ въ нѣсколько лѣтъ и богатаго помѣщика, какъ червь или кобылка, а помѣщика средней руку обглодаетъ кругомъ. Далѣе: кромѣ Демидова, у котораго вообще управленіе въ Тагилѣ можетъ назваться образцовымъ, у насъ мало въ Россіи помѣщиковъ, у которыхъ крестьяне были бы обезпечены надлежащимъ образомъ запасами, на случай голоднаго года; урожай—хлѣбъ продается за безцѣнокъ; неурожай—и бѣдѣ нечѣмъ пособить, вся выручка трехъ-четырехъ прошлыхъ лѣтъ не можетъ прокормить насъ въ теченіе одного бѣдственнаго года, потому что денегъ, если бы онѣ и

были еще на-лицо, ѣсть нельзя, и чѣмъ болѣе вы выпустите въ такой годъ денегъ, тѣмъ болѣе вздорожаетъ хлѣбъ; но его не сдѣлается болѣе: запасовъ не прибудетъ. Ясно, что достаточные запасы хлѣба съ году на годъ предупредили бы это бѣдствіе и могли бы подерживать всегда уравнительныя, среднія цѣны, именно какъ это дѣлается въ Тагилѣ. Дешевъ хлѣбъ—не продавай его, а дорогъ—не набавляй черезъ мѣру цѣны, и выгода все у тебя будетъ та же. Но хозяйство наше всегда устроено на однѣ сутки; мы искони перебиваемся съ весны на весну, и безъ наличной выручки къ сроку не можемъ прожить трехъ дней.

«Надобно также умѣть совладать съ мужикомъ нашимъ, надобно для этого научиться не только грамматикѣ и риторикѣ его, т. е. языку, но и логикѣ; да, у него логика своя; онъ готовъ повѣрить всякую минуту самому безсмысленному вздору, если вы подкрѣпите болтовню свою его логикой, и наоборотъ, не повѣритъ очевидной истинѣ, если не съумѣете его убѣдить. У насъ это большое горе, что не умѣютъ говорить съ чернью; говорятъ съ нею или свысока, такъ, что она не можетъ ничего понять, или какъ съ животными, со скотомъ. Мужикъ не вѣритъ предохранительной оспѣ, не вѣритъ пользѣ отъ картофеля и другихъ овощей, не вѣритъ никакому новому и лучшему порядку въ управленіи, а готовъ вѣрить, что предохранительную оспу пустилъ на свѣтъ антихристъ, что картофель—порожденіе сатаны и отъ него не будетъ урожая на хлѣбъ; наконецъ, что всѣ городскія селенія отбираются въ казну, а господа сами для этого жгутъ ихъ, что цѣлая губернія подарена какому-то небывалому сенатору Медвѣдеву, чему-де служатъ доказательствомъ гербы съ медвѣдями (т. е. со львами) на картузахъ жуковскаго табаку. Но такъ точно, какъ въ послѣднемъ случаѣ чиновникъ, котораго разъярившаяся чернь хотѣла ра-

зорвать на клочки за то, что нашла у него картузъ табаку съ гербомъ сенатора Медвѣдева, нашелся, успокоилъ и вразумилъ неистовыхъ простымъ замѣчаніемъ, что «какой же-де это медвѣдь, братцы; посмотрите, вѣдь медвѣдь куцый живетъ, а у этого долгой хвостъ»— такъ точно и въ другихъ обстоятельствахъ можно убѣдить и вразумить мужика, но у насъ рѣдко достанетъ на это терпѣнія, смышленности и находчивости; мы мало сроднились съ духомъ нашего народа.

«Впрочемъ, не спорю, есть случаи, гдѣ и самый благомыслящій человѣкъ потеряетъ терпѣніе и гдѣ, повидимому, нѣтъ никакого средства вразумить сумасбродовъ, кромѣ силы и страха. «Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится», эту пословицу создали не мы, а самъ же народъ. «Мужикъ уменъ, да міръ дуракъ», «и если горбатаго исправитъ одна только могила», «то упрямаго исправляетъ дубина». Крестьяне одной изъ сосѣднихъ деревень здѣшнихъ, Агеевки, вдругъ взбунтовались: распусти ихъ всѣхъ на оброкъ. Помѣщикъ отказался, не видѣлъ никакой къ тому причины, не хотѣлъ бросить заведенное хозяйство свое и прогналъ мужиковъ на работу. Вмѣсто работы, они всѣ собрались въ одну кучу, отправились гурьбой въ уѣздный городъ, къ исправнику на дворъ, и требовали настоятельно, чтобы ихъ распустить на оброкъ, что они работать барщины не хотятъ. Исправникъ разобралъ дѣло, поговорилъ съ пріѣхавшимъ вслѣдъ за ними помѣщикомъ; жалобъ никакихъ не было, одно настоятельное требованіе: распусти ихъ на оброкъ. Исправникъ поставилъ мужиковъ рядкомъ, толковалъ, говорилъ, усовѣщевалъ — нѣтъ: крикъ увеличивался, и слышно одно безтолковое требованіе: распусти ихъ на оброкъ. Исправникъ началъ съ праваго фланга и высѣкъ розгами сряду и поголовно всѣхъ; тогда мужики мои поблагодарили, по обычаю своему, за науку, поклонились въ

поясъ, повинились, отвѣчали въ голосъ, что теперь поняли приказаніе исправника и обязаности свои, воротились чинно въ деревню и на другой же день принялись спокойно за работу. Мужики мои прошлись только взадъ и впередъ верстъ 35, за доброй наукой, расписались въ полученіи бани и, какъ разумные люди, опять успокоились.

«Я могу вамъ разсказать много подобнаго и изъ собственнаго опыта моего, изъ нынѣшняго моего хозяйства. И я колочусь съ ними иногда, какъ рыба объ ледъ. Напримѣръ: у насъ лошадей воруютъ у мужиковъ безпрестанно, а пастуха держать не соглашаются, лучше пускаютъ лошадей все-таки на авось. Овецъ гоняютъ въ одномъ стадѣ съ коровами, потому что держать особаго пастуха для овецъ стоитъ по 20 коп. съ овцы, чего крестьянинъ заплатить не согласенъ. Между тѣмъ коровы безпрестанно давятъ и топчутъ овецъ, особенно ягнятъ; не проходитъ лѣтомъ двухъ недѣль, чтобы не задавили по крайней мѣрѣ одного— все это не наука, не убѣжденіе, все-таки всякій пускаетъ овцу свою на авось въ коровье стадо. Огородовъ нѣтъ у крестьянъ, бакчей нѣтъ; кромѣ хлѣба своего, не сѣютъ ничего и сѣять не хотятъ; мало этого, я сѣю овощей много, и чтобы заохотить крестьянъ, отдалъ имъ прошлаго году цѣлый загонъ готовой моркови и сотни двѣ тыквъ, сказавъ старостѣ, чтобы онъ раздѣлилъ это на всѣхъ. Что же вы думаете? морковь погнила вся въ землѣ, тыквы померзли и пропали: никто не потрудился воспользоваться этимъ, ни одинъ человѣкъ не поѣхалъ набрать тыквъ, не послалъ ребятишекъ набрать моркови—отъ лѣни и отъ упрямства. Но если вы думаете, что крестьяне мои не ѣдятъ тыквъ и моркови, то ошибаетесь: удѣльные крестьяне, по сосѣдству, сѣютъ много овощей всякаго рода и развозятъ ихъ по деревнямъ; когда къ моему мужику

привезутъ подъ окна возъ моркови, то мужикъ беретъ ее не только за деньги, коли онѣ у него есть, но, что хуже того, беретъ мѣрку моркови за мѣрку муки; между тѣмъ морковь стоитъ 10 коп., а мука полтину— а этого вы мужику не растолкуете людской логикой; онъ говоритъ свое: отдалъ муку, такъ деньги дома. Крестьяне мѣняютъ такимъ образомъ и тыквы, и огурцы, и свеклу, а сами не разводятъ ихъ, все за недосугомъ. Они изъ барскаго огорода воруютъ картофель, дорѣтъ ему не дадутъ; намедни ровно свиньи всѣ гряды перерыли; а заставьте ихъ развести свой—бѣда; готовы взбѣлениться за такое притѣсненіе, за насиліе и соблазнъ.

ГЛАВА XX.

ОТЪ ПРЕДМЕТОВЪ ХОЗЯЙСТВА И ДО САМАГО КОНЦА РАЗСКАЗА, СЪ ПОПУТНЫМИ ЗАМѢЧАНІЯМИ О ЧЕБОТАРНОМЪ РЕМЕСЛѢ

Между тѣмъ какъ мы толковали съ Негуровымъ, вошелъ старикъ чеботарь, отставной солдатъ, который всегда въ Алтыновѣ на меня работалъ. Негуровъ поздоровался съ нимъ и прибавилъ, обращаясь ко мнѣ: «славный старикъ, тезка и однопрозванецъ твой,—я его люблю».—Какой тезка,—спросилъ я—это рѣдкость, я немного встрѣчалъ на Руси тезокъ, развѣ и тебя зовутъ Вакхомъ?—«Нѣтъ», отвѣчалъ тотъ, «Сидоромъ». А Негуровъ прибавилъ: «онъ однопрозванецъ твой, Чайкинъ».

Чайкинъ—и Сидоръ Чайкинъ—меня вдругъ будто обдало кипяткомъ съ головы до ногъ! «Да откуда ты родомъ?» спросилъ я робко, проглотивъ почти словечко *ты*. — Изъ Комлева, — отвѣчалъ старикъ, и принялся

были еще на-лицо, ѣсть нельзя, и чѣмъ болѣе вы выпустите въ такой годъ денегъ, тѣмъ болѣе вздорожаетъ хлѣбъ; но его не сдѣлается болѣе: запасовъ не прибудетъ. Ясно, что достаточные запасы хлѣба съ году на годъ предупредили бы это бѣдствіе и могли бы поддерживать всегда уравнительныя, среднія цѣны, именно какъ это дѣлается въ Тагилѣ. Дешевъ хлѣбъ—не продавай его, а дорогъ—не набавляй черезъ мѣру цѣны, и выгода все у тебя будетъ та же. Но хозяйство наше всегда устроено на однѣ сутки; мы искони перебиваемся съ весны на весну, и безъ наличной выручки къ сроку не можемъ прожить трехъ дней.

«Надобно также умѣть совладать съ мужикомъ нашимъ, надобно для этого научиться не только грамматикѣ и риторикѣ его, т. е. языку, но и логикѣ; да, у него логика своя; онъ готовъ повѣрить всякую минуту самому безсмысленному вздору, если вы подкрѣпите болтовню свою его логикой, и наоборотъ, не повѣритъ очевидной истинѣ, если не съумѣете его убѣдить. У насъ это большое горе, что не умѣютъ говорить съ чернью; говорятъ съ нею или свысока, такъ, что она не можетъ ничего понять, или какъ съ животными, со скотомъ. Мужикъ не вѣритъ предохранительной оспѣ, не вѣритъ пользѣ отъ картофеля и другихъ овощей, не вѣритъ никакому новому и лучшему порядку въ управленіи, а готовъ вѣрить, что предохранительную оспу пустилъ на свѣтъ антихристъ, что картофель — порожденіе сатаны и отъ него не будетъ урожая на хлѣбъ; наконецъ, что всѣ городскія селенія отбираются въ казну, а господа сами для этого жгутъ ихъ, что цѣлая губернія подарена какому-то небывалому сенатору Медвѣдеву, чему-де служатъ доказательствомъ гербы съ медвѣдями (т. е. со львами) на картузахъ жуковскаго табаку. Но такъ точно, какъ въ послѣднемъ случаѣ чиновникъ, котораго разъярившаяся чернь хотѣла ра-

зорвать на клочки за то, что нашла у него картузъ табаку съ гербомъ сенатора Медвѣдева, нашелся, успокоилъ и вразумилъ неистовыхъ простымъ замѣчаніемъ, что «какой же-де это медвѣдь, братцы; посмотрите, вѣдь медвѣдь куцый живетъ, а у этого долгой хвостъ»— такъ точно и въ другихъ обстоятельствахъ можно убѣдить и вразумить мужика, но у насъ рѣдко достанетъ на это терпѣнія, смышленности и находчивости; мы мало сроднились съ духомъ нашего народа.

«Впрочемъ, не спорю, есть случаи, гдѣ и самый благомыслящій человѣкъ потеряетъ терпѣніе и гдѣ, повидимому, нѣтъ никакого средства вразумить сумасбродовъ, кромѣ силы и страха. «Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится», эту пословицу создали не мы, а самъ же народъ. «Мужикъ уменъ, да міръ дуракъ», «и если горбатаго исправитъ одна только могила», «то упрямаго исправляетъ дубина». Крестьяне одной изъ сосѣднихъ деревень здѣшнихъ, Агеевки, вдругъ взбунтовались: распусти ихъ всѣхъ на оброкъ. Помѣщикъ отказался, не видѣлъ никакой къ тому причины, не хотѣлъ бросить заведенное хозяйство свое и прогналъ мужиковъ на работу. Вмѣсто работы, они всѣ собрались въ одну кучу, отправились гурьбой въ уѣздный городъ, къ исправнику на дворъ, и требовали настоятельно, чтобы ихъ распустить на оброкъ, что они работать барщины не хотятъ. Исправникъ разобралъ дѣло, поговорилъ съ пріѣхавшимъ вслѣдъ за ними помѣщикомъ; жалобъ никакихъ не было, одно настоятельное требованіе: распусти ихъ на оброкъ. Исправникъ поставилъ мужиковъ рядкомъ, толковалъ, говорилъ, усовѣщевалъ — нѣтъ: крикъ увеличивался, и слышно одно безтолковое требованіе: распусти ихъ на оброкъ. Исправникъ началъ съ праваго фланга и высѣкъ розгами сряду и поголовно всѣхъ; тогда мужики мои поблагодарили, по обычаю своему, за науку, поклонились въ

поясъ, повинились, отвѣчали въ голосъ, что теперь поняли приказаніе исправника и обязаности свои, воротились чинно въ деревню и на другой же день принялись спокойно за работу. Мужики мои прошлись только взадъ и впередъ верстъ 35, за доброй наукой, расписались въ полученіи бани и, какъ разумные люди, опять успокоились.

«Я могу вамъ разсказать много подобнаго и изъ собственнаго опыта моего, изъ нынѣшняго моего хозяйства. И я колочусь съ ними иногда, какъ рыба объ ледъ. Напримѣръ: у насъ лошадей воруютъ у мужиковъ безпрестанно, а пастуха держать не соглашаются, лучше пускаютъ лошадей все-таки на авось. Овецъ гоняютъ въ одномъ стадѣ съ коровами, потому что держать особаго пастуха для овецъ стоитъ по 20 коп. съ овцы, чего крестьянинъ заплатить не согласенъ. Между тѣмъ коровы безпрестанно давятъ и топчутъ овецъ, особенно ягнятъ; не проходитъ лѣтомъ двухъ недѣль, чтобы не задавили по крайней мѣрѣ одного— все это не наука, не убѣжденіе, все-таки всякій пускаетъ овцу свою на авось въ коровье стадо. Огородовъ нѣтъ у крестьянъ, бакчей нѣтъ; кромѣ хлѣба своего, не сѣютъ ничего и сѣять не хотятъ; мало этого, я сѣю овощей много, и чтобы заохотить крестьянъ, отдалъ имъ прошлаго году цѣлый загонъ готовой моркови и сотни двѣ тыквъ, сказавъ старостѣ, чтобы онъ раздѣлилъ это на всѣхъ. Что же вы думаете? морковь погнила вся въ землѣ, тыквы померзли и пропали: никто не потрудился воспользоваться этимъ, ни одинъ человѣкъ не поѣхалъ набрать тыквъ, не послалъ ребятишекъ набрать моркови—отъ лѣни и отъ упрямства. Но если вы думаете, что крестьяне мои не ѣдятъ тыквъ и моркови, то ошибаетесь: удѣльные крестьяне, по сосѣдству, сѣютъ много овощей всякаго рода и развозятъ ихъ по деревнямъ; когда къ моему мужику

привезутъ подъ окна возъ моркови, то мужикъ беретъ ее не только за деньги, коли онѣ у него есть, но, что хуже того, беретъ мѣрку моркови за мѣрку муки; между тѣмъ морковь стоитъ 10 коп., а мука полтину— а этого вы мужику не растолкуете людской логикой; онъ говоритъ свое: отдалъ муку, такъ деньги дома. Крестьяне мѣняютъ такимъ образомъ и тыквы, и огурцы, и свеклу, а сами не разводятъ ихъ, все за недосугомъ. Они изъ барскаго огорода воруютъ картофель, доврѣть ему не дадутъ; намедни ровно свиньи всѣ гряды перерыли; а заставьте ихъ развести свой—бѣда; готовы взбѣлениться за такое притѣсненіе, за насиліе и соблазнъ.

ГЛАВА XX.

ОТЪ ПРЕДМЕТОВЪ ХОЗЯЙСТВА И ДО САМАГО КОНЦА РАЗСКАЗА, СЪ ПОПУТНЫМИ ЗАМѢЧАНІЯМИ О ЧЕБОТАРНОМЪ РЕМЕСЛѢ

Между тѣмъ какъ мы толковали съ Негуровымъ, вошелъ старикъ чеботарь, отставной солдатъ, который всегда въ Алтыновѣ на меня работалъ. Негуровъ поздоровался съ нимъ и прибавилъ, обращаясь ко мнѣ: «славный старикъ, тезка и однопрозванецъ твой,—я его люблю».—Какой тезка,—спросилъ я—это рѣдкость, я немного встрѣчалъ на Руси тезокъ, развѣ и тебя зовутъ Вакхомъ?—«Нѣтъ», отвѣчалъ тотъ, «Сидоромъ». А Негуровъ прибавилъ: «онъ однопрозванецъ твой, Чайкинъ».

Чайкинъ—и Сидоръ Чайкинъ—меня вдругъ будто обдало кипяткомъ съ головы до ногъ! «Да откуда ты родомъ?» спросилъ я робко, проглотивъ почти словечко *ты*. — Изъ Комлева, — отвѣчалъ старикъ, и принялся

было снимать у меня съ ноги мѣрку, закусывая мѣтки зубами.

Изъ Комлева, и Сидоръ Чайкинъ! Вѣщее не даромъ во мнѣ вздрогнуло. Это точно былъ мой отецъ. Лѣтъ пять жилъ онъ уже въ Алтыновѣ, куда случай его занесъ, два года постоянно на меня работалъ, и теперь только объяснилось, что это былъ родной мой отецъ. 30-ти лѣтнія похожденія его были очень просты: онъ былъ отданъ въ Лебедяни въ солдаты, какъ бродяга; прибывъ на ярмарку, въ надеждѣ на-авось, безъ паспорта, и связавшись съ другимъ барышникомъ или, лучше сказать, конокрадомъ, который поручилъ ему продажу лошадей, чего отецъ мой и не зналъ, онъ былъ запутанъ въ это дѣло. Прослуживъ законный срокъ, батюшка былъ уволенъ въ отставку, а какъ у него въ Комлевѣ не было никого изъ своихъ, то онъ и остался на перепутьи, въ Алтыновѣ, и заработывалъ хлѣбъ свой ремесломъ, которому выучился на службѣ. Старикъ никакъ не хотѣлъ вѣрить яснѣйшимъ доказательствамъ моимъ, что я точно сынъ его, дѣло казалось ему баснословнымъ; наконецъ, онъ расплакался, какъ ребенокъ, и, утирая слезы, говорилъ безъ умолку, разсказывая всѣ похожденія свои, въ какомъ-то полунервическомъ раздраженіи чувствъ и духа.

Можете себѣ представить, какого это надѣлало шуму въ Алтыновѣ, когда разлилась вѣсть, что чеботарь Сидоръ оказался роднымъ отцомъ уѣзднаго лекаря! Одна изъ записныхъ вѣстовщицъ, до которой всѣ новости всегда доходили ранѣе, чѣмъ до всѣхъ прочихъ, разумѣется, задушевная пріятельница Анны Мироновны Калюжиной, пріѣхала къ этой, спустя не болѣе часу послѣ описаннаго случая: а какъ въ домѣ еще было рано, то она захватила всѣхъ врасплохъ, и между прочимъ застала въ передней дѣвку и лакея, сестру и брата, въ какой-то ссорѣ; гостья эта сдѣлала въ ту

же минуту расправу, давъ имъ обоимъ по пощечинѣ и нѣсколько назидательныхъ уроковъ, и затѣмъ прошла чреватая неожиданною новостію, прямо въ покои Анны Мироновны, гдѣ и разрѣшилась мгновенно и благополучно отъ бремени своего; только при прощаньѣ она, увидавъ опять ту же дѣвку, сказала мимоходомъ: «я у васъ, матушка Анна Мироновна, разобрала и помирила людей; Ѳомка бранится вотъ съ сестрой и чуть не подрались — нѣтъ, не безпокойтесь, я уже покончила это дѣло».

— Видите, я всегда вамъ говорила, что этотъ Чайкинъ преподлый человѣкъ,—отвѣчала Анна Мироновна, когда она опомнилась отъ изумленія, и потомъ закричала:—дѣтки, дѣтки! подите сюда!—И когда барышни, пошаркивая отопочками своими и поддерживая и прихватывая, гдѣ надобность была, свои блузы и капоты, вошли, то она разсказала имъ происхожденіе мое съ какимъ-то видомъ наставленія и поученія, приказывала впередъ всегда остерегаться такихъ случаевъ, и еще разъ освѣдомилась, не осталась-ли какая-нибудь память обо мнѣ въ которомъ нибудь альбомѣ?

Инспекторъ управы, какъ ближайшій начальникъ и покровитель мой, призвалъ меня, когда вѣсть дошла до него, частнымъ образомъ, и глазъ-на-глазъ разспросилъ обо всемъ подробно, приговаривая: да какъ же это такъ—и пожимаясь то въ ту, то въ другую сторону, какъ будто его жгло то тутъ, то тамъ, или что-нибудь такое безпокоило; наконецъ, убѣдившись въ истинѣ дѣла, совѣтовалъ мнѣ, съ видомъ покровительства, отправить, коли ужъ это такъ случилось, старика своего потихоньку домой на родину. Нашъ инспекторъ управы былъ также въ своемъ родѣ человѣкъ: онъ чернилъ искусно густые, сѣдые волосы свои, употреблялъ много притираній и разныхъ косметическихъ средствъ и снадобій, одѣвался и убирался каждое

утро часа два, запираясь одинъ на замокъ, выступалъ очень важно и величаво, любилъ цѣпочки, печатки, перстни, кольца и булавочки съ мушками и козявками, помѣстилъ самъ себя врачемъ при больницѣ, въ богадѣльнѣ, въ приказѣ, при гимназіи, въ семинаріи, словомъ—при всѣхъ заведеніяхъ въ Алтыновѣ, гдѣ только было хоть малое жалованье; доносилъ всегда подробно о своихъ обширныхъ занятіяхъ и въ круглый годъ не заглядывалъ ни одного разу никуда. По важности чина его и мѣста, это и дѣйствительно было бы неприлично; больнымъ уже легко было отъ того, что онъ тамъ числился. Тамъ всѣмъ завѣдывали фельдшера, и даже писали по формѣ скорбные листы и названія болѣзней на досчечкахъ. Итакъ, онъ посовѣтовалъ мнѣ отправить отца скорѣе на родину его.

— Кому же онъ здѣсь мѣшаетъ?—спросилъ я.

— Ну, оно, видите, неловко: какъ же вы хотите жить въ одномъ городѣ съ родственникомъ изъ такого сословія—разсудите, я совѣтую вамъ начальнически; это можетъ вамъ повредить, такъ сказать...

— Если бы я жилъ съ отцомъ и впередъ, какъ доселѣ, когда не зналъ его, врознь въ одномъ городѣ, продолжалъ я,—тогда, конечно, это могло бы дать невыгодное обо мнѣ понятіе; но какъ мы отнынѣ со старикомъ не разстанемся и будемъ жить вмѣстѣ, то я не вижу тутъ никакого неудобства.

Инспекторъ посмотрѣлъ на меня въ какомъ-то недоумѣніи, потомъ, приподнявъ брови, отвернулся, кашлянулъ два раза, и чихнулъ притворно, что онъ дѣлалъ, впрочемъ, съ большимъ искусствомъ, въ критическихъ положеніяхъ, когда хотѣлъ вдругъ перемѣнить или оборвать разговоръ. Помолчавъ немного, я прибавилъ еще: «впрочемъ, во всякомъ случаѣ обстоятельство это не будетъ безпокоить никого, ни даже васъ. Сергѣй Сергѣевичъ, если только вы будете, по-

всегдашнему своему расположенію ко мнѣ, столь добры, что не задержите просьбы моей: я намѣренъ нынѣ же подать въ отставку».

У Сергѣя Сергѣевича отлегло много отъ сердца, когда онъ это услышалъ; ему съ меня, какъ съ козла, не было ни шерсти, ни молока, и это ему давно уже надоѣло; придиркамъ всѣхъ родовъ не было конца. Повременамъ только онъ снова мирился со мною, по какому-нибудь особому поводу, давалъ мнѣ много хорошихъ наставленій и надѣялся, что у насъ впередъ дѣла пойдутъ лучше; а впослѣдствіи, когда я, по недогадливости своей, не заправлялъ ихъ ничѣмъ, всегда возникали опять новыя неудовольствія.

Я вышелъ въ отставку вотъ по какому поводу: Негуровъ, учредивъ въ имѣніи порядочное управленіе, вскорѣ пріобрѣлъ довѣренность и уваженіе не только своего помѣщика, но и двухъ-трехъ сосѣднихъ; онъ устраивалъ въ селѣ при заводѣ больницу, и убѣдилъ сосѣдей въ пользѣ послѣдовать примѣру его и взять, на первый случай, на общій счетъ врача. Такимъ образомъ онъ предложилъ мнѣ мѣсто это, которое вполнѣ обезпечивало меня на счетъ насущной жизни. Съ жаромъ принялся я тутъ снова за свою обязанность и впервые почувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ: могъ жить и дѣйствовать свободно и благодѣтельно въ кругу своего званія, гдѣ никто не перечилъ мнѣ, не искалъ случая сдѣлать мнѣ какую нибудь непріятность, не требовалъ одной только утомительной и безполезной письменной отчетности, какъ главнѣйшаго предмета, а гдѣ обращали вниманіе на труды, заботы и успѣхи мои въ пользованіи немощныхъ, гдѣ вникали во всякое благоразумное предложеніе и требованіе мое, и дали полную власть заботиться не только о больныхъ, но и о сохраненіи здоровыхъ. Такимъ образомъ сдѣлали распоряженіе, по коему всѣ женщины въ деревнѣ, на

все время беременности своей, освобождались отъ работъ; выстроили бани, запретили мочить конопель въ озерѣ, изъ котораго всѣ берутъ воду, завели продажу говядины мѣною на хлѣбъ, чтобы дать всякому средство имѣть чаще мясную пищу; приняли множество мѣръ противъ смертности младенцевъ, и я надѣюсь, что въ теченіе немногихъ лѣтъ, старанія наши покажутъ, въ числительныхъ выводахъ, пользу всѣхъ этихъ распоряженій.

Вотъ подъ какими обстоятельствами, примѣтами и знаменіями праздновалъ я, въ кругу семьи Негурова, тридцатое рожденіе свое. Обѣщавъ разсказъ о жизни моей только за 30 лѣтъ, за первую половину, я бы долженъ былъ на этомъ закончить нынѣшнія записки свои; но для полноты дѣла, слѣдуетъ прихватить еще и часть 31 года, съ коего начинается вовсе для меня новая жизнь, новое лѣтосчисленіе.

Мой добрый безногій французъ, переходя изъ рукъ въ руки, попалъ между тѣмъ—куда бы вы думали?—въ домъ къ моему полковнику, у котораго дѣтки подросли и требовали воспитанія. Французъ всегда писалъ мнѣ отъ времени до времени, и описалъ мнѣ съ особеннымъ жаромъ свой торжественный въѣздъ и входъ на костыляхъ въ домъ моего благодѣтеля. Вѣчно-юный сердцемъ старикъ описывалъ съ восхищеніемъ, какъ приняли, въ домѣ полковника, бывшаго учителя Вакха Чайкина, съ какимъ уваженіемъ съ нимъ обходились, какъ всѣ не могли имъ нарадоваться. «Да», прибавилъ онъ, «отставной артиллеристъ большой арміи, отставной учитель Вашеньки — опять вступилъ на службу, но чувствуетъ, что вскорѣ будетъ отставленъ и уволенъ отъ службы и званія гражданина этого міра, скоро будетъ отставнымъ человѣкомъ. Старость не бѣда, но бѣда дряхлость, которая заставляетъ поглядывать иногда мимоходомъ въ готовую яму. Тамъ мое

мѣсто, Ваша, тамъ, это я чувствую, и я бы давно остылъ уже, если бы меня не грѣли иногда воспоминанія. Здѣсь, Ваша, есть еще одно солнышко, которое ходитъ за мною, какъ дочь за отцомъ—и это въ честь тебѣ, другъ мой, honneur aux braves! Груша кланяется тебѣ, и признаюсь тебѣ, сухой поклонъ этотъ по себѣ, безъ этого думнаго, спокойнаго личика—пустая фраза, а я таки когда-нибудь соберусь, и спишу ее и пришлю тебѣ на показъ темнорусую головку, которая, не можетъ быть, чтобы не оставила въ тебѣ какихъ-нибудь пріятныхъ воспоминаній.»

Приписка. «Письмо осталось на недѣлю, не попало на почту, и я посылаю тебѣ обѣщанное сокровище; видишь, я ребячусь, какъ школьникъ, и дѣлаю непозволительныя шалости—не выдай меня, не продай.»

Личико это было то же, какъ шесть, семь лѣтъ тому назадъ, когда оно прожило на свѣтѣ всего лѣтъ 15 или 16 — дѣтская рѣзвость его только смягчилась умнымъ и спокойнымъ взглядомъ, полнымъ души. Прежнее, былое пробудилось во мнѣ съ неимовѣрною силою, я заплакалъ какъ ребенокъ.

Я потребовалъ отчета у француза, какимъ образомъ Груша, которая давно замужемъ, жила опять въ домѣ у полковника? И французъ отвѣчалъ мнѣ, что она никогда замужъ не выходила; она была помолвлена нѣсколько лѣтъ тому, по настоянію сестры и зятя, но не смогла одолѣть отвращенія своего отъ замужества и, по личному объясненію съ женихомъ своимъ, осталась опять свободною.

Передумавъ нѣсколько времени и переработавъ въ головѣ и въ сердцѣ это, я объяснилъ своему французу все, сказавъ, кто я теперь, и чѣмъ могу располагать, и поручилъ ему сдѣлать развѣдку и опознаться на мѣстѣ, какъ и гдѣ разсудить, и увѣдомить меня, нѣтъ-ли для меня еще какой нибудь надежды? Переговоры

эти кончились тѣмъ, что я поскакалъ туда самъ и привезъ съ собою въ столицу нашу, село Негожево, въ 60-ти верстахъ отъ Алтынова, молодую жену, Грушу. Француза мы оставили полковнику еще на время, съ тѣмъ, чтобы онъ пріѣхалъ умирать къ намъ, и онъ свято обѣщалъ исполнить это, и вскорѣ Батюшка живетъ, разумѣется, съ нами, но не ѣстъ хлѣба даромъ: онъ еще свѣжъ и здоровъ и чеботаритъ преспокойно на весь домъ нашъ, потому-что ему сидѣть сложа руки—и грѣшно, и скучно

БѢДОВИКЪ

ГЛАВА I.

ЕВСЕЙ СТАХѢЕВИЧЪ ЕЩЕ НЕ ДУМАЕТЪ ѢХАТЬ ВЪ СТОЛИЦУ.

Въ одномъ изъ губернскихъ городовъ нашихъ, положимъ хоть въ Малиновѣ, настало воскресенье; Евсей Стахѣевичъ Лировъ, благовидный, хотя и не слишкомъ ловкій молодой человѣкъ, а по чину и званію своему птица невысокаго полета, отстоявъ въ пятиглавомъ соборѣ обѣдню, пустился, по неизмѣнному мѣстному обычаю, въ объѣздъ по всѣмъ лакейскимъ и переднимъ, поѣхалъ развозить карточки за собственноручною подписью своею и расписываться у начальниковъ и старшихъ на засаленномъ листѣ бумажки.

Евсей Стахѣевичъ выросъ въ уѣздѣ, а нынѣ, и то недавно только, попалъ въ губернскій городъ; поэтому онъ и привыкъ уже съизмала ко всѣмъ обрядамъ и обычаямъ, вошедшимъ въ губерніяхъ и уѣздахъ нашихъ въ законную силу; но Евсей при всемъ томъ никакъ не могъ помириться съ этими заповѣдными объѣздами, къ которымъ необходимо было приступать

снова каждый воскресный и табельный день, то есть до 75-ти разъ въ году, если не болѣе. Онъ свято исполнилъ этотъ обрядъ; но каждый праздникъ, доставая бѣлый воротничекъ и воскресную жилетку, пускался снова въ разсужденія о безполезности этого тунеяднаго обычая.

Евсея Стахѣевича безпокоило при этомъ всего болѣе то, что онъ не видѣлъ этому дѣлу никакого отраднаго конца: это бездонная бочка Данаидъ — и только; даже дѣтямъ и внукамъ нашимъ не будетъ легче отъ нашихъ объѣздовъ съ почтеніемъ: мы ихъ работы не переработаемъ, а имъ придется начинать, на свой пай, съизнова. Не успѣлъ покончить сегодня, отдохнуть день, другой, поработать — принимайся опять за то же, и такъ до скончанія вѣка. «А кто поблагодаритъ меня за это, думалъ Евсей Стахѣевичъ:—кому отъ визитовъ моихъ легче и теплѣе? ни посѣтителю, ни посѣщаемому, ни гостю, ни хозяину; а между тѣмъ нельзя и отстать. Я самъ намедни слышалъ, какъ прокуроръ нашъ, напримѣръ, попенялъ, очень недвусмысленно, одному изъ подчиненныхъ своихъ, за невнимательность эту по службѣ: «Вы, сударь», сказалъ прокуроръ, «съ супругою своею подъ ручку разгуливаете, это мы видимъ; а начальства своего по воскресеньямъ не уважаете».... Что же тутъ станешь дѣлать? поѣдешь, поневолѣ».

Такъ разсуждая, Лировъ побывалъ уже у губернатора, вице-губернатора, у начальника своего, предсѣдателя гражданской палаты, и былъ на пути къ предсѣдателю уголовной. Привычныя поѣздки эти, отвѣты: у себя, принимаютъ, или выѣхали-съ, не принимаютъ, а затѣмъ, столь выразительное шарканье, думное молчаніе или замысловатый разговоръ о погодѣ, поворотъ налѣво кругомъ, или молчаливая отдача въ лакейской своего добраго имени, все это нисколько не мѣшало

Евсею Стахѣевичу продолжать разсуждать про себя, тѣмъ болѣе, что онъ былъ мастеръ своего дѣла, не визитовъ то есть, а мыслей и думы. Онъ продолжалъ круговую по цѣлому городу и продолжалъ себѣ думать, не занимаясь мыслями ни на одномъ порогѣ.

«И какъ это глупо, безтолково, безсмысленно, такъ думалось ему—ну, пусть бы уже раза два, три въ году, коли это необходимо, коли ведетъ къ чему нибудь, а то—каждое воскресенье, каждый Божій праздникъ.»

«Всякому, безъ сомнѣнія, глупость эта надоѣла не меньше моего, а каждый связанъ и опутанъ этими тенетами и пеленками условныхъ приличій; спрашиваю, можно ли принять съ повальнаго согласія общее правило и постановленіе, которое всѣмъ вообще въ тягость и никому не приноситъ пользы? Когда, бывало, учитель сѣкъ насъ въ уѣздномъ училищѣ, то увѣрялъ всегда и приговаривалъ во все время сѣкуши: «не я бью, самъ себя бьешь». То же самое хочется мнѣ и теперь высказать иногда хозяину, къ которому случится пріѣхать не во-время. Онъ морщится, и я морщусь—а между тѣмъ, какъ быть? коли пойду на-перекоръ обычаямъ и заведеніямъ, я же буду виноватъ, потому что, по службѣ, нашему брату нѣтъ отговорокъ. И пусть бы еще нашъ братъ, мелочь, ѣздила къ начальникамъ съ почтеніемъ да на поклонъ, чтобы на глаза показаться, чтобы не сказали: «вы по воскресеньямъ не уважаете начальства,» а то нѣтъ, и другъ-къ-другу, и къ равнымъ себѣ, и къ постороннимъ, къ знакомымъ и къ незнакомымъ, словомъ, гдѣ только есть ворота, да три окна на улицу, туда и заѣзжай сподрядъ. И этимъ-то мы занимаемся каждый праздникъ, отъ обѣдни и до самаго обѣда! А сколько тутъ еще бываетъ недоразумѣній, сколько толковъ, пересудовъ, начетовъ и недочетовъ, сколько при-

чинъ къ неудовольствіямъ, обидамъ, сплетнямъ... Въ это время Евсей Стахѣевичъ, въ числѣ пяти другихъ чиновъ, привѣтливо и почтительно раскланивался и шаркалъ и нагибался передъ супругой предсѣдателя уголовной и продолжалъ себѣ, нисколько не смущаясь, думать: напримѣръ, объѣдешь не по чинамъ, не по званію, какъ я прошлое воскресенье пріѣхалъ вотъ сюда, побывавъ уже у полиціймейстерши, потому что туда было по пути заѣхать, гнѣваются; или, напримѣръ, начальникъ не принимаетъ, да позабудешь записаться, какъ я же въ вербное воскресенье, такъ уже на тебя смотритъ эдакъ, приподнявъ нижнюю губу, де-скать не уважаетъ начальства, зазнается; да, есть съ чего нашему брату, подлинно! Или пріѣдешь попозднѣе, потому что какъ ни бейся, а ко всѣмъ вдругъ не поспѣешь, да запишешься въ концѣ листа, говорятъ: важничаетъ, пріѣзжаетъ по-барски, словно къ ровнѣ; а пріѣдешь пораньше, на починъ, да запишешься на листѣ въ самомъ заголовкѣ—такъ и это не по чину, того и смотри, что опять-таки неладно, а норови да попадай въ свою артель. Намедни, напримѣръ, нашъ совѣтникъ, пріѣхавъ къ губернатору, вымаралъ подпись мою и поставилъ ее подъ своею; да съ сердцовъ еще такъ черкнулъ меня бѣдняка, что только брызги посыпались. Что будешь дѣлать! или, напримѣръ, войдешь въ переднюю да кинешь второпяхъ плащъ на какую-нибудь прокурорскую шубу, какъ случилось это и со мною, опять-таки по перстамъ тебѣ разсчитаютъ, что съ умыслу, да и только. Или напримѣръ.. Евсей Стахѣевичъ, распростившись съ уголовною, сидѣлъ уже опять на столбовыхъ дрожкахъ своихъ, какъ первый членъ межевой конторы, объѣзжая его на щегольской парѣ, поднесъ словно нехотя руку къ шляпѣ и закричалъ: «Что это вы опять дѣлаете сегодня, Евсей Стахѣевичъ? Вы развозите чужіе билеты!» Лировъ

поглядѣлъ за нимъ вслѣдъ, опустилъ руку въ боковой карманъ, досталъ и развернулъ пучокъ билетовъ и крайне изумился, увидѣвъ, что передъ нимъ на-лицо, дѣйствительно, карточки чужія, всѣхъ цвѣтовъ и величинъ, съ разноцвѣтными каемочками, съ позолотою, съ цвѣточками, даже съ амурчиками и съ восклицательными знаками, по вкусу и выбору господъ хозяевъ. Этого мало: перебирая ихъ, Евсей увидѣлъ, что женскихъ билетовъ было почти на половину, и одинъ, между прочимъ, съ букаами внизу: p. p. c., pour prendre congé, которыя Стахѣевичъ, въ простотѣ своей, принялъ за русскія и истолковалъ словами: разъѣзжаю ровно сумасшедшая. Но наконецъ Лировъ опомнился и спросилъ кучера своего, который остановился у подъѣзда одного изъ совѣтниковъ: «Власовъ! гдѣ ты взялъ билетики эти?» Корней Власовъ Горюновъ оглянулся, спросилъ еще разъ: «которы? эвти?» И на отвѣтъ: «да, эти, эти самые,» началъ разсказывать преоколичественную быль, какъ вице-губернаторскіе мальчишки, сосѣди Лирова, выбирали билетики изъ сору да стали было раскидывать ихъ по улицѣ, какъ Власовъ разогналъ пострѣловъ, подобралъ билетики, завернулъ и положилъ ихъ на окно барина, и наконецъ, видно невзначай, подалъ, ихъ сегодня, вмѣсто бѣленькихъ. Разговоръ этотъ у подъѣзда совѣтника продолжался бы вѣроятно, еще нѣсколько времени, еслибы полковникъ Плаховъ не наѣхалъ сзади четверней и выносной мальчишка не взвизгнулъ пронзительнымъ голосомъ, которому кучеръ, съ высоты козелъ своихъ, вторилъ грубымъ и нахальнымъ басомъ. Корней Власовъ продернулъ скорехонько до угла, а Лировъ соскочилъ тутъ и побѣжалъ назадъ къ подъѣзду.

Отпустивъ поклонъ и завѣтное поздравленіе съ праздникомъ, то есть съ еженедѣльнымъ воскресеньемъ, Лировъ стоялъ у косяка дверей въ переднюю,

глядѣлъ во всѣ глаза на занимательную бесѣду прокурора съ полковникомъ, о здравіи его превосходительства господина губернатора и ея превосходительства супруги его; о наступающихъ новыхъ дворянскихъ выборахъ и ожидаемыхъ по этому поводу новыхъ стачкахъ, разладицахъ, сплетняхъ, ссорахъ и мировыхъ; объ открытомъ на дняхъ рекрутскомъ присутствіи, при чемъ полковникъ дѣлалъ кочковатыя и рѣзкія, топорной работы, замѣчанія, а прокуроръ съ простодушнымъ хохотомъ увѣрялъ: «Слава Богу, что эта часть до меня почти не относится, право, ей-ей, слава Богу; по крайности избавленъ отъ всякаго грѣха и искушенія и совѣсть чиста и спокойна.» На все это глядѣлъ Евсей Стахѣевичъ, но почти ничего не слышалъ; у него была привычка, принявшись въ раздумьѣ за какой-нибудь предметъ, вертѣть его во всѣ стороны, обходить его кругомъ, осмотрѣть внутри и снаружи, переминать его какъ жвачку, поколѣ не спознается съ нимъ какъ съ роднымъ братомъ. Поэтому Евсей продолжалъ думать, какъ въ пріемной прокурора, такъ и усѣвшись опять на столбовыя дрожки свои, такимъ образомъ.

И слава Богу еще, что я—не членъ рекрутскаго присутствія—это таки само по себѣ; но слава Богу еще, что я не женатъ. Можно ли вынести равнодушно весь этотъ безсмысленный бытъ, эту убійственную жизнь нашего женскаго круга, этотъ великолѣпный житейскій пустозвонъ и пустоцвѣтъ!..... Визиты, съ большимъ разсчетомъ и разборчивостію, съ осмотрительностію, по чинамъ, по званію, по служебнымъ обстоятельствамъ и отношеніямъ мужей, и здѣсь также составляютъ почти всю лицевую сторону, хазовый конецъ пріятельскихъ и дружескихъ сношеній, то есть собственно внѣшнюю жизнь; на этомъ вертится все, этому одному посвящаютъ время и безвременье, досугъ

и недосугъ, а остальную часть дня размышляютъ и совѣтуются о томъ, кому и какой визитъ отдать и когда поѣхать и сколько посидѣть. Вновь пріѣзжая барыня, или, какъ ее называютъ, дама,—а почему бы не краля?—обязана объѣхать всѣ 38 домовъ, составляющіе высшее общество города; младшія по чину, званію, богатству и значенію въ обществѣ, спѣшатъ на другой же день засвидѣтельствовать ей свое почтеніе и готовность служить, на первый случай, столикомъ, парою стульевъ, ухватомъ, кочергой; равныя побываютъ въ теченіе какой-нибудь недѣли, а чѣмъ барыня выше и почетнѣе, тѣмъ далѣе откладываетъ она обратное свое посѣщеніе. Между тѣмъ всѣ онѣ, другъ-другу, одна-одной и въ особенности новопріѣзжей, смотрятъ отвѣсно въ горшокъ и въ кастрюлю и чрезвычайно заботятся о томъ, когда у кого бываетъ бот винье, когда щи, супъ или борщъ; это, такъ сказать, еще одни цвѣточки созерцательной жизни ихъ, а ягодки бываютъ впереди, когда изо всего этого выходитъ наконецъ огромный клубокъ или мотокъ сплетень, которыхъ не развяжетъ и не распутаетъ и самъ.... «Виноватъ», сказалъ Евсей Стахѣевичъ, взявшись среди улицы за шляпу и думая, что проговорился при людяхъ и вслухъ. Но какъ повидимому никто, ниже и самъ Горюновъ, не подслушали на этотъ разъ Евсея, то проказникъ нашъ, отправляясь съ крыльца на крыльцо, изъ передней въ переднюю, все еще продолжалъ разсуждать про себя: коренныя старыя жительницы не менѣе того обязуются объѣхать по крайней мѣрѣ на Святой недѣлѣ и въ Рождество, каждая, всѣ 38 домовъ и кромѣ того явиться и показаться въ первобытномъ видѣ своемъ, послѣ каждаго шестинедѣльнаго домашняго заключенія. Чѣмъ благосклонная посѣтительница выше саномъ, тѣмъ короче такъ называемый визитъ ея; иногда, въ буквальномъ смыслѣ, она успѣетъ

войти, чмокнуться, присѣсть, встать, откланяться и уѣхать—въ полминуты, въ тридцать секундъ; намедни я видѣлъ это самъ, повѣривъ по часамъ своимъ визитъ вице-губернаторши. Визиты эти дѣлаются вообще между 11-ти и 2-хъ часовъ; и въ это время, въ великоторжественные дни, четверка за четверкой, пара за парою, гонятся взадъ и впередъ, вдоль и поперекъ, по всѣмъ улицамъ и переулкамъ; всѣ встрѣчаются, здороваются, разъѣзжаются и спѣшатъ развозить билеты свои, покуда никого нѣтъ дома. Но если вы спросите у совѣтницы нашей, знакома-ли она съ предводительшей, то она вамъ скажетъ: «нѣтъ», не смотря на то, что онѣ обѣ честятъ и утѣшаютъ себя и другъ-друга взаимно визитами; знакомы тѣ только, которыя ѣздятъ другъ къ другу посидѣть. И это знакомство, посидѣлки, раздѣляется еще на два разряда: иныя навѣщаютъ другъ друга, по какому нибудь первопечально случайному обстоятельству, только по утрамъ, и говорятъ: «я была у такой-то посидѣть утромъ»; другія — и вотъ это уже пріятельницы настоящія, задушевныя—сидятъ одна у другой по вечерамъ; это связь самая короткая, тѣсная, которая обыкновенно обходитъ поочередно кругомъ весь городъ; мы знакомы; маленькая непріятность разстроитъ знакомство наше — мы спѣшимъ врознь, прижимаясь тѣснѣе каждая къ новой пріятельницѣ своей, съ разсказомъ страннаго поведенія бывшей подруги, которая не сказалась дома, или приняла меня холодно, или тамъ-то сказала обо мнѣ вотъ то-то; вѣсть о разводной обѣгаетъ въ сутки змѣйкой и молніей по всѣмъ 38-ми дымовьямъ и очагамъ, и на утро возвращается, съ привѣсками и отмѣтками на поляхъ, къ двумъ бывшимъ пріятельницамъ, о которыхъ теперь говорятъ: онѣ уже больше не знакомы. На другой и на третій день, послѣ каждой подобной размолвки, вы можете держать закладъ, что у подъѣзда той и другой

почтенной барыни стоитъ карета или коляска: это поступившія на упраздненныя мѣста подставныя подруги, это заботливыя искательницы, подружившіяся и поссорившіяся уже въ свою очередь съ уволенною нынѣ отъ службы и дружбы подругою; это торопливо услужливыя новыя пріятельницы, утѣшающія одиночество и сиротство покинутыхъ и обманутыхъ. Новыя подруги эти спѣшатъ передать вчера только съизнова добытымъ пріятельницамъ, съ коими впрочемъ также когда-то уже были знакомы и опять незнакомы, въ пріязни, въ размолвкѣ и нынѣ вотъ опять въ самой тѣсной дружбѣ,—спѣшатъ передать, что́ говорятъ объ этомъ въ городѣ. Вотъ это я называю ягодками, потому что въ нихъ есть и сѣмечки, отъ которыхъ пойдетъ дремучій и непроходимый лѣсъ новыхъ вздоровъ, или по крайней мѣрѣ не одна добрая десятина заглохнетъ бурьянникомъ, репейникомъ и сорными травами.

«А именины?»—подумалъ про себя Евсей Стахѣевичъ, вошедши въ низкую, грязную, тѣсную, заваленную всякими дорожными припасами комнатку состоятельнаго помѣщика, Козьмы Сергѣевича Мукомолова, который только-что наканунѣ пріѣхалъ по домашнимъ дѣламъ въ городъ и угощалъ теперь поздравителей нынѣшняго дня ангела своего.— «А именины?» Это ужь Богъ вѣсть что такое! Можно ли ввести во всеобщее употребленіе обычай—поздравлять весь городъ своевременно съ именинами и дать этому безтолковому, тунеядному обычаю силу житейскаго закона! Другое дѣло,—продолжалъ Евсей про себя, раскланиваясь съ Мукомоловымъ и имѣя честь поздравить его съ днемъ ангела его:—другое дѣло, сходить и поздравить стараго пріятеля, съ которымъ я давно и коротко знакомъ, котораго люблю и уважаю; а какая мнѣ нужда до именинъ какихъ нибудь ста особъ и можно ли требовать отъ человѣка, если онъ не въ комитетѣ по утапты-

ванію мостовой, чтобы зналъ и помнилъ всѣ именины мужей и женъ и подростковъ, — чтобы маломальски порядочный человѣкъ занимался такимъ безсмысленнымъ вздоромъ? Неужели и въ самомъ дѣлѣ обзаводиться академическимъ календаремъ, для того только, чтобы знать, въ которомъ часу солнце заходитъ въ Петербургѣ, какого вѣроисповѣданія папа римскій, и чтобъ отмѣчать на пробѣлахъ: 10-го апрѣля гремѣлъ первый громъ; 11-го именины Кузьмы Панкратьевича, а 12-го, Макара Андреяновича? Какая мнѣ нужда, — проговорилъ Евсей Стахѣевичъ, забывшись, вслухъ, раскинувъ руки врознь,—какая мнѣ нужда до именинъ цѣлаго города и могу ли я ихъ знать и помнить?»

Проговоривъ это, Лировъ сталъ какъ вкопанный и не рѣшался даже поднять шляпу, которую въ испугѣ выронилъ; онъ потерялся и вовсе не зналъ, какъ отвѣчать въ ладъ и въ мѣру на приглашеніе расхохотавшагося хозяина хлѣбосола: *хоть закусить*. Лировъ подошелъ, не помня себя, къ треугольному столику, покрытому синею, измаранною ярославской салфеткой, у которой четыре измятые продольными складками угла неоспоримо свидѣтельствовали, что она исправляла также должность дорожнаго чемодана; робко взглянулъ на печатные ярлыки medoc S-t. Julien и Lafite, trés-qualité, выпилъ рюмку желудочной и потогонной, которую поднесъ ему самъ хозяинъ, поклонился, схватилъ шляпу, растоптанную между тѣмъ вбѣжавшимъ спросонья человѣкомъ, выскочилъ безъ памяти на крыльцо, едва нашелъ ощупью и по слуху дрожки свои, едва проговорилъ: «домой!» и кряхтѣлъ, кашлялъ, морщился и отплевывался во всю дорогу, и дышалъ на вѣтеръ, и отворачивался, потому что Евсей Стахѣевичъ отроду въ первый разъ отвѣдалъ водки, и на этотъ первый разъ закатилъ полную большую рюмку *дорожной отрады* Мукомолова, у котораго Перепетуя

Эльпидифоровна славилась хозяйствомъ своимъ по всему околодку, лечила по лечебникамъ Киліана и Енгалычева, какъ кто пожелаетъ, и сама перегоняла тайкомъ отъ откупщиковъ спиртъ, и дѣлала желудочную и потогонную, послѣ которой ину пору покрякивалъ и самъ Козьма Сергѣевичъ Мукомоловъ.

Такимъ образомъ кончились на этотъ разъ и визиты и размышленія нашего Евсея Стахѣевича.

ГЛАВА II.

ЕВСЕЙ СТАХѢЕВИЧЪ ДУМАЕТЪ ѢХАТЬ ВЪ СТОЛИЦУ.

Надобно однако же сказать вамъ, кто таковъ былъ Евсей Стахѣевичъ и какъ онъ попалъ въ Малиновъ и прочее.

Отецъ Евсея, или нѣтъ, лучше начнемъ съ дѣда,— дѣдъ Евсея былъ воронежскій мѣщанинъ, который нажилъ порядочное состояніе скорняжнымъ ремесломъ, выучился въ зрѣлыхъ лѣтахъ грамотѣ у старовѣровъ и сталъ подписываться: *Онуфрій Рыловъ*, тогда какъ доселѣ прозваніе это, по воронежскому, полу-украинскому обычаю, изустно произносилось просто *Рыло*. Поколѣніе меньшаго, безграмотнаго брата, Михея, и понынѣ осталось при необлагороженномъ прозваніи своемъ *Рыло*.

Но человѣчество совершенствуется съ каждымъ шагомъ: у Онуфрія былъ сынъ Стахѣй, воспитанный во всей строгости раскольничьяго изувѣрства; да лихъ не пошло въ прокъ ни воспитаніе Онуфрія, ни даже нажитое отцомъ его добро; изъ Стахѣя вышелъ бойкій, разбитной дѣтина, который семнадцати годовъ уже, по грамотной части, заткнулъ за поясъ весь Воронежъ. Онъ пошелъ въ конторщики, наслѣдовалъ отцовскими

тридцатью тысячами, былъ потомъ секретаремъ въ уѣздномъ магистратѣ, да одолѣла своекоштная болѣзнь, пошелъ пить запоемъ, мѣсяца по три, по четыре сряду, и держался на мѣстѣ своемъ, поколѣ не издержался; а когда онъ прокутилъ и прогулялъ все, то его устранили, и Стахѣй, съ чиномъ губернскаго, пытался было еще раза три пріютиться, но уже не могъ ни устоять на ногахъ, ни усидѣть на мѣстѣ; и потому, открывъ въ себѣ даръ сочинять просьбы и писать стихи, Стахѣй не удовольствовался тѣмъ, что давно уже подписывался не Рыловъ, а Рылевъ, — это казалось ему и приличнѣе, и благозвучнѣе,—а увѣрилъ себя къ тому еще, что прозваніе Рылевъ происходитъ отъ украинскаго: *Рыле*, а Рыле ничто иное, какъ искаженное *Лира*; поэтому Стахѣй и сталъ подписываться и именоваться впредь отнынѣ Лировъ; а послышавъ въ себѣ отъ піитическаго прозванія этого піитическое призваніе, сталъ заниматься уже исключительно только вольнымъ письмомъ. И у него была, правда, привычка ставить точку каждый разъ, когда бывало захочется понюхать табаку или сказать слово постороннему человѣку, а, принимаясь снова за перо, расчеркиваться прописною буквою съ закорючками; то же самое случалось иногда и посреди слова, если веселая мысль одолѣвала и душа просилась на просторъ; но все это не было помѣхой письменному краснорѣчію Стахѣя, равно какъ не мѣшали этому и переносъ слова въ другую строку на любой буквѣ, перестановка буквъ *ять* и *есть*, излишнее употребленіе буквы *з*, которая встрѣчалась въ твореніяхъ Стахѣя каждый разъ послѣ буквы *в*, какъ неотъемлемая ея принадлежность; и наконецъ сплошное замѣненіе буквы фертъ ѳитою, потому что *ф* была, по мнѣнію Стахѣя, буква вовсе неблагопристойная. Стахѣй одѣвался по воскресеньямъ всегда очень чисто, писалъ по заказу просьбы, письма.

сдѣлки и договоры, а нерѣдко и стишки въ родѣ слѣдующихъ:

Офицерикъ молодой
съ нею время препровелъ.

Писалъ, писалъ, гулялъ и женился наконецъ на дочери одной знаменитой просвирни, искавшей зятя, котораго бы можно было продержать первыя двѣ, три недѣли послѣ свадьбы въ безчувственномъ состояніи. Сваха взяла отвѣтъ и страхъ на свою голову и поручилась за исполненіе необходимой мѣры этой, и Стахѣй, сочинивъ самъ на свадьбу свое премилое поздравительное посланіе, былъ форменно учтивъ и вѣжливъ съ невѣстою своею, какъ на обрядѣ смотрѣнія, на смотринахъ, такъ и на помолвкѣ, и наконецъ послѣ вѣнца. Что было потомъ—это онъ запомнилъ; припоминаетъ однакоже, что у него болѣла голова.

Родился сынъ, былъ названъ Евсеемъ, росъ, обучался въ уѣздномъ училищѣ грамотѣ, поступилъ канцелярскимъ служителемъ въ земскій судъ, гдѣ и происходилъ чинами; велъ онъ себя отлично хорошо, зналъ дѣло и работалъ неутомимо; наконецъ, послѣ разныхъ приключеній, былъ онъ переведенъ, по ходатайству предсѣдателя, въ гражданскую палату. Отца Лирова, Стахѣя, теща увезла, какъ необходимую домашнюю утварь, въ свой городъ, гдѣ онъ по слухамъ, дошедшимъ до бѣднаго Евсея, волею Божіею помре.

Виноватъ-ли былъ этотъ бѣдный Евсей, что онъ родился отъ такихъ родителей? Но свѣтъ этого не разбираетъ; у него какъ на визиты, которые Евсей нашъ такъ отъ души возненавидѣлъ, такъ и на все, свои обычаи, условныя приличія, уставы и обыкновенія. Свѣтскіе предразсудки, которые выростили, вспоили и вскормили насъ, такъ всесильны, что и читатели мои готовы откинуться отъ сына распутнаго

магистратскаго секретаря и дочери просвирни, какъ будто онъ можетъ отвѣчать за грѣхи предковъ своихъ! Развѣ мало дѣла человѣку держать отвѣтъ за себя?

Евсей Стахѣевичъ былъ необыкновенно честный и трудолюбивый человѣкъ, то и другое по какому-то рѣдкому, врожденному свойству, въ которомъ не могъ отдать ни другимъ, ни себѣ самому отчета. За это благородное, безкорыстное направленіе духа онъ былъ обязанъ... но объ этомъ послѣ; довольно того, что мысль и чувство вложены были въ него природою, а развиты женщиною. Подъ всегдашнимъ гнетомъ судьбы и людей, въ неравной борьбѣ своей съ людьми и съ судьбою, Евсей, не смотря на здравый умъ свой и необыкновенное терпѣніе, былъ нѣсколько малодушенъ; онъ выросъ и возмужалъ въ какомъ-то уничиженіи: обстоятельства не дали развиться въ немъ силѣ и самостоятельности. Онъ былъ тихъ, скроменъ, потворчивъ, робокъ и до того снисходителенъ, что, казалось, не видѣлъ ничего тамъ, гдѣ присутствіе его могло быть для другихъ обременительно, не слышалъ ни слова, если около него происходилъ разговоръ, который могъ или долженъ бы ввести разговаривающихъ въ краску. Словомъ, Евсей былъ обыкновенно самый безвредный свидѣтель. Что онъ видѣлъ, слышалъ, то зналъ про себя, про себя объ этомъ и разсуждалъ, и не повѣрялъ никому на свѣтѣ чужихъ тайнъ. Онъ самъ былъ честенъ, благороденъ, добръ, но никогда не искалъ этихъ свойствъ и качествъ въ другихъ, никогда не удивлялся, если находилъ противное. Если онъ не проговаривался вслухъ, что случалось впрочемъ съ нимъ не слишкомъ часто, то никому ни въ чемъ не мѣшалъ и никогда не прекословилъ. Ко всему этому привыкъ онъ еще съ тѣхъ инстанцій, гдѣ вокругъ него нюхали табакъ, доставая тавлинку изъ-за голе-

ница, и гдѣ, для хозяйственнаго сбереженія, должность клѣтчатаго платка нерѣдко исправляли бумажные обрѣзки.

Замѣтимъ, какъ дѣло у насъ на Руси не послѣднее, въ особенности коли рѣчь идетъ о чиновникѣ, что Евсей былъ человѣкъ грамотный; онъ писалъ самоучкой ясно, просто, гладко, коротко и даже довольно сильно. Если бы вы увидѣли его, какъ онъ робко и несмѣло подавалъ предсѣдателю своему для подписа бумаги своего письма, и если бы иногда прочитали одну изъ бумагъ этихъ, то изумились бы видимой наружной противоположности сочинителя и сочиненій. Но Евсей писалъ такъ же смѣло, какъ думалъ про себя, а вслухъ заговорить не осмѣлился бы и сотой доли того, что писалъ. При всемъ этомъ онъ не требовалъ и не ожидалъ отъ другихъ такой же грамотности. Съ неимовѣрнымъ благодушіемъ, читалъ и понималъ онъ донесеніе исправника, что «такой-то противозаконно застрѣлился, отъ чего ему отъ неизвѣстныхъ причинъ приключилась смерть; а при освидѣтельствованіи оказалось: зубы частію найдены близъ наличнаго окна, прочія-же челюсти какъ будто изъ головы вовсе изъяты и находятся на отверстіи лба; потолокъ, на второй половицѣ, прострѣленъ дырою, имѣя при дѣйствіи своемъ напряженіе на сѣверъ, ибо комната эта имѣетъ расположеніе при постройкѣ на востокъ» *). Или что «такой-то, ѣдучи на телегѣ по косогору, при излишнемъ употребленіи горячихъ напитковъ, споткнулся и отъ нескромности лошади былъ разбитъ»; что «такой-то, отъ тяжкихъ побоевъ, не видя глазами зрѣнія, впалъ въ безпамятство»; что «въ такомъ-то уѣздѣ, статистическихъ свѣдѣній не оказалось никакихъ, о чемъ и имѣетъ счастіе всепочтитель-

*) Для любопытныхъ, я храню донесеніе это въ подлинникѣ.

нѣйше донести» — и прочая, и прочая, и прочая; все это, а иногда и хуже того, читалъ Евсей и понималъ по навыку; никогда вслухъ не жаловался на безсмыслицу и думалъ только иногда про себя, если не могъ вовсе добиться толку, а принужденъ былъ, не перекладывая такихъ рѣчей и оборотовъ на русскій языкъ, держаться однихъ безсмысленныхъ словъ и передавать ихъ въ этомъ же видѣ и порядкѣ, — думалъ только иногда: «Создатель мой! для чего люди не пишутъ запросто, какъ говорятъ *) и выбиваются изъ силъ, чтобы исказить и языкъ, и смыслъ! Почему и за что проклятіе безграмотства доселѣ еще тяготѣетъ на девяти десятыхъ письменныхъ, и какъ это объяснить, что люди, которые говорятъ на словахъ очень порядочно, иногда даже хорошо, покрайней мѣрѣ чистымъ русскимъ языкомъ, и разсуждаютъ довольно здраво, какъ будто перерождаются, принимаясь за перо, пишутъ безтолочь и безсмыслицу, не умѣютъ связать на бумагѣ трехъ словъ и двухъ мыслей и ни за какія блага въ мірѣ не могутъ написать самую простую вещь такъ, какъ готовы во всякое время пересказать ее на словахъ? Почему это общій нашъ недостатокъ, что мы пишемъ гораздо хуже, чѣмъ говоримъ, и исключенія изъ этого общаго правила такъ рѣдки? Отчего, не только люди маленькіе и темные, а порядочные, не глупые и

---

*) Евсей Стахѣевичъ, конечно, никогда не ожидалъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этой скромной думы, собственно ему принадлежащей, явится столь знаменитый поборникъ разговорнаго языка. Впрочемъ, хотя и тотъ и другой, одинъ мысленно, про себя, другой громко, гласно и всенародно, совѣтовали писать, какъ говоримъ, но понятія ихъ объ этомъ разговорномъ языкѣ, какъ видно, не совсѣмъ согласны. Смѣю поручиться, что Евсей Стахѣевичъ никогда не писалъ такъ, какъ пишетъ и даже печатаетъ знаменитый совмѣстникъ или соревнователь его; сей послѣдній смѣло можетъ приписать разговорный языкъ свой собственно себѣ, не уступая никому, ни даже Евсею Стахѣевичу, ни былинки, ни чи пылинки своего изобрѣтенія.

дѣловые, не только засѣдатели, которыхъ Богъ проститъ, а напримѣръ и самъ даже»,—Евсей оглянулся и продолжалъ думать тише прежняго,—а что, неизвѣстно: голова его сомкнулась, и мысль замерла въ ней, какъ дерзкая мошка въ цвѣткѣ недотрогѣ.

Намъ однако же за отрывистыми и уносчивыми думами Евсея Стахѣевича не угоняться; остается еще только сказать, сверхъ всего, о чемъ мы уже знаемъ, что бѣднаго Евсея преслѣдовала, казалось, съ давнихъ временъ какая-то невидимая вражья сила. Евсей такъ къ этому привыкъ, что никогда бѣдѣ своей не удивлялся, никогда не равнялъ себя въ этомъ отношеніи съ прочими людьми, считалъ себя какимъ-то пасынкомъ природы и съ покорностію подставлялъ повинную свою мечу и сѣкирѣ: но тогда мечъ и сѣкира его щадили, и дѣло принимало обыкновенно болѣе смѣшной, забавный оборотъ. Есть же такіе бѣдовики-неудахи на свѣтѣ! Мелочныя отношенія суетной жизни, обычаевъ, обрядовъ и приличій безпрестанно сталкивались съ Евсеемъ — или онъ съ ними—локоть-объ-локоть и выбивали его изъ привычной колеи. Губернаторъ любилъ его какъ работящаго, дѣловаго чиновника, употреблялъ его нерѣдко, когда онъ, Лировъ, служилъ еще въ губернскомъ правленіи; но и губернаторъ не понималъ его и, слѣдовательно, не могъ оцѣнить. А къ какому роду изъ числа высшихъ гражданскихъ сановниковъ принадлежалъ и самъ губернаторъ, это видно изъ слѣдующаго происшествія, относящагося также къ числу наудачъ нашего Евсея. Лирову было однажды поручено слѣдствіе; онъ его окончилъ совѣстливо, разобралъ и очистилъ пресложное, запутанное дѣло и ждалъ спасиба. Но пронырливые ходатаи успѣли понаушничать напередъ, оборотить губернатора лицомъ въ лѣсъ, а затылкомъ въ чистое поле, и Лировъ, воротившись и пришедши съ донесеніемъ, встрѣтилъ угрюмое чело,

въ которомъ одна знакомая ему продольная морщина, проходя косвенно къ правой брови, показывала *неудовольствіе*. Оно такъ и вышло. «Ваше прев—во», сказалъ Лировъ, чувствуя себя въ полной мѣрѣ правымъ и собравшись съ необыкновеннымъ духомъ, «ваше прев—во, позвольте мнѣ объясниться; отношенія мои къ вашему прев—ству всегда были доселѣ самыя откровенныя; я имѣлъ счастіе пользоваться...» — «Какія отношенія, сударь», спросилъ губернаторъ, приподнявъ густыя брови на цѣлый вершокъ, «какія, сударь, отношенія? я думаю, рапорты!.....»—И бѣдный Евсей, вздохнувъ и прикусивъ языкъ, замолчалъ, не оправдывался, не объяснялся и вовсе даже не удивлялся этому неожиданному обороту *отношеній* своихъ къ губернатору; казалось, Евсей былъ уже готовъ всегда и во всякое время услышать это или что-нибудь подобное. Этотъ случай разсказалъ я для примѣра, какъ судьба играла обыкновенно Лировымъ, и подобная неудача ожидала его на каждомъ шагу.

Между тѣмъ, предсѣдатель гражданской палаты выходилъ Лирова себѣ; здѣсь также шло довольно хорошо; Евсей былъ счастливъ, какъ вдругъ опять случилось вотъ что: гражданская палата, по малому числу дѣлъ, была соединена съ уголовною, какъ и донынѣ, напримѣръ, въ Астрахани; поэтому Лировъ, оставшись за штатомъ, былъ уволенъ въ отставку, съ выдачею ему единовременнаго годоваго оклада жалованья.

Лировъ носился мыслями Богъ вѣсть гдѣ, но сидѣлъ уже цѣлую недѣлю послѣ отставки въ Малиновѣ и не зналъ, на что рѣшиться. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда дворянскій предводитель далъ вечеръ, по случаю избранія его на второе трехлѣтіе: событіе непосредственно связанное съ понятіемъ объ анненскомъ крестѣ; и предводитель созвалъ весь городъ, а въ томъ

числѣ и отставнаго чиновника гражданской палаты — пригодится.

И онъ явился и сталъ скромненько въ углу, и опять, по всегдашней привычкѣ своей, молчалъ и обходилъ взорами кругомъ все собраніе и раскланивался и думалъ про себя такъ:

«Сошлись всѣ въ одно мѣсто, или съѣхались, потому что въ Малиновѣ ходятъ пѣшкомъ только прачки и кантонисты — съѣхались въ одно мѣсто, а глядятъ врознь. Да, люди — это настоящее китайское: *сложи да подумай*, casse-tête; казалось бы, и немудрено сложить да пригнать полдюжины треугольничковъ, четыреугольничковъ — да нѣтъ; уголъ за уголъ задѣваетъ, ребро попадаетъ на ребро — не укладываются! Горе, да и только. Потомъ Евсей, у котораго, какъ у всѣхъ чудаковъ этого разбора, мысли и думы метались иногда съ предмета на предметъ, безъ всякой видимой связи или сношенія, вздохнулъ, окинулъ глазомъ собраніе, и еще подумалъ: «Давно сказано, что въ лицѣ и въ складкѣ каждаго человѣка есть сходство съ какимъ-нибудь животнымъ; но и по душѣ, по чувствамъ, по норову и нраву, всѣ мы походимъ на то, либо другое животное. Вотъ, напримѣръ, лошадь: коли кормишь ее овсецомъ да коли кучеръ строгъ, — работаетъ хорошо, везетъ; но лягается, если кто неосторожно подойдетъ, и обмахиваетъ мухъ и мотаетъ головой. Вотъ лягавая собака: знаетъ немного по-французски, боится плети, и поноску подаетъ, и чуетъ верхнимъ чутьемъ, и рыскать готовъ до упаду; вотъ — мое почтеніе, сказалъ Евсей, нижайше откланиваясь; мое почтеніе, Петръ Петровичъ, — и думалъ про себя: вотъ кошка! гладокъ, мягокъ, хоть ощупай его кругомъ, кланяется всѣмъ, даже и мнѣ, гибокъ и увертливъ, ластится и увивается и сладко разсуждаетъ хвостомъ — а когти въ рукавицахъ про запасъ держитъ.... а вотъ

борзой: ни ума, ни разума, а какъ только вóзрится да увяжется, такъ уже не уйдешь отъ него на чистомъ полѣ, развѣ только въ лѣсъ: тамъ ударится объ пень головою да остановится. А вотъ настоящій быкъ: дороденъ, доволенъ и жвачку жуетъ, а работаетъ, словно возъ сѣна претъ, пьетъ по цѣлому чану вразъ.... а вотъ это хомячокъ—то и дѣло въ свое гнѣздышко, въ норку свою запасецъ таскаетъ, все что ни попало — въ норку, да и самъ юркнулъ туда же, и слѣдъ простылъ. А вотъ и коршунъ: это сущая гроза крестьянъ, этотъ совѣтникъ казенной палаты; ни курица, ни утица не уйдутъ отъ него на мужицкомъ дворѣ — видитъ зорко и стережетъ бойко—это коршунъ... А это скопà, иначе назвать его не умѣю; скопа онъ за то, что хватаетъ, все и гдѣ попало: и съ земли, и съ воды, и рыбу, и мясо, гдѣ что найдется.

Можно даже, подумалъ Евсей, взять одинъ извѣстный родъ или видъ животныхъ, богатый породами, и сдѣлать такое же потѣшное примѣненіе. Напримѣръ, не во гнѣвъ сказано или подумано—собаку. Вы найдете въ числѣ знакомыхъ своихъ мосекъ, меделянскихъ, датскихъ собакъ, ищейныхъ или гончихъ, найдете мордашекъ, которыя цѣпляются въ васъ не на животъ, а на смерть; таксика или барсучью, которая смѣло лѣзетъ во всякую норку и выживаетъ оттолѣ все живое; найдете дворняшекъ, псовыхъ, волкодавовъ, шавокъ и наконецъ матушкиныхъ сынковъ, тонкорунныхъ болонокъ; а лягаваго и борзаго мы, кажется, уже нашли: вотъ они, одинъ причуваетъ что-то, раздуваетъ ноздри, другой скучаетъ, застоялся сердечный, а гону нѣтъ».

Евсей Стахѣевичъ повелъ глазами по красному углу, по хазовому концу гостиной, гдѣ малиновскія покровительницы сіяли и блистали шелкомъ, блондой, золотомъ, тяжеловѣсами и даже алмазами, и еще поду-

малъ про себя: «а женскій полъ нашихъ обществъ цвѣтъ и душу собраній, надобно сравнивать только съ птицами: женщины такъ же нарядны, такъ же казисты, такъ же нѣжны, легкоперы, вертлявы и голосисты. Напримѣръ, вообразимъ, что это все уточки, и посмотримъ, къ какому виду этого богатаго рода принадлежитъ каждая: предсѣдательша наша — это кряковая утица, крикуша, дородная, хлѣбная утка; прокурорша — это широконоска, цареградская или такъ называемая саксонка; вотъ толстоголовая, бѣлоглазая чернеть, а вотъ чернеть красноголовая; вонъ докучливая лысуха, которая не стоитъ и заряда; вонъ кархаль хохлатый, вонъ и гоголь, рыженькій зобокъ; вонъ остроносый нырокъ, или запросто поганка; вонъ красный огневикъ, какъ жаръ горитъ и водится, сказываютъ, въ норахъ, въ красной глинѣ; а это свистуха, и носъ у нея синій; а вотъ вертлявая шилохвостъ! Ну, а барышни наши — все равно, и это уточки; вотъ, напримѣръ, рябенькій темнорусый чирочекъ, вотъ золотистый чирокъ, въ блесточкахъ; вотъ миленькая крошечная грязнушка, а вотъ луточекъ, бѣленькій, шейка тоненькая, съ ожерельемъ самороднымъ, чистенькій, стройный, красавица-уточка; вотъ къ ней подходитъ и селезень, который за всѣ побѣды и удачи свои обязанъ гладенькимъ крылышкамъ да цвѣтнымъ зеркальцамъ, коими судьба или наслѣдство его надѣлили! Онъ беретъ грудью, какъ соколъ, потому что, независимо отъ вишневолиловаго фрака, жилетъ его — неизъяснимаго цвѣта, новаго, какого нѣтъ въ составѣ луча солнечнаго, и налевые къ нему отвороты и серебряныя пуговочки съ прорѣзью, составляютъ главнѣйшія наступательныя орудія разудалаго хвата. Конечно, вихóръ и расчищенныя по головѣ дорожки, и изящная, отчаянная повязка бахромчатаго ошейника, не мало способствуютъ успѣхамъ его; но побѣдоносный знаетъ неодолимую силу

своей жилетки, и поэтому ходитъ обыкновенно по заламъ—видите, какъ теперь, заложивъ большіе персты обѣихъ рукъ за окраины рукавныхъ жилеточныхъ проемовъ и придерживая очень искусно шляпу свою правымъ локоткомъ. Молва идетъ, что онъ и умывается даже въ перчаткахъ. И съ какимъ самоотверженіемъ и душевнымъ удовольствіемъ подаетъ онъ дружески руку свою, всегда первый, если, какъ теперь, встрѣчается съ человѣкомъ въ чинахъ и въ крестахъ! это не то, что напримѣръ Иванъ Ефимовичъ, совѣтникъ уголовной — тотъ всегда не довѣряетъ, кажется, и пріятелю, и глядитъ какимъ-то слѣдственнымъ приставомъ и протягиваетъ руку словно пистолетъ, вотъ этакъ...» Евсей Стахѣевичъ, забывшись, вдругъ протянулъ руку свою, какъ протягиваетъ ее Иванъ Ефимовичъ, и пырнулъ въ бокъ проходящаго со всего разгону лакея, съ огромнымъ подносомъ. Лакей повихнулся, едва не уронилъ подноса, съ удивленіемъ и недоумѣніемъ взглянулъ на Евсея Стахѣевича, который препочтительно передъ нимъ раскланивался и извинялся.

«Съ такими странностями мудрено служить въ губерніи», сказалъ какой-то острякъ вполголоса, «надобно ѣхать въ столицу, себя показать и на людей посмотрѣть». Евсей слышалъ это; нисколько не думая сердиться, онъ повторилъ про себя: въ столицу! и новая мысль блеснула молніей въ замысловатой головѣ его. «Въ столицу?» подумалъ онъ—«въ столицу—нѣтъ, совсѣмъ не для того, чтобы чудаку или бѣдовику было мѣсто въ столицѣ, а такъ, просто, какъ ѣздитъ туда и живутъ тамъ другіе люди—что, если бы я съѣздилъ и нашелъ тамъ мѣстечко? что, если мнѣ тамъ повезетъ, если найду могучаго покровителя... вѣдь я теперь вольный казакъ, единовременнаго жалованья на прогоны станетъ—что если бы?»

Между тѣмъ, малиновскіе молодцы отплясали уже не одну французскую, охорашивались однакожъ еще и выправляли плеча, между тѣмъ какъ дѣвицы, которыя, какъ вы знаете, всегда и вездѣ милы и любезны, стояли махровыми пучечками и прохаживались, сплетаясь цвѣтистыми, пестрыми вѣночками. Неужели жъ, спросятъ, можетъ быть, кромѣ дѣвицъ, которыя такъ милы и любезны, всѣ прочіе жители и служители Малинова были одни животныя, какими писало ихъ своенравное воображеніе Лирова? Совсѣмъ нѣтъ, друзья, — но дѣло въ томъ, что у насъ у всѣхъ, не только у малиновскихъ жителей, свои причуды, странности, недостатки и пороки — у одного болѣе, разумѣется, у другаго менѣе. Если вы, вошедши на этотъ разъ въ составъ китайской игры, о которой я упомянулъ, усаживаясь и размѣщаясь, попадете на бѣду локтемъ на локоть, упретесь колѣномъ въ колѣно, ребромъ въ ребро — ну, тогда бѣда; сосѣди ваши для васъ не годятся, какъ и вы для нихъ; а нѣтъ сомнѣнія, что можно бы размѣстить всѣхъ насъ и такъ, чтобъ углы за углы не задѣвали. Едва ли есть такой негодяй на свѣтѣ, которому бы не было приличнаго и сроднаго ему мѣста. Возьмите людей съ одного конца, посмотрите на нихъ съ извѣстной точки—всѣ негодяи, всѣ животныя, одинъ—меньше, другой—больше! Подойдите съ другаго конца, разсмотрите съ иной точки,—всѣ люди, а иные, право, люди очень порядочные. Что же, наконецъ, собственно до дѣвицъ, то это статья иная; Евсей Стахѣевичъ, при всей видимой неловкости и нелюдскости своей, кой на что нагляделся и кой до чего додумался. Онъ былъ того мнѣнія, что дѣвицы всѣ милы, всѣ любезны, потому собственно, что онѣ дѣвицы; что на нихъ смотрѣть должно вовсе съ иной точки зрѣнія и на одну доску съ другими людьми не ставить; почему?— потому, что онѣ—

ундины; свойства и качества придутъ современемъ, когда придетъ душа. Вотъ какой чудакъ былъ нашъ Евсей! Но онъ слышалъ или читалъ гдѣ-то финскую либо шведскую пословицу, которую припоминалъ часто и никакъ не могъ выбить изъ головы, хотя она нерѣдко ему досаждала. Пословица эта гласитъ: «Всѣ дѣвушки милы, всѣ добры — скажите жъ, люди добрые, отколь берутся у насъ злыя жены?» А въ самомъ дѣлѣ, господа, откуда берутся у насъ злыя жены?

Поймавъ вовсе новую для него доселѣ мысль, о возможности поѣздки и службы въ столицѣ, гдѣ въ мечтахъ открывался ему новый міръ, Лировъ уже не разставался съ нею во весь вечеръ, и на что бы онъ ни глядѣлъ и что бы онъ ни говорилъ, а думалъ все одно и объ одномъ. Когда же, наконецъ, знаменитый съѣздъ кончился, пыльныя лица, мутныя съ поволокою очи, усталыя ноги, расклепавшіяся прически и помятыя кружева и блонды стали убѣдительно проситься домой, на отдыхъ, то Лировъ накинулъ плащъ свой на изнанку, забылъ и оставилъ въ прихожей калоши и подумалъ про себя: *ѣду*. Слово «ѣду», отозвалось такъ ясно и положительно во всемъ составѣ тѣла Евсея Стахѣевича, что онъ, испугавшись, оглянулся кругомъ; но повидимому слово это сказано было не вслухъ, или гостямъ было не до него: всѣ озабочены были одѣваньемъ и обуваньемъ; отрывистымъ, тонкимъ голосочкамъ: «мой салопъ, вашъ клокъ, платокъ», вторили теноромъ и басомъ: «шинель, плащъ, калоши»; лакеи у подъѣзда звонкимъ голосомъ запѣвали: «такого-то карету!» на улицѣ, то тутъ, то тамъ, подхватывали: «здѣсь!» А между тѣмъ уже кучера и выносные рѣзко и зычно кричали и заливались, отгоняя въ потьмахъ быстроногихъ пѣшеходовъ изъ-подъ лошадей. Спокойной ночи!

ГЛАВА III.

ЕВСЕЙ СТАХѢЕВИЧЪ ПОДМАЗАЛЪ ПОВОЗКУ.

Намъ надобно познакомиться теперь съ новымъ чудакомъ, который связанъ былъ съ Евсеемъ узами дружбы и службы: это Корней Власовъ Горюновъ, который за 80 рублей на монету въ годъ, выговоривъ себѣ еще товару на двѣ пары сапогъ да головы и подметки, служилъ Евсею Стахѣевичу вѣрою и правдой, какъ прослужилъ 25 лѣтъ въ Семиградскомъ пѣхотномъ полку. Корней ходилъ за бариномъ въ комнатѣ, варилъ ему щи да кашу, по воскреснымъ днямъ подавалъ и пирогъ, а иногда и битки, которые выучился готовить въ походахъ, по недостатку поварскаго стола, на любомъ колесѣ, на шинѣ полковаго обоза. Корней ѣздилъ *за кучера*, какъ самъ онъ выражался, стиралъ бѣлье и отмѣчалъ сверхъ того мѣлкомъ подъ полкой всѣ расходы и приходы барина своего, который, въ этомъ отношеніи, былъ безграмотенъ и вѣрилъ всегда Власову на слово, когда этотъ, пересчитавъ и повѣривъ всѣ черточки свои по десяткамъ, приходилъ докладывать, что деньги всѣ и расходъ вѣренъ. И въ самомъ дѣлѣ, Корней Горюновъ былъ въ одно и то же время честнѣйшій человѣкъ, благороднѣйшая душа и плутъ, и мошенникъ. Онъ скорѣе готовъ былъ прибавить свою гривну, если никѣмъ неповѣряемый мѣловой счетъ подъ полочкой у него не сходился, чѣмъ утаить грошъ у барина своего; но обмануть посторонняго человѣка, обсчитать торговку, даже стащить что-нибудь на сторонѣ, при какой нибудь крайней нуждѣ,—этого онъ вовсе не считалъ за грѣхъ, не называлъ воровствомъ. Воръ и мошенникъ въ глазахъ его были люди презрѣнные, и Корней былъ-бы готовъ полѣзть съ

вами въ драку, если бы вы стали увѣрять его, что и онъ бывалъ когда нибудь воромъ и плутомъ. Онъ самъ разсказывалъ, когда хвалился, что служилъ въ полку вѣрой и правдой, родясь не обманывалъ начальниковъ своихъ—самъ разсказывалъ, что считалъ непремѣнною обязанностію украсть на дневкѣ деревянную ложку или разбить горшокъ, если хозяинъ его дурно накормилъ. Но зато, напротивъ, разговаривалъ онъ съ мужикомъ, у котораго былъ на постоѣ, и особенно съ хозяйкою, чрезвычайно вѣжливо, нерѣдко честилъ его «вы» и «почтенный», если хорошо кормили, и тогда уже старался угодить и отблагодарить чѣмъ могъ; и если ложка эта была ему необходима, то онъ отправлялся за нею на другой конецъ села. Кого Корней признавалъ другомъ, пріятелемъ, товарищемъ или начальникомъ своимъ, того берегъ и стерегъ пуще, чѣмъ себя самого и свое добро: но зато всѣхъ прочихъ признавалъ онъ непріятелями, въ военномъ смыслѣ, куда причитались нѣкоторымъ образомъ и всѣ чужіе и незнакомые ему люди. Съ этими-то понятіями согласовались и всѣ дѣйствія и поступки Горюнова.

Евсей Стахѣевичъ такъ привыкъ къ дядькѣ своему, что не могъ безъ него жить и ничего не дѣлалъ, ни за что не принимался, не посовѣтовавшись напередъ съ Корнеемъ Власовымъ. И Корней Власовъ никогда не призадумывался, всегда совѣтовалъ и подкрѣплялъ совѣты свои поучительными примѣрами и привыкъ держать барина своего въ рукахъ, хотя ни онъ, ни самъ баринъ этого не замѣчали. Вотъ почему необыкновенная рѣшимость Евсея Стахѣевича, которая, казалось, низошла на него вчера вечеромъ какимъ-то наитіемъ, поколебалась; онъ почувствовалъ, что надобно сперва посовѣтоваться съ Корнеемъ Власовымъ, который тогда только безпрекословно соглашался съ предположеніями барина своего, когда они непосред-

ственно относились къ уменьшенію расходовъ и сбереженію барской казны: въ противномъ случаѣ Корней Горюновъ объявлялъ безъ обиняковъ, что это «пустяки, сударь», и подкрѣплялъ рѣшительный отказъ свой присказками и разной бывальщиной. Такъ онъ недавно еще не пустилъ барина своего на какую-то загородную пирушку или гулянье, куда былъ приглашенъ и Лировъ; не пустилъ потому, что и это также были «пустяки», на которые требовалось изъ казны вѣдомства Корнея пять рублей. Власовъ, въ продолженіе шестилѣтней службы своей при Лировѣ, могъ бы, казалось, убѣдиться, что баринъ его не только никогда не пьетъ лишней рюмки вина, но что обыкновенно не пьетъ его вовсе; несмотря однакоже на это, Горюновъ всегда увѣщевалъ барина своего не пить, понималъ слова: гулянье, пирушка, вечеръ, по-своему и говорилъ: «что толку въ гуляньѣ этомъ? только что деньжонки разсоришь, тамъ еще завтра и голову разломитъ, а надо идти на службу». Такъ разсуждалъ Горюновъ и тотчасъ же подводилъ примѣры: «вотъ у насъ въ полку былъ такой-то и сдѣлалъ то-то» и прочее. Если же самому Власову, раза два, три въ годъ, дѣйствительно случалось погулять, то онъ винился уже безпрекословно и вслѣдъ затѣмъ предлагалъ барину своему повеселиться съ товарищами и пріятелями, увѣряя, что денегъ еще осталось довольно, а треть на исходѣ и скоро будутъ выдавать жалованье. Корнею нужды мало до того, что баринъ его во всѣ шесть лѣтъ службы при немъ, Корнеѣ, не веселился съ товарищами и пріятелями ни одного раза; что онъ никогда не бывалъ на попойкахъ и велъ, безъ всякаго принужденія, самую трезвую и воздержную жизнь. Корней обо всемъ держался своихъ понятій и думалъ: «ну, благодаря Бога, вчера не пилъ и нынче не пьетъ, а что завтра будетъ—Богъ вѣсть!» Когда же Лировъ журилъ порядкомъ старика, даже и

за то, что этотъ изрѣдка погуливалъ, журилъ и спрашивалъ: «какъ же ты въ полку служилъ, Власовъ, неужели ты и тамъ также пилъ?» и на отвѣтъ: «всяко бывало», продолжалъ: «да какъ же ты, старый хрычъ, не боялся, вѣдь тамъ бьютъ за это?» то Корней Горюновъ объяснялъ безстрашіе свое такимъ образомъ: «первую выпьешъ—боишься; вторую выпьешь, боишься; а какъ третью выпьешь, такъ и не боишься».

Но у Корнея Власова была одна еще слабость, на которую Евсей Стахѣевичъ, при нынѣшнемъ предпріятіи своемъ, крѣпко надѣялся: страсть къ походамъ и разъѣздамъ. Корней не любилъ засиживаться на одномъ мѣстѣ и, въ былое время, охотно снарядилъ барина своего въ путь изъ уѣзда въ уѣздъ, а наконецъ и въ губернскій городъ. Рыба ищетъ, гдѣ глубже, человѣкъ—гдѣ лучше, это была любимая поговорка Горюнова; мы, слава Богу, не мужики, не приросли къ землѣ да къ избѣ, а видывали свѣту, не только что въ окнѣ. Поэтому Евсей и предложилъ ему смѣло и прямо умыселъ свой и вотъ какимъ образомъ и съ какимъ успѣхомъ:

Лировъ. А что, Власовъ, поѣдемъ въ столицу?

Власовъ. Куда, сударь? въ Питеръ? извольте, поѣдемъ; извѣстно, человѣкъ ищетъ гдѣ глубже... тово, рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше. А знатный городъ, ужь сущая, сударь, столица. Мы и сами ѣздили съ покойнымъ бариномъ, какъ послѣдніе четыре года службы жилъ я въ деньщикахъ, такъ стояли мы тамъ, въ Питерѣ по набережной; вотъ этакъ начальствующіе генералы, этакъ мы, а вотъ этакъ прочіе господа.

Лировъ слышалъ только: въ Питерѣ, а болѣе ничего не слыхалъ. Одно слово это сбило его съ пути и съ ладу; онъ по привычкѣ своей пустился думать и позабылъ уже, о чемъ было заговорилъ; а Власовъ,

которому обычай барина, не мѣшать старику разговаривать, чрезвычайно нравился, Власовъ долго еще продолжалъ разговоръ свой одинъ.

Въ Питерѣ — подумалъ про себѣ Евсей, стараясь доискаться, почему слово это его такъ озадачило, и, наконецъ, опомнился и успокоился, когда сообразилъ, что онъ о Питерѣ и не думалъ; а думалъ только о Москвѣ. Въ Питеръ! почему же не такъ? «А развѣ въ Питерѣ», спросилъ онъ Власова, «развѣ тамъ лучше, чѣмъ въ Москвѣ»?

Власовъ. Какъ же, сударь, не лучше! Въ Москвѣ только что купцы богатые живутъ да дворяне, а въ Питерѣ всѣ большіе господа. Да и лавочки, напримѣръ, въ Питерѣ мелочныя и овощныя лавки, почитай что въ каждомъ домѣ есть, все что угодно, все найдешь, дальше угла и не ходи, и пожалуй еще на фатеру тебѣ принесутъ: а въ Москвѣ ужь этого нѣтъ; тамъ далече до всего, и все посылаютъ вишь въ городъ; а это что самая ни-на-есть Москва, это у нихъ, стало быть, и не городъ.

Лировъ. Да въ Питерѣ, говорятъ, трудно добиться до мѣста.

Власовъ. Отчего трудно? пустяки. Вотъ у насъ въ полку маіоръ вышелъ въ отставку, поѣхалъ, и ничего, и слава Богу живетъ. Вотъ и капитана одного у насъ изъ полка перевели въ Образцовый полкъ; какъ пріѣхалъ, такъ и опредѣлили его и служилъ себѣ. Тамъ только обыкновенно, уже извѣстно, коли пріѣдетъ кто, коли изъ военныхъ, такъ въ ордонансъ-гаузъ, къ коменданту, отбираютъ подорожную, ужь тамъ ее и ищи; а коли изъ гражданскихъ, такъ туда, въ канцелярію генералъ-губернатора, тамъ ужь и будетъ.

Лировъ. Я говорю, Корней, что въ Питерѣ нашему брату трудно добиться до чего-нибудь, коли не при-

везешь съ собою какихъ писемъ да не заступится большой человѣкъ.

Власовъ. Да ужь на это, сударь, нѣтъ чуднѣе Москвы: тамъ, ужъ и самъ нашъ полковой аудиторъ сказывалъ, а онъ изъ писарей былъ пожалованъ, и сказать ужь, что грамотный человѣкъ и свѣту повидалъ; такъ онъ вишь сказывалъ, что чужому человѣку въ Москвѣ нѣтъ и ходу; все одни племянники, говоритъ, служатъ; и на мое, говоритъ, мѣсто опредѣлили какого-то цыганенка, аль калмыченка что ли, что вышелъ отъ большихъ господъ; такъ и опредѣлился, говорятъ, съ собаченкой, которая табакъ нюхала; такъ, говоритъ, нюхала, что бывало покою не дастъ, поколѣ ей не отсыплешь. Шавка, говоритъ, была бѣлая вся.

Такой неожиданный оборотъ дѣла поставилъ Евсея въ крайне затруднительное положеніе, онъ не зналъ на что рѣшиться. Мысль объ одной Москвѣ уже кружила ему голову, такъ что, когда Корней подалъ щи да кашу, а Ливровъ досталъ безъ всякой надобности часы изъ кармана и поглядѣлъ на нихъ, не замѣтивъ вовсе, который часъ, то вслѣдъ за тѣмъ поднесъ было часы эти ко рту и едва не перекусилъ ихъ пополамъ, воображая, что держитъ въ рукахъ ломоть хлѣба. А теперь двѣ столицы, какъ два сказочныя видѣнія, обѣтованные призрака, манили его направо и налѣво, и обѣ таили подъ золотыми сводами и росписными потолками своими грядущую судьбу нашего добраго Евсея.

Разложивъ передъ собою карту и водя пальцемъ взадъ и впередъ, между Питеромъ и Москвою, смотря потому, куда переносился мысленно, Евсей Стахѣевичъ остановился, съѣздивъ уже разъ десятокъ взадъ и впередъ, на Твери,—взглянулъ влѣво, на Малиновъ, и опять уже, какъ это такъ часто съ нимъ случалось, напалъ на богатую мысль. Онъ рѣшился выѣхать на

Тверь, подумать дорогою, сообразить дѣло въ Твери и своротить направо или налѣво—въ Москву или въ Питеръ, по обстоятельствамъ. Рѣшено и сдѣлано; хотя впрочемъ и не совсѣмъ, какъ мы увидимъ это послѣ.

Выходивъ согласіе и одобреніе Корнея Власовича, Евсей собрался и снарядился въ походъ. Когда пришлось ѣхать однакоже, то онъ разстался не безъ грусти даже и съ Малиновымъ. Правда, у него остался теперь тамъ одинъ только домъ, въ которомъ онъ былъ дома, а именно: собственное его жилище; семейство, къ которому онъ было пріютился и привязался, оставило Малиновъ навсегда уже за нѣсколько передъ этимъ времени. Но Евсей при всемъ томъ, уѣзжая навсегда изъ города, гдѣ жилъ нѣсколько лѣтъ, немножко призадумался. «Если бы только,—подумалъ онъ про-себя тихонько,—если бы люди эти были немножечко, чуть-чуть иначе, если бы не видѣть своими глазами на каждомъ шагу, какъ всякая правда живетъ подчасъ правдою, да кабы они еще немножко поменьше сплетничали и надоѣдали и себѣ, и другъ другу,—такъ можно бы и жить и служить съ ними; а этакъ ей-богу трудно. Былъ у насъ предсѣдатель такой, что бралъ; нынѣшній, можетъ быть, не беретъ, а все-таки правда наша держится только на убѣдительныхъ доводахъ за подписью кн. Хованскаго, и выходитъ одна только путаница, что иную пору не знаешь, куда оборотиться, кому кланяться, кого просить и куда идти».

Такъ думалъ про-себя Евсей и объѣхалъ, по способу малиновскихъ прачекъ и кантонистовъ, всѣ 38 домовъ, потому-что онъ кобылку свою уже продалъ. Онъ прощался со всѣми и благодарилъ всѣхъ чистосердечно и отъ души: а прощаясь съ предсѣдателемъ своимъ, черезъ силу перекусилъ и подавилъ упрямую слезинку. Правда, что прощаніе это и въ самомъ дѣлѣ кончилось нѣкоторымъ образомъ плачевно; предсѣдатель извозчикъ

вами въ драку, если бы вы стали увѣрять его, что и онъ бывалъ когда нибудь воромъ и плутомъ. Онъ самъ разсказывалъ, когда хвалился, что служилъ въ полку вѣрой и правдой, родясь не обманывалъ начальниковъ своихъ—самъ разсказывалъ, что считалъ непремѣнною обязанностію украсть на дневкѣ деревянную ложку или разбить горшокъ, если хозяинъ его дурно накормилъ. Но зато, напротивъ, разговаривалъ онъ съ мужикомъ, у котораго былъ на постоѣ, и особенно съ хозяйкою, чрезвычайно вѣжливо, нерѣдко честилъ его «вы» и «почтенный», если хорошо кормили, и тогда уже старался угодить и отблагодарить чѣмъ могъ; и если ложка эта была ему необходима, то онъ отправлялся за нею на другой конецъ села. Кого Корней признавалъ другомъ, пріятелемъ, товарищемъ или начальникомъ своимъ, того берегъ и стерегъ пуще, чѣмъ себя самого и свое добро: но зато всѣхъ прочихъ признавалъ онъ непріятелями, въ военномъ смыслѣ, куда причитались нѣкоторымъ образомъ и всѣ чужіе и незнакомые ему люди. Съ этими-то понятіями согласовались и всѣ дѣйствія и поступки Горюнова.

Евсей Стахѣевичъ такъ привыкъ къ дядькѣ своему, что не могъ безъ него жить и ничего не дѣлалъ, ни за что не принимался, не посовѣтовавшись напередъ съ Корнеемъ Власовымъ. И Корней Власовъ никогда не призадумывался, всегда совѣтовалъ и подкрѣплялъ совѣты свои поучительными примѣрами и привыкъ держать барина своего въ рукахъ, хотя ни онъ, ни самъ баринъ этого не замѣчали. Вотъ почему необыкновенная рѣшимость Евсея Стахѣевича, которая, казалось, низошла на него вчера вечеромъ какимъ-то наитіемъ, поколебалась; онъ почувствовалъ, что надобно сперва посовѣтоваться съ Корнеемъ Власовымъ, который тогда только безпрекословно соглашался съ предположеніями барина своего, когда они непосред-

ственно относились къ уменьшенію расходовъ и сбереженію барской казны: въ противномъ случаѣ Корней Горюновъ объявлялъ безъ обиняковъ, что это «пустяки, сударь», и подкрѣплялъ рѣшительный отказъ свой присказками и разной бывальщиной. Такъ онъ недавно еще не пустилъ барина своего на какую-то загородную пирушку или гулянье, куда былъ приглашенъ и Лировъ; не пустилъ потому, что и это также были «пустяки», на которые требовалось изъ казны вѣдомства Корнея пять рублей. Власовъ, въ продолженіе шестилѣтней службы своей при Лировѣ, могъ бы, казалось, убѣдиться, что баринъ его не только никогда не пьетъ лишней рюмки вина, но что обыкновенно не пьетъ его вовсе; несмотря однакоже на это, Горюновъ всегда увѣщевалъ барина своего не пить, понималъ слова: гулянье, пирушка, вечеръ, по-своему и говорилъ: «что толку въ гуляньѣ этомъ? только что деньжонки разсоришь, тамъ еще завтра и голову разломитъ, а надо идти на службу». Такъ разсуждалъ Горюновъ и тотчасъ же подводилъ примѣры: «вотъ у насъ въ полку былъ такой-то и сдѣлалъ то-то» и прочее. Если же самому Власову, раза два, три въ годъ, дѣйствительно случалось погулять, то онъ винился уже безпрекословно и вслѣдъ затѣмъ предлагалъ барину своему повеселиться съ товарищами и пріятелями, увѣряя, что денегъ еще осталось довольно, а треть на исходѣ и скоро будутъ выдавать жалованье. Корнею нужды мало до того, что баринъ его во всѣ шесть лѣтъ службы при немъ, Корнеѣ, не веселился съ товарищами и пріятелями ни одного раза; что онъ никогда не бывалъ на попойкахъ и велъ, безъ всякаго принужденія, самую трезвую и воздержную жизнь. Корней обо всемъ держался своихъ понятій и думалъ: «ну, благодаря Бога, вчера не пилъ и нынче не пьетъ, а что завтра будетъ—Богъ вѣсть!» Когда же Лировъ журилъ порядкомъ старика, даже и

за то, что этотъ изрѣдка погуливалъ, журилъ и спрашивалъ: «какъ же ты въ полку служилъ, Власовъ, неужели ты и тамъ также пилъ?» и на отвѣтъ: «всяко бывало», продолжалъ: «да какъ же ты, старый хрычъ, не боялся, вѣдь тамъ бьютъ за это?» то Корней Горюновъ объяснялъ безстрашіе свое такимъ образомъ: «первую выпьешъ—боишься; вторую выпьешь, боишься; а какъ третью выпьешь, такъ и не боишься».

Но у Корнея Власова была одна еще слабость, на которую Евсей Стахѣевичъ, при нынѣшнемъ предпріятіи своемъ, крѣпко надѣялся: страсть къ походамъ и разъѣздамъ. Корней не любилъ засиживаться на одномъ мѣстѣ и, въ былое время, охотно снарядилъ барина своего въ путь изъ уѣзда въ уѣздъ, а наконецъ и въ губернскій городъ. Рыба ищетъ, гдѣ глубже, человѣкъ—гдѣ лучше, это была любимая поговорка Горюнова; мы, слава Богу, не мужики, не приросли къ землѣ да къ избѣ, а видывали свѣту, не только что въ окнѣ. Поэтому Евсей и предложилъ ему смѣло и прямо умыселъ свой и вотъ какимъ образомъ и съ какимъ успѣхомъ:

Лировъ. А что, Власовъ, поѣдемъ въ столицу?

Власовъ. Куда, сударь? въ Питеръ? извольте, поѣдемъ; извѣстно, человѣкъ ищетъ гдѣ глубже... тово, рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше. А знатный городъ, ужь сущая, сударь, столица. Мы и сами ѣздили съ покойнымъ бариномъ, какъ послѣдніе четыре года службы жилъ я въ деньщикахъ, такъ стояли мы тамъ, въ Питерѣ по набережной; вотъ этакъ начальствующіе генералы, этакъ мы, а вотъ этакъ прочіе господа.

Лировъ слышалъ только: въ Питерѣ, а болѣе ничего не слыхалъ. Одно слово это сбило его съ пути и съ ладу; онъ по привычкѣ своей пустился думать и позабылъ уже, о чемъ было заговорилъ; а Власовъ,

которому обычай барина, не мѣшать старику разговаривать, чрезвычайно нравился, Власовъ долго еще продолжалъ разговоръ свой одинъ.

Въ Питерѣ — подумалъ про себѣ Евсей, стараясь доискаться, почему слово это его такъ озадачило, и, наконецъ, опомнился и успокоился, когда сообразилъ, что онъ о Питерѣ и не думалъ; а думалъ только о Москвѣ. Въ Питеръ! почему же не такъ? «А развѣ въ Питерѣ», спросилъ онъ Власова, «развѣ тамъ лучше, чѣмъ въ Москвѣ»?

Власовъ. Какъ же, сударь, не лучше! Въ Москвѣ только что купцы богатые живутъ да дворяне, а въ Питерѣ всѣ большіе господа. Да и лавочки, напримѣръ, въ Питерѣ мелочныя и овощныя лавки, почитай что въ каждомъ домѣ есть, все что угодно, все найдешь, дальше угла и не ходи, и пожалуй еще на фатеру тебѣ принесутъ: а въ Москвѣ ужь этого нѣтъ; тамъ далече до всего, и все посылаютъ вишь въ городъ; а это что самая ни-на-есть Москва, это у нихъ, стало быть, и не городъ.

Лировъ. Да въ Питерѣ, говорятъ, трудно добиться до мѣста.

Власовъ. Отчего трудно? пустяки. Вотъ у насъ въ полку маіоръ вышелъ въ отставку, поѣхалъ, и ничего, и слава Богу живетъ. Вотъ и капитана одного у насъ изъ полка перевели въ Образцовый полкъ; какъ пріѣхалъ, такъ и опредѣлили его и служилъ себѣ. Тамъ только обыкновенно, уже извѣстно, коли пріѣдетъ кто, коли изъ военныхъ, такъ въ ордонансъ-гаузъ, къ коменданту, отбираютъ подорожную, ужь тамъ се и ищи; а коли изъ гражданскихъ, такъ туда, въ канцелярію генералъ-губернатора, тамъ ужь и будетъ.

Лировъ. Я говорю, Корней, что въ Питерѣ нашему брату трудно добиться до чего-нибудь, коли не при-

везешь съ собою какихъ писемъ да не заступится большой человѣкъ.

Власовъ. Да ужь на это, сударь, нѣтъ чуднѣе Москвы: тамъ, ужъ и самъ нашъ полковой аудиторъ сказывалъ, а онъ изъ писарей былъ пожалованъ, и сказать ужь, что грамотный человѣкъ и свѣту повидалъ; такъ онъ вишь сказывалъ, что чужому человѣку въ Москвѣ нѣтъ и ходу; все одни племянники, говоритъ, служатъ; и на мое, говоритъ, мѣсто опредѣлили какого-то цыганенка, аль калмыченка что ли, что вышелъ отъ большихъ господъ; такъ и опредѣлился, говорятъ, съ собаченкой, которая табакъ нюхала; такъ, говоритъ, нюхала, что бывало покою не дастъ, поколѣ ей не отсыплешь. Шавка, говоритъ, была бѣлая вся.

Такой неожиданный оборотъ дѣла поставилъ Евсея въ крайне затруднительное положеніе, онъ не зналъ на что рѣшиться. Мысль объ одной Москвѣ уже кружила ему голову, такъ что, когда Корней подалъ щи да кашу, а Ливровъ досталъ безъ всякой надобности часы изъ кармана и поглядѣлъ на нихъ, не замѣтивъ вовсе, который часъ, то вслѣдъ за тѣмъ поднесъ было часы эти ко рту и едва не перекусилъ ихъ пополамъ, воображая, что держитъ въ рукахъ ломоть хлѣба. А теперь двѣ столицы, какъ два сказочныя видѣнія, обѣтованные призрака, манили его направо и налѣво, и обѣ таили подъ золотыми сводами и росписными потолками своими грядущую судьбу нашего добраго Евсея.

Разложивъ передъ собою карту и водя пальцемъ взадъ и впередъ, между Питеромъ и Москвою, смотря потому, куда переносился мысленно, Евсей Стахѣевичъ остановился, съѣздивъ уже разъ десятокъ взадъ и впередъ, на Твери,—взглянулъ влѣво, на Малиновъ, и опять уже, какъ это такъ часто съ нимъ случалось, напалъ на богатую мысль. Онъ рѣшился выѣхать на

Тверь, подумать дорогою, сообразить дѣло въ Твери и своротить направо или налѣво—въ Москву или въ Питеръ, по обстоятельствамъ. Рѣшено и сдѣлано; хотя впрочемъ и не совсѣмъ, какъ мы увидимъ это послѣ.

Выходивъ согласіе и одобреніе Корнея Власовича, Евсей собрался и снарядился въ походъ. Когда пришлось ѣхать однакоже, то онъ разстался не безъ грусти даже и съ Малиновымъ. Правда, у него остался теперь тамъ одинъ только домъ, въ которомъ онъ былъ дома, а именно: собственное его жилище; семейство, къ которому онъ было пріютился и привязался, оставило Малиновъ навсегда уже за нѣсколько передъ этимъ времени. Но Евсей при всемъ томъ, уѣзжая навсегда изъ города, гдѣ жилъ нѣсколько лѣтъ, немножко призадумался. «Если бы только,—подумалъ онъ про-себя тихонько,—если бы люди эти были немножечко, чуть-чуть иначе, если бы не видѣть своими глазами на каждомъ шагу, какъ всякая правда живетъ подчасъ правдою, да кабы они еще немножко поменьше сплетничали и надоѣдали и себѣ, и другъ другу,—такъ можно бы и жить и служить съ ними; а этакъ ей-богу трудно. Былъ у насъ предсѣдатель такой, что бралъ; нынѣшній, можетъ быть, не беретъ, а все-таки правда наша держится только на убѣдительныхъ доводахъ за подписью кн. Хованскаго, и выходитъ одна только путаница, что иную пору не знаешь, куда оборотиться, кому кланяться, кого просить и куда идти».

Такъ думалъ про-себя Евсей и объѣхалъ, по способу малиновскихъ прачекъ и кантонистовъ, всѣ 38 домовъ, потому-что онъ кобылку свою уже продалъ. Онъ прощался со всѣми и благодарилъ всѣхъ чистосердечно и отъ души: а прощаясь съ предсѣдателемъ своимъ, черезъ силу перекусилъ и подавилъ упрямую слезинку. Правда, что прощаніе это и въ самомъ дѣлѣ кончилось нѣкоторымъ образомъ плачевно; предсѣдатель изволилъ

кушать чай на крыльцѣ, въ холодкѣ, а Евсей, собираясь встать, все отодвигался со стуломъ своимъ назадъ, покуда, наконецъ, не полетѣлъ, вмѣстѣ со стуломъ, тычкомъ и навзничь, съ крыльца, передушивъ съ полдюжины поросятъ, которые въ Малиновѣ пользуются полной свободой и довольствуются подножнымъ кормомъ. Предсѣдательша впрочемъ успокоила испуганнаго Евсея въ то же время, сказавъ: «ничего, ничего, это не наши, это Пелагеи Ивановны, и я давно ей говорила, чтобъ она не распускала поросятъ своихъ по всѣмъ дворамъ и по цѣлому городу, а велѣла бы дворовымъ ребятишкамъ пасти ихъ по пустырямъ». Перепетуя Эльпидифоровна, о которой упомянули мы выше, случилась тутъ же, въ гостяхъ, и сдѣлала также съ своей стороны все, что могла, въ пользу нашего бѣдовика: она совѣтовала ему, если хочетъ лечиться по Киліану, натереть ушибъ запросто пѣнникомъ и тереть байкой досуха; если же онъ болѣе довѣряетъ Енгалычеву, то положить по равной части вина и уксуса и прибавить щепоть свинцоваго сахара.

ГЛАВА IV,

ЕВСЕЙ СТАХѢЕВИЧЪ ПОѢХАЛЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Евсей Стахѣевичъ, укладываясь и усаживаясь въ дорогу, былъ необыкновенно досуженъ, толковъ и распорядителенъ и заботился о вещахъ, которыя бывало лежали вовсе внѣ круга его заботъ. «Не будетъ ли трястись», спросилъ онъ у Власова, «крѣпко-ли уложилъ ты съѣстной кузовокъ свой?» Власовъ тряхнулъ его раза два и съ замѣчаніемъ: «Малое толико движеніе даетъ»—поставилъ опять на мѣсто, и приткнулъ сбоку дорожнымъ, розовой лайки, кисетомъ

своимъ, на которомъ изображенъ былъ какой-то вершникъ въ латахъ и гора горой головы зрителей, съ подписью: *турнилъ*. На художническомъ произведеніи, на кисетѣ этомъ, не взыщите за отступленіе, употреблено было всуе имя одного почтеннаго московскаго цензора.

Перепетуя Эльпидифоровна, разсудивъ, что молодой человѣкъ можетъ пострадать по легкомыслію своему и отъ небреженія, прислала Лирову двѣ бутылки съ примочками. Власову, который отвѣдалъ ту и другую, Киліановская показалась гораздо лучше: Енгалычевская кисловата и вяжетъ ротъ, Киліановская, по мнѣнію Власова, была родомъ изъ турецкой крѣпости Киліи, во уваженіе чего, онъ и нашелъ ей мѣсто между кузовочкомъ и кисетомъ. Въ это самое время, Козьма Сергѣевичъ Мукомоловъ вспомнилъ и разсказалъ супругѣ своей, заливаясь хохотомъ, какъ Евсей Стахѣевичъ поздравилъ его намедни съ именинами, объяснившись при этомъ на чистоту, что ему нѣтъ никакой нужды до чужихъ именинъ; и Перепетуя Эльпидифоровна въ ту же минуту Елеську бѣгомъ, догонять посланнаго съ примочками Ваньку и воротить его. Но Елеська опоздалъ; бутылки были уже вручены. Посланцы, и тотъ и другой, стояли, снявъ шапки, поодаль отъ повозки Лирова и перешептывались, не зная какъ тутъ быть? наконецъ, рѣшились они просить Корнея Власовича возвратить имъ примочки. Горюновъ охотно отдалъ имъ Енгалычевскую, но съ Киліановскою разстаться не хотѣлъ, а потому и объявилъ, что она уже *истерлась* и почитай вся. Перепетуя Эльпидифоровна разсуждала объ этомъ происшествіи очень много, и разсказывала и трезвонила по цѣлому городу, между тѣмъ какъ нашему бѣдному Евсею жалось отъ какой-то поганой окрошки уже за Вязьмой. Пелагея Ивановна, супруга командира гарнизоннаго

батальона въ Малиновѣ, прислала однакоже фельдфебеля своего еще во время: Евсей только-что заносилъ другую и послѣднюю ногу свою въ телѣгу. Пелагея Ивановна приказала кланяться, велѣла просить цѣлковый за два искалѣченныхъ поросенка. Не удивляйтесь этому: Пелагея Ивановна, какъ извѣстно цѣлому городу, не задолго до этого взыскала три рубля безъ вычету, на ассигнаціи, съ неосторожнаго сосѣда своего, за хохлатую и мохноногую курочку, которую задушила его борзая. Лишь только Евсей досталъ худощавый кошелекъ свой и запустилъ туда пальцы за цѣлковымъ, какъ запыхавшійся слуга дворянскаго предводителя, въ ливреѣ, безъ шапки, подалъ, кланясь и улыбаясь и желая счастливаго пути, вычищенныя въ лоскъ, старыя, истоптанныя калоши, которыя Лировъ позабылъ намедни послѣ балу. Все это происходило на счетъ выданнаго Евсею единовременнаго годоваго жалованья. Корней ворчалъ вслухъ, а все-таки нашелъ мѣсто и калошамъ, а именно: между кузовочкомъ, кисетомъ и примочкой. Наконецъ Корней Горюновъ влѣзъ на телѣгу, сѣлъ, перекрестился, надѣлъ шапку, ямщикъ свиснулъ, тряхнулъ возжами — и колокольчикъ зазвенѣлъ.

Всѣ жители Малинова, вдоль Песчаной улицы, какъ значилась она на чертежѣ, или Вице-Губернаторской, какъ обыкновенно ее называли, ложились въ растворенныя окна и высовывались по самыя чресла, чтобы посмотрѣть кто поѣхалъ или пріѣхалъ. Кто не поспѣвалъ на зовъ колокольчика во-время къ окну, или не могъ признать Лирова въ лицо, посылалъ тотчасъ же за справкою къ сосѣдямъ или на почту. Вице-губернаторъ совѣтовалъ супругѣ своей, которая ожидала въ это время сына въ отпускъ изъ арміи и очень испугалась, нечаянно послышавъ колокольчикъ,—совѣтовалъ было послать за инспекторомъ врачебной управы; но

она, то есть вице-губернаторша, предпочла написать Перепетуѣ Эльпидифоровнѣ французскую записку, которую ни самъ Мукомоловъ, ни супруга его не могли разобрать, потому-что они оба вмѣстѣ и каждый порознь не знали ни слова по-французски. Перепетуя Эльпидифоровна однакоже, съ помощію ближняго, дозналась, что вице-губернаторша проситъ капель *отъ испуга*, и сама отвезла ей Киліановы мятныя и Енгалычева эѳирныя капли. Мокрида Роховна или Роговна, какъ ее обыкновенно звали, полу-полька, супруга инспектора врачебной управы, узнала объ этомъ событіи, и при первомъ случаѣ не оставила кольнуть, какъ вице-губернаторшу, такъ и въ особенности лекарку, Мукомолову; та сказала гдѣ-то въ оправданіе свое, что инспекторъ управы переморилъ уже болѣе людей, чѣмъ у него сѣдыхъ волосъ на головѣ, что опять въ свою очередь дошло до Мокриды Роховны, и вотъ съ чего обѣ дамы эти разошлись очень нехорошо, такъ что, не говоря уже о бывалыхъ вечернихъ посѣщеніяхъ, полтора года сряду не почтили даже другъ друга визитомъ и помирились только по вновь предстоявшему рекрутскому набору. Кто загадки этой не понимаетъ, тому надобно напомнить, что Мукомоловъ зажиточный помѣщикъ, а инспекторъ врачебной управы не послѣднее лицо при пріемѣ рекрутъ; въ нынѣшній наборъ, который на бѣду случился вскорѣ послѣ ссоры дамъ, Перепетуя Эльпидифоровна дорого поплатилась: и очередные и подставные, всѣ съ забритыми затылками воротились во-свояси, и Кузьма Сергѣевичъ всѣхъ мужиковъ своихъ возилъ поочередно за полтораста верстъ на выборъ въ рекрутское присутствіе. Инспекторъ управы, обрусѣвшій венгерецъ, былъ одинъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ такъ называемая голова была особеннаго устройства: гдѣ ѣдятъ—пошире, а гдѣ думаютъ—поуже; собственно жъ голова его, не въ ко

реносномъ, а въ прямомъ смыслѣ, заключалась, какъ у рака, въ желудкѣ. Несмотря на это, однакожь, какъ мы это сейчасъ видѣли, его на управленіе своею частію доставало.

Что подумалъ и заговорилъ Малиновъ о Евсеѣ Стахѣевичѣ по отъѣздѣ его? Евсей былъ не великой спицей въ колесницѣ, но все-таки отъѣздъ его изъ Малинова составляетъ нѣкоторымъ образомъ событіе, потому-что въ тѣсномъ кругу стѣсняются и мысли; политикой мои малиновцы не занимались вовсе, за что я ихъ отъ души похвалю; а между тѣмъ, каждый Божій день, надобно жь было о чемъ нибудь поговорить! Общаго во мнѣніяхъ и разговорахъ объ этомъ предметѣ было только то, что Евсей былъ всегда чудакъ, и это безъ всякаго сомнѣнія вина виноватая. Но къ этому прибавляли разные разное: губернаторъ сказалъ какъ-то, что Лировъ былъ хорошій чиновникъ, но иногда забывался. Не знаю какъ понять это выраженіе: если его отнести къ забывчивости и разсѣянности Лирова, то и это нѣкоторымъ образомъ справедливо; если же почтенный губернаторъ хотѣлъ намекнуть на недоразумѣніе, возникшее когда-то по поводу отношеній и рапортовъ, то губернаторъ опять-таки правъ, потому что Евсей, видно, въ *отношеніяхъ* своихъ горько ошибался. Инспекторъ врачебной управы говорилъ, что это такой человѣкъ, съ которымъ нельзя ни связываться, ни знаться. Совѣтники поглядывали съ недоумѣніемъ другъ на друга и на подчиненныхъ, какъ будто кого-то не доискивались. Души, крещенныя въ чернилахъ, повитыя въ гербовой бумагѣ, молчали, и кажется даже ничего не думали. Мы отплатимъ имъ тѣмъ же. Только предсѣдатель гражданской палаты, служившій по выборамъ и уѣзжавшій теперь опять въ свои помѣстья, говорилъ: «да, еслибы я оставался на службѣ, я бы этого человѣка не упустилъ.» Для барынь, Евсей Ста-

хѣевичъ былъ какой-то неловкій, темный молодой человѣкъ, который самымъ неприличнымъ образомъ и безъ всякихъ обиняковъ бѣгалъ отъ партіи, то есть не отъ виста—къ этому уже привыкли и было много охотниковъ и безъ него—но отъ пары, отъ невѣстъ, а и пуще того отъ свахъ. Для дѣвицъ, которыя какъ вы уже знаете, всегда и вездѣ очень сострадательны, Лировъ былъ какой-то жалкій молодой человѣкъ, но не противный. Изо всего этого вы ясно видите, что думы свои Лировъ берегъ, большею частію по крайней мѣрѣ, про себя и увезъ ихъ съ собою; иначе вѣроятно былъ бы онъ помянутъ не тѣмъ и не такъ.

Теперь, когда мы уже знаемъ, что именно малиновцы, думаютъ о Евсеѣ Стахѣевичѣ и что́ думаетъ Евсей Стахѣевичъ о малиновцахъ, послѣднихъ оставить на нѣсколько можно времени въ покоѣ и заняться опять первымъ. Я вамъ могу сказать приблизительно напередъ, по мѣстнымъ соображеніемъ, что́ между тѣмъ сбудется и произойдетъ въ Малиновѣ. Единственный въ городѣ булочникъ, который пекъ сухари и такъ называемый французскій хлѣбъ, вскорѣ уѣзжаетъ, и потому оборотливое предпріятіе Перепетуи Эльпидифоровны, посадить въ Малиновѣ своего хлѣбника, обучавшагося въ Москвѣ, увѣнчается полнымъ успѣхомъ; во вторыхъ новый чепецъ, или если не ошибаюсь наколка, которую выписываетъ вице-губернаторша прямо изъ Петербурга, дорогою растряслась, ящикъ разбитъ и наколка пріѣдетъ въ самомъ отчаянномъ положеніи. За это почтмейстершѣ не миновать разныхъ колкостей; тутъ уже, не входя ни въ какія разбирательства и не принимая никакихъ отговорокъ, станутъ бранить въ глаза и за глаза губернскаго почтмейстера, или, что еще основательнѣе, его супругу. А, наконецъ, полиціймейстерша вѣроятно

вскорѣ раззнакомится съ супругою перваго члена межевой конторы; покрайней мѣрѣ я такъ догадываюсь, судя по слухамъ, дошедшимъ до меня черезъ губернскую повивальную бабку, которая одарена въ высшей степени прозорливостію и соображеніемъ и знаетъ многое, чего мы не знаемъ, Аптекарша наша не такъ основательна: заключенія и выводы ея нерѣдко бываютъ опрометчивы, потому-что она все прикидываетъ на свой ревельскій аршинъ.

О поѣздкѣ Евсея отъ Малинова до Твери занимательнаго можно сказать немного: чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ Московской большой дорогѣ, тѣмъ чаще доставалъ кошелекъ, тѣмъ дороже обходился каждый привалъ и перегонъ; а наконецъ, если не ошибаюсь, въ Борисковомъ, гдѣ прождалъ онъ часъ лошадей, не спросивъ ничего, кромѣ стакана воды, заплатилъ хозяйкѣ четвертакъ за *безпокойство*. До самой Твери, потѣшливая судьба, казалось, потеряла изъ виду всегдашнюю игрушку и забаву свою, бѣднаго Евсея; но въ самой Твери она опять выслѣдила его, привела голоднаго и усталаго въ изрядную гостиницу и заставила съѣсть какой-то битокъ, который подается, сказываютъ, въ оберткѣ—совсѣмъ съ бумажкой. Евсею никогда не случалось видѣть блюдо это; онъ привыкъ ѣсть сплошь и подрядъ все, что ему ни подавали, и заканчивалъ обыкновенно на томъ блюдѣ, которое заставало его сытымъ; и если бы котлетку эту подали не только въ оберткѣ, но даже въ корешкѣ и въ переплетѣ, то онъ вѣроятно искрошилъ, изрѣзалъ и съѣлъ бы ее также точно, какъ и теперь. Но случай этотъ заставилъ много хохотать притомныхъ свидѣтелей, нѣсколько молодыхъ офицеровъ. Черезъ двѣ минуты вся дивизія, съ кіями и трубками и стаканами въ рукахъ, входила поочередно изъ биліардной и разсматривала заѣзжаго уѣзднаго чудака, который съѣлъ котлетку съ бумаж-

кой. Подученный офицерами слуга, перемѣняя тарелку, объяснилъ Евсею съ лакейскою вѣжливостію и пріемами, что онъ изволилъ скушать бумажку. Евсей слушалъ его преспокойно, уставивъ на него выразительные черные глаза свои, и сказалъ только наконецъ: «Такъ сдѣлай милость, братецъ, подавай мнѣ, покуда я голоденъ, одно съѣдомое; бумагами сытъ не будешь, это я уже знаю давно.» Между тѣмъ рядомъ, въ биліардной, раздавалось только, сквозь шумъ и говоръ и хохотъ: 7 и 21; 9 и 25, да остроты преусатаго корнета, который замѣчалъ каждый разъ, когда билія не была сдѣлана: «а, этотъ широкъ въ плечахъ, не полѣзъ въ лузу»! Въ промежуткахъ же, то одинъ, то другой, заглядывали опять въ боковую дверь на уморительнаго чужестранца, не утомляясь однѣми и тѣми же чередными остротами на счетъ бумажной котлетки. Евсей почувствовалъ, что онъ какъ-то не въ своей тарелкѣ, опомнился и разсудилъ, что ему въ Твери искать вовсе нечего, и велѣлъ закладывать.

По Московской дорогѣ въ лошадяхъ остановки не бываетъ никогда, даже и безъ подорожной, а платятъ тогда только, вмѣсто восьми, по десяти копѣекъ съ версты и съ лошади; но староста спросилъ Корнея Власова, куда ѣхать? потому что изъ Твери лежитъ въ разныя стороны шесть почтовыхъ дорогъ, и чередныя права ямщиковъ требуютъ этого свѣдѣнія. Горюновъ, ни на одну минуту не призадумавшись, отвѣчалъ: «куда? Разумѣется въ Питеръ». Староста, оборотясь къ ямщикамъ, сказалъ: «на Мѣдное». Повозку заложили, Евсей сѣлъ и поѣхалъ, и тогда только вспомнилъ, что онъ, изъ-за бумажной котлетки, которая столько ему досадила, не опомнился еще и не успѣлъ рѣшиться, ѣхать ли въ Москву или въ Петербургъ. На вопросъ его: «куда же мы поѣхали»? Власовъ отвѣчалъ также спокойно, какъ и прежде: «куда

Разумѣется, что въ Питеръ», и Евсей замолчалъ, рѣшась предоставить участь свою судьбѣ и Корнею Горюнову.

ГЛАВА V.

ЕВСЕЙ СТАХѢЕВИЧЪ ПОѢХАЛЪ ВЪ МОСКВУ.

Лировъ впервые ѣхалъ по Московской дорогѣ и испыталъ почти всю тягость своевольныхъ и крайне безтолковыхъ ямщичьихъ обычаевъ и условныхъ постановленій. *Почти* всю, потому что Лировъ ѣхалъ на перекладныхъ, а слѣдовательно нельзя было ни впрягать лишнихъ лошадей, ни, обступивъ толпою коляску, отвертывать и раскачивать винты и гайки, чтобы потомъ указать барину: вотъ у васъ видно винтъ-отъ потерянъ—и заставить заплатить цѣлковый за ту же самую, перекаленную только въ огнѣ, гайку.

Неопытному ѣздоку на Московской большой дорогѣ бѣда: дорога эта предверье обѣихъ столицъ, мужики и ямщики на этомъ огромномъ распутьѣ сдѣлались уже какими-то прощалыгами и мастерски обираютъ и осудариваютъ проѣзжихъ. Даже весь порядокъ на ямахъ, эти запутанныя очереди или круга, какъ называютъ ихъ ямщики, потомъ безконечные споры, крикъ, шумъ, жеребьи, кусанные или мѣченные гроши и мѣрянье по постромкамъ, передачи или столь извѣстные *слазы*, которые состоятъ въ томъ, что при каждомъ колокольчикѣ сбѣгаются десятка два, три ямщиковъ и, рѣшивъ послѣ долгаго спора, за кѣмъ очередь, начинаютъ торговаться, продавать и покупать сѣдока,—все это можетъ истощить терпѣніе самаго кроткаго, миролюбиваго человѣка. Покуда безконечныя сдѣлки и продѣлки эти не кончились, вамъ лошадей нѣтъ, хотя ихъ на яму́ можетъ быть стоить

до сотни троекъ; при каждомъ пріѣздѣ и на каждой станціи открываются при васъ снова эти торги и переторжки, и тутъ уже не дѣйствуютъ ни просьбы ваши, ни угрозы, ни даже волшебное въ другихъ обстоятельствахъ «на водку», потому что покуда не рѣшено еще кому ѣхать, никто гривенникомъ вашимъ не прельстится. Его взять возьмутъ, но дѣло оттого впередъ не подвинется. Спрашивайте сто разъ старосту — и его не выдаютъ: онъ стоитъ тутъ же — въ этомъ вы можете быть увѣрены — и кричитъ громче всѣхъ; но вамъ отвѣчаютъ, что онъ пошелъ наряжать ямщиковъ и что его нѣтъ. Смотрители не хотятъ да и не могутъ совладать съ этими нахальными горлодраями и не имѣютъ обыкновенно никакого на нихъ вліянія. Прибавьте къ этому еще, что у нихъ идутъ всегда какія-то двѣ очереди вдругъ, и есть кромѣ того какой-то вольный, передаточный кругъ, отъ котораго васъ да избавитъ Богъ, и вы согласитесь, что это безтолковщина и путаница въ высшей степени.

Евсей Лировъ попадалъ въ ловушку на каждомъ шагу, несмотря на всѣ старанія и хлопоты Корнея Горюнова, который, наконецъ, уже и самъ выбился изъ силъ, спасовалъ и пошабашилъ, потому, какъ увѣрялъ онъ, что не военному и еще не по казенной надобности, ѣздить не годится. Евсея передавали съ рукъ на руки, торговались и продавали на каждой станціи, послѣ каждаго перегона сызнова, рядились всегда до какого нибудь города, вымаливали и выманивали хотя половину прогоновъ напередъ, чтобы его не безпокоить ночью къ разсчету, а послѣ заставляли уплачивать сверхъ прогоновъ всѣ привѣски и недовѣски, кѣторые, по взаимнымъ разсчетамъ, скоплялись на послѣдней станціи, и, увѣряя нахально въ глаза, что это было по ряду и въ уговорѣ, не везли дальше, между тѣмъ какъ тотъ, съ кѣмъ Евсей рядился, покинулъ его на

гомъ же мѣстѣ, продалъ, взялъ слазу, и послѣ того смѣнилось уже на томъ же основаніи пять или шесть человѣкъ.

Такимъ образомъ Евсей Стахѣевичъ, наконецъ, добился до Чудова, за пять только станцій отъ Петербурга, какъ вдругъ проняла его дрожь, когда прочиталъ онъ на столбѣ, что осталось всего 111 верстъ. Странно было подумать нашему Евсею, что чрезъ какіе-нибудь полсутки будетъ онъ въ столицѣ, въ этомъ вихрѣ, водоворотѣ, въ этомъ исполинскомъ смерчѣ кипучей жизни, гдѣ все и всѣ ему чужіе, всѣ, отъ перваго до послѣдняго. Куда тамъ пріютиться, какимъ путемъ начать искать мѣсто, куда, къ кому обратиться... «Стой, подумалъ Евсей, надобно пособраться съ силами и съ духомъ, приготовиться да сообразиться, дѣла этого рода такъ не вершатся. Я думалъ ѣхать въ Москву, меня повезли въ Петербургъ, и я не успѣлъ еще опамятоваться.» И, покинувъ повозку свою у чудовскаго почтоваго дома, и вѣрнаго стража, неизмѣнное копье свое при ней, отправился онъ пѣшкомъ, куда глаза глядятъ, пройтись и подумать.

Корней Горюновъ выспался, потомъ всталъ, умылся, набилъ трубченку свою, присѣлъ у подъѣзда, началъ преобширный разговоръ съ ямщиками и разсказалъ имъ почти всю службу свою, сначала и до конца. Началось тѣмъ, что слуга гостиницы спросилъ, гдѣ ночевали, а Власовъ отвѣчалъ преспокойно и не оглядываясь: подъ шапкой; потомъ разговорились зачѣмъ и куда ѣдутъ, и вотъ Корней Власовичъ уже разсказываетъ слушателямъ своимъ, что прежнія времена не нынѣшнія; что прежде бывало много дивнаго, а нынче—что, и прочее.

Между тѣмъ однако же насталъ вечеръ, смерклось, Корней Власовъ давно уже покончилъ разсказы свои, а барина его нѣтъ. Стемнѣло вовсе, и Власовъ начи-

наетъ уже крѣпко безпокоиться: «это, говоритъ, дивное дѣло о-сю-пору, хоть бы и потонулъ, прости Господи, гдѣ-нибудь, такъ бы ужъ давнымъ давно на воду всплылъ; а его таки все нѣтъ да нѣтъ; диковина да и только!»

Но диковина, какъ это почти всегда случается, объяснилась очень просто. Евсей задумался тугою думой, пустившись по дорогѣ направо, въ село Грузино, шелъ да шелъ и все думалъ да думалъ. Ему какъ-то тѣсно стало на чужбинѣ; онъ вспомнилъ о семействѣ, къ которому было такъ крѣпко привязался, сталъ припоминать все былое и минувшее, хотѣлъ забѣжать и заглянуть впередъ, что будетъ, чего ожидать—наткнулся мысленно опять на всегдашнюю участь свою, не блестящую, не завидную, и догадался, что онъ просто бѣдовикъ, которому видно на роду написано маяться и перебиваться до послѣдняго дня своей жизни. Хорошо, еслибы намъ дозволялось заглядывать такимъ образомъ иногда впередъ, въ конечныя страницы таинственной книги судебъ; хорошо, а можетъ быть и очень худо, еслибы можно иногда предугадывать назначеніе свое и участь; но, какъ бы то ни было, а Лировъ думалъ, что завѣтная тайна передъ нимъ раскрылась, что ему почти нечего искать, нечего ожидать. Эту грустную думу донесъ онъ, наконецъ, до села Грузина, куда дошелъ безъ умысла, безъ намѣренія; но дошедши туда и оглянувшись, и услышавъ что это село *Грузино*, Евсею, согласитесь сами, можно было и подумать и призадуматься. У него въ головѣ стало тѣсно, въ груди душно. Утомившись до крайности, нашелъ онъ, наконецъ, на обратномъ пути своемъ, мужика, который его подвезъ до мѣста; и вотъ почему Лировъ явился въ Чудовѣ уже близко полуночи.

Около того же времени, приходитъ въ Чудово и петербургскій дилижансъ. Когда Лировъ возвратился,

два дилижанса, четыремѣстная карета и огромная шестимѣстная колымага, стояли подъ крыльцомъ почтоваго дома, а ямщики закладывали. Погода была очень тепла и хороша; мѣсяцъ на убыли взошелъ съ часъ тому назадъ и три женщины прогуливались взадъ и впередъ мимо крыльца, въ ожиданіи запряжки. Лировъ остановился рядомъ съ верстовымъ столбомъ, и отнынѣ, болѣе чѣмъ на четверть часа времени, у Чудовой станціи стояли не одинъ, а два столба. Мы знаемъ уже обычай Лирова, созерцательную способность его стоять и глядѣть во всѣ глаза и думать про себя и больше ни о чемъ не заботиться; поэтому насъ два столба эти не удивятъ: ни тотъ, который стоитъ уже многіе годы въ неизмѣнномъ пѣгомъ кафтанѣ своемъ и не думаетъ, вѣроятно, ни о чемъ, ниже другой, въ черномъ сюртукѣ, съ острыми карими глазами, который столько досаждаетъ и себѣ и другимъ, всѣми странностями своими и затяжною думою.

Наконецъ, мужчина среднихъ лѣтъ, со звѣздой, подошелъ звать барынь въ карету и взглянулъ при этомъ на притаившагося сосѣда своего, на Лирова, такъ не застѣнчиво, что недоставало къ этому только вопроса: «а тебѣ чего тутъ надобно?» Потомъ, оборотясь къ попутчицамъ своимъ, спросилъ по-французски: не попросить-ли и его также въ карету? Въ это самое время Корней Власовъ, не видя еще въ потьмахъ барина своего, и приложившись съ отчаянья и нетерпѣнья къ Каліановской, разсказывалъ ребятамъ, что бывало въ походѣ идутъ они, то есть пѣхота, въ страшную слякоть, въ дождь, да мѣсятъ грязь по колѣно, а конница—и пуще того кирасиры, обходятъ ихъ подбоченясь, да только знай покрикиваютъ на нихъ: «не пылить, ребята, не пылить!» Бѣдный Евсей вздохнулъ втихомолку и примѣнилъ разсказъ стараго служиваго къ себѣ и къ надменному, насмѣшливому звѣздоносцу.

«Что я ему мѣшаю? Развѣ и солнце и луна не для всѣхъ насъ равно свѣтятъ, куда бы лучъ ихъ ни упалъ? Развѣ природа освѣщаетъ лучемъ этимъ предметы исключительно для какихъ нибудь избранныхъ любимцевъ и баловней своихъ, а не ради всякаго, кому чадолюбивая дала зѣницу ока? Неумѣстная зависть и горькая, несправедливая насмѣшка!—Что́ трудовой и бѣдовой пѣхотѣ отвѣчать на это надменное: «не пылить?»

Такъ-то заносился думами нашъ Евсей Стахѣевичъ и все еще стоялъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, когда и карета, и кавалеръ ордена звѣзды, и предметъ, на которомъ Лировъ созерцалъ такъ благоговѣйно отражающійся лунный лучъ, давно уже умчались изъ вида. Колымага еще стояла все тутъ же; одна барыня, изъ числа клади, занемогла и упросила сопутниковъ своихъ дать ей часа два отдыху и покою.

Власовъ непритворно обрадовался, увидавъ, наконецъ, своего барина, и разсказамъ и объясненіямъ Корнея не было конца. Разъ десять принимался онъ разсказывать, какъ онъ дивился и дивовался, что нѣтъ барина; что за пропасть, фу ты пропасть—эка подумаешь, и прочее. Евсей отвѣчалъ на все это мало, почти ничего и, задумавшись, пустился было опять по образу пѣшаго хожденія, какъ изъяснились въ Малиновѣ, и пустился прямо по дорогѣ туда, куда покатила карета. Но Власовъ поймалъ его за полу, снялъ передъ нимъ шапку и побожился, что не пуститъ его болѣе никуда; потомъ выпустилъ изъ правой руки полу и перекрестился, побожившись еще разъ, что не пуститъ, а послѣ всего этого уже сталъ увѣрять и божиться, что пора ѣхать, что ихъ въ Питерѣ чай давно уже ожидаютъ и такъ далѣе. Не знаю, повѣрилъ ли Евсей послѣднему обстоятельству, но покрайней мѣрѣ онъ не могъ противиться рѣшительнымъ мѣрамъ Корнея Горюнова; понялъ слова: «ей-Богу не пущу, вотъ-те

Христосъ не пущу», и воротился назадъ. А вошедши въ гостиницу, онъ и самъ не мало изумился, когда одинъ изъ старыхъ и давнишнихъ знакомыхъ его, о которомъ поговоримъ послѣ, вскочилъ со стула и внѣ себя отъ радости обнялъ и облобызалъ его съ восторженными восклицаніями и изступленными возгласами. Малиновъ, Москва, Петербургъ, Грузино, карета, луна на ущербѣ, новый пріятель — все это сбилось и смоталось въ головѣ Лирова въ огромный клубокъ, которымъ, казалось, голова его набита туго-на-туго, такъ что ни для какой думы не было болѣе мѣста, иначе Евсей Стахѣевичъ былъ-бы почти готовъ подумать хорошенько. Власовъ-ли, или ужъ не самъ-ли онъ, Лировъ, приложился сегодня съ горя къ Киліановской? Между тѣмъ, чтобы говоривши долго да коротко кончить, все это вмѣстѣ, и Чудово, и Питеръ, и Москва, и Малиновъ, и Грузино, и карета, и луна, и дилижансъ, и новый пріятель—все это снова распуталось и приняло въ умѣ и памяти Лирова настоящій толкъ и смыслъ, когда онъ, Лировъ, уже около разсвѣта, сладко дремалъ, сидючи въ томъ же самомъ дилижансѣ, который стоялъ передъ Чудовымъ почтовымъ домомъ, а теперь ѣхалъ въ Москву. Итакъ, Корней Власовичъ, поворачивай оглобли, да поѣзжай въ Москву; а въ Питерѣ еще подождутъ.

ГЛАВА VI.

ЕВСЕЙ СТАХѢЕВИЧЪ ПОѢХАЛЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Вотъ изволите-ли видѣть, какъ дуренъ этотъ обычай, дѣлать напередъ уже надпись или заголовокъ передъ каждой главой! Евсей Стахѣевичъ только что отправился съ дилижансомъ и старымъ пріятелемъ своимъ

въ Москву, а тутъ, вслѣдъ затѣмъ, уже поневолѣ пророчишь, что онъ опять поѣдетъ въ Петербургъ. Надобно однакожь пояснить еще первое обстоятельство; и вотъ какъ все это случилось:

Евсей Стахѣевичъ вошелъ въ первую комнату гостиницы Чудовой, какъ вдругъ невысокій черноволосый мужчина, въ зеленомъ мундирномъ сюртукѣ съ желтыми пуговицами, съ дорожною трубкою въ рукахъ кинулся его обнимать. Лировъ узналъ стараго своего сослуживца тѣхъ инстанцій, о которыхъ мы уже говорили, упомянувъ о тавлинкахъ и бумажныхъ платкахъ. Это былъ запросто Иванъ Ивановичъ, и даже по прозванію только Ивановъ, бывшій писецъ и безчиновный—чтобы не сказать безчинный—служитель Жировскаго Земскаго Суда. Ивану Ивановичу стало тѣсно въ Земскомъ Судѣ,—да признаться ему и письмо какъ-то не давалось; онъ вышелъ на просторъ, пошелъ искать счастья по бѣлому свѣту, и попалъ, какъ видно, на большую дорогу. Лировъ съ тѣхъ поръ потерялъ его изъ глазъ и изъ памяти; встрѣча эта при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, все-таки, обрадовала Евсея; по крайней мѣрѣ знакомое лицо, если смѣю назвать такъ Иванова; а Евсею уже тяжело становилось на чужбинѣ и грустно. Онъ разумѣется полюбопытствовалъ узнать званіе и мѣсто бывшаго сослуживца своего, который разъѣзжалъ себѣ такъ важно въ дилижансѣ между обѣими столицами, такъ развязно, такъ ловко принялъ стараго знакомца и распоряжался въ почтовомъ домѣ, какъ дома, приказавъ уже подать, на радости, бутылку лучшаго вина — слово за словомъ, и Евсей услышалъ собственными своими ушами, что Иванъ Ивановичъ, котораго онъ считалъ, по виду, по осанкѣ, по обращенію, покрайней мѣрѣ титулярнымъ совѣтникомъ, если не коллежскимъ ассесоромъ, что Иванъ Ивановичъ, просто-за-просто, кондукторъ, проводникъ дили-

жанса. «О, подумалъ Евсей про-себя, при всемъ уваженіи моемъ ко всякому состоянію и ремеслу, даже и къ званію проводника дилижансовъ... но если попытка уѣзднаго жителя видѣть свѣтъ и служить въ столицѣ сулитъ такое или подобное этому блестящее поприще, тогда... тогда...» Но Иванъ Ивановичъ тряхнулъ Лирова за локоть, которымъ этотъ подперся было, повѣсивъ голову — тряхнулъ, раскачалъ и растолкалъ его дружески, понуждая выпить чудное вино. Но Лировъ замѣтилъ презрительную улыбку старика трактирщика, колченогаго голштинца, въ отвѣтъ на запросъ Иванова, и прочелъ на ярлыкѣ, хотя и мало смыслилъ толку въ винахъ, что цѣна этому чудному вину назначена была восемь гривенъ. Между тѣмъ Ивановъ, не спросивъ даже того, за чье здоровье опорожнилъ уже полбутылки этого краснаго ротвейна, то есть Лирова, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ, гдѣ служитъ, какъ служилъ доселѣ и прочее, принялся самъ разсказывать ему о кунстъ-камерѣ, которую теперь къ сожалѣнію разорили, и о грановитой палатѣ, которую привели въ положеніе; о памятникѣ Петру Великому, Минину и Суворову съ Пожарскимъ; о самородковомъ столпѣ Александра Благословеннаго; о царь-колоколѣ, выставленномъ недавно на фундаментъ, и объ англійской набережной, на которой лежатъ двѣ свинки, огромныя, какъ значится и въ самой на нихъ надписи; о Красной площади и объ Эрмитажѣ — и вездѣ онъ былъ, и все видѣлъ, и вездѣ принятъ какъ дома. Онъ продолжалъ въ этомъ духѣ, покуда, наконецъ, староста пришелъ доложить, что ямщики не хотятъ долѣе дожидаться и просятъ позволенія, коли господа не поѣдутъ, отпречь лошадей. — Между тѣмъ и Власовъ доносилъ, что повозка давнымъ-давно заложена и что пора, ей-богу пора ѣхать. Ивановъ вскочилъ, побѣжалъ опрометью и прилетѣлъ съ извѣстіемъ, что больной барынѣ полегче и

что она собирается въ походъ. Лировъ сталъ прощаться, но Ивановъ не хотѣлъ этого слышать. «Сошлись, говорилъ онъ, черезъ восемь лѣтъ и старые товарищи и пріятели, а теперь разбѣжаться врознь! на что это похоже»? И при этихъ восклицаніяхъ размахивалъ онъ руками, словно мельница, и сшибъ со стола кожанымъ картузомъ своимъ порожнюю бутылку. Лировъ невольно отскочилъ и наступилъ на ногу содержателю гостиницы, старому подагрическому нѣмцу, который подкрался было къ столу, чтобы прибрать роковую бутылку эту, и теперь раскричался, разохался и разстонался, какъ будто насталъ его послѣдній часъ. А бѣдный Евсей уже стоялъ и кланялся, и просилъ и извинялся. «Ну полно, полно, продолжалъ Иванъ Ивановичъ, вѣдь Иванъ Ивановичъ не сердится, я его знаю, онъ тезка мой и старый пріятель! Послушай же меня, Стахѣй Сергѣевичъ, такъ кажется зовутъ тебя? не откажи другу, поѣдемъ вмѣстѣ!» — Да послушай же и ты,—отвѣчалъ Лировъ,—я ѣду въ Петербургъ, а ты въ Москву; какъ же намъ ѣхать вмѣстѣ?

«Да зачѣмъ же ты ѣдешь въ Петербургъ»?

— Искать мѣста, хочется попытаться, не удастся ли пристроиться.

«Гдѣ? въ Петербургѣ? мѣсто? пристроиться? да какія тамъ въ Петербургѣ мѣста»?

— Какое найду; побьюсь, поколочусь, мнѣ не привыкать стать; авось добьюсь.

«Гдѣ, въ Питерѣ? Да какія тамъ мѣста, говорю я тебѣ, какія мѣста въ Питерѣ? Нѣтъ ни одного; кто жь тамъ у тебя есть, дядя сенаторъ, что-ли»?

— Хоть-бы лавочникъ какой былъ, такъ я бы и за то спасибо сказалъ; было-бы у кого пристать. Нѣтъ, я такъ ѣду, на вывези Господь; у меня нѣтъ тамъ никого.

«Шутъ ты прямой, да и только! и нашелъ же гдѣ

искать мѣста, въ Петербургѣ! Стало быть у тебя нѣтъ тамъ никакого дѣла больше, никакой нужды»?

— Да, никакой больше, дай Богъ и съ этой одной управиться.

«Такъ полно бредить, коли такъ, поѣдемъ вмѣстѣ, у меня въ моемъ дилижансѣ и четвертыя мѣста оба порожнія; садись да поѣдемъ; все равно, чѣмъ ѣхать порожнякомъ, подвезу, да ужь за то на выборъ дамъ тебѣ мѣсто въ Москвѣ, какое захочешь. Да! въ Питерѣ нашелъ мѣсто»!

Евсей подумалъ: «вретъ-то онъ, вретъ, что мѣсто дастъ, это я знаю; коли самъ въ проводникахъ, такъ видно и у него нѣтъ дяди въ сенаторахъ; да вѣдь, правду сказать, мнѣ что Москва, что Петербургъ — оба равны; коли человѣкъ беретъ съ собою и еще даромъ, и познакомитъ меня можетъ статься хоть съ кѣмъ нибудь въ Москвѣ—почемужь не ѣхать? А говорятъ, дѣйствительно трудно найти мѣсто въ Питерѣ, да я и самъ говорилъ это напередъ Власову; сверхъ всего этого, мнѣ какъ-то душа говоритъ, что мнѣ надобы ѣхать въ Москву....» Тутъ луна на ущербѣ, и что-то темное, неясное, несвязное мелькнуло въ воображеніи Лирова, но онъ рѣшительно ничего объ этомъ не думалъ, не разсуждалъ, а, сказавъ самъ себѣ: «нѣтъ, все это вздоръ; доѣхавъ за сто верстъ до Петербурга, было бы слишкомъ смѣшно и глупо воротиться въ Москву, когда и тутъ и тамъ виды и надежды мои одинаковы: поѣду въ Питеръ».—Сказавъ это самъ себѣ, спросилъ онъ только Иванова, вовсе самъ не зная, что говорилъ: «да какъ же быть, у меня телѣга заложена и со мною человѣкъ....» — О, объ этомъ не заботься, это мое дѣло. Это мигомъ уладимъ. — И Лировъ не успѣлъ ни опомниться, ни очнуться, какъ Ивановъ велѣлъ отложить телѣгу его, далъ Власову какую-то записку на мѣсто въ *сидѣйкѣ*, которая должна была

придти, по словамъ г-на кондуктора, черезъ часъ или полтора, обнялъ и усадилъ Евсея съ задняго крыльца въ рыдванъ свой, и кони уже мчали его на Спасскую Полисть, въ Москву.

Евсей распустилъ на досугѣ поводья вольной вольницѣ своей, этой докучливой для насъ уносчивой думѣ, прищурилъ глаза и послѣ проходки въ Грузино и безпокойной ночи, заснулъ на зыбкомъ рыдванѣ мертвымъ сномъ и проспалъ два или три перегона, до самаго Новагорода. Въ крѣпкомъ и продолжительномъ снѣ, прошелъ онъ снова всѣ инстанціи своего служенія, подавалъ секретарю и членамъ огня и набивалъ трубки, наливалъ чернилъ, между тѣмъ какъ сторожъ отбиралъ у двухъ товарищей его, по приказанію секретаря, сапоги; потомъ перепечатывалъ, какъ наборщикъ, бумаги, глухо и слѣпо, не заботясь о содержаніи ихъ, потомъ сидѣлъ уже самъ за зеленымъ сукномъ, и такъ далѣе. Но все это было озарено какимъ-то новымъ, таинственнымъ свѣтомъ; вездѣ и всюду видѣлъ онъ теперь въ углу, въ кіотѣ, на обычномъ мѣстѣ, какую-то ангельскую головку, которая завѣсила душеспасительныя очи свои темными рѣсницами; Лирову хотѣлось помолиться, но откуда онъ къ ней не заходилъ, никакъ головка эта не хотѣла на него взглянуть, упорно потупивъ взоры. Вотъ около чего вертѣлись грезы его во всю ночь. Спросите, пожалуйста, снотолковательницъ вашихъ, что значитъ этотъ сонъ?

Дилижансъ остановился въ Новгородѣ, и Евсей, проснувшись и потянувшись, сталъ ощупываться и оглядываться, припоминая все, что надъ нимъ сбылось: казалось, все было хорошо и благополучно, а между тѣмъ Евсею какъ-будто чего недоставало, было что-то неладно или нездоровилось. Для приведенія этого обстоятельства въ ясность, онъ объяснился самъ съ собою откровенно, и по справкѣ оказалось, что онъ бывъ

просто-за-просто голоденъ. Итакъ, онъ позавтракалъ въ гостиницѣ, а доставая деньги на расплату, увидѣлъ, что съ нимъ была только одна мелочь, а бумажникъ хранился у казначея, Корнея Горюнова. Надобно, подумалъ Евсей, разсчитать, чтобы стало до Москвы. Въ Валдаѣ однакоже довольно пригожая дѣвушка уговорила его еще купить колокольчикъ съ надписью: «купи, денегъ не жалѣй, со мной ѣздить веселѣй; «а другая, съ приговорками»: ты мой барипушка, красавчикъ мой», втерла на двугривенный баранокъ. Отроду въ первый разъ Евсея назвали красавцемъ; ему это показалось такъ забавно, что онъ купилъ баранки и грызъ ихъ дорогою, улыбаясь выдумкѣ затѣйливой продавщицы. Но въ Вышнемъ-Волочкѣ Евсей пожалѣлъ уже о своемъ мотовствѣ, потому что вспомнилъ еще одно непріятное обстоятельство: гдѣ найдетъ его Корней Горюновъ въ Москвѣ и скоро ли еще до нея доволочется? Власову вовсе не сказано было, гдѣ искать барина, да и баринъ еще самъ этого не зналъ. Поэтому Лировъ проѣхалъ Торжокъ не торговавшись, а притворясь спящимъ, не купилъ ни одной пары гнилыхъ, бараньихъ сапожковъ, хотя они продавались за козловыя и были ему очень нужны. Лировъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые иногда цѣлый годъ не думаютъ мотать, даже не рѣшаются купить и необходимое; но зато, пустившись однажды въ покупки, готовы закупить все, что ни видятъ глазами. Въ Твери Евсей забылъ вовсе о бумажной котлеткѣ, вошелъ въ гостиницу и спросилъ было поѣсть. Но когда въ биліардной раздалась во всеуслышаніе вѣсть, что: «уморительный чужестранецъ, который съѣлъ бумажку, опять прибылъ»—то Лировъ воротился въ дилижансъ и завалился спать. Долго слуга гостиницы ходилъ и высматривалъ и искалъ барина, который спрашивалъ закусить; но Евсей самъ себя не выдавалъ и поѣлъ уже въ Городнѣ.

Въ Черной Грязи, то есть на послѣдней станціи къ Москвѣ, словоохотливый Ивановъ, наконецъ, счелъ нужнымъ объясниться съ Лировымъ. Взявъ его подъ руку и отошедъ въ сторону, сказалъ онъ:

— Послушай, дружище, я взялъ тебя такъ, на свой страхъ—понимаешь, не на счетъ конторы, а отъ себя, по дружбѣ и на порожнее мѣсто: такъ ужъ ты, сдѣлай милость, въ Москвѣ гдѣ нибудь по дорогѣ слѣзь, а въ контору нашу не ѣзди, или не останешься ли можетъ статься здѣсь, въ Черной Грязи? Смотритель мнѣ человѣкъ знакомый, да отселѣ и недалече, попадешь въ Москву, когда захочешь.

Пріятное предложеніе, подумалъ Лировъ, и самое пріятельское! «Да помилуй, не ты ли сулилъ мнѣ, не только довезти меня до Москвы, но пристроить къ мѣсту? По крайней мѣрѣ сдержи хоть первое обѣщаніе, да довези; вѣдь я не напрашивался, а ты самъ меня угостилъ»!

— Ну, не вдругъ же все, любезный; не горячись, мѣсто — это легко сказать, да и мѣсто мѣсту рознь. Пожалуй, мало-ли мѣстъ, и даромъ даютъ да никто не беретъ, что въ нихъ? Будетъ тебѣ и мѣсто, и все, только погоди; я вѣдь, видишь, по службѣ, по должности своей, всегда разъѣзжаю взадъ и впередъ промежду столицъ, Москвы то есть и Питера, и есть у меня основательные друзья и тутъ и тамъ, — и я тебя не позабуду; но разсуди самъ, какъ же мнѣ везти тебя въ контору свою? Тогда всѣ труды и безпокойство мое пропадутъ задаромъ, тамъ съ тебя сорвутъ, а ужъ мнѣ ничего не достанется; а не двѣ же шкуры съ тебя сымать!

«Эге, подумалъ Евсей, да какъ же онъ вытерся и наметался! — А гдѣ же я найду послѣ всего этого человѣка своего, спросилъ онъ: — помилуй, что ты со мною дѣлаешь»?

просто-за-просто голоденъ. Итакъ, онъ позавтракалъ въ гостиницѣ, а доставая деньги на расплату, увидѣлъ, что съ нимъ была только одна мелочь, а бумажникъ хранился у казначея, Корнея Горюнова. Надобно, подумалъ Евсей, разсчитать, чтобы стало до Москвы. Въ Валдаѣ однакоже довольно пригожая дѣвушка уговорила его еще купить колокольчикъ съ надписью: «купи, денегъ не жалѣй, со мной ѣздить веселѣй; «а другая, съ приговорками»: ты мой баринушка, красавчикъ мой», втерла на двугривенный баранокъ. Отроду въ первый разъ Евсея назвали красавцемъ; ему это показалось такъ забавно, что онъ купилъ баранки и грызъ ихъ дорогою, улыбаясь выдумкѣ затѣйливой продавщицы. Но въ Вышнемъ-Волочкѣ Евсей пожалѣлъ уже о своемъ мотовствѣ, потому что вспомнилъ еще одно непріятное обстоятельство: гдѣ найдетъ его Корней Горюновъ въ Москвѣ и скоро ли еще до нея доволочется? Власову вовсе не сказано было, гдѣ искать барина, да и баринъ еще самъ этого не зналъ. Поэтому Лировъ проѣхалъ Торжокъ не торговавшись, а притворясь спящимъ, не купилъ ни одной пары гнилыхъ, бараньихъ сапожковъ, хотя они продавались за козловыя и были ему очень нужны. Лировъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые иногда цѣлый годъ не думаютъ мотать, даже не рѣшаются купить и необходимое; но зато, пустившись однажды въ покупки, готовы закупить все, что ни видятъ глазами. Въ Твери Евсей забылъ вовсе о бумажной котлеткѣ, вошелъ въ гостиницу и спросилъ было поѣсть. Но когда въ биліардной раздалась во всеуслышаніе вѣсть, что: «уморительный чужестранецъ, который съѣлъ бумажку, опять прибылъ»—то Лировъ воротился въ дилижансъ и завалился спать. Долго слуга гостиницы ходилъ и высматривалъ и искалъ барина, который спрашивалъ закусить; но Евсей самъ себя не выдавалъ и поѣлъ уже въ Городнѣ.

Въ Черной Грязи, то есть на послѣдней станціи къ Москвѣ, словоохотливый Ивановъ, наконецъ, счелъ нужнымъ объясниться съ Лировымъ. Взявъ его подъ руку и отошедъ въ сторону, сказалъ онъ:

— Послушай, дружище, я взялъ тебя такъ, на свой страхъ—понимаешь, не на счетъ конторы, а отъ себя, по дружбѣ и на порожнее мѣсто: такъ ужъ ты, сдѣлай милость, въ Москвѣ гдѣ нибудь по дорогѣ слѣзь, а въ контору нашу не ѣзди, или не останешься ли можетъ статься здѣсь, въ Черной Грязи? Смотритель мнѣ человѣкъ знакомый, да отселѣ и недалече, попадешь въ Москву, когда захочешь.

Пріятное предложеніе, подумалъ Лировъ, и самое пріятельское! «Да помилуй, не ты ли сулилъ мнѣ, не только довезти меня до Москвы, но пристроить къ мѣсту? По крайней мѣрѣ сдержи хоть первое обѣщаніе, да довези; вѣдь я не напрашивался, а ты самъ меня угостилъ»!

— Ну, не вдругъ же все, любезный; не горячись, мѣсто — это легко сказать, да и мѣсто мѣсту рознь. Пожалуй, мало-ли мѣстъ, и даромъ даютъ да никто не беретъ, что въ нихъ? Будетъ тебѣ и мѣсто, и все, только погоди; я вѣдь, видишь, по службѣ, по должности своей, всегда разъѣзжаю взадъ и впередъ промежду столицъ, Москвы то есть и Питера, и есть у меня основательные друзья и тутъ и тамъ, — и я тебя не позабуду; но разсуди самъ, какъ же мнѣ везти тебя въ контору свою? Тогда всѣ труды и безпокойство мое пропадутъ задаромъ, тамъ съ тебя сорвутъ, а ужъ мнѣ ничего не достанется; а не двѣ же шкуры съ тебя сымать!

«Эге, подумалъ Евсей, да какъ же онъ вытерся и наметался! — А гдѣ же я найду послѣ всего этого человѣка своего, спросилъ онъ: — помилуй, что ты со мною дѣлаешь»?

— Человѣка? Э, онъ не пропадетъ! языкъ до Кіева доведетъ, да и окромѣ того, братецъ, вѣрь, по запискѣ моей—вѣдь сидѣйки отъ насъ же ходятъ—по запискѣ моей его на рукахъ принесутъ, свяжутъ да привезутъ, коли заупрямится, а на мѣстѣ будетъ, объ этомъ не заботься.

«Да мѣсто-то велико: гдѣ я его найду въ Москвѣ»?

— Да, въ Москвѣ! ну то-то, видишь, поэтому тебѣ и лучше выждать его здѣсь; съ нимъ вмѣстѣ и отправишься!—

«А, такъ мнѣ сидѣть ночь и день на перепутьѣ и выжидать сидѣйки, чтобы не проглядѣть ее! Хорошо и это! Спасибо, другъ Иванъ Ивановичъ! ну, а что, если я тебѣ еще скажу, что при мнѣ теперь на лицо состоитъ только два двугривенныхъ, коли еще не одинъ пятиалтынный — не видать точекъ — и что деньги мои остались у человѣка»?

— Экой же ты шутъ подновинскій, ей-богу шутъ! Да кто же этакъ ѣздитъ? Ты думаешь проѣхать отъ Жирова до Малинова? Нѣтъ, братъ, тутъ безъ рубли нѣтъ и копейки, не какъ тамъ, безъ копейки рубля! Ну хорошо, что наткнулся ты на стараго пріятеля, на товарища, а другой-бы на это не посмотрѣлъ....

Евсей Стахѣевичъ уставилъ, по привычкѣ своей, глаза на Ивана Ивановича, сложилъ руки и началъ думать, такъ про себя; а отвѣчать не отвѣчалъ уже болѣе ничего. Но онъ этимъ не отдѣлался отъ стараго пріятеля и товарища: Ивановъ полѣзъ шарить съ задняго крыльца въ дилижансъ, вытащилъ оттуда старый плащъ Лирова и колокольчикъ, то есть все что тамъ было, сталъ развертывать и разглядывать, сперва плащъ, и замѣтилъ вслухъ, что онъ уже очень поношенъ: «Такъ ужъ отдай мнѣ, Евсей Стахѣевичъ, продолжалъ Ивановъ, отдай до времени на дорогу хоть шинелишку эту, я поберегу тѣмъ часомъ свою отъ

пыли, вѣдь моя стоитъ безъ малаго сто рублевъ»! И, не выжидая отвѣта, сложилъ онъ плащъ и перекинулъ его на лѣвую руку, а правою поднялъ повыше колокольчикъ и прочиталъ по складамъ: «купи, денегъ не жалѣй, со мною ѣздить веселѣй», позвонилъ, прислушался и продолжалъ: «Экой проказникъ, Стахѣй Евстигнѣевичъ, да съ какой погудкой выбралъ, да заунывный какой! На чорта жь онъ тебѣ? Теперь чай ужь и безъ колокольчика доѣдешь, недалече, отдай мнѣ ужь и его, нашему брату, дорожному человѣку, пригодится»!

Замѣтивъ, что Евсей Стахѣевичъ на все это повидимому соглашается безпрекословно, что онъ былъ тихъ и смиренъ и кротокъ, и въ лицѣ у него «ни тѣни злобы», Ивановъ подошелъ къ нему, попотчивалъ его трубкой, убравъ уже на мѣсто и плащъ и колокольчикъ, и въ отвѣтъ на отказъ Лирова, который сказалъ, что не куритъ, заглянулъ какъ-бы мимоходомъ Евсею за воротникъ и спросилъ: «Да сертучишко у тебя никакъ сверхъ фрака надѣть,—аль нѣтъ»?

— Нѣтъ, любезный товарищъ и дорогой пріятель, отвѣчалъ Лировъ довольно положительно,—не двѣ же шкуры съ меня сымать, какъ самъ ты сказалъ; сюртука я тебѣ не дамъ.

«Экой чудакъ!» сказалъ Ивановъ, захохотавъ, прикусивъ роговой наконечникъ пружиннаго чубука своего, свернутаго узломъ, и почесывая затылокъ, «экой чудакъ! Да кто же объ этомъ говоритъ? Ты ужь сейчасъ и Богъ знаетъ что подумалъ! Полно горевать», продолжалъ онъ, потрепавъ его по плечу, «пріѣзжайка въ Москву, такъ гляди какъ заживемъ, и мѣстечко найдется, да еще и служить будемъ вмѣстѣ; что ты задумался, а»?

И затѣмъ Ивановъ раскланялся дружески съ Лировымъ, обнялъ его, полѣзъ въ кожаный мѣшокъ свой

подлѣ козелъ — и дилижансъ покатился. А Лировъ остался въ Черной Грязи.

ГЛАВА VII.

ЕВСЕЙ СТАХѢЕВИЧЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНО ПОѢХАЛЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

И потому еще нехорошо угадывать напередъ, въ заголовкѣ каждой главы разсказа, содержаніе ея, что не всегда угодишь да утрафишь; шестую главу, напримѣръ, помѣтили мы: «Евсей Стахѣевичъ поѣхалъ въ Петербургъ», а выходитъ, онъ не поѣхалъ, а сѣлъ въ Черной Грязи; поѣдетъ же, коли поѣдетъ, — въ седьмой.

Евсея, въ нынѣшнемъ безотрадномъ, истинно отчаянномъ положеніи его, безотчетно тянуло въ Москву, и онъ-бы вѣрно отправился туда, по способу Малиновскихъ прачекъ и кантонистовъ; но что будетъ съ Корнеемъ Горюновымъ? Евсей просилъ смотрителя убѣдительно сказать ему, еслибы ночью пришла сидѣйка, но получилъ отвѣтъ, что сидѣйки останавливаются на селѣ, у ямщиковъ, и что укараулить ихъ трудно. Оказалось также, что все знакомство Иванова со смотрителемъ Черной Грязи ограничивалось тѣмъ только, что Ивановъ занялъ у него въ намеднишній проѣздъ свой полтинникъ и теперь отдалъ, въ уплату долга, отнятый у Лирова колокольчикъ.

Чтобы не терять времени попустому, Евсей пустился думать, прохаживаясь по Черной Грязи; потомъ, опомнившись, пошелъ добиваться толку у ямщиковъ, гдѣ пристаютъ сидѣйки, потомъ, не добившись толку, потому-что сидѣйки разныхъ хозяевъ приставали въ разныхъ дворахъ, пошелъ опять думать. Такъ

время шло незамѣтно, между дѣломъ и бездѣльемъ, и, судя по извѣстной пословицѣ, Евсей Стахѣевичъ развѣ отъ этого только не сошелъ съ ума, потому что положеніе его было въ самомъ дѣлѣ крайнее. Онъ заложилъ уже у содержателя гостиницы часы свои, которыхъ Ивановъ видно не доглядѣлъ, и все еще не зналъ какъ, гдѣ и когда сойдется съ вѣрнымъ своимъ Корнеемъ.

На третье утро, Лировъ сидѣлъ на крыльцѣ и думалъ: «такъ, такъ! я знаю, что я бѣдовикъ, и знаю, что мнѣ суждено, можетъ статься, для назидательнаго примѣра другимъ, терпѣть и пить горькую чашу весь свой вѣкъ. Чѣмъ же я провинился и за что все это валится на мою бѣдную головушку? Говорятъ въ Испаніи или Португаліи, во время народныхъ зрѣлищъ, въ театрахъ, бьютъ негра палкой по головѣ, чтобы сосѣдъ его, дворянинъ, оглянулся, и тогда говорятъ этому вѣжливо: «Извольте сидѣть чинно». Можетъ быть и я родился на свѣтъ, чтобы служить такимъ же назидательнымъ примѣромъ для другихъ. При всемъ томъ—нечего дѣлать, мнѣ не учиться стать терпѣть; выждемъ конца; любопытно увидѣть, чѣмъ все это кончится, какія искушенія суждены еще бѣдному потомку воронежскаго скорняка и какими путями приведетъ его судьба на общую сборную точку бѣдовиковъ и баловней своихъ, въ этотъ знаменитый ларецъ Фамусова, на свиданіе... да съ кѣмъ»?

Такъ размышлялъ Лировъ на свободѣ, носился отъ нечего дѣлать, закусивъ повода, и смирялся поневолѣ, какъ еще одинъ дилижансъ прибылъ изъ Петербурга-же въ Черную Грязь.... Глядя на расторопнаго кондуктора, который званіемъ и мундирнымъ сюртукомъ своимъ рождалъ непріятныя для Евсея воспоминанія, онъ услышалъ, что тотъ освѣдомлялся, когда прошелъ дилижансъ № 7 и не было ли тамъ Лирова? Этотъ

всталъ, подошелъ и къ неизъяснимой радости своей получилъ записку отъ Корнея Власова. Горюновъ писалъ чужою рукою, потому что былъ безграмотенъ вотъ что:

«Ваше благородіе Евсей Стахѣевичъ! Связались вы, сударь, Богъ вѣсть съ кѣмъ, а старика своего и вѣрнаго слугу покинули на распутьѣ. Обманулъ онъ меня, обманетъ и васъ. А на сидѣйку въ Чудовѣ не приняли меня по запискѣ его, говорятъ, мы его и знать не хотимъ, а заплатить 25 рублей я не посмѣлъ, такъ отправился за вами пѣшкомъ, а чемоданъ и вещи всѣ покинулъ въ Чудовѣ, у смотрителя, въ чемъ и взялъ съ него росписку, что не станетъ требовать за это съ вашего благородія ничего, а взялъ по своей волѣ, изъ чести. Такъ ужь побойтесь Бога, да обождите меня старика, а мнѣ васъ, сударь, не нагнать; и ноги не тѣ, да и спина не служитъ; либо ужь накажите кому нибудь подъ Москвой, на послѣдней станціи, либо оставьте записку, гдѣ наша будетъ фатера. Москва не Малиновъ, и такихъ какъ мы съ вами, сударь, тамъ много. А деньги ваши всѣ цѣлы; несу съ собою, чай по нихъ соскучились; да не сказывайте, сударь, никому объ деньгахъ, чтобы меня старика какой нибудь гуртовщикъ за нихъ не уходилъ; за тѣмъ остаюсь, вашего благородія—и прочее».

Вотъ какую вѣсть свѣжій дилижансъ привезъ Лирову: легче ли стало ему отъ нея? Что тутъ было дѣлать и какъ быть? Чемоданъ и вещи въ Чудовѣ—Корней Горюновъ Богъ вѣсть гдѣ, тащится съ деньгами пѣшкомъ, а Евсей Лировъ въ Черной Грязи, въ долгу какъ въ шелку... Искать Корнея, такъ какъ-бы съ нимъ не разминуться; сидѣть тутъ — долго просидишь, покуда старикъ отмѣряетъ безъ малаго пятьсотъ верстъ; что тутъ дѣлать? Евсей наконецъ рѣшался было ужь раза два ѣхать назадъ, искать ста-

рика своего, да за малымъ дѣломъ стало: и часы уже почти проѣлъ безъ хозяйки и казначея своего, а ни ѣхать, ни даже пѣшкомъ—не съ чѣмъ. Такъ просидѣлъ Евсей еще три дня; — три дня въ такомъ положеніи стоятъ иныхъ трехъ лѣтъ; не ручаюсь, чтобы Евсей, при всей безпечности своей и уносчивости воображенія, не посѣдѣлъ, на 28-мъ году отроду, если просидитъ тутъ еще съ недѣлю.

Но гдѣ нужда, тутъ и помощь; и удивляться этому, какъ дѣлаютъ многіе, вовсе не изъ-чего, потому что безъ нужды не можетъ быть и помощи. Изъ Москвы ѣхалъ одинъ изъ благородныхъ, доблестныхъ по сердцу бояръ нашихъ въ Питеръ; ѣхалъ съ семьею и нанялъ цѣлый дилижансъ. Прибывъ въ Черную Грязь, узналъ онъ черезъ сострадательнаго смотрителя о положеніи Лирова, выспросилъ его въ подробности, пожалѣлъ и сжалился надъ нимъ отъ души, хотя въ тоже время не могъ удержаться и отъ смѣху, за что впрочемъ добрый Евсей вовсе не гнѣвался. Затѣмъ бояринъ выручилъ бѣдовика нашего изъ тисковъ: уплативъ незначительные должишки его, предложилъ онъ ему мѣсто въ дилижансѣ своемъ, и Евсей тѣмъ охотнѣе воспользовался снисходительнымъ предложеніемъ, что почтенное семейство ѣхалъ медленно, со всѣми путевыми удобствами, постоянно останавливаясь для ночлеговъ; поэтому опасность объѣхать Власова и разминуться съ нимъ значительно уменьшалась. Лирову указали было мѣсто въ самой каретѣ, рядомъ съ воспитательницею или такъ называемою гувернанткою; но онъ испросилъ позволенія сѣсть на порожнее открытое мѣсто впереди, потому что ему отсюда гораздо половчѣй было окидывать глазомъ всю дорогу впереди и стеречь своего дядьку. Лировъ былъ веселъ, доволенъ и совершенно счастливъ. Благодарное сердце его таяло въ безпредѣльной признательности къ этому бла-

годродному семейству, которое, удостоивъ Лирова однажды своего покровительства, обходилось съ нимъ уже какъ съ роднымъ и почти успѣло его увѣрить, что одолженіе тутъ было на его сторонѣ, а не на ихъ.

На одномъ изъ перегоновъ, неподалеку Вышняго Волочка, рано утромъ Евсей Стахѣевичъ, какъ дѣлалъ это уже во весь путь, не спускалъ глазъ съ безконечной, по шнуру отбитой дороги, какъ вдругъ закричалъ такимъ дикимъ голосомъ, что всѣ спутники и спутницы его вздрогнули. Дилижансъ остановился, и — Корней Горюновъ стоялъ, снявъ шапку, и глядѣлъ недовѣрчиво на рыдванъ; потомъ вдругъ смуглая, старая, поношеннаго товара рожа его прояснилась краснымъ солнышкомъ, и онъ, узнавъ барина своего, не могъ надивиться, нарадоваться, наговориться. Лировъ хотѣлъ было тутъ-же вылѣзть и откланяться, заговаривая несвязно о вѣчной благодарности, но его попросили сѣсть теперь въ карету, а старика усадили на передокъ. Горюновъ такъ радовался неожиданной развязкѣ этой, что забылъ все прошлое горе свое, забылъ сколько бѣдовалъ и горевалъ на пути своемъ и, сидя рядомъ съ проводникомъ, разсказывалъ ему уже, какъ онъ бывало въ полку, когда молодые ребята, измаявшись на тяжкомъ переходѣ, начнутъ отставать, бралъ по ружью на каждое плечо, по ранцу на грудь и на спину и съ присвистомъ пускался впередъ по дорогѣ въ присядку. «Вотъ», говоритъ Корней, «каковъ и былъ; послужилъ я въ свое время Богу и Великому Государю; бывало, кто отстанетъ-ли, нѣтъ-ли отъ рядоваго 1-й мушкатерской роты Корнея Горюнова, а Корней Горюновъ уже отъ другихъ не отстанетъ. Теперь не то: одолѣла поясница.»

Воспитательница, съ которою сидѣлъ теперь Лировъ, была, къ удивленію его, русская, женщина ум-

ная и образованная, бывшая воспитанница одного изъ благодѣтельныхъ казенныхъ заведеній нашихъ. Кто-бы тогда подумалъ, что маловажное обстоятельство это, то есть что Лирова посадили въ карету, и именно на это самое мѣсто, независимо отъ спутниковъ и милой сосѣдки его, будетъ для него собственно такъ важно и богато послѣдствіями?

Вельможа дорогою познакомился съ Лировымъ поближе, спознался съ нимъ и, узнавъ нужды, виды и желанія его, обѣщалъ ему въ самыхъ скромныхъ выраженіяхъ свою помощь. Лировъ возносился уже на седьмое небо, съ совершенною довѣренностію къ новому счастію своему, когда случилось вотъ что:

Доѣхавъ еще засвѣтло до роковаго Чудова, гдѣ Лировъ принялъ въ цѣлости всѣ вещи свои и, несмотря на росписку, представленную Власовымъ, отблагодарилъ услужливаго смотрителя тороватымъ полтинникомъ, покровитель Лирова рѣшился ѣхать далѣе, потому что погода была очень хороша и ночь свѣтла; а какъ прошло уже отъ извѣстнаго намъ похожденія въ Чудовѣ двѣ недѣли, то луна была на прибыли. Поѣхали. Евсей, колыхаемый зыбкими пружинами колымаги и упоительными грезами услужливаго воображенія, заснулъ на полпути до Померанья, спалъ сладко, натѣшился и упился досыта какими-то удивительными и небывалыми снами и вошелъ въ Померанье въ гостиницу, съ намѣреніемъ опохмѣлиться, какъ русскій человѣкъ, послѣ этой неумѣренной, разгульной пирушки. Выпивъ полбутылки меду, Евсей воротился, въ потьмахъ, съ какою-то самодовольной улыбкой благополучія на устахъ и, почти не разводя обремененныхъ блаженными грезами вѣкъ, полѣзъ опять въ дилижансъ на свое завѣтное мѣстечко, приклонилъ головушку на правую сторонушку, и какъ ему показалось, что сопутница, отдѣленная отъ него только на ши-

рину сидѣнья переборкою, почивала, то онъ, продолжая жмуриться и щуриться, сидѣлъ тише воды ниже травы. Дилижансъ скоро покатилъ, и Евсей, который никогда еще не былъ такъ близокъ къ конечному исполненію своихъ надеждъ и желаній, мечталъ и уносился Богъ вѣсть куда, когда, послышавъ вдругъ людской говоръ и лай собакъ, раскрылъ глаза и увидѣлъ, или, лучше сказать, ничего не увидѣлъ, потому что молодая луна уже закатилась и онъ сидѣлъ въ непроницаемыхъ потьмахъ. Но вслѣдъ затѣмъ блеснула какая-то зарница и мелькнуло видѣніе, отъ котораго Евсей, въ сладостномъ изнеможеніи, не смѣя пошевелиться, сидѣлъ или почти лежалъ, какъ разбитый параличемъ. Съ полминуты спустя — еще разъ тоже: его обдало зарницей; Евсей быстро раскрылъ глаза и успѣлъ еще уловить мелькомъ, на лету, тоже самое неизъяснимо-милое видѣніе, котораго и самый слѣдъ исчезалъ скорѣе молніи.

Передъ сомкнувшимися очами Лирова играли во мракѣ какіе-то вьюны и змѣйки изъ едва-видимыхъ точекъ; бахромчатыя кисти распускались багровымъ макомъ и изумрудными махровыми цвѣтками, между тѣмъ какъ Евсей, не смѣя дохнуть, старался сообразить: что такое съ нимъ сталось? Съ полгодины сидѣлъ онъ, какъ дряхлый старикъ, съ онѣмѣлыми членами; наконецъ, опомнился, приподнялся, перевелъ духъ тихо и протяжно, глядѣлъ во всѣ глаза и во всѣ стороны—и ничего не видѣлъ, ничего не понималъ. Все это ему казалось такъ странно, такъ непонятно, что онъ долго еще сидѣлъ съ открытыми глазами, прислушиваясь къ однообразному стуку колесъ и крику ямщика. Замѣтивъ, что сосѣдка его не спитъ, рѣшился онъ сказать ей что нибудь, и съ тѣмъ вмѣстѣ убѣдиться, живъ-ли онъ еще, или покрайней мѣрѣ не спитъ-ли и самъ, и не видѣлъ ли то, что видѣлъ во снѣ?

— Такъ вы, сударыня, воспитывались въ Смольномъ?—спросилъ онъ голосомъ провинившагося школьника и и кромѣ того очень кстати.

— Нѣтъ-съ, въ Патріотическомъ институтѣ,—отвѣчалъ робкій, но послушный голосокъ.

Лировъ приподнялъ брови и уши почти на самую макушку, глядѣлъ на невидимку во всѣ глаза и опѣшилъ вовсе. Голосъ чужой и незнакомый, и вовсе не тотъ, которымъ говорила обыкновенно милая его сосѣдка, воспитанная, какъ онъ давно уже зналъ наизусть, въ Смольномъ. Бѣдный Евсей сидѣлъ въ этомъ положеніи нѣсколько минутъ и, наконецъ, опять рѣшился спросить: «И давно вы уже оставили это заведеніе?»— Шестаго числа будетъ семь мѣсяцевъ,—отвѣчалъ тотъ же несмѣлый и покорный голосокъ.

Евсей опустилъ руки, поднялъ вверхъ голову, прислонился къ заспинкѣ и въ этомъ положеніи сидѣлъ, уже рѣшительно не смѣя дохнуть, до самаго Чудова, гдѣ надъ нимъ совершалось уже второе чудо. Какое-жь второе? спросите вы.—Да развѣ это не чудо, что, выѣхавъ изъ Чудова, онъ опять воротился въ Чудово? Дилижансъ остановился, подали фонари, и Лировъ увидѣлъ, къ величайшему изумленію своему, что двери рядомъ съ нимъ растворились и что вышелъ оттуда— тотъ же самый мужчина со звѣздой, который слишкомъ за двѣ недѣли, на этомъ же самомъ мѣстѣ, насмѣшливо спрашивалъ спутницъ своихъ: «не попросить-ли этого товарища въ карету?» Такъ часто мы пророчимъ на свою голову, такъ часто сбывается неожиданное, неправдоподобное; неожиданное вчера, а сегодня сбыточное и вѣроятное! Думалъ-ли человѣкъ со звѣздой, что черезъ двѣ недѣли этотъ неказистый чудакъ въ изношенномъ сюртукѣ своемъ дѣйствительно будетъ сидѣть въ одномъ съ нимъ дилижансѣ, который былъ взятъ имъ весь, и слѣдовательно принадле-

жалъ ему, звѣздоносцу, исключительно? Думалъ-ли это и самъ Евсей? И, наконецъ, думалъ-ли онъ же, когда сидѣлъ въ Малиновѣ и водилъ нерѣшительно пальцемъ по картѣ между Москвою и Петербургомъ, что ему суждено будетъ скитаться на самомъ дѣлѣ и не пальцемъ только, а всею особою своею, нѣсколько недѣль сряду туда и сюда, и, наконецъ, не побывать ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ?

ГЛАВА VIII.

ЕВСЕЙ СТАХѢЕВИЧЪ ПОѢХАЛЪ ВЪ МОСКВУ.

Увидѣвъ человѣка со звѣздой и вовсе незнакомаго кондуктора, который высаживалъ этого большаго барина подъ руки, услышавъ еще какъ звѣздоносецъ, оборотясь къ дверямъ, откуда вылѣзъ, сказалъ, взглянувъ на часы: «мы съ разсвѣтомъ будемъ въ Спасской Полисти»,—Евсей прижался въ уголъ, съ нетерѣніемъ выждалъ только, чтобы кавалеръ звѣзды и проводникъ отошли подальше отъ кареты, отворилъ самъ дверцы свои, выскочилъ и отбѣжалъ, не оглядываясь, шаговъ на сто; потомъ остановился онъ и началъ опять медленно подходить, какъ посторонній человѣкъ, который любопытствуетъ посмотрѣть на новопріѣзжихъ. Евсей вглядывался и всматривался, сколько темнота ночи позволяла, въ дилижансъ, въ окружающихъ его людей, въ почтовый домъ, въ кондуктора, въ смотрителя, и убѣдился, наконецъ, что опять стоялъ въ Чудовѣ; дилижансъ, въ которомъ онъ пріѣхалъ, отправлялся въ Москву; женщины не выходили, но вѣдь онъ видѣлъ самъ,—во снѣ или наяву?—видѣлъ два раза мелькомъ ту же самую ангельскую головку, которая озадачила его уже разъ, здѣсь же, въ Чудовѣ, и потомъ опять

являлась ему въ грезахъ, за кіотами, въ покояхъ разныхъ степеней его служенія; мужчина же былъ явно тотъ самый, который, проѣзжая Чудово, недѣли двѣ тому слишкомъ, повстрѣчалъ здѣсь Лирова и обошелся съ нимъ такъ по-господски—и еще, помните? похитилъ въ глазахъ его эту ангельскую головку, закинутую немного назадъ, когда разглядывала она луну на ущербѣ, а Лировъ, въ то же время, расположился еще, какъ противень или дружка, рядомъ съ верстовымъ столбомъ. Успѣлъ-ли, нѣтъ ли нашъ бѣдный Евсей дослѣдиться до горестнаго для него заключенія, что онъ сѣлъ въ Помераньѣ не въ свои сани, во встрѣчный дилижансъ, на случайно порожнее мѣсто, второе съ лѣвой стороны, т. е. тоже самое, которое досталось ему по отводу въ дилижансѣ московскаго покровителя его; не успѣлъ онъ, говорю я, сообразить все это, какъ кавалеръ звѣзды сѣлъ уже снова въ карету и она покатилась на Спасскую Полисть. Тогда только, и то исподволь, густой туманъ въ головѣ Стахѣевича сталъ понемногу проясняться. Бѣдовикъ нашъ, догадавшись въ чемъ дѣло, счелъ уже почти излишнимъ удивляться этому довольно странному приключенію, убѣдившись только еще положительнѣе, что норовистая судьба также нашла дорогу изъ Малинова до московской дороги, на которой теперь снова такъ жестоко и неотвязчиво преслѣдовала свою игрушку.

«Что я стану дѣлать, Создатель мой?» подумалъ Евсей, сложивъ руки, повѣсивъ голову и стоя въ потьмахъ на распутьѣ: «что я стану дѣлать? Здѣсь, въ Чудовѣ, мнѣ нельзя и показаться; подумаютъ, что я рехнулся; да притомъ зачѣмъ и къ чему показываться? Что мнѣ здѣсь дѣлать, чего искать тутъ? А что между тѣмъ подумаетъ благодѣтель мой, и какъ разгадаетъ куда я дѣвался?—И что теперь дѣлаетъ мой Власовъ,

и гдѣ онъ? Ну, что, если его увезли въ Питеръ, а я опять остался съ двумя двугривенными, изъ которыхъ можетъ быть одинъ даже пятиалтынный?»

Такъ бродило долго въ головѣ Лирова; десять разъ подходилъ онъ украдкою къ почтовому дому и глядѣлъ на сальный огарокъ, въ окно; наконецъ, разсудилъ, однакоже, что не сидѣть же въ Чудовѣ, въ ожиданіи третьяго чуда, поглядѣлъ вокругъ, вздохнулъ и отправился, по образу пѣшаго хожденія, впередъ, въ Померанье.

Онъ шелъ, заложивъ руки въ карманы, повѣсивъ голову, потупивъ очи, потому что смотрѣть въ потьмахъ было не на что, думалъ, и, наконецъ, сталъ вовсе въ тупикъ; остановившись, поднялъ онъ голову, началъ припоминать видѣніе свое и дрожь пробѣжала по всѣмъ хребтовымъ позвонкамъ его, какъ неразумные пальцы какого-нибудь малоумнаго по костянымъ клавишамъ фортепіано. Евсей помоталъ головой, пожалъ плечами и пошелъ впередъ. Теперь только ему пришло въ голову, что онъ могъ-бы по крайней мѣрѣ справиться у проводника, кто таковъ этотъ загадочный сановитый кавалеръ звѣзды, и какія съ нимъ ѣдутъ барыни, а слѣдовательно и узнать.... Но глубокій и трепетный вздохъ остановилъ дерзкую думу эту, и Евсей опять уже былъ готовъ сойти съ ума, при одной мысли о неизъяснимомъ видѣніи своемъ.

А видѣніе это явилось такъ просто, такъ естественно, какъ дѣлается все на свѣтѣ; и Лировъ также точно плуталъ, какъ люди обыкновенно дѣлаютъ при подобныхъ случаяхъ. Въ дилижансѣ, изволите-ли видѣть, противъ каждаго мѣста придѣлано зеркало; проѣзжая въ темную ночь селеніе, свѣтъ изъ окна избы иногда ударяетъ прямо въ зеркало противъ васъ: тогда обдаетъ васъ зарницей, и если вы во-время взглянете въ зеркало и приняли притомъ надлежащее

положеніе, то можете увидѣть призракъ вашего сосѣда, отдѣленнаго отъ васъ только полупереборкой; а если сосѣдъ этотъ или сосѣдка безконечно мила и дремлетъ, закинувъ головку на подушку и разметавъ кудри свои, то все это явится вамъ и въ видѣніи, которое промелькнетъ только молніей и исчезнетъ, Если вамъ случится ѣхать въ такомъ зеркальномъ дилижансѣ, то можете испытать все это на дѣлѣ. Итакъ. Евсей сидѣлъ рядомъ съ существенностію этого видѣнія; просидѣлъ рядомъ въ темную ночь и глазъ-на-глазъ часа три, и успѣлъ только узнать, что она институтка и что шестаго числа будетъ семь мѣсяцевъ, какъ она увидѣла свѣтъ—не въ томъ смыслѣ, какъ говорится это о новорожденномъ, не лучи солнечные, а міръ, то есть не тишину и спокойствіе, а напротивъ суету свѣтской жизни, пыль, дымъ и чадъ. Да, всего этого не знала и не вѣдала она, когда сидѣла неоперившимся птенцомъ, въ пушку, подъ заботливымъ крылышкомъ своей доброй *maman*, въ Патріотическомъ институтѣ, на Васильевскомъ острову, противъ Морскаго кадетскаго корпуса, гдѣ прозябали и мы когда-то, давно—а русская пословица стараго поминать не велитъ. Итакъ, Лировъ только это и узналъ, и въ продолженіе таинственной поѣздки своей больше ничѣмъ не воспользовался.

Между тѣмъ Евсей все шелъ да шелъ и все думалъ—и, наконецъ, сказалъ вслухъ: «И возможно-ли, сбыточное-ли это дѣло, чтобы я просидѣлъ съ нею рядомъ цѣлую ночь и догадался и узналъ объ этомъ уже тогда, какъ тащусь голодный, усталый и измученный цѣлый перегонъ пѣшкомъ, и съ каждымъ шагомъ вдвойнѣ отъ нея удаляюсь! Неужели все это истина и я не сплю, не во снѣ, не въ бреду и не сошелъ съ ума? Или весь свѣтъ оборотился вверхъ дномъ и обрушился на меня, бѣдовика?» Это проговорилъ онъ

вслухъ, да некому было подслушать его: все вокругъ мертво, темно и тихо!

Да, Евсей Стахѣевичъ, еслибы вы подстерегали, что теперь говоритъ вѣрный слуга и сподвижникъ вашъ Корней Власовъ, такъ вы-бы опять присказку его примѣнили къ себѣ, какъ намедни, когда онъ, ломая изъ себя кирасира, подбоченился и кричалъ презрительно: не пылить пѣхота, не пылить!

А Корней Власовичъ, сидя въ раздумьѣ въ Помераньѣ и разсуждая о томъ, что онъ потерялъ барина своего и что не надо было пускать его ни на шагъ, ни на пядь отъ кареты, что такъ всегда русскій человѣкъ бываетъ крѣпокъ заднимъ умомъ, прибавилъ еще къ этому вотъ что: мужикъ видѣлъ во снѣ горячій кисель, да не случилось ложки, нечѣмъ было похлебать; на другую ночь мужикъ догадался, легъ спать да взялъ съ собою ложку, такъ уже не видалъ киселя. И вотъ эту-то присказку Евсей Стахѣевичъ примѣнилъ-бы теперь, можетъ статься, къ себѣ, еслибы ее услышалъ. Но присказка говорилась съ вечера, а Лировъ пришелъ уже въ Померанье, выбившись почти вовсе изъ силъ, часу въ десятомъ утра; смотритъ, у подъѣзда, гдѣ всегда становятся дилижансы, все пусто, ни колеса, ни полоза; одинъ только Корней Горюновъ сидитъ, подгорюнясь на крыльцѣ почтоваго дома и вздыхаетъ тяжело и глубоко, будто везетъ на себѣ возъ сѣна, и охаетъ и крестится, поминая безъ вѣсти пропавшаго барина своего, съ которымъ, то есть съ пропавшимъ, не зналъ какъ быть и что дѣлать.

Лировъ узналъ, что дилижансъ ушелъ уже съ разсвѣтомъ; бояринъ, принявшій такое родное участіе въ судьбѣ Евсея, очень по немъ заботился и безпокоился, прождалъ до разсвѣту, разсылалъ верховыхъ во всѣ стороны, но, наконецъ, разсудивъ, что человѣкъ, въ своемъ умѣ, не можетъ же провалиться сквозь землю,

и, выслушавъ разсказъ Власова, что баринъ его и намедни выкинулъ было такую же штуку, отправившись ни съ того ни съ сего пѣшкомъ въ Грузино—сказалъ; съ такимъ чудакомъ, а можетъ быть и полоумнымъ, мудрено будетъ справиться, да и ждать его мнѣ право недосугъ; и затѣмъ уѣхалъ. Корней Горюновъ, теряясь въ догадкахъ, разсказалъ, правда, для примѣра, быль, что у нихъ въ полку солдатъ пропалъ было безъ вѣсти, да отыскали его въ передней на лавкѣ, гдѣ онъ былъ заваленъ съ ногъ до головы шинелями; онъ былъ хмѣленъ, говоритъ Власовъ, да прилегъ, его въ потьмахъ и завалили; — но примѣръ этотъ не слишкомъ утѣшилъ нашего боярина, который думалъ еще, можетъ быть, видѣть въ этомъ намекъ на незнакомую ему доселѣ слабость Лирова. Вотъ какъ нашъ Власовъ поправляется изъ кулька въ рогожу, и вотъ что называется по-русски: простота хуже воровства.

Лирову стало такъ совѣстно передъ благороднымъ человѣкомъ, которому былъ столько обязанъ, такъ совѣстно, что онъ уже никакъ не могъ рѣшиться ѣхать за нимъ вслѣдъ въ Петербургъ; Евсею казалось, что происшествіе это должно было, какъ блаженныя памяти во градѣ Малиновѣ, надѣлать въ столицѣ столько шуму и тревоги, что его, Лирова, вѣрно ожидаютъ уже у Московской, въ Петербургѣ, заставы и отъ самой заставы этой по всѣмъ улицамъ и переулкамъ будутъ встрѣчать и провожать любопытные съ насмѣшливой улыбкой и поклонами. Сверхъ этого, какъ показаться на глаза благодѣтелю своему, и опять, какъ, будучи въ Питерѣ, не показаться? Словомъ, онъ изъ этой ловушки не видѣлъ лазейки, и, несмотря на волчій голодъ свой, принялся за поданный ему завтракъ въ самомъ отчаянномъ расположеніи духа. Смотритель, какъ человѣкъ опытный, наглядѣвшійся на проѣзжихъ всякаго покроя, тотчасъ угадалъ, что этотъ не поскуч-

шается вступить съ нимъ въ бесѣду; подсѣлъ, началъ мотать разговоръ на свой ладъ и, разсказавши, что прослужилъ въ незапамятныя времена девять лѣтъ вахмистромъ, что былъ потомъ въ Москвѣ квартальнымъ поручикомъ, поймалъ въ 1812 году семь возовъ міродеровъ, то есть мародеровъ, съ семью возами клади, что за это не поровну досталось, а кому чинъ, кому блинъ, а ему, квартальному поручику, клинъ; что онъ, не клинъ то есть, а квартальный, былъ во всѣхъ сраженіяхъ и въ разныхъ командировкахъ, не разъ жизнь терялъ, и прочее, и прочее, — нашатнулся случайно опять на бѣду бѣдовую Евсея Стахѣевича и никакъ не могъ понять, какимъ образомъ это могло приключиться, такое происхожденіе—и въ десятый разъ сталъ допытываться: «по знакомству-ли Евсей Стахѣевичъ пересѣлъ въ другой дилижансъ, или отъ погрѣшности»? И Лирову теперь только вошло въ голову спросить смотрителя, не знаетъ ли онъ, кто таковы были проѣзжіе, къ которымъ бѣдный Евсей подсѣлъ незваннымъ гостемъ. «Кому же знать, коли не намъ», отвѣчалъ смотритель самодовольно: «генералъ этотъ высокородный, по нашему по старинному бригадиръ, а по фамиліи прозывается онъ господинъ Оборотневъ. Ужь онъ вотъ на одномъ мѣсяцѣ другой разъ взадъ и впередъ проѣхалъ, видно по дѣламъ какимъ; а онъ, говорятъ, опекуномъ у барынь этихъ, да никакъ еще и женихъ, какъ сказывалъ намедни человѣкъ его, такъ съ ними вотъ все и ѣздитъ». Долго мялся и таился Евсей, но, наконецъ, раздумавъ и разсудивъ основательно, что чинъ и прозваніе опекуна и жениха никакъ не могутъ вести къ заключенію о званіи и прозваніи опекаемыхъ, то есть находящихся у него подъ опекою, рѣшился, да, рѣшился налить полный стаканъ квасу, поднести его вплоть ко рту, спросить скороговоркою, упершись глазами въ стаканъ: «а кто таковы барыни эти, вы,

чай, не знаете»? и вслѣдъ за этимъ осушить бычкомъ, безъ разстановки, весь стаканъ. Когда же смотритель объявилъ съ прежнимъ самодовольствіемъ, что эта была помѣщица Голубцова съ дочерьми, — то я уже то неожиданное обстоятельство, что стаканъ не выкатился изъ рукъ Лирова и не расшибъ стоявшей подъ нимъ тарелки, приписываю тому, что преслѣдующая Лирова злая судьба едва-ли не натѣшилась надъ бѣдовикомъ нашимъ до-сыта, и едва-ли не хочетъ уже нынѣ исподволь надъ нимъ смиловаться. Въ самомъ дѣлѣ, удивленіе Лирова, изумленіе, испугъ и пораженіе его были свыше всякаго описанія; Евсей такъ быстро измѣнился въ лицѣ, что даже и смотритель привсталъ со стула своего и не договорилъ послѣдняго слова. Лировъ повторилъ тотъ же вопросъ, едва не заставилъ старика смотрителя присягнуть, не только побожиться, далъ ему за неожиданную и повидимому добрую вѣсть цѣлковый; потомъ походилъ взадъ-и-впередъ по комнатѣ, схватилъ съ карниза печки лучинку, остановился, разглядѣлъ ее пристально, будто еще колебался какъ съ нею быть; лицо его загорѣлось; въ немъ сильно выразился переходъ къ какой-то геройской рѣшимости: быстрымъ и сильнымъ движеніемъ рукъ Евсей переломилъ завѣтную лучинку на двое, развелъ концы, поглядѣлъ на нихъ, кинулъ и вдругъ объявилъ съ твердостію, которая совсѣмъ къ нему не шла, что онъ ѣдетъ назадъ, въ Москву. Вслѣдъ за тѣмъ началъ онъ торопить смотрителя, преслѣдуя его шагъ за шагомъ, пуще всякаго фельдъегеря. Смотритель, повторяя на ходу: «сейчасъ, сейчасъ», поглядывалъ искоса на Лирова, какъ глядятъ на человѣка, у котораго на вышкѣ обстоитъ неблагополучно, или покрайности сомнительно, а краснорѣчиво-могучее: *пустяки, сударь*, которымъ Корней Горюновъ хотѣлъ угомонить и озадачить барина своего, ударило какъ горохъ въ стѣну и не удо-

стоилось даже отвѣта. Это въ свою очередь озадачило и сбило съ толку Власова; получивъ повторительное приказаніе укладываться, онъ уже не нашелся, особенно когда сѣрые, вопросительные глаза его встрѣтились съ положительнымъ отвѣтомъ темно-карихъ очей Лирова. Власовъ, вздохнувъ, вышелъ укладывать аммуницію барина въ повозку, и ворчалъ при этомъ вслухъ: «вяжи да путай, верти да кутай, мотай да плутай— авось до чего нибудь доѣздимся. Пожалуй! мнѣ все равно: я не пропаду, завези меня куда хочешь; да ужь пѣшкомъ не пойду его искать въ другой разъ по бѣлому свѣту, хоть тони, хоть гори!» И въ сердцахъ выкинулъ порожнюю бутылку отъ Киліановской примочки, чего-бы въ полномъ и здравомъ умѣ своемъ конечно никогда не сдѣлалъ. Видно, оба они повихнулись: и хвостъ и голова, и баринъ и слуга, или оба добились до ума.

Телѣгу подали, Евсей сѣлъ, поскакалъ и гналъ и въ хвостъ и голову.

ГЛАВА IX.

ЕВСЕЙ СТАХѢЕВИЧЪ ДО ЧЕГО-НИБУДЬ ДОѢЗДИЛСЯ.

Поведеніе Лирова передъ отъѣздомъ его изъ Померанья въ самомъ дѣлѣ было очень странно. Что какая нибудь нечаянная и неожиданная вѣсть его изумила, что онъ, опомнившись и сообразившись, вдругъ рѣшился ѣхать назадъ и догонять, во что бы ни стало, дилижансъ, изъ котораго самъ наканунѣ выскочилъ и бѣжалъ какъ отъ огня—все это еще понять и объяснить кой-какъ можно; хотя при всемъ томъ весьма сомнительно, чтобы онъ догналъ на шестистахъ верстахъ дилижансъ, который ушелъ уже верстъ за

сотню впередъ; но что значитъ гаданье это или ворожба на лучинкѣ, и можно-ли было предполагать въ Лировѣ, съ которымъ мы ознакомились уже довольно коротко, такое ребячество или суевѣріе? Но объ этомъ послѣ; поспѣшимъ теперь за Лировымъ: онъ скачетъ сломя голову, и если мы отъ него отстанемъ, то можетъ быть намъ также трудно будетъ догнать его, какъ и ему теперь ушедшій отъ него таинственный дилижансъ.

Корней Горюновъ молчалъ или ворчалъ про-себя и далъ барину своему уходиться, проскакавъ съ нимъ во всю ивановскую безъ одной двадцать станцій, то есть до самаго Клина, и дивился только и смотрѣлъ, откуда взялась рысь! Прежде бывало, коли Власовъ не придетъ доложить, что лошади готовы, такъ баринъ просидѣлъ да продумалъ-бы пожалуй хоть до вечера; а теперь — и мечется и суетится и упрашиваетъ и бранится, да еще и соритъ деньгами; что это за диво? Этакъ, пожалуй, проскакать можно еще разъ пятокъ отъ Клина до Померанья, коли хватитъ единовременнаго жалованья, да чтожь въ этомъ будетъ проку? На каждой станціи Власовъ собирался требовать въ этомъ отвѣтъ и отчетъ у барина своего; но этотъ былъ всегда такъ неусидчивъ и недосуженъ, что ни разу не дослушалъ и половины предисловія Власова, когда этотъ подходилъ, прокашлявшись, и начиналъ: «Евсей Стахѣевичъ! служилъ я вѣрой и правдой Царю Государю своему 25 лѣтъ»... или «у насъ, сударь, въ полку былъ»... и прочее. Поэтому Власовъ заглянулъ еще разъ въ бумажникъ и въ кошелекъ, рѣшился и положилъ, чтобы барину его Клинъ клиномъ пришелся, чтобы тутъ кончить и развязать дѣло, во что бы то ни стало. А потому, когда Евсей легъ потянуть разбитые хрящи и кости свои на столь знакомый всѣмъ проѣзжимъ кожаный диванъ,

на которомъ днемъ можно еще лежать довольно безопасно, то Власовъ, проворчавъ предисловіе свое на дворѣ и на крыльцѣ, вошелъ и началъ прямо съ дѣла, такъ: «А что, сударь Евсей Стахѣевичъ, долго мы будемъ еще этакъ ловить чорта за хвостъ, гоняться безъ толку промежь Питера и Москвы, словно насъ кто съ тылу жегаломъ ожегъ?»

Лировъ. Недолго. Поди спроси, давно ли проѣхалъ дилижансъ съ Оборотневымъ.

Власовъ. Чего, сударь, спрашивать, помилуйте, да онъ давно въ Москвѣ; и ямщики всѣ говорятъ, и смотритель говоритъ, что давно въ Москвѣ. Власть наша, Евсей Стахѣевичъ, а это, сударь, пустяки, ей-богу пустяки!

Лировъ. Не ворчи же, старый хрычъ, ты мнѣ надоѣлъ; вотъ тебѣ полтинникъ, поди выпей да лягъ въ телѣгу и спи.

Власовъ. Не видалъ я, сударь, вашего полтинника! Да я, сударь, украду его у чужаго человѣка, а отъ васъ не возьму даромъ; полтинникъ! да вы, сударь, ужь 17 рублевъ съ полтиной моихъ проѣздили, такъ что мнѣ полтинникъ вашъ.

Лировъ. Какъ—твоихъ проѣздилъ?

Власовъ. Да такъ, сударь, проѣздили, да и только. Я еще въ Твери докладывалъ вамъ, что деньги всѣ, а вы знай молчите; чтожь я стану дѣлать? Тутъ дѣло дорожное, помѣчать негдѣ, а ужь я ихъ не укралъ, мнѣ вашего не надо. Тутъ вы думаете по нашему? Нѣтъ, сударь, двугривенный за миску щей, а щи хоть портянки полощи, да еще и хлѣба не даетъ, собака, и никому даже не уважаетъ!

Лировъ. Какъ, всѣ, братецъ? Неужто—не деньги-мелочь, а что было въ бумажникѣ — неужто онѣ всѣ!

Власовъ. Да вотъ онъ, сударь, бумажникъ: извольте считать, много-ли найдете! У меня своихъ никакъ

рублевъ со сто шестьдесятъ наберется — и будемъ ѣздить, поколѣ до чего нибудь не доѣздимся; ваша власть.

«Кой-чортъ, моя власть», подумалъ Лировъ, вскочилъ съ дивана и принялся ходить по комнатѣ. Да, подлинно въ Клинѣ ему свѣтъ клиномъ сошелся, въ Черной Грязи посидѣлъ онъ въ грязи; одно только Чудово озарило его чудомъ, да и то не знаетъ еще чѣмъ оно кончится и куда потянетъ, не то опять въ грязь, не то на чистую воду—а Евсей, чай, боится и того и другаго.

Евсей нашъ думалъ, думалъ, думалъ—и ничего не выдумалъ. Теперь уже все равно, разсудилъ онъ наконецъ, торопиться некуда, ужь я ихъ не нагоню; переночую—а видно нечего больше дѣлать, какъ пуститься искать ихъ по Москвѣ. Искать! а гдѣ искать? и чѣмъ доѣхать и чѣмъ тамъ прожить? Стало смеркаться. Евсей не смѣлъ спросить и чаю, а велѣлъ подать стаканъ воды. Власовъ поставилъ его на окно и вышелъ, а баринъ его, походивши, хотѣлъ выпить воду эту, да хлебнулъ фонарнаго масла и чуть не подавился поплавкомъ ночника, который былъ устроенъ въ стаканѣ же, и стоялъ на окнѣ, рядомъ со стаканомъ воды. Евсей выплюнулъ, запилъ водою и пошелъ на крыльцо; а здѣсь одна изъ почтовыхъ красавицъ, поигрывая какъ кошка въ сумерки, лукнула поперекъ крыльца въ ямщиковъ метлой, и бѣдный Евсей, подвернувшись, не успѣлъ даже закрыться отъ нея рукой. Изо всего этого Евсей заключилъ, что недобрый, который обошелъ его видно при самомъ рожденіи, все еще его не покинулъ, и что надобно, собравшись съ духомъ, выжидать конца, утѣшаясь поговоркою нашихъ калмыковъ, которые говорятъ, въ такомъ случаѣ, только: «что дѣлать, она ево такъ не будишь, она ево какъ нибудь да будишь». Евсей зналъ по

опыту, что всякая большая бѣда сказывалась ему напередъ бездѣльными досадами и непріятностями и наоборотъ, всякое несчастіе отзывалось еще нѣсколько времени докучливыми мелочными перекорами; поэтому онъ и былъ увѣренъ, что все это дѣлается теперь или на новую бѣду, или въ поминъ старой, которая выпроводила его въ недобрый часъ на московскую большую дорогу, протаскала взадъ и впередъ, туда и сюда, и, наконецъ, отвела самый безтолковый ночлегъ въ Клинѣ, заставивъ издержать преждевременно всѣ поскребыши своей казны. А еслибы Евсею теперь вздумалось сдѣлать заемъ, то вѣрно пришлось-бы, по примѣру Испаніи, обезпечить заемъ залогомъ и платить еще 49 со ста.

Передъ свѣтомъ прибыла на станцію изъ Москвы коляска, съ какимъ-то камеръ-юнкеромъ, и Евсей, проснувшись отъ возни и стуку, узналъ въ прислугѣ проѣзжаго пріятеля и сослуживца своего, отставнаго писца, а нынѣ отставленнаго кондуктора дилижансовъ, Иванова. Лировъ притворился спящимъ, но этимъ не отдѣлался; Ивановъ облобызалъ его соннаго, подсѣлъ и заговорилъ до смерти. Не станемъ повторять вслѣдъ за нимъ всѣхъ пошлостей, увѣреній въ любви и дружбѣ, обѣщаній ходатайства въ обѣихъ столицахъ, а наконецъ и простодушнаго предложенія, не угодно ли выкупить теперь плащъ свой—а перейдемъ къ главному: Ивановъ истязалъ и мучилъ бѣднаго Евсея до того, что этотъ, сколько ни отмалчивался, какъ ни отнѣкивался, а, наконецъ, высказалъ ему таки, что ѣдетъ въ Москву, отыскивать Голубцову.

«Голубцову? спросилъ Ивановъ; помилуй, братецъ, да она ужъ Богъ вѣсть гдѣ: она теперь уже въ Крыму».

Лировъ за словомъ отворотился отъ пріятеля своего и замолчалъ, но тотъ преслѣдовалъ его сыщикомъ,

цѣплялся за него репейникомъ, увивался около него вьюномъ. «Да какъ ее зовутъ, Голубцову твою?—спросилъ онъ, наконецъ, повторилъ вопросъ свой сто разъ, не отвязывался, не отставалъ, такъ что Евсею уже ничего не оставалось, какъ отвѣчать, что ее зовутъ Марьей Ивановной.

«Ну такъ и есть: чему же ты дивишься тутъ, я не понимаю, продолжалъ Ивановъ, коли я тебѣ говорю навѣрное, что Марья Ивановна Голубцова уѣхала съ дочерьми своими въ Крымъ?»

— Да помилуй, братецъ, она только-что пріѣхала изъ Петербурга, можетъ быть вчера, не прежде!—

«Ну да, знаю, и прямо проѣхала въ Крымъ. Чему же тутъ дивиться? Да коли не вѣришь и коли обстоятельство это для тебя важной относительности, такъ спроси поди вотъ у моего камеръ-юнкера, съ которымъ я поѣхалъ по пути; онъ знаетъ ее и знаетъ, что она уѣхала въ Крымъ».

Обстоятельство это было для Лирова точно важной относительности, говоря языкомъ Иванова; и Евсей рѣшился узнать лично отъ камеръ-юнкера, не вретъ-ли попутчикъ его. «Какая Голубцова? спросилъ тотъ, я, сколько помню, не знаю и не знавалъ ни одной». Ивановъ подскочилъ, сорвалъ съ головы кожаный картузъ свой и пояснилъ: «та самая, ваше высокородіе, что еще на Ѳоминой недѣлѣ пріѣзжала просить, чтобы выхлопотать наскоро отпускъ племяннику, который служилъ у Ивана Петровича — изволите припомнить, въ черномъ платьѣ — я на ту пору случился у вашего высокородія съ извѣщеніемъ объ отбытіи дилижанса».

— А, помню, сказалъ камеръ-юнкеръ, да, я только не зналъ, какъ ее зовутъ. Да, она и просила объ отпускѣ племянника въ Крымъ. Помню.

«Коли такъ, подумалъ Лировъ, отступая почти-

тельно и повиснувъ карманомъ своимъ на дверной ручкѣ или на ключѣ,—коли такъ, то видно я до чего-нибудь доѣздился, какъ пророчилъ мнѣ Власовъ. И на силу распутавъ карманъ свой, насмѣшилъ камеръ-юнкера, и пошелъ себѣ опять думать. Ему и въ голову не пришло спросить камеръ-юнкера, когда именно женщина въ черномъ платьѣ уѣхала съ племянникомъ своимъ въ Крымъ; Евсей услышалъ-бы, что этому уже три или четыре недѣли, а слѣдовательно Ивановъ вретъ начисто; но Евсея вѣсть эта такъ озадачила, что онъ пошелъ ходить и думать обо всемъ на свѣтѣ, только не о дѣлѣ. Судьба, подумалъ онъ, это одно пустое слово. Что такое судьба? Въ звѣринцѣ этомъ, на землѣ, все предварительно устроено и приспособлено для содержанія нашего; потомъ мы пущены туда и всякій бредетъ, куда глаза глядятъ и всякій городитъ и пригораживаетъ свои избы, палаты, чердаки и землянки, капканы, ловушки, верши и учуги, роетъ ямки, плететъ плетни, гдѣ кому и какъ вздумается. Кто куда забредетъ, тотъ туда и попадетъ. Міръ нашъ—часы, мельница, пожалуй паровая машина, которая пущена въ ходъ и идетъ себѣ своимъ чередомъ, своимъ порядкомъ, не думаетъ, не гадаетъ, не соображаетъ, не относитъ дѣйствій своихъ къ людямъ и животнымъ, а дѣлаетъ свое; хоть попадайся ей подъ колесы и полозья, хоть нѣтъ; а кто сдуру подскочилъ подъ коромысло, того тяпъ по головѣ, и духъ вонъ. Коромысло этому невиновато, у него ни ума, ни глазъ; оно ходило и ходитъ взадъ и впередъ, прежде и послѣ, и ему нѣтъ нужды ни до живыхъ, ни до убитаго. Не для меня опредѣляла контора дилижансовъ выжимки эти, Иванова, въ проводники; не для меня его и протурила, чтобы онъ встрѣтился опять со мною въ службѣ камеръ-юнкера; не для меня Оборотневъ оставилъ порожнее мѣсто въ дилижансѣ своемъ, а я его занялъ самъ; я

влѣзъ въ галиматью эту, проторилъ себѣ туда колею, и покуда не выбьюсь изъ нея, не кинусь въ сторону, вся бѣда эта будетъ ходить по мнѣ; отойди я, и все это пойдетъ тѣмъ же чередомъ и порядочкомъ, да только не по моей головѣ. Поэтому судьба пустое слово; моя свободная воля идти туда, сюда, куда хочу, и соображать и оглядываться, чтобы не подставлять затылка коромыслу.

«А если и коромысло и вся махина — невидимка, подумалъ про себя Лировъ, такъ что мнѣ тогда въ свободной волѣ моей и въ хваленомъ разумѣ, коли у меня звѣзды-путеводительницы нѣтъ, и я иду на-угадъ? А если сверхъ этого, при всемъ посильномъ стараніи и отчаянномъ рвеніи моемъ, куда бы я ни кинулся, всегда попадаю на шестерню, на маховое колесо, подъ рычагъ, на запоры и затворы или волчьи ямы? Тогда что, тогда какъ прикажете назвать причину неудачъ моихъ и плачевной моей доли»?

«Я просто бѣдовикъ; толкуй всякъ слово это, какъ хочетъ и можетъ, а я его понимаю. И какъ не понимать, коли оно изобрѣтено мною, и повидимому для меня? Да, этимъ словомъ, могу сказать, обогатилъ я русскій языкъ, истолковавъ на дѣлѣ и самое значеніе его!»

Евсей все думалъ, и все-таки опять не могъ понять, какъ онъ просидѣлъ ночь напролетъ рядомъ съ головкой въ кіотѣ, въ одной каретѣ съ Марьей Ивановной и—и—и только. Но головка эта не давала ему покою: забывшись, онъ нѣсколько разъ обмахивался рукой и наконецъ проговорилъ въ совершенномъ отчаяньѣ: да отвяжись, несносная! Но она, видно, отбилась вовсе отъ рукъ и не думала слушаться его и Лировъ прибѣгнулъ къ крайнему въ такихъ случаяхъ, у него по крайней мѣрѣ, средству. Онъ принялся записывать какія-то отмѣтки на лоскуткѣ; потомъ всталъ,

вышелъ, завернулъ въ бумажку этотъ камешекъ и закинулъ какъ можно дальше, черезъ тынъ. Хорошо, что никто продѣлки этой не видалъ: камешекъ угодилъ въ окно сосѣдней избы и расшибъ его въ дребезги. Когда стекло брякнуло, то Лировъ, при всей честности своей, ушелъ безъ оглядки въ комнату, потому-что ему и заплатить за окно было теперь нечѣмъ.

Надобно пояснить эту загадочную продѣлку: она, извольте видѣть, принадлежала къ одному разряду съ ворожбою на лучинѣ. Если Лировъ хотѣлъ окончательно и положительно рѣшиться на важное для него дѣло, если онъ хотѣлъ, чтобы дѣло это было кончено и рѣшено безъ всякихъ оглядокъ, рѣшительно и положительно, то онъ бралъ прутикъ, лучинку, щепку, и, вообразивъ себѣ, что передъ нимъ, въ видѣ лучинки этой, лежитъ нерѣшенное дѣло, вдругъ, съ усильнымъ напряженіемъ, ломалъ ее, или, еще лучше, рубилъ ее пополамъ; тогда, глядя на обломки или обрубки, онъ убѣждалъ самого себя, что измѣнить рѣшенія уже невозможно, передѣлать дѣла нельзя, также точно, какъ никоимъ образомъ нельзя уже обратить въ первобытное состояніе расколотую щепку. Прибѣгнувъ къ этому крайнему средству, Евсей уже былъ непоколебимъ и даже многосильное: «пустяки, сударь» Корнея Горюнова произносилось безуспѣшно. Если же у Лирова что-нибудь лежало слишкомъ тяжело на сердцѣ, удручало и мучило его, не давало ему покою, тогда онъ писалъ бѣду и горе свое загадочными словами на тоскуткѣ бумажки и, собравшись съ духомъ, напрягая воображеніе свое самымъ усильнымъ образомъ, бросалъ бумажку въ огонь или закидывалъ такъ, чтобы ее уже болѣе не видать. Это, по основанному на опытѣ убѣжденію, помогало; Евсей воображалъ, что скинулъ ношу свою съ плечь, что закинулъ ее и уничтожилъ. Что же наконецъ до разбитаго окна, то это уже об

стоятельство случайное, не входившее вовсе въ предначертаніе кабалистики Лирова.

Камень съ запиской надѣлалъ однакоже въ избенкѣ много тревоги, даже независимо отъ разбитаго окна: смотрителю принесли бумажку и просили прочитать; этотъ съ величайшимъ трудомъ разобралъ:

«Головка твоя съ плечъ моихъ, аминь»; потомъ еще нѣсколько таинственныхъ знаковъ — и только. Бабы побѣжали за какимъ-то знахаремъ, который отчитывалъ порчу, потому что въ этомъ только смыслѣ могли понять содержаніе записки. Легко вообразить, въ какомъ страхѣ сидѣлъ и вертѣлся и прохаживался бѣднякъ Евсей, покуда все это кончилось и успокоилось и никто его не видалъ и не видалъ—не заподозрѣлъ и не подозрѣвалъ. Итакъ, Евсей попалъ въ кудесники; не даромъ по крайней мѣрѣ онъ поворожилъ!

ГЛАВА X.

ЕВСЕЙ СТАХѢЕВИЧЪ, ВЪ ОЖИДАНІИ БУДУЩИХЪ БЛАГЪ, СИДИТЪ НА ОДНОМЪ МѢСТѢ.

«У татарина, что у собаки, души нѣтъ, а одинъ только паръ,» говорилъ Корней Горюновъ, разсуждая съ кѣмъ-то, и Евсей, пустившійся, какъ мы видѣли, отъ нечего дѣлать въ размышленія и разсужденія, сталъ разбирать, самъ про себя, что такое душа? Онъ былъ уже очень близокъ къ окончательному выводу, когда Власовъ задалъ ямщикамъ другую загадку: «десять плечъ, пять головъ, а четыре души; десять рукъ десять ногъ, сто пальцевъ, а ходитъ лежа, на восьми ногахъ; пойдетъ самъ-пятъ, воротится самъ-четвертъ: что за звѣрь?» Загадка эта мучила и пилила Евсея такъ, что онъ на время забылъ даже неотвязчивую

головку, которую закинулъ въ окна сосѣда, забылъ все, бился и маялся, но не хотѣлъ спросить объясненія у Корнея, который сказалъ-бы ему, что это покойникъ, котораго несутъ вчетверомъ въ могилу. Въ такомъ положеніи мы можемъ на время оставить Евсея, потому что думы Стахѣевича бываютъ иногда довольно плодовиты—а дожидаться конца ихъ долгонько; итакъ, отправимся на часъ мѣста въ Малиновъ. Я, признаться, нарочно заставилъ Корнея задать барину сперва вопросъ душесловный, а потомъ загадку: читатели увидѣли изъ этого, какъ легко Евсей нашъ уносился думою своею въ любую сторону и какъ упорно увязывался за всякимъ предметомъ, за которымъ пускалось уносчивое воображеніе его.

И въ самомъ дѣлѣ! Что дѣлаютъ между тѣмъ Малиновцы наши и каково-то они поживаютъ?

Все слава Богу; а происшествія были тѣмъ временемъ въ Малиновѣ разныя — чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Вопервыхъ, тотъ самый коллежскій ассесоръ, котораго Лировъ называлъ лошадью, отправился намедни куда-то, гдѣ продавались оставшіяся послѣ умершаго вещи съ молотка. У лошади этой была похвальная, но не всегда умѣстная привычка, походя спать; онъ весьма нерѣдко засыпалъ, сидя гдѣ нибудь на стулѣ, или прислонившись къ стѣнкѣ, къ печи То же самое случилось и здѣсь; а когда стукнули въ послѣдній разъ молоткомъ, продажа кончилась, всѣ начали шаркать, шумѣть и расходиться, тогда Иванъ Ѳомичъ проснулся и спросилъ поспѣшно: «а что я выигралъ»? Онъ думалъ спросонья, что пришелъ на лоттерею.

Вовторыхъ, въ Малиновѣ было подано явочное прошеніе о бѣжавшемъ, гдѣ было сказано: «Въ каковой день означенный Колесниковъ самопроизвольно и неизвѣстно отлучился, не учиня впрочемъ ничего про-

тивозаконнаго: кромѣ того, что на немъ былъ поддѣвокъ сѣраго сукна, шаровары полосатые, да сапоги выворотные». А Жировскій городничій, вслѣдствіе требованія губернскаго статистическаго комитета, отношеніемъ своимъ увѣдомлялъ, что по графѣ *нравственность*, въ статистическихъ таблицахъ, сдѣлано надлежащее распоряженіе, а именно: «какъ оной нравственности въ городѣ не оказалось, то и отнесенось къ исправнику, не окажется-ли таковой въ уѣздѣ.» Отношеніе городничаго было принято комитетомъ къ *свѣдѣнію*.

Въ третьихъ, съ Онуфріемъ Парфентьевичемъ, о которомъ Лировъ говорилъ, что онъ похожъ тѣломъ и душею на вола, сыграли шутку. У Онуфрія былъ старый сѣраго сукна сюртукъ, лѣтъ десять знакомый всѣмъ жителямъ Малинова. Сюртукъ этотъ, по случаю нездоровья Онуфрія Парфентьевича, провисѣлъ съ недѣлю на вѣшалкѣ. У Онуфрія былъ еще, кромѣ этого, какой-то племянничекъ, недавно прибывшій въ Малиновъ на попеченіе старика, вольношатающійся изъ дворянъ. Этотъ повѣса, воспользовавшись отдыхомъ сюртука, намочилъ ему воротникъ хорошенько водою, посѣялъ кресъ и поливалъ его очень прилежно два раза въ день. Разумѣется, что кресъ взошелъ, выросъ, и въ Малиновѣ разсказывали, будто Онуфрій Парфентьевичъ, со-слѣпу, не разглядѣлъ этого обстоятельства и явился въ присутствіе съ кресовымъ воротникомъ.

Затѣмъ соображенія мои и догадки повивальной бабки насъ не обманули; дѣло относительно извѣстнаго читателю хлѣбника или булочника пошло очень удачно, и у Перепетуи Эльпидировны былъ по этому случаю выходъ, гдѣ всѣ поздравляли ее съ вожделѣннымъ успѣхомъ и многіе увѣряли и божились, что посылаютъ за сухарями всегда къ ея только хлѣбопеку; почтмей-

стершѣ также досталось порядкомъ за измятую наколку вице-губернаторши, тѣмъ болѣе, что торги на поставку вина были уже кончены, а наколка при этомъ вовсе упущена изъ виду. Замѣтимъ мимоходомъ, что вице-губернаторша всѣ наряды свои выписывала изъ Петербурга, потому-что въ Москвѣ господствуетъ какая-то пестрота и безвкусица. За это вице-губернаторша была рѣшительно первая барыня въ Малиновѣ.

Далѣе: полиціймейстерша дѣйствительно разошлась съ супругою перваго члена межевой конторы; это было на гуляньѣ, подъ Каменной горой: полиціймейстерша пошла въ одну сторону, а супруга перваго члена въ другую. Болѣе онѣ не встрѣчались, потому что полиціймейстерша наказала строго дочери своей, Оленькѣ, чтобы она быстрыми глазенками своими слѣдила неотступно супругу перваго члена, во все гуляньe, и на другое и на третіе воскресеніе то же, и давала-бы знать матери, если непріятельница угрожаетъ съ которой нибудь стороны фланговымъ движеніемъ или нападеніемъ въ тылъ. Между тѣмъ, однакоже, губернаторша, предвидя грозу, сказала шутя полиціймейстеру: «Смотрите, Иванъ Осиповичъ, чтобы у васъ на гуляньѣ сегодня не вспыхнулъ пожаръ». Иванъ Осиповичъ, вскочивъ съ мѣста, вытянулся въ струнку, и спросилъ, не призадумавшись: «а не прикажете-ли, ваше превосходительство, привести пожарныя трубы»? и вслѣдствіе отвѣта разсмѣявшейся губернаторши: «о, это конечно было-бы гораздо безопаснѣе» — Малиновскія пожарныя трубы стояли смиренно, поникнувъ хоботомъ, на гуляньѣ подъ Каменной горой и ожидали пожару. Это крайне забавляло и утѣшало гуляющихъ; всѣ подходили поочередно смотрѣть и удостовѣриться собственными глазами, въ самомъ-ли дѣлѣ Иванъ Осиповичъ привезъ, въ ожиданіи пожара, трубы свои на гуляньe; было много хохоту и смѣху, и всѣ потѣша-

лись исправностію своего городничаго. Какъ бы то ни было, а трубы эти дѣйствительно предохранили вспышку и взрывъ между двумя озлобленными непріятельницами: до обѣихъ дошла стороною вѣсть о назначеніи пожарной команды; и обѣ, будто условились, кончили, какъ мы видѣли, тѣмъ, что разошлись въ разныя стороны. Говорятъ даже, будто полиціймейстерша прогнала было въ городъ брантмейстера, но Иванъ Осиповичъ, выѣзжая изъ городу верхомъ, встрѣтилъ его, воротилъ, и самъ въ полномъ парадѣ привелъ на гулянье. Говорятъ также, что у Ивана Осиповича пожарная команда въ самомъ дѣлѣ въ отличномъ состояніи, но что удачное ея употребленіе обыкновенно бываетъ, какъ и на сей разъ, дѣло слѣпаго случая.

Между тѣмъ, часу въ седьмомъ вечера, въ воскресенье-жь, на вечернемъ толчкѣ, на Малиновскомъ рынкѣ, толпилось довольно народу; кто покупалъ, кто только прицѣнялся, кто продавалъ, а кто просто толкался, потому что вечерній базаръ или толчокъ, этотъ настоящій, коренной источникъ всѣхъ новостей и слуховъ, составляетъ любимое гулянье значительной части Малиновскаго народонаселенія. Если, напримѣръ, губернаторъ думалъ ѣхать по губерніи, то на Малиновскомъ рынкѣ знали это уже тремя сутками ранѣе, чѣмъ въ губернскомъ правленіи. Этого мало: на рынкѣ знали иногда такія вещи, которыя происходили наканунѣ за 500 или 1000 верстъ; такъ, напримѣръ, увѣряютъ положительно, что вѣсть о петербургскомъ наводненіи въ 1826-мъ году разнеслась по Малиновскому толчку, а потомъ и по цѣлому городу, на другой же день, ввечеру. Какимъ образомъ это дѣлается — объяснить не умѣю.

Итакъ, на вечернемъ толчкѣ въ Малиновѣ, стояла, словно долбленный рѣзной истуканъ, торговка, обвѣшенная съ ногъ до головы всякими проказами. На головѣ

офицерская шляпа, на ней чепецъ, къ нему приколоты съ боковъ ленты, перчатки, косынки, на плечахъ валеные чулки и носки; въ рукахъ канарейка въ клѣткѣ, изломанные счеты, Антенорово путешествіе, вторая часть, а за плечами—знаменитыя картины изъ романа «Павелъ и Виргинія», четыре времени года, четыре возраста въ лицахъ, Малекъ-адель; черезъ руки перекинуты платья, истасканные большіе платки, до которыхъ Малиновскія барышни, извините за отступленіе, большія охотницы, потому-что подъ большимъ платкомъ не нужно застегивать платья;—словомъ, на торговкѣ этой было все, какъ на украинской ярмаркѣ Грицька Основьяненка, даже охотничья сумка черезъ плечо, и въ сѣткѣ пѣнковая трубка и старый шандалъ.

Торговка эта стояла словно чучело и смиренно позволяла каждому прохожему перелистывать и разбирать разнородный товаръ свой, какъ подошла къ ней пожилая женщина въ довольно поношенномъ шелковомъ платьѣ, въ вишневыхъ атласныхъ башмакахъ, въ простой бумажной большой косынкѣ и въ нарядномъ чепцѣ, на которомъ широкія и плотныя ленты явно изобличали подарокъ вице-губернаторши: покрайности знатокъ замѣтилъ-бы, что ленты были не московскія. Женщина эта поздоровалась съ торговкой, назвала ее по имени и отчеству, разсматривала, такъ изъ любопытства, товаръ ея и разспрашивала о новостяхъ. Судя по продолжительному разговору и по выраженію бездушнаго лица, она забранными вѣстями и справками осталась довольна. Простившись съ торговкой, подняла она неказистую голову свою, начала оглядываться кругомъ и, увидавъ въ крытыхъ дрожкахъ Перепетую Эльпидифоровну, которая, собираясь на гулянье, заѣхала сюда посмотрѣть, какъ идетъ пшеница ея,—женщина въ атласныхъ башмакахъ и въ чепцѣ вице-губернаторши стала кивать Мукомоловой привѣтливо головой, назвала

ее по имени, протолкалась къ ней, низко поклонилась у приступка дрожекъ и, нагнувшись на ней, стала что-то разсказывать. Дѣло показалось Мукомоловой такъ любопытно, что она пригласила вѣстовщицу къ себѣ на дрожки, приказала кучеру ѣхать шагомъ, и на всю дорогу, до самаго жилища сопутницы своей, переговаривалась съ нею чрезвычайно дѣльно и прилежно. У низенькой лачужки дрожки остановились, одна вышла, а другая, раскланиваясь съ нею, говорила:

«Ну, спасибо вамъ, спасибо, Афимья Спиридоновна. Да что это вы, право, какія спѣсивыя, никогда не зайдете! ну хорошо, что я встрѣтила васъ теперь; а не попадись я вамъ вѣдь вы бы и не подумали зайти да подѣлиться новостями, и весь городъ узналъ-бы прежде меня. Хоть пришлите, я давно призапасла для васъ мѣрочку пеклеванной муки!» И съ тѣмъ, принявъ поклоны и благодарность записной наушницы и вѣстовщицы, которая извинялась тѣмъ, что всякому-де хочется послушать новостей, не всегда успѣешь зайти, куда бы и хотѣлось, — Мукомолова отправилась на гулянье подъ Каменную гору.

Запоздавъ немного, Перепетуя Эльпидифоровна прибыла на мѣсто въ самое то время, когда губернаторъ сказалъ громко, оборотясь къ полиціймейстеру: «Какой вы всегда вздоръ дѣлаете, Иванъ Осиповичъ, такъ ужъ это право ни на что не похоже! Не повѣрите, какъ вы надоѣли мнѣ своею исправностію. Отпустите сейчасъ домой пожарную команду.» Иванъ Осиповичъ отвѣчалъ: слушаю-съ; прокомандовалъ звучно и громко: садись, шагомъ-маршъ — и брантмейстеръ, который состоялъ у Ивана Осиповича на правахъ эскадроннаго командира, отправился обратно въ городъ. «Видишь-ли, что я права, сказала полиціймейстерша супругу своему, и что ты всегда вздоръ дѣлаешь?» Иванъ Оси-

повичъ только прокашлялся, и сдѣлалъ движеніе, будто поправился въ сѣдлѣ, хотя шелъ рядомъ съ супругою своею пѣшкомъ.

Перепетуя Эльпидифоровна, встрѣтивъ мужа, погладила его по щекѣ, взяла подъ руку и принялась ему разсказывать. Онъ было захохоталъ во все горло, не сталъ вѣрить, но она побожилась, какъ Корней Власовъ, три раза сряду, и Мукомоловъ, переставъ смѣяться, подобралъ брылѣ, скорчилъ дѣловую рожу и пригнулъ голову на бокъ. Затѣмъ супруги разошлись, онъ пошелъ къ своимъ, она къ своимъ, и оба начали передавать вѣсть по принадлежности. Можетъ быть, вѣсть эта и долго еще не дошла-бы до насъ, потому что Перепетуя Эльпидифоровна говорила все только шопотомъ, каждой барынѣ поодиначкѣ, часто даже на ухо; но Мукомоловъ не любилъ тратить словъ и времени по пустому, онъ зналъ одну только тайну и держалъ ее крѣпко, а именно: когда, кому и сколько и по какимъ процентамъ отдано было имъ денегъ. Все остальное говорилъ онъ вслухъ. Встрѣтясь съ нѣсколькими мужчинами, проревѣлъ онъ зычнымъ голосомъ: «Господа, поздравляю! Лировъ женится на Мелашѣ Голубцовой, и ѣдетъ назадъ, въ Малиновъ!» Затѣмъ слѣдовало удивленіе, хохотъ, споры, подробности, доказательства, опроверженія: одинъ вѣрилъ другой не вѣрилъ, третій зналъ это напередъ, и вскорѣ подъ Каменной горой ни о чемъ болѣе не говорили, какъ о свадьбѣ Лирова съ Мелашей Голубцовой. Всякій судилъ, рядилъ, поздравлялъ, утѣшалъ и утѣшался, кто какъ могъ и умѣлъ.

Здѣсь остается еще пояснить, какое лицо или существо была женщина въ атласныхъ башмакахъ и бумажномъ платкѣ. Это, извольте видѣть, особенное сословіе малиновскихъ жительницъ, необходимое и полезное, какъ мха и рожки и сытовая роса для урожая,

какъ червоточина въ яблокѣ. Это собственно такъ называемыя *вдовушки*, а иногда онѣ называютъ себя также *сиротами*; это вдовы бывшихъ чиновниковъ, женщины, принадлежавшія когда-то болѣе или менѣе къ свѣту, но утратившія вмѣстѣ съ мужемъ и доходное мѣсто, и честь, и славу, и вѣсъ, и значеніе. Онѣ теперь стараются быть *вхожими* кой-въ-какіе дома, чтобы сказать: была я у такой-то, пила чай у такой-то, и пріобрѣтать, посильными трудами, подмогу бѣдности своей и подпору сиротству. Для этого имъ открыта вѣрная дорога: ходить изъ дома въ домъ и разносить вѣсти. Откуда вѣсти эти берутся—иногда право трудно разгадать; такъ, напримѣръ, спрашиваю васъ, откуда могло взяться извѣстіе о возвращеніи Лирова и о свадьбѣ его съ Голубцовой? Вы скажете, вѣроятно торговка слышала и передала слухи и толки эти Мукомоловой, — очень хорошо; но я спрашиваю, откуда взяла ихъ торговка? Чудное дѣло, ей-богу чудное! Отыщемъ поскорѣе своего Евсея, и убѣдимся, что на этотъ разъ малиновскія вѣстовщицы превзошли сами себя до нельзя; онѣ оставили далеко за собою всѣхъ исповидящихъ цѣлаго міра, и Брюсовъ столѣтній календарь имъ въ подметки не годится.

ГЛАВА XI.

КОРНЕЙ ГОРЮНОВЪ НЕ СОГЛАСЕНЪ ЖЕНИТЬСЯ.

И въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ да поглядимъ, что дѣлаетъ теперь Евсей Стахѣевичъ: если гдѣ-нибудь можно добиться толку, распутать и размотать слышанныя нами объ немъ въ Малиновѣ новости, то вѣроятно у него самого; надобно по крайней мѣрѣ полагать, что

дѣлу безъ него не обойтись и что онъ знаетъ объ этомъ, если не болѣе, то покрайности и не менѣе Малиновской торговки, вдовушки или сироты и даже самой Перепетуи Эльпидифоровны.

Ну, а что же вы скажете, почтенные читатели, если я вамъ докажу на дѣлѣ, что Евсею Стахѣевичу вовсе ничего объ этомъ неизвѣстно и что малиновцы наши, которые, говоря вообще, гораздо болѣе подходятъ къ породѣ лягавыхъ, нежели борзыхъ, потому что чуютъ верхнимъ чутьемъ, — что малиновцы наши дѣла этого рода знаютъ гораздо и весьма заблаговременно и всегда прежде тѣхъ, до коихъ они непосредственно относятся.

Итакъ, отправляемся изъ-подъ Каменной горы, изъ Малинова, прямо въ Клинъ и навѣщаемъ Евсея въ ту самую минуту, когда Мукомоловъ, на вечернемъ воскресномъ гуляньѣ, побѣдоноснымъ голосомъ перваго вѣстовщика восклицаетъ: «поздравляю, господа: Лировъ женится на Мелашѣ Голубцовой и ѣдетъ обратно въ Малиновъ!»

Мы въ это мгновеніе застаемъ Лирова все въ той же гостиницѣ и въ той же комнатѣ; онъ расхаживаетъ себѣ взадъ и впередъ и разсуждаетъ про-себя, проговариваясь иногда вслухъ: «Чудное дѣло! не могу опомниться, не могу очнуться! кажется, я все еще дремлю въ потьмахъ, въ роковомъ дилижансѣ, и вижу передъ собою то, что видѣлъ тогда и чего увидать никогда болѣе не чаялъ; надобно же, чтобы я метался, какъ безумный, взадъ и впередъ по Московской дорогѣ, чтобы покинулъ невзначай благодѣтеля своего, чтобы избоина эта, Ивановъ, меня обманулъ, увѣривъ, что она уѣхала въ Крымъ — и все это, и сотня другихъ нежданныхъ, маловажныхъ и бездѣльныхъ случайностей сошлись и столкнулись надъ бѣдной моей головой, и чтобы изъ этого всего вышло и составилось событіе—

да, событіе; въ тѣсномъ кругу жизни моей, это событіе, не менѣе важное, какъ потопъ и столпотвореніе для всемірной исторіи. Гонимый судьбою, сидя въ крайнемъ бѣдствіи и самомъ отчаянномъ положеніи здѣсь въ Клинѣ, вдругъ встрѣчаю я боготворимую Марью Ивановну...» Тутъ мечты стали играть въ головѣ Лирова такъ несвязно, уносчиво и съ такимъ отсутствіемъ всякой логики и послѣдовательности, что уловить и изложить ихъ не беремся. Евсей кинулся въ изнеможеніи на извѣстный намъ кожаный диванъ и закрылъ глаза рукою.

Корней Горюновъ входитъ, покашливаетъ, поглядываетъ, переступаетъ, какъ сторожевой журавль, съ ноги на ногу и говоритъ почесываясь: «А что, сударь, Евсей Стахѣевичъ, чай, что-нибудь да дѣлать надо; такъ не сидѣть же!»

Лировъ. Покуда само дѣлается, такъ не надо.

Корней. Пожалуй, дѣлается! Вотъ у насъ былъ одинъ такой въ полку: бывало загуляетъ, такъ пошелъ да пошелъ—и пропьетъ съ себя все, до рубашки; такъ будто это и хорошо?

Лировъ. Задача, Корней Власовичъ,—дай подумать! Ну что же, ты боишься, чтобы и я не сталъ пить? Не бось, не стану!

Корней. Нѣтъ, сударь, Богъ миловалъ покуда, что впередъ будетъ; а я, сударь, говорю только, что служилъ я Богу и великому Государю 25 лѣтъ вѣрой и правдой, и родясь начальства не обманывалъ; а это что такое, сударь, что вы дѣлаете, этого не видалъ и старикъ нигдѣ! Выѣхали на большую дорогу, да гонимся, прости Господи, не знать за чѣмъ; и деньги всѣ проѣздили, и пѣшкомъ всю дорогу исходили, да и сѣли и сидимъ теперь, да такъ видно, и будемъ сидѣть сиднемъ сидячимъ?

Лировъ. Коли сидѣть не будетъ намъ хуже нынѣш-

няго, такъ на что же и куда ѣхать, Корней? Дай Богъ посидѣть этакъ всякому!

Корней. Дай Богъ, сударь, сидѣть этакъ туркѣ да французу, да еще кто похуже того, а не намъ! Это, стало быть, ужь я знаю, Евсей Стахѣевичъ, стало быть, хотите жениться, да только все это пустяки, ей богу пустяки!

Лировъ. Это ты откуда взялъ? Къ какой стати приплелъ ты тутъ женитьбу?—И за словомъ Евсей нашъ расхохотался.

Корней. Да ужь извѣстно, коли изволите говорить, что хорошо сидѣть этакъ, такъ хорошо вамъ, стало быть, подлѣ барыни; а пустяки это, сударь, все. Деньги прогуляли, ни Питера, ни Москвы въ глаза не видали, зачѣмъ поѣхали, позабыли—скоро, сударь, вѣдь и моихъ не станетъ — тогда что будемъ дѣлать? Я, сударь, не хочу попрекать васъ, избави меня Господь; мнѣ старику могила, а не деньги; гдѣ лягу — все равно, ужь мнѣ родина не тамъ, гдѣ родился, а гдѣ закопаютъ меня старика; да тогда что дѣлать станемъ съ вами.... Я, сударь, сами изволите знать, взятъ на службу изъ Сибири, шестнадцати годовъ отъ роду; сказали тамъ: «нужды нѣтъ, что онъ не великъ, поколѣ дойдетъ до мѣста, такъ подростетъ». Покинулъ я молодую хозяйку, а дѣтей, признаться, еще не было. Прослужилъ я вѣрой и правдой 25 лѣтъ, только на послѣдніе четыре года, какъ уже поясница стала одолѣвать меня, пошелъ я въ деньщики къ маіору, да и то, сударь, плакалъ, какъ съ ружьемъ да съ сумой пришлось разставаться, на безвремяньи словно,—и они по мнѣ и я по нихъ соскучился; а дай Богъ здоровье маіору—и маіоръ добрый былъ мнѣ господинъ, и вѣрилъ завсегда, бывало: ужь знаетъ, что я его не обману. Вышла мнѣ и чистая, такъ и тутъ, видно, согрѣшилъ я предъ Богомъ и великимъ Государемъ, что

не пошелъ охотой на другой срокъ — и нашивку бъ дали, и таскалъ-бы ранецъ, поколѣ не задавилъ бы меня гдѣ нибудь; такъ ужь былъ-бы одинъ конецъ: а то одно то, что въ деньщикахъ ужь былъ, другое, что спина не служила, да и домой таки захотѣлось: все думается дома лучше. Ну что жь, пошелъ, сударь, и домой—и въ другой разъ состарился, поколѣ дошелъ; годъ безъ малаго плелся, да ужь своего гнѣзда не засталъ: словно та же чужбина; только что тошнѣй прежняго стало. Изба, сударь, ужь не на томъ мѣстѣ стояла, не то чтобы ворота не на тѣхъ вереяхъ ходили; да и шапку нашелъ я, послѣ своей, на нашести чужую; у хозяйки моей шестеро ребятъ, трое переросли уже меня, и въ казакахъ всѣ они, да такіе молодцы, одинъ урядникомъ; и службу какъ у нихъ хорошо знаютъ, и всѣ построенія—даже ѣздятъ, сударь, на мундштукахъ; это не то, напримѣръ, Сибирскіе казаки наши, что Донскіе; это все равно, что любой конноегерскій полкъ, только что народъ еще порасторопнѣе будетъ да удалѣе. Что жь, извѣстно бабье дѣло, хозяйка ревѣть да цѣловать, да въ ноги; запѣла во всю улицу: «ты ненаглядный мой; ты мой ясный соколъ»! что народъ со всего села сбѣжался — и все ужь казаки. И хозяинъ новый вышелъ, и фуражку снялъ, поклонился мнѣ, старику, и стоитъ, сердечный, призадумавшись, словно виноватый какой. А меня, вишь, давнымъ-давно въ покойники записали они: гдѣ дескать жить ему, давно убитъ, чай, гдѣ-нибудь — за поминъ души отслужили, да и дѣло въ шапкѣ. Завопила, сударь, хозяйка: «ты мой ясный соколъ, ненаглядный ты мой»; а я, подумавши, и говорю: «нѣтъ, хозяюшка, наглядись ты на ненагляднаго своего, коли такъ честишь, да не безчести поминомъ яснаго сокола: былъ таковъ, поколѣ калена стрѣла да нуля свинцовая не подшибли лесткомъ молодецкихъ — а быть, сударь,

я раненъ и стрѣлой, на Кавказѣ — да поколѣ долгая година да непогодица не обломала перья правильныя! Теперь сталъ я сова куцая, ощипанная и глядѣть тебѣ, хозяюшкѣ моей, не на что»! Такъ я словно на побывку пришелъ, пожилъ съ недѣлю, да отдохнулъ, и внука еще крестилъ у втораго пасынка своего, у урядника, и крестъ тѣльной ему подарилъ, съ себя снявъ, который всю службу со мной служилъ и въ пятидесяти сраженіяхъ бывалъ и боронилъ меня отъ смерти, хоть и раненъ былъ я разъ шесть; такъ тутъ ужь и старики всѣ говорили, что будетъ-де крестникъ удалой казакъ, станетъ бить и киргизцовъ и куканцевъ. А самъ я, перекрестясь, и поѣхалъ оттуда назадъ въ Россію, съ бариномъ, который въ Сибирь нашу за чиномъ ѣздилъ да отправляйся опять въ Москву. Такъ вотъ, сударь, что проку жениться-то? Ничего нѣтъ толку, одни только пустяки; только что грѣха, можетъ статься, на душу возьмешь и другаго на грѣхъ наведешь; а что проку?

Лировъ преспокойно выслушалъ старика своего до конца, чтобы увидѣть, чѣмъ все это кончится и куда его занесетъ; но потомъ спросилъ, привставъ съ дивана: «Да кто же тебя настроилъ, старикъ, и откуда ты взялъ вѣсти свои? Не говори ради Бога пустяковъ этихъ: вѣдь люди услышатъ, такъ подумаютъ, что тутъ есть какая-нибудь правда; откуда ты взялъ, что я сватаюсь»?

Власовъ. Да извѣстно, человѣкъ ищетъ гдѣ глубже... тово, гдѣ лучше, рыба гдѣ глубже; да только пустяки все это, сударь, ей-богу!

Лировъ. Да пустяки же и есть; и я тебѣ говорю, что пустяки, и ты говоришь, что пустяки, такъ о чемъ же мы толкуемъ?

Власовъ. Ну, пустяки, такъ пустяки; ихъ въ сторону. Такъ пожалуйте, сударь, проситъ васъ

къ себѣ барыня, Марья Ивановна, приходила отъ нея дѣвка.

Лировъ. Экой чудакъ ты, старый хрѣнъ, право, чудакъ! Что же ты мнѣ цѣлый часъ сказки сказывалъ, а не сказалъ, какъ вошелъ, что меня зовутъ?

— Да я только хотѣлъ, то есть, доложить вамъ напередъ,—переминался Горюновъ, чтобы не вышло, то есть, опосля какихъ пустяковъ...

Лировъ вскочилъ и вышелъ.

— Послушайте—встрѣтила его Марья Ивановна— я хочу просить васъ вотъ о чемъ: мы поѣдемъ вмѣстѣ съ вами до Твери; а тамъ, какъ вамъ нѣтъ никакой надобности ѣхать теперь же въ Москву, то вы и не откажетесь быть провожатымъ нашимъ до Малинова; не такъ ли?

Лировъ. Душою былъ бы радъ, матушка, еслибы я вамъ хоть на это пригодился, только...

Мар. Ив. Что только? — Нѣтъ, вы мнѣ въ этомъ не откажете. Дайте однакоже сказать вамъ еще другое слово — притворите-ка дверь, чтобы дѣти не слышали; мнѣ надо спросить васъ, не знаете-ли, откуда это вышло, будто вы сватаетесь на Мелашѣ?

Лировъ. Такъ и вы ужь объ этомъ слышали? Вы меня знаете, матушка, и повѣрите мнѣ, если я вамъ скажу, что сплётня эта меня за васъ очень огорчила, но что я знаю объ ней, вѣроятно, еще менѣе васъ; сейчасъ только старикъ мой разсказалъ мнѣ всѣ похожденія и приключенія свои, прежде чѣмъ позвалъ сюда, и вплелъ туда, Богъ знаетъ къ чему, предполагаемое имъ сватовство мое; болѣе я не знаю рѣшительно ничего. Я просилъ его убѣдительно не говорить такой вздоръ, но не могъ отъ него добиться—чьи это догадки и откуда онѣ взялись.

Мар. Ив. Ну, Богъ съ ними, оставимъ это; я только хотѣла высказать вамъ все, что у меня на душѣ. Слу-

шайте же, я вамъ открою настоящее мое положеніе и буду ожидать отъ васъ помощи.

«Михайло Степановичъ, которому мы, какъ опекуну, много обязаны, человѣкъ, для меня по крайней мѣрѣ, самый непонятный. Безъ всякаго дурнаго намѣренія вѣроятно, онъ сдѣлалъ меня и дѣтей мучениками своими и у меня уже недостаетъ болѣе ни силъ, ни терпѣнія. Самъ же онъ, видно, вовсе не понимаетъ, въ чемъ дѣло; его нельзя ни вразумить, ни убѣдить, ни умолить — онъ самъ оцѣняетъ услуги и одолженія свои и требуетъ за нихъ такую признательность, въ которой я должна была отказать ему на-отрѣзъ: счастіемъ дѣтей я жертвовать для него не могу. Онъ, какъ видно, давно уже рѣшилъ, что женится на Мелашѣ; онъ навѣщалъ дѣтей еще въ институтѣ, и къ несчастію, а можетъ быть и къ счастію, тамъ уже сдѣлалъ невыгодное на нихъ впечатлѣніе; онѣ объявили мнѣ объ этомъ съ самаго начала, принятымъ у нихъ довольно рѣшительнымъ выраженіемъ: «онъ такой злой, маменька, мы его презираемъ». Я пожурила ихъ за это, растолковала имъ, что, не зная его почти вовсе, имъ нейдетъ и осуждать его; что кромѣ того онъ у нихъ заступаетъ мѣсто отца. Мягкія сердца ихъ каялись уже въ слезахъ и почти собирались «обожать» Оборотнева, какъ этотъ, при нынѣшнихъ поѣздахъ своихъ съ нами изъ столицы въ столицу, гдѣ приводили мы въ порядокъ дѣла по опекунскимъ совѣтамъ, и въ другихъ мѣстахъ, самъ обращеніемъ своимъ все испортилъ и поставилъ меня въ самое затруднительное положеніе. Онъ, видите, такъ странно обходится съ ними, особенно съ Мелашей, что бѣдненькія стали вовсе втупикъ, не знаютъ что дѣлать и какъ показать ему свое дѣтское уваженіе и признательность; онѣ хотятъ видѣть въ немъ втораго отца, а онъ ухаживаетъ за ними, очень незастѣнчиво, женихомъ — и не

щадитъ при этомъ никого. Я говорила объ этомъ съ нимъ не разъ, но онъ меня не понимаетъ или не хочетъ понять, и продолжаетъ мучить безпощадно бѣдныхъ дѣвушекъ. Я давно видѣла, что онъ ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть парой для Мелаши, но не могла сказать ему это прямо, потому-что онъ доселѣ еще не сватался. Наконецъ, нынѣшнее утро, Богъ послалъ намъ васъ; я узнала въ васъ сына, а Оборотневъ—соперника. Да, соперника; не знаю какъ и почему, но онъ приступилъ, съ часъ тому, ко мнѣ съ изъясненіемъ, и былъ такъ неостороженъ, что даже началъ говорить объ этомъ при дѣтяхъ. Я выслала ихъ и принуждена была сказать ему, что вы, сколько мнѣ извѣстно, не угрожаете ему соперничествомъ своимъ, но что я доселѣ считала поведеніе его одною только загадочною шуткою; что я никогда не стану приневоливать дочери къ замужеству за немилаго, и что, даже и по моему мнѣнію, онъ — Мелашѣ, а она ему не пара. Благодарность благодарностью, но этого я на душу не возьму. Теперь бѣдненькія сидятъ и плачутъ, а Михайло Степановичъ вышелъ отъ меня очень недовольнымъ; мы сидимъ и ждемъ, сами не зная чего, тогда какъ намъ давно бы пора ѣхать. Вѣроятно, онъ охотно съ нами разстанется, и мы прибѣгаемъ подъ ваше покровительство; вы довезете насъ домой.

Лировъ, поперхнувшись слезой, долго глядѣлъ молча на Марью Ивановну, которая спросила его еще разъ: «такъ вы поѣдете съ нами? мы остаемся однѣ, и вы насъ не покинете!»

— Не покину, матушка, отвѣчалъ Лировъ, проснувшись, если вы этого хотите; но нехорошо дѣлаю, что не покидаю, нехорошо, что не покинулъ уже раньше, нехорошо даже, что встрѣтился съ вами!

— Я васъ *не понимаю*, отвѣчала Марья Ивановна,

глядя на Лирова. а это, вы знаете, рѣдко случалось; что это значитъ?

— Это значитъ вотъ что, матушка: я—отъявленный бѣдовикъ; со мною никому не будетъ ни добра, ни радости, ни счастья; мой цвѣточный путь—еще и не засѣянъ, я привыкъ ходить босикомъ по отцвѣтшимъ незабудкамъ, а это, какъ вы знаете, однѣ колючки. Я боюсь, не перенести бы мнѣ къ вамъ, въ семейство ваше, мою судьбу-гонительницу, — а это бы меня убило!

— Послушайте, сказала Марья Ивановна, я не видала васъ никогда еще столько малодушнымъ, хотя знала васъ, какъ мнѣ кажется, гораздо въ худшемъ положеніи, чѣмъ нынѣ. Я воображаемаго вами несчастья не боюсь: по крайней мѣрѣ, если оно суждено мнѣ, то конечно не отъ васъ. Первое свиданіе съ вами, кромѣ душевнаго удовольствія, доставляетъ мнѣ еще, въ крайне-непріятномъ положеніи моемъ, помощь и спасеніе; вы меня можете выручить теперь....

— О, не просите же меня такъ убѣдительно, матушка, отвѣчалъ быстро Лировъ; мнѣ совѣстно предъ вами и стыдно. Дѣлайте, что хотите, везите меня куда угодно: вашъ отвѣтъ, если... если...

— Что если? спросила Марья Ивановна, чтожь? вы покинули Малиновъ, гдѣ васъ знали, какъ хорошаго, честнаго и дѣльнаго человѣка; вы поѣхали Богъ знаетъ зачѣмъ, на чужбину, безъ средствъ, безъ пособій, даже безъ денегъ; можетъ быть, это и неблагоразумно, но я очень понимаю и уважаю чувство, которое васъ къ этому побудило; и бѣды тутъ впрочемъ еще нѣтъ никакой; вы немного узнали свѣтъ, а это было вамъ нужно. Теперь вы воротитесь въ Малиновъ для меня, и сообразите тамъ въ другой разъ, ѣхать ли вамъ опять за бѣдой, или оставаться тамъ, гдѣ васъ *знаютъ,* и потому вѣрно всегда дадутъ вамъ мѣсто.

Подумайте хорошенько, и вы согласитесь, что я говорю правду.

— Какъ всегда, матушка, такъ и теперь говорите вы совершенную правду, — сказалъ Лировъ, поцѣловавъ руку Марьи Ивановны;—я это вижу и понимаю; вижу также, что мнѣ нельзя не ѣхать съ вами; но, матушка, болѣе я не могу вамъ сказать ничего: я не могу еще опомниться, сердце у меня какъ-то сжимается, здѣсь въ горлѣ давитъ, промежъ глазъ, во лбу стучитъ—я чего-то боюсь, и очень боюсь—а самъ не знаю чего! Ѣду съ вами, ѣду; я вѣдь весь вашъ, давно уже сынъ вашъ, и Богъ мнѣ дастъ силу перенести все, не спотыкаясь, не обрушиваясь всею тяжестію этого бѣдоноснаго чела—ни на кого! О! отъ этого избави меня Боже и дай мнѣ силу и крѣпость.

Когда Лировъ, взволнованный темными, безотчетными чувствами, ушелъ, Марья Ивановна долго еще глядѣла молча за нимъ вслѣдъ, потомъ, вздохнувъ, подумала: «Добрая душа! я понимаю тебя, хотя и не смѣю тебѣ этого сказать. Нѣтъ, я этого не боюсь; я знаю тебя какъ сына и не пугаюсь тебя, чтобы изъ этого ни вышло. То, чего ты, изъ скромности и уничиженія, боишься — было бы, можетъ статься, утѣшеніемъ моимъ, еслибы было такъ угодно Богу; но я въ дѣло это не мѣшаюсь: матери дозволено только устранять Оборотневыхъ, а что дальше будетъ—власть Господня.

ГЛАВА XII.

ЕВСЕЙ СТАХѢЕВИЧЪ НАѢЗДИЛСЯ И ВОРОТИЛСЯ.

Итакъ, любезные читатели, мы видѣли, что дѣлалось въ одно и то же время, въ воскресенье вечеромъ, въ Малиновѣ и за 500 верстъ отъ него, въ Клинѣ;

спрашиваю еще разъ, какъ малиновскія вдовушки, торговки, или кто бы то ни былъ, могли знать то, что, какъ смѣтливые и прозорливые читатели мои, чай, догадываются, современемъ могло бы и случиться, но чего, покрайней мѣрѣ доселѣ, еще вовсе не было? Стало быть, малиновцы наши, какъ я вамъ и напередъ уже докладывалъ, были въ высшей степени одарены ясновидѣніемъ; стало быть, они видѣли и слышали изъ-подъ Каменной горы своей, или съ этого знаменитаго рынка, съ базару, все что дѣялось въ то же самое время въ Клинѣ и, какъ люди очень догадливые, вывели изъ этого свои заключенія; иначе я этого дива, ей-ей, истолковать не умѣю.

Марья Ивановна Голубцова была хозяйкой того самаго дома, о которомъ Лировъ вспоминалъ почасту во снѣ и на яву; онъ, если не ошибаемся, говорилъ какъ-то и въ разсказѣ нашемъ, что семейство, къ которомъ онъ было привязался какъ къ родному, давно уже оставило Малиновъ. Голубцова, овдовѣвъ, поѣхала въ Петербургъ за дочерьми, которыя были отданы уже прежде въ Патріотическій институтъ; она не располагала было вовсе воротиться въ Малиновъ, но, приведя дѣла свои, обще со звѣздистымъ опекуномъ, въ порядокъ, не успѣла однакоже продать выгодно Малиновское имѣніе свое, передумала и рѣшилась основаться снова жительствомъ въ томъ же губернскомъ городѣ.

Лировъ зналъ Мелашу и Любашу дѣтьми и нашивалъ ихъ на рукахъ; онъ былъ въ домѣ свой, и Голубцова, почти можно сказать, воспитала Лирова, покрайней мѣрѣ образовала, перевоспитала его, хотя онъ былъ и въ то время уже не ребенокъ, руководила занятіями его, снабжала книгами и выучила двумъ языкамъ. Она любила его какъ сына, и онъ не называлъ ее иначе, какъ матушкой. Лировъ былъ ей одной обя-

занъ образованіемъ своимъ и лучшими, утѣшительными минутами безотрадной жизни своей, которая, особенно въ первыхъ степеняхъ его служенія, была горька и тошна. Можете себѣ вообразить радость нашего бѣдовика, когда, во время отчаяннаго сидѣнія его въ Клинѣ, вдругъ прикатила изъ Москвы карета, изъ которой, въ глазахъ его, вышла Марья Ивановна съ дочерьми. Оборотневъ, котораго тревожилъ и безпокоилъ одинъ видъ незнакомаго ему вовсе Лирова, взглянулъ было на него черезъ плечо: Евсей стоялъ опять уже, какъ будто на него нашелъ столбнякъ, когда Марья Ивановна первая его узнала, и радостямъ не было конца. Оборотневъ, хотя и былъ только, какъ выражался смотритель въ Помераньѣ, высокородный бригадиръ, со звѣздой св. Станислава второй степени, не зналъ однако, куда дѣваться отъ глупой надутой спѣси, которая играла у него на лицѣ во всѣхъ жилкахъ, отзывалась во всѣхъ ухваткахъ, въ каждомъ словѣ, даже въ чиханьѣ и кашлѣ... У этихъ господъ на все свои особые пріемы. Оборотневъ о-сю пору былъ холостъ, потому-что выжидалъ съ благимъ терпѣніемъ извѣстное число чиновъ и крестовъ, чтобы уже выбрать невѣсту вполнѣ по желанію и вкусу, не стѣсняясь никакими условіями. Оборотневъ былъ совершенно убѣжденъ, что статскому совѣтнику благовидной наружности и важной осанки, да еще и со звѣздой, нѣтъ препоны, ни помѣхи, нѣтъ сопротивленія, ни отказу; всякая и каждая, вспыхнувъ ѳиміамомъ признательности и подъемля на неоцѣненнаго жениха взоры благодарности и умиленія, полетитъ съ отверстыми объятіями ему на встрѣчу; гдѣ честь, думалъ Михайло Степановичъ, тамъ и счастіе, а онъ въ завидной особѣ своей соединяетъ и то и другое. Между тѣмъ однако же *шпаковатость* — то есть скворцовая масть головы его, убѣдительно и настойчиво доклады-

зала, что пора приступить къ дѣлу. Богъ знаетъ съ чего и почему, выборъ Оборотнева палъ на Мелашу, съ покойнымъ отцомъ которой онъ былъ довольно коротокъ. Но какая-то грубость, смѣшная самонадѣянность, глупая спѣсь, не прикрытая даже и видомъ приличія, ограниченность ума и очень неловкое обращеніе, отклонили отъ него заблаговременно чувства Мелаши, которая *обожала* или *презирала* всегда вмѣстѣ съ цѣлымъ классомъ. Оборотневъ, при частыхъ посѣщеніяхъ своихъ, сдѣлалъ такое непріятное впечатленіе на робкіе дѣвственные умы или чувства, что было положено цѣлымъ классомъ *презирать* его, потому что онъ такой *недобрый*. И темное, безотчетное чувство, руководимое ни опытомъ жизни, ни навычною прозорливостію, отгадало истину; потому что безотчетная пріязнь и ненависть также имѣютъ свое значеніе.

Оборотневъ былъ, по завѣщанію Голубцова, опекунъ осиротѣвшаго семейства его, хлопоталъ теперь въ Москвѣ и въ Петербургѣ по разнымъ его дѣламъ; ѣздилъ, какъ мы видѣли, съ Марьею Ивановною взадъ и впередъ и старался при этомъ сблизиться съ Мелашей, которую называлъ уже, въ глаза и за глаза, невѣстой своей. Не смотря на своекорыстную цѣль этой услуги, онъ цѣнилъ ее однако же такъ высоко, что позволялъ себѣ быть противъ Голубцовой грубымъ, взыскательнымъ и повелительнымъ, чего, конечно, мало-мальски порядочный человѣкъ никогда бы себѣ не позволилъ. Мы уже видѣли, чѣмъ все это кончилось: затѣмъ его высокородіе надулся, уѣхалъ, почти не простившись съ Голубцовой, въ Петербургъ, а Лировъ отправился съ нею и съ дочерьми ея въ Малиновъ, чего бѣднякъ, не безъ причины можетъ быть, столько боялся.

Что сказать вамъ теперь о дѣвицахъ, о Мелашѣ и

Любашѣ Голубцовыхъ? Вѣроятно, вамъ случалось встрѣтить гдѣ-нибудь одно изъ этихъ милыхъ созданій, въ которыхъ, если говорить о каждой порознь, хотя и нѣтъ еще до времени души,—мы слѣдуемъ здѣсь душесловію Лирова—но которыя всѣ вмѣстѣ составляютъ одну душу? Вы знаете, что онѣ, въ Патріотическомъ институтѣ своемъ, всѣ сами зовутъ другъ друга *ангелами*, прибавляя къ этому только нумеръ на кровати, и даже пишутъ на записочкахъ: «Милый ангелъ 147, ангельчикъ 59 и прочее». Если вы спросите у нихъ: «любите-ли вы своего почтеннаго законоучителя»? то онѣ отвѣчаютъ вамъ въ голосъ: «какъ можно-съ, мы его обожаемъ»! Если спросите: «а обожаете ли вы такого-то учителя»? то онѣ отвѣчаютъ: «нѣтъ-съ, мы его не обожаемъ, младшій классъ его обожаетъ». Если спросите: «плакали-ль вы сегодня, когда прощались съ такою-то классной дамой, которая отходитъ»? то онѣ, сложивъ руки на передничкѣ и глядя вамъ прямо въ глаза, отвѣчаютъ: «плакали-съ поутру и послѣ обѣда будемъ плакать». Таковы точно были и Мелаша съ Любашей; безплотныя жилицы блаженныхъ острововъ Макарійскихъ, какъ гласятъ народныя преданія наши, перенесенныя на эту грубую, плотскую и вещественную землю, на отжившую, обезсиленную почву большаго свѣта, въ которой нѣтъ уже ни соку, ни туку, на которую не канетъ благодатная капля дождя, а туманъ утренній стоитъ туманомъ и не разсыплется слезистою росою. Мелаша и Любаша слышали однажды о трудно-больномъ, который будучи безнадеженъ, очень страдалъ; онѣ пришли передъ вечернею молитвой къ маменькѣ своей и просили, съ ангельскою улыбкой на устахъ, съ пречистою слезинкою въ очахъ своихъ: «какъ прикажете молиться, маменька, объ этомъ больномъ, чтобы онъ жилъ еще, или чтобы уже Богъ прекратилъ страданія его и взялъ его къ себѣ»? Вотъ

каковы были онѣ, Мелаша и Любаша, чистыя, праведныя души, къ которымъ еще свѣтъ не прикасался грязными когтями своими, не отравлялъ еще младенческой непорочности тлетворнымъ нечестивымъ дыханіемъ своимъ. О, какъ тяжело бываетъ иногда бѣдняжкамъ этимъ обжиться снова въ родительскомъ домѣ, который онѣ помнятъ только какъ несвязныя грезы о колыбельной пѣсенкѣ! Какъ тяжело иногда имъ пріурочить себя сызнова къ почвѣ и климату, въ которомъ нѣтъ и самаго отдаленнаго сходства съ благотворнымъ воздухомъ и тучнымъ черноземомъ родной имъ теплицы, гдѣ сквозь чистыя стекла такъ утѣшительно и такъ привѣтливо улыбалось имъ все: и небо, и земля, и люди, и громады дворцовъ, гдѣ сотни пріемышей жужжатъ пчелками вокругъ заботливой матки своей, не зная ни нуждъ, ни заботъ, ни потребностей, ни страстей!... а выйдутъ въ свѣтъ—все станетъ иначе; вы жили въ мечтательномъ мірѣ, поживите жь теперь въ настоящемъ, и обживетесь съ нимъ, если умѣете.

Читатели мои сами видятъ, что поэтому большой разницы между обѣими сестрами быть не могло; но какъ у Творца нашего нѣтъ даже и двухъ совершенно однообразныхъ былинокъ, и все однородное основано на одномъ только подобіи, какъ, въ свою очередь, самое подобіе на разнообразіи, то и Мелаша съ Любашей, у которыхъ было столько общаго въ чертахъ, въ станѣ и въ пріемахъ, равно какъ и въ нравственныхъ и умственныхъ качествахъ, были два отдѣльныя существа. Лировъ нашъ въ этомъ отношеніи, конечно, судья не безпристрастный; но и я, какъ посторонній человѣкъ, гляжу на Мелашу, какъ на созданіе болѣе полное и совершенное, въ которомъ уже все какъ-то болѣе пріуготовлено къ воспріятію ожидающей его души. Можетъ быть, это потому только, что Любаша была еще полу-дитя, между тѣмъ какъ Мелаша болѣе

дозрѣла, и, какъ по крайней мѣрѣ казалось, обѣщала понять современемъ чувство, о которомъ Любаша не имѣла ниже отдаленнѣйшаго понятія. Впрочемъ, не смотря на замѣчаніе это и не смотря на безконечную любовь Лирова, самое существованіе которой ангельская головка его еще долго, долго даже и не подозрѣвала—къ ней очень кстати можно примѣнить одну изъ любимыхъ присказокъ Корнея Горюнова: Слѣпой спросилъ зрячаго товарища своего: гдѣ былъ? Въ гостяхъ у кума. Что ѣлъ? кашу съ молокомъ. Что такое молоко, какъ оно бываетъ? Сладкое и бѣлое. Да какое-жь бѣлое? Да бѣлое, ровно гусь. А гусь что такое? какой онъ бываетъ? А вотъ такой, отвѣчалъ товарищъ: и, согнувъ ему руку клюкой, представилъ изъ нея гуся,—вотъ какой бываетъ гусь. Слѣпой ощупалъ руку его кругомъ и сказалъ: а, теперь знаю. И если-бы вы меня спросили, какое понятіе есть въ Любашѣ объ этомъ загадочномъ чувствѣ, съ которымъ свѣтскія дѣвицы наши знакомятся такъ преждевременно, убивая цвѣтъ въ самой еще почкѣ, то я бы вамъ сказалъ: такое-же какъ и въ слѣпомъ Власова о молокѣ, котораго онъ не видалъ, не ѣдалъ, а слышалъ отъ товарища, что оно бѣлое какъ гусь, а гуся знаетъ только ощупавъ согнутую костылемъ руку. — И всякая неумѣстная попытка объяснить Мелашѣ, что такое любовь, кончилась бы присказкою Корнея Горюнова въ лицахъ. Оставимъ же ее бѣдняжку въ покоѣ; у нея есть теперь свой доморощенный учитель. Не долго стоять затиши и подъ этимъ зыбкимъ челномъ — взволнуются и эти тихомирныя воды, и общая доля ихъ не минуетъ: одинъ мигъ чистаго блаженства и годы томительной суеты.

Затѣмъ, останется мнѣ только еще сказать вамъ, что Лировъ, примкнувши къ Голубцовымъ, повидимому не навлекъ на нихъ, какъ опасался, гнѣва потѣшав-

шейся доселѣ надъ нимъ судьбы; неукротимая, своевольная и своенравная, шаловливая, причудливая и всемогущая, обратила, видно, потѣшный самострѣлъ свой на кого-нибудь инаго, выслѣдила себѣ другую погремушку, другаго бѣдовика и, какъ казалось, причислила добраго Евсея по сказкамъ своимъ къ семейству Марьи Ивановны, на которомъ видимо почивала благодать Божія. По крайней мѣрѣ всѣ они доѣхали до Малинова безъ всякихъ лирическихъ похожденій, а новый предсѣдатель палаты, человѣкъ, вникнувшій во всѣ дѣла, съ безпримѣрною въ лѣтописяхъ Малинова прозорливостію и самостоятельностію, прочитывая отъ начала и до конца не одно безконечное *слушали и приказали*, часто спрашивалъ у совѣтника: «да скажите, Петръ Петровичъ, кто же у васъ писалъ, напримѣръ, вотъ этотъ докладъ?» и на отвѣтъ: «это бывшій чиновникъ гражданской палаты, Лировъ», — продолжалъ, пожимая плечами: «Странное дѣло, что вы этого человѣка не умѣли удержать, тогда какъ теперь некому сдѣлать даже и самой простой выписки изъ журнальнаго постановленія, а приходится, по неволѣ, разсылать во всѣ мѣста точные съ нихъ списки, толщиною въ цѣлую десть!»

Поэтому Лировъ не успѣлъ прибыть въ Малиновъ, какъ предсѣдатель навѣстилъ его самъ, разспросилъ подробно обо всемъ и предложилъ ему мѣсто секретаря въ палатѣ, присовокупивъ, что ожидаютъ со дня на день новое положеніе о преобразованіи палатъ, по коему жалованье Лирова должно было значительно возвыситься. Благодѣтельное постановленіе это, какъ всѣмъ намъ извѣстно, дѣйствительно состоялось, и Лировъ можетъ теперь жить въ Малиновѣ не *мѣстомъ*, а *жалованьемъ*.

Представляю читателямъ потѣшаться мысленно истинно достойнымъ любопытства удивленіемъ мали-

новцевъ, ихъ шумными и нестройными возгласами, невольно напоминающими гагаканье гусинаго гурта, на столь знаменитомъ малиновскомъ базарѣ. Слышите-ли при этомъ побѣдоносные клики тѣхъ, которые все это пророчили и знали и видѣли напередъ? Слышите-ли гулъ извиненій и оправданій тѣхъ, которые сомнѣвались, спорили и не вѣрили? Слышите-ли также этотъ средній рѣзкій голосъ вѣстовщицъ и вѣстовщиковъ, которые не спорятъ о прошедшемъ, потому-что заняты до-нельзя и набиты, отъ пятокъ по самое темя, будущимъ и настоящимъ? Да, друзья мои, все это шло и прошло своимъ чередомъ; всѣ, наконецъ, свыклись съ нежданнымъ оборотомъ дѣла, потому-что старое уже не можетъ быть новостью; языки поуспокоились или пошли выплетать коймы да оборки къ новымъ слухамъ и новостямъ—и дѣла пошли опять своимъ чередомъ и порядкомъ.

А чтобы не упрекнули меня, будто я умышленно набралъ и выставилъ у позорнаго столба какихъ-то уродовъ и чудаковъ, и выказалъ одну только слабую сторону города Малинова, я опять-таки ухвачусь за притчу неоцѣненнаго для меня Корнея Власовича Горюнова:

«Кочка видна по дорогѣ издали, мечется въ глаза поневолѣ и досаждаетъ всякому; а по гладкой дорогѣ пройдешь — и не спохватишься, что пришелъ».

КОЛБАСНИКИ и БОРОДАЧИ.

ГЛАВА I.

КОЛБАСНИКЪ ИЗЪ НѢМЦЕВЪ.

Въ губернскомъ городѣ Тугаринѣ, въ которомъ, какъ вы вѣроятно знаете, считается до пятидесяти тысячъ жителей, — въ Тугаринѣ издавна поселился искусный и доблестный колбасникъ, родомъ изъ Брауншвейга. Его звали Вилимъ Карловичъ Тофельсъ. Онъ изучилъ науку или искусство свое не только на родинѣ, но между прочимъ также въ Гамбургѣ и ѣздилъ въ Англію для окончательнаго образованія своего по этой важной части. Изъ этого догадливые читатели усмотрятъ, что образованіе его было не одностороннее, не ограничивалось умѣньемъ изготовить хорошую окрошку и начинку для разнаго рода колбасъ и состряпать студень и два-три холодныхъ, но что Вилимъ Карловичъ былъ ученый нѣмецкій мясникъ, въ полномъ смыслѣ слова, который смотрѣлъ на искусство бить скотину, снимать съ нея кожу, очищать, пластать и рубить стегно, какъ на науку, и который зналъ всякую тонкость въ обхожденіи съ мясомъ и всѣ роды приготовленія его, какъ только можетъ человѣкъ знать предметъ, основательно имъ изученный.

Вилимъ Карловичъ, почти обрусѣвшій и нажившій въ Тугаринѣ порядочное состояніе и трехъ дочерей, смотрѣлъ однако же съ большимъ состраданіемъ и презрѣніемъ на мясниковъ нашихъ, не называя ихъ иначе, какъ *шиндерами*, т. е. живодерами, недостойными прикоснуться непосвященными руками своими ни къ живой скотинѣ, ни къ куску мяса, которое люди будутъ ѣсть. Онъ утверждалъ, что они бить скотины не умѣютъ, а, измучивъ и напугавъ ее напередъ, портятъ у нея кровь и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасное мясо; что они рѣзать не умѣютъ, никогда не перерѣзываютъ съ перваго раза сонныхъ жилъ, не зная даже, гдѣ ихъ искать, и такимъ образомъ не спускаютъ вдругъ всей крови, отъ чего мясо дѣлается чернымъ, грубымъ и въ солонинѣ скоро портится. Онъ увѣрялъ, что ни одинъ мясникъ нашъ не умѣетъ снять шкуры съ вола, не сбавивъ съ нея нѣсколько рублей цѣнности, и доказывалъ это счетными книгами своими, по которымъ видно было, что Вилимъ точно продавалъ шкуры своей съемки гораздо дороже. У нѣмца на все инструментъ есть; а мы снимаемъ шкуру простымъ, острымъ ножемъ, выхватываемъ тутъ и тамъ по клочку мездры, и шкура испорчена. Строго держась своихъ правилъ, педантъ Вилимъ могъ наговорить вамъ такую пропасть о неопрятности нашихъ мясниковъ, о дурномъ хозяйствѣ ихъ, незнаніи дѣла, о порчѣ ими всякой, даже и лучшей говядины, о варварской выборкѣ ими почечнаго сала и проч. и проч., что даже гадко становилось его слушать, потому-что говядина изъ мясныхъ рядовъ рѣшительно опротивитъ, и, бывало, съ нетерпѣніемъ ожидаешь заключенія цѣлаго разсужденія, которое всегда оканчивалось тѣмъ, что Тофельсъ называлъ земляковъ нашихъ живодерами и салотопниками, а мясниками онъ не соглашался называть ихъ ни за что на свѣтѣ. «Скорѣе», говорилъ онъ, «я самъ сложу съ

себя честное званіе свое, чѣмъ покривить душою и назвать салотопниковъ мясниками. Это двѣ вещи разныя!»

Кромѣ этого, такъ сказать, общаго предмета, который нерѣдко сгонялъ краску съ лица Тофельса, былъ для него въ Россіи еще другой недостатокъ мѣстности, но болѣе частный, который не относился до всего нашего любезнаго отечества, а собственно до губернскаго города Тугарина. Почти ежедневно отъ этого предмета бросало Тофельса въ ознобъ и жаръ, а иногда даже въ потъ. Много перенесъ онъ горя и досады, въ теченіе какихъ-нибудь двадцати лѣтъ, и безпрестанно былъ на-сторожѣ противъ угрожающаго ему зла, день-за-день принималъ новыя мѣры, обдумавъ ихъ напередъ хорошенько въ теченіе безсонной ночи, но мало видѣлъ успѣха: зло, которое его безпокоило, была стоглавая гидра, и вмѣсто одной отсѣченной головы, немедленно выростала на ней другая, а иногда даже и по двѣ вдругъ. Надобно объяснить это подробнѣе, потому-что предметъ нѣсколько запутанъ и необходимо требуетъ мѣстныхъ свѣдѣній.

Заведеніе Тофельса, пріобрѣтенное имъ давно уже въ вѣчное и потомственное владѣніе, состояло изъ порядочнаго жилаго дома, тыломъ къ рѣкѣ, изъ разныхъ ухожей и пристроекъ къ нему на дворѣ и, наконецъ, изъ порядочнаго сада съ огородомъ, примыкающими къ рѣкѣ. Все было устроено по-хозяйски, и даже враги Тофельса должны были согласиться въ томъ, что порядокъ и опрятность у него въ домѣ примѣрные, хотя и старались обойти это невольное признаніе насмѣшкой, назвавъ такую опрятность нѣмецкою. Съ улицы внизу устроена была образцовая мясная и колбасная лавка, гдѣ все было убрано ежедневно съ утра свѣжею зеленью, особенно петрушкой, и бѣлыми, чистыми полотнами. Крови нигдѣ и слѣда не было видно:

точно Тофельсъ умѣлъ спускать ее всю; а духоты, столь знакомой намъ по нашимъ мяснымъ рядамъ, и подавно. Въ лавкѣ обыкновенно былъ самъ Тофельсъ въ бѣломъ колпакѣ и передникѣ, или жена его, въ такомъ же чепчикѣ, бѣлоснѣжномъ передникѣ и короткихъ рукавахъ; а при нихъ одна или двѣ изъ дочерей. Не смотря на то, что они всѣ возились весь день съ сырымъ мясомъ, они были удивительно чисты и опрятны. Нѣмцы, что́ и говорить! Во второмъ ярусѣ были жилые покои, на дворѣ коровники, конюшни, свинарни, овечьи закуты, птичники и даже голубятни. Садъ и огородъ, обработанные руками матери и дочерей, былъ первый въ Тугаринѣ, и въ мясной лавкѣ Тофельса продавались также молоко, сливки, масло, яйца, зелень и плоды всякаго рода. Этимъ занимались дѣвушки.

Но рядомъ съ образцовымъ заведеніемъ Тофельса, дворъ-о-дворъ, стояла проклятая аптека — сущій адъ для бѣднаго колбасника, источникъ всѣхъ бѣдъ его и огорченій. Въ былыя времена, когда еще Вилимъ Карловичъ не успѣлъ обстроиться хорошенько и обезпечить себя со стороны ядовитыхъ зелій китайскою стѣною, аптекарскіе школьники похищеніями своими приводили Тофельса въ такое же отчаяніе, какъ приводятъ иногда добрую хозяйку крысы, если возьмутъ вверхъ и одолѣютъ всѣ человѣческія усилія. Но послѣднія пять, шесть лѣтъ, когда дѣвочки у Тофельса подросли и, къ несчастію, всѣ три стали прехорошенькія, а школьники аптекарскіе также не отстали отъ нихъ въ ростѣ, да еще безтолковый аптекарь набралъ полдюжины какихъ-то новыхъ болвановъ, гезелей, подгезелей, провизорскихъ помощниковъ, подлаборантовъ, рецептурныхъ бухгалтеровъ,—то бѣдному Тофельсу рѣшительно не стало отъ нихъ житья. Бывало, Вилимъ Карловичъ только-что подкараулитъ дерзкихъ

наступателей, которые, перелѣзши черезъ заборъ вплоть у самаго дома, украдутъ голубя или пару яицъ, и только-что загородитъ проломъ новой задѣлкой, въ родѣ щита, какъ, глядь, палисадникъ разобранъ надъ рѣкой, и ночной набѣгъ на огурцы и картофель произвелъ совершенное опустошеніе въ огородѣ. Однимъ словомъ, бѣдный Тофельсъ не успѣвалъ затыкать пробоины подводной части своего осѣдлаго ковчега и надѣлывать на немъ борты, чтобъ оборониться отъ внезапной течи, и удержать всплески бурныхъ валовъ-какъ уже новые набѣги, то съ той, то съ другой стороны, то сверху, то снизу, требовали новыхъ заботъ и усилій для обороны. Если нельзя было перескочить черезъ заборъ, то школьники пролѣзали гдѣ-нибудь сбоку, или подползали, приподнявъ доску; если же не было и для этого удобнаго мѣста, то негодяи вылѣзали въ слуховое окно на кровлю аптекарскаго сарая, а оттуда спускались преудобно на сосѣднюю кровлю колбасницкой коптильни. Нельзя сказать, чтобъ Вилимъ Карловичъ былъ въ дурныхъ сношеніяхъ съ аптекаремъ, своимъ сосѣдомъ; напротивъ того, аптекарей перемѣнилось уже трое или четверо, — все нѣмцы и всѣ добрые пріятели Тофельса; но всѣ они были, какіе-то безтолковые чудаки; которые за устройство порядка между подчиненными своими принимались лѣвшой и никакъ не могли съ ними справиться. Вы знаете, что у каждаго аптекаря есть свой конекъ, и что всѣ они смотрятъ на свѣтъ и дѣла его сквозь горькую микстуру, или сквозь бутыль мутнаго стекла, или же сквозь полупрозрачный, разноцвѣтный леденецъ;—такой невѣрный взглядъ лишаетъ сословіе это большею частію всякой житейской обходительности. Это обыкновенно замѣтно и по наружности такихъ аптекарей; отъ нихъ не только издали несетъ ревенемъ, цытварнымъ сѣменемъ и сѣрной печенкой, но ухватки и пріі-

емы ихъ какъ-то нелюдскіе. Первый изъ трехъ аптекарей, послѣдовательныхъ сосѣдей Тофельса, былъ рыжій, со щетинистыми волосами, въ огромныхъ веснушкахъ, и притомъ сгибалъ на ходу колѣни и носилъ локти на отлетѣ, точно будто готовъ во всякое время пуститься въ присядку. Второй былъ съ такимъ изъянцемъ, что изъ рукъ вонъ: красный носъ съ набалдашникомъ, какъ у арзамасскаго гуся, а въ прочемъ—бочка, во всѣхъ отношеніяхъ, въ прямомъ и переносномъ смыслѣ. Третій, наконецъ, наслѣдовавшій должность и званіе арзамасскаго гуся, былъ старичишка не только сѣдой какъ лунь, но желтоволосый, соловой, какъ звала его молодежь тугаринская, или палевый, какъ прозвали его понѣжнѣе дѣвицы. Этотъ былъ самъ всесвѣтный женихъ, который потому только до сихъ поръ не женился, какъ увѣрялъ всѣхъ, что положилъ себѣ правиломъ—вывести сперва огромные мозоли со всѣхъ десяти пальцевъ ногъ своихъ, для чего онъ изобрѣлъ по крайней мѣрѣ двадцать мазей и пластырей. Можно себѣ вообразить, въ какомъ распущенномъ состояніи была, при такомъ начальствѣ, вся аптекарская команда и въ какомъ безнадежномъ положеніи были дѣла Вилима Карловича.

Но это еще не все: мелкія хозяйственныя непріятности бѣдный Тофельсъ перенесъ бы теперь съ благодушіемъ и долготерпѣніемъ, не смотря на довольно пылкую кровь свою,—еслибъ только дѣло этимъ ограничивалось. Дѣвочки у него подросли и похорошѣли, назывались: Кетхенъ, Розхенъ и Мальхенъ и, не смотря на примѣрное благонравіе ихъ и всегдашнее занятіе по домашнему хозяйству, родителямъ ихъ не было отбоя отъ разныхъ невинныхъ шашень съ аптекарскими подмастерьями или, по крайней мѣрѣ, отъ разныхъ происковъ и волокитствъ послѣднихъ. То у дочерей появлялась, откуда ни взялась, пастилка, карамелька,

или даже дѣвичья кожа; то ходили по рукамъ рожки, или сладкіе стручки, то комочки калабрійской манны, то баночки съ какою-то тамарисковою кашкой,—и не было конца гостинцамъ всѣхъ родовъ, которыми такъ богаты наши аптеки; а что всего хуже, къ нимъ подвязывались нерѣдко какія-то цыдулки, съ виду похожія на аптечныя, но весьма сомнительнаго содержанія. Кромѣ того, стоило только одной изъ дѣвушекъ, въ бѣломъ платьецѣ своемъ и опрятномъ передничкѣ, показаться на дворъ, какъ непремѣнно, въ томъ или другомъ углу, надъ заборомъ, показывалась мужская голова, отъ которой сильно несло тминомъ или шафраномъ. Иногда не только пара, а пять, шесть такихъ головъ подымались вдругъ изъ засады своей въ разныхъ концахъ сосѣдняго строенія и внезапно нарушали этимъ мирное спокойствіе Тофельсова семейства. Пахучія зелья и снадобья разнаго рода смѣшивались тогда въ воздухѣ, и если не заглушало внезапно запахъ ихъ какою-нибудь камедью, то нельзя было разобрать, чѣмъ именно пахнетъ. Иногда записочки опускались на ниточкахъ изъ сосѣдняго слуховаго окна, съ сѣновала; иногда летѣли онѣ дюжинами черезъ заборомъ и окропляли гряды въ огородѣ. Бѣдный Тофельсъ не успѣвалъ подбирать ихъ; онъ двадцать разъ уже представлялъ такое поличное самому аптекарю, жаловался, просилъ его унять вольницу и защитить мирныхъ сосѣдей своихъ; но всѣ розыски и строгіе запреты безтолковаго аптекаря не надолго успокоивали Тофельса и вели только къ новымъ и болѣе хитрымъ изобрѣтеніямъ подмастерьевъ. На записочки эти дѣвушки, правду сказать, были не очень падки; но коробочки и баночки отвязывали осторожно, украдкой, оставляя записочку на ниткѣ, которую несчастный поклонникъ, послѣ долгаго раздумья, подымалъ обыкновенно опять въ слуховое окно. Такая, видно, была

судьба бѣднаго колбасника, чтобъ ему не было покоя отъ этого сосѣдства и чтобъ всѣ гезели, помощники и подмастерья,—вся команда аптекарская влюблялась поочередно въ его дочерей!.. Народъ этотъ былъ до того догадливъ и предпріимчивъ, что общими силами выстроилъ у себя на дворѣ превысокую голубятню, откуда можно было видѣть, какъ на ладони, все, что дѣлается на дворѣ, въ саду, огородѣ, а частію и въ домѣ колбасника. На голубятнѣ этой во всякое время дня можно было видѣть часоваго, потому-что подмастерье, которому не досталось поочереди катать пилюли и толочь солодковый корень, навѣрное сидѣлъ на этомъ наблюдательномъ посту. Чтобъ дѣти могли по крайней мѣрѣ спокойно работать въ огородѣ, Тофельсъ поставилъ въ этомъ мѣстѣ на заборѣ огромный досчатый щитъ и написалъ на внѣшней сторонѣ его двухъ повѣсъ, высунувшихъ языки на четверть аршина. Аптекарь очень радовался этому остроумному изобрѣтенію, смѣялся отъ души, похвалилъ за это сосѣда; но успѣха не было, впрочемъ, никакого. Аптекарь утѣшалъ сосѣда только тѣмъ, что вотъ-де скоро избавится окончательно отъ мозолей своихъ, которые не даютъ ему теперь ступить на ногу, и тогда онъ непремѣнно управится съ своей шайкой,

ГЛАВА II.

РАЗДѢЛКА КОЛБАСНИКА СЪ БОРОДАЧАМИ.

Но не одни только аптекарскіе подмастерья разныхъ наименованій волочились, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, за дочерьми свѣдущаго въ дѣлѣ своемъ колбасника: онѣ вскружили голову не одному тугарим-

скому жителю, и чѣмъ менѣе сами подавали къ тому повода, тѣмъ пристальнѣе за ними ухаживали.

Въ Тугаринѣ жилъ очень зажиточный купецъ Яковъ Ивановичъ Корюшкинъ—удалой, оборотливый купчина и лихой малый. Онъ самъ нажилъ состояніе свое, чему однакожъ люди не столько дивились, сколько тому, что онъ его уже давно не прожилъ опять. Не то, чтобъ вы въ домѣ Корюшкина, оставшагося вдовцомъ съ однимъ сыномъ, нашли, въ обыкновенные дни, какую-нибудь роскошь, кромѣ развѣ богато, хотя и безвкусно убранныхъ покоевъ; напротивъ того, буднишняя жизнь Якова Ивановича ничѣмъ почти не отличалась отъ убогой жизни нашихъ мѣщанъ. Часу въ пятомъ утра, пилъ онъ чашки три, четыре постнаго чайку; часу въ восьмомъ завтракалъ, т. е., выпивъ рюмку простой пѣнной, закусывалъ горячимъ пирожкомъ, лепешкой, ватрушкой, или холодной печенкой, до которой былъ большой охотникъ; въ исходѣ двѣнадцатаго, Корюшкинъ обѣдалъ щи, кашу, пирогъ, а тамъ ложился отдыхать, выпивъ еще цѣлый жбанъ мятнаго квасу; въ шесть часовъ—тотъ же скромный чаекъ; въ девять—щи да каша, и съ Богомъ отходилъ ко сну. Въ одиночествѣ своемъ, Корюшкинъ былъ молчаливъ, угрюмъ; дома говорилъ только отрывистымъ голосомъ, когда что-нибудь приказывалъ, а затѣмъ вздыхалъ часто и глубоко, Богъ вѣсть о чемъ, приговаривая шопотомъ: «О, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ»!

Но зато на Корюшкина находила нерѣдко гульливая полоса, которая уже ни въ чемъ не знала мѣры. Онъ тогда задавалъ, ни съ того, ни съ сего, безсмысленные и безтолковые пиры, на которыхъ только-что не купалъ сотню гостей въ такъ называемомъ шампанскомъ. Шампанское, по мнѣнію Корюшкина, одно только доказывало принадлежность общества къ образованному, высшему кругу; шампанское составляло единственное

звено той важной цѣпи, которая приковывала его къ сословію баръ и отличала отъ простолюдина. При такихъ случаяхъ, Корюшкинъ готовъ былъ измѣрить степень просвѣщенія и образованія общества по числу выпитыхъ имъ ящиковъ шампанскаго.

Такіе пиры или попойки длились сутки двои сряду, и трудно было сказать, что это такое: обѣдъ, чай, ужинъ, балъ или вечеринка. Весь городъ приглашался и сворзился къ Корюшкину во дворъ и въ домъ, точно будто на какое-либо важное дѣло, всѣ должны были явиться безотговорочно, высшіе и низшіе, военные и гражданскіе чиновники, помѣщики и купечество; всѣхъ зналъ онъ наперечетъ, приглашалъ и просилъ неотступно, униженно, и если кто во-время не являлся, то посылалъ за нимъ коляску, ѣхалъ самъ; а залучивъ весь городъ, запиралъ ворота на запоръ и распоряжался самоуправно. Это были торжественные дни для Якова Ивановича, минуты наслажденія, въ которыя онъ чувствовалъ себя господиномъ полновластнымъ, гдѣ все ему покорствовало, гдѣ хлѣбосольство давало ему право говорить, на этотъ разъ, *ты* всѣмъ важнымъ и чиновнымъ лицамъ; гдѣ всѣ грязныя и сочныя шутки и остроты его принимались съ восхительнымъ одобреніемъ, гдѣ самая пошлая брань шла за острое словцо, и гдѣ можно было всякому строптивому гостю заткнуть ротъ бутылкой, не въ переносномъ, а въ прямомъ и настоящемъ смыслѣ. Въ другое время, Корюшкинъ, по поводу какого-нибудь радостнаго въ отечествѣ нашемъ событія, выставлялъ дубовые столы на дворъ и на улицу, какъ бывало великій князь Владиміръ Красное-Солнышко; тамъ раздавалъ онъ на неимущую братію 500 рубахъ и по цѣлковому, откупалъ на три дня городскія бани и парилъ весь народъ Христа ради. Но зато въ будничное время, въ полосу неторовитую, Яковъ Ивановичъ былъ кремень, или, лучше

сказать, кругляшъ булыжный, который, одѣвшись въ жесткую кору свою, не давалъ искры и не отзывался ни на какой толчокъ. Разсыпаясь въ тороватое время безконечно-затѣйливыми остротами, поговорками и прибаутками, Корюшкинъ въ скаредное безвременье свое опять погружался въ суровую молчаливость, говорилъ мало, отрывисто, вздыхалъ и поминалъ свои грѣхи.... Послѣднее дѣлалъ онъ, впрочемъ, всегда только въ самыхъ общихъ словахъ, никогда не распространяясь въ подробностяхъ.

У Корюшкина, какъ упомянулъ я, былъ сынъ, Петруша. Этому Петрушѣ миновало уже 20 лѣтъ, а отецъ все еще держалъ его какъ ребенка, подлѣ бока. Яковъ Ивановичъ очень любилъ сына,—это знали всѣ жители Тугарина, т. е. давая ему волю во всемъ, не обременялъ его никакимъ ученьемъ, изрѣдка только колачивалъ въ сердцахъ, по случаю какихъ-нибудь торговыхъ непріятностей или сподручныхъ отеческихъ наставленій. Эти наставленія, безспорно, были весьма согласны съ началами доброй нравственности; но они всегда ограничивались общими, простыми, ясными и положительными истинами и никогда не касались болѣе отвлеченныхъ понятій. Сюда, напримѣръ, принадлежали наказы: «не воруй, не шатайся, не пьянствуй» и тому подобное. Наставленія эти давались не при случаѣ, а про запасъ, когда отцу приходило въ голову, «что ребенка надо учить», когда онъ попадался гдѣ-нибудь некстати на встрѣчу, и Яковъ Ивановичъ былъ не въ духѣ.

Этотъ-то Петруша, малый такъ себѣ, не задорнаго ума, но и не глупый, накинулъ какъ-то глазомъ на Розочку, вторую дочь нашего колбасника, и долго завидовалъ аптекарскимъ подмастерьямъ въ сосѣдствѣ ихъ и въ другихъ, соединенныхъ съ этимъ обстоятельствомъ, удобствахъ. Петруша былъ парень весьма не-

опытный по этой части, несмотря на поучительныя отцовскія наставленія, и потому долго таилъ эту новую для него привязанность отъ всѣхъ и не искалъ даже сближенія съ Розочкой, которая, по житейскимъ отношеніямъ обоихъ семействъ, была такъ отъ него удалена. Но, и самъ того не замѣчая, Петруша день и ночь игралъ мыслію познакомиться въ домѣ Вилима Карловича и усладить себя иногда бесѣдой съ Розой. Онъ невольно придумывалъ къ тому какія-то чрезвычайно хитрыя, многосложныя и несбыточныя средства. Дѣло сдѣлалось однажды, къ крайнему изумленію Петруши, такъ просто, что малый мой не могъ опомниться и долго ходилъ на-яву какъ сонный, а во снѣ грезилъ, какъ будто вновь народился на какомъ-то новомъ свѣтѣ. Черта эта, воля ваша, говоритъ много въ пользу Петруши: кто съ такимъ воспитаніемъ и понятіями могъ полюбить такую дѣвушку, какова была Роза, и забыться нѣсколько времени въ одномъ этомъ чувствѣ, — тотъ долженъ быть человѣкъ не совсѣмъ пожилой, а годный на что-нибудь путное, если его умѣть пустить въ дѣло. Но это умѣнье, въ скобкахъ замѣтить, также не послѣдняя вещь; и если мы часто хвалимся тѣмъ, что русскій человѣкъ всегда, вездѣ и на все пригоденъ, куда ни сунь его, — то не мѣшало бы намъ, однакоже, позаботиться иногда и о томъ, чтобъ научиться узнавать и выбирать людей, между этими на все пригодными, и ставить ихъ на то мѣсто, куда зовутъ ихъ познанія и самое призваніе.

Корюшкинъ торговалъ оптомъ, разумѣется, между прочимъ, также пенькой и саломъ; у него были салотопные заводы, и нерѣдко пригонялось туда много скота. Тофельсъ негодовалъ на варварское салотопное хозяйство Корюшкина, усчитывалъ съ сострадательною улыбкою всѣ невѣжественные промахи и убытки его, неразсчетливыя дѣйствія и добровольную порчу драго-

сказ
жес
ни
без
бау
ни
на
П

е по твоему дурацкому горлу сложена!» Но дочери Силима не были такъ разборчивы и не считали пѣсни той черезчуръ нѣжною, или можетъ быть находили, что Петруша достаточно выражаетъ нѣжность эту,— по крайней мѣрѣ онѣ слушали его охотно, пѣли иногда съ нимъ и проводили время пріятно. Мать и отецъ привыкли къ нему, видѣли въ немъ смирнаго и добраго малаго, а притомъ и честили его, по объясненнымъ сношеніямъ съ салотопникомъ, его отцомъ. Такимъ образомъ, время шло незамѣтно и также незамѣтно связывало невидимыя, таинственныя узы свои, которыя сулятъ на свѣтѣ столько счастія и строятъ столько бѣдъ. Петруша былъ счастливъ въ душѣ, это правда, но жилъ ли онъ въ настоящемъ? Нѣтъ; мы вѣдь и вообще никогда не живемъ, мы всегда только жить собираемся. Изрѣдка развѣ только еще вспоминаемъ мы, какъ жили, какъ живутъ другіе—и сами отъ себя всегда переносимся взадъ, впередъ или въ бокъ. Когда мы бываемъ довольны или видимъ довольство? Когда отдѣлываемъ домъ, въ которомъ собираемся пожить въ избыткѣ и покоѣ, когда надѣемся получить то, чего всей душой желаемъ; когда вспоминаемъ о быломъ и забываемся; когда видимъ сосѣда, который живетъ, какъ кажется, среди всѣхъ мірскихъ благъ — или когда слышимъ, что тамъ-то люди благоденствуютъ. Вездѣ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ; хороши бубны за горами; въ чужой рукѣ ломоть великъ; на людяхъ и смерть красна.

Приступаемъ къ развязкѣ любовишки Петруши, къ описанію разрушенія хрустальнаго замка его, по которому Корюшкинъ-отецъ безжалостно ударилъ изо всей силы могучимъ кулакомъ своимъ, разрушивъ игрушку эту до основанія и приговаривая истинно нравоучительныя наставленія свои: «не воруй, не таскайся, не пьянствуй!»

«А поди-ка сюда, Петруша,» сказалъ Яковъ Ивановичъ, сидя прямо и бодро на диванѣ и опершись въ оба кулака на колѣни: «скажи-ка, братъ, зачѣмъ тебя чортъ носитъ къ колбаснику? чего ты тамъ не видалъ?»—Сказавъ это, Яковъ Ивановичъ не выждалъ отвѣта и прибавилъ только: «Нѣтъ, братъ, видно, я давно тебя не училъ; забылъ ты отцовское наставленіе. Поди-ка-сюда — да поближе, давай сюда чубъ — вотъ такъ: это тебѣ наука; не воруй, не шатайся, не пьянствуй! Чего ты съ колбасницами амуришься? что онѣ подъ-стать тебѣ, что ли? Нѣтъ, братъ, видно пора тебя женить, а тамъ чтобъ и нога твоя не была!»

Чтобъ довершить дѣло, Корюшкинъ послалъ за Тофельсомъ. Этотъ, полагая, что его зовутъ для разсчета, или для заказа на пирушку, явился тотчасъ и былъ принятъ точно такъ, будто онъ обокралъ Якова Ивановича, который только что не подралъ его за чубъ, а впрочемъ надавалъ ему, оглушительнымъ голосомъ, такихъ же добрыхъ совѣтовъ и приказаній, какъ и родному своему сыну. Бѣдный Тофельсъ, опомнившись и понявъ, наконецъ, въ чемъ дѣло, самъ разъярился въ невинности своей, какъ левъ, и, не могши перекричать раздвижную трубу Корюшкина, подымался голосомъ все выше и выше, и, наконецъ, едва не запѣлъ пѣтушкомъ. На упрекъ, что онъ сманиваетъ у него сына для мамзелей своихъ, Вилимъ вышелъ изъ себя, накричалъ что-то бойкимъ, ломанымъ языкомъ, а въ заключеніе плюнулъ и ушелъ. Разговора ихъ передавать не стóитъ: они сами не знали, не слышали, что кричали, и потому все равно, что бы тутъ ни было сказано. Все испарилось и ушло, какъ ѣдкій уксусъ, которымъ плеснули на раскаленный кирпичъ.

Не трудно догадаться, что аптекарскіе подмастерья услужили своему сопернику, передавъ отцу его вѣсти

о похожденіяхъ сына и не пожалѣвъ на такой случай умѣстныхъ для цѣли ихъ прикрасъ.

Намъ остается только описать теперь церемоніалъ, или, какъ говаривали у насъ прежде, чинъ, который былъ соблюденъ со стороны разобиженнаго и крайне разсерженнаго колбасника, по случаю формальнаго разрыва съ домомъ Корюшкина и отказа сыну его, на вѣчныя времена, отъ всякихъ сношеній съ бѣдной Розой. Надобно еще замѣтить, что Вилиму Карловичу дѣйствительно никогда и въ умъ не приходило сдѣлать изъ Петруши жениха для своей дочери: онъ чуждался даже въ этомъ отношеніи русскихъ вообще, надѣялся выдать дочерей хоть за плохонькихъ, да за нѣмцевъ— и принималъ у себя въ домѣ Петрушу, сначала по торговымъ связямъ съ отцомъ его, а потомъ уже по привычкѣ, не подозрѣвая зла, которое изъ этого могло выйти. Мать, какъ женщина, была нѣсколько прозорливѣе и, поглядывая иногда на Розочку и на Петрушу, думала про себя: «пусть будетъ, что будетъ!»

Музыка, хотя и не слишкомъ высокаго разбора, какъ мы уже видѣли прежде,—служила одною изъ главныхъ точекъ взаимнаго соприкосновенія дѣвушекъ и Петруши; онъ точно увидѣлъ въ домѣ колбасника новый міръ, о которомъ ему доселѣ не грезилось и во снѣ. Тутъ было столько житейскаго, семейнаго, задушевнаго, господствовалъ такой порядокъ и покой, что Петруша забывалъ себя въ домѣ этомъ и, возвратившись въ угрюмое, одинокое и молчаливое жилище свое, нерѣдко просто плакалъ про себя навзрыдъ.

По воскреснымъ вечерамъ, дѣвушки у Тофельса охотно танцовали, если случалось человѣка два, три гостей, а иногда и между собою и даже съ отцомъ, не забывшимъ еще настоящій брауншвейгскій вальсъ, въ которомъ пресмѣшно выкидывалъ деревянными ногами своими. При этомъ, одна изъ дочерей, а иногда

и мать, играли *Аугустина*, или ему подобное старье, на шаткомъ клавирѣ, издававшемъ звукъ почти какъ такъ называемые фортепіано съ перышкомъ или дѣтскія гусельки, гдѣ плаваютъ утки, или маршируютъ солдатики изъ башни въ башню. У Петруши издавна былъ старинный органъ, которымъ, можетъ быть, отецъ его еще потѣшался въ молодости; органъ былъ величиною съ небольшой комодъ и наигрывалъ, съ грѣхомъ пополамъ, около дюжины разныхъ танцевъ. И въ немъ, правда, была проклятая дудка, которая никогда не умѣла во время замолчать, а тянула подъ конецъ всегда одна-одинехонька сиплую ноту, покуда мѣхъ не испускалъ послѣдняго дыханія своего; но это было для молодежи нашей не помѣха, а напротивъ придирка къ шуткамъ разнаго рода, и постоянно каждое воскресенье возбуждало общій и дружный хохотъ веселаго общества. Петруша перенесъ органъ этотъ къ Тофельсу и подарилъ его дѣвушкамъ: и съ тѣхъ поръ всегда танцовали подъ органъ и учились по немъ играть *новыя* штуки на клавирѣ.

Далѣе, Петруша однажды услужилъ колбаснику, доставъ черезъ прикащиковъ отцовскихъ какого-то ютландскаго поросенка, и подарилъ его Вилиму Карловичу, для разведенія этой знаменитой породы. Вотъ два почти единственные вещественные памятника Петруши, оставшіеся послѣ описаннаго нами происшествія въ домѣ Тофельса. Но когда послѣдовалъ разрывъ, когда Корюшкинъ оскорбилъ нѣмца, затронувъ честь его, и нѣмецъ съ нимъ разбранился такъ, что не покинулъ на мировую ни полслова, то онъ, прибѣжавъ домой, объявилъ, чтобъ и духу Корюшкиныхъ тутъ не оставалось; а какъ ему попался на глаза несчастный органъ, то онъ немедленно приказалъ работнику закладывать телегу и поставить на нее органъ, для отправленія по принадлежности «Дѣти!» закричалъ взбѣ-

шенный Тофельсъ: «несите сюда сейчасъ все, все, что есть у васъ отъ этого проклятаго салотопника, все! чтобъ ни одной булавки его у меня въ домѣ не осталось». И въ эту минуту Тофельсъ вдругъ вспомнилъ ютландскаго поросенка. Поросенокъ этотъ давно уже подросъ и сложился, то-есть сталъ огромной, хорошо откормленной свиньей. Неохотно разставался съ нею Тофельсъ, потому что порода точно была хороша—но нечего дѣлать: онъ въ эту минуту не пожалѣлъ бы ничего. «Связать сейчасъ же ютландца!» закричалъ онъ: «связать его по всѣмъ четыремъ ногамъ и принести сюда!» Приказаніе было исполнено, и жирный, прекрасный ютландецъ улегся на телегѣ, позади органа. «Вези!» закричалъ Тофельсъ: «вези къ Якову Ивановичу и свали все на дворѣ у него: чтобъ и духу его здѣсь не было!»

Дѣвушки, которыя привыкли браться въ домѣ за всякое дѣло своими руками, со слезами на глазахъ помогали выносить и устанавливать органъ, отправляемый въ ссылку; онѣ погладили любимаго своего ютландца, лежавшаго передъ ними на телегѣ, утерлись передниками и проводили томными глазами тронувшійся въ путь поѣздъ. Прощай, добрый ютландецъ! прощайте, готовые во всякое время вальсы и экосезы! прощай, и ты, добрый, услужливый пріятель Петруша! Розочка не выдержала, залилась слезами и пошла въ комнаты.

До Корюшкина было не совсѣмъ близко; онъ жилъ на другомъ краю города. Завернувъ за уголъ, работникъ, сидя на органѣ, сталъ разсматривать его въ раздумьѣ, увидѣлъ съ лѣваго бока знакомую ему рукоятку и отъ нечего дѣлать принялся ее вертѣть. Музыка раздалась по улицѣ; а бѣдный ютландецъ, соскучившись лежать бокомъ на тряской телегѣ, началъ подергивать ногами и затянулъ также свою пѣсню, и тянулъ ее, не переводя духа во всю дорогу. Ра-

ботникъ нисколько не смущался этимъ, а, пустивъ лошадь шажкомъ, продолжалъ наигрывать, взапуски съ ютландцемъ, какой-то превеселенькій вальсъ. Люди останавливались на улицѣ, смотрѣли и провожали глазами поѣздъ, выглядывали изъ дверей и оконъ и спрашивали колбасникова работника, что это такое? «Ничего», отвѣчалъ онъ спокойно, продолжая вторить ютландцу: «отъ хозяина кладку *) обратно веземъ къ жениху—не полюбился!» Такимъ образомъ, органъ со свиньей дружно прогулялись по всему городу и возвѣстили жителямъ Тугарина о разрывѣ между Корюшкинымъ и Тофельсомъ. Молва нашла для этого много различныхъ причинъ, передавала ихъ съ большими подробностями, и Тофельсъ три дня сряду, отъ безпрестаннаго трезвона въ ушахъ, поматывалъ бѣлымъ бумажнымъ колпакомъ.

ГЛАВА III.

РУССКАЯ ПРОКОПЧЕННАЯ КОЛБАСА.

Прошло нѣсколько дней, а Корюшкинъ, замѣчая, что сынъ совсѣмъ на себя не похожъ, подумалъ: «И вправду пора женить мальчика, а то избалуется. Вѣдь уже ему 20 лѣтъ. Двадцати лѣтъ и меня бы отецъ не выдержалъ этакъ: все одна дурь въ голову лѣзетъ. Петрушу! Позвать Петрушу ко мнѣ!»

«Я тебя, Петя, намедни побилъ, любя, — сказалъ ему Яковъ Ивановичъ: — побилъ отечески, за то, что люблю тебя, а не за то, чтобъ я осерчалъ Гляди же

*) Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ нашихъ у крестьянъ остался обычай что женихъ долженъ задарить отца невѣсты, или даже принести, по уговору, столько то денегъ — рублей 10, 20. Деньги эти называются *кладкой*, что вполнѣ отвѣчаетъ татарскому слову *калымъ*.

ты у меня, не доведи меня, Петруша, до грѣха; не дай Богъ, чтобы довелъ ты меня до побоевъ за нелюбовь мою — не приведи Богъ! Не воруй, не шатайся, не пьянствуй — вотъ я тебѣ что читаю, а ты слушай да казнись. А чтобъ тебѣ не избаловаться, такъ я вотъ тебя хочу женить: пора!»

Петруша все молчалъ и только два раза во время рѣчи этой кланялся отцу въ поясъ, стоя передъ нимъ, потряхивая головой и отводя послѣ каждаго поклона волосы къ ушамъ.

— Ты знаешь Митрясовыхъ Палашу?

— Видалъ, батюшка, раза два.

— Ну, такъ вотъ тебѣ невѣста!

Петруша вздохнулъ тяжело, занесъ руку въ затылокъ, и слезы брызнули у него изъ глазъ.

— Что ты съ радости, аль съ печали? спросилъ отецъ.

— Отъ воли твоей, батюшка, я ни на шагъ: власть твоя; только Митрясова Палаша... высватана, что ли, она у васъ?

— Нѣтъ, не высватана; да высватать не долго. За этимъ дѣло не станетъ. Да ты говори... нечего съ тобой дѣлать, говори, что́ хотѣлъ говорить!

— Да негодится она мнѣ, батюшка, воля твоя.

— Что же, съ изъянцемъ что ли?

— Нѣтъ, не то съ изъянцемъ, да такъ не годится, сама по себѣ.

— Экой дуракъ выросъ какой! Сама по себѣ! Да чѣмъ же не годится? Ну, ужь говори, коли говорить: совралъ, да и поперхнулся! Говори, не бось! не чужой, вѣдь, кто тебя спрашиваетъ, отецъ!

— Да, коли-бъ милость была твоя, батюшка, такъ хоть бы и погодить еще немного: я и такъ не соскучился.

— А! не соскучился! А у колбасника для чего

снюхался, а? Нѣтъ, братъ шалишь! Да и ждать тебѣ нѣчего: ты дуракъ, а я знаю, что пора тебя женить. Дѣвка не святцы, не поставишь на полочку, покуда не понадобится: ты будешь ждать да думать, а глядь— ея ужь и нѣтъ. Чай, за ней, всякъ знаетъ, что пойдетъ десятковъ пять; не бойсь, охотнички найдутся.

— Не одна же она, батюшка; не клиномъ передъ нами свѣтъ сошелся; есть и окромѣ Митрясовыхъ.

— А напримѣръ, какая же еще есть?

— Да мало ли ихъ. Всѣхъ не перечтешь.

— Дуракъ! Всѣхъ не перечтешь! То тебѣ ни одной не надо, то бы вотъ всѣхъ въ охапку! — И старикъ расхохотался.

— Господь съ ними, батюшка; истинно не надо ни одной.

— Ну, врешь: ужь я знаю, что врешь. А напримѣръ, какая же еще есть? Всѣхъ нѣчего тутъ поминать, всѣхъ много будетъ, жирно, братъ, обѣдаешь!... Ну, а ты назови-ка мнѣ хоть одну, кто у тебя будетъ получше Митрясовой?

— Да мало ли, батюшка! Да вотъ, коли на то пошло, вотъ хоть бы у Мирона Степановича Параша— ужь неужто она не стоитъ супротивъ Митрясовой?

— У Мирона Степановича? спросилъ отецъ. — А что, братъ? И вправду. Вѣдь, я ея не видалъ съизмалѣтства, съ тѣхъ поръ, какъ на рукахъ нашивалъ. Не случалось, какъ-то, не помню. Нѣшто она хороша стала?

— Ничего, живетъ,—отвѣчалъ сынъ:—да ужь все противъ Митрясовой будетъ подобродѣтельнѣе.

— Ну, ладно, сказалъ старикъ, вставая съ дивана и обнимая сына:—такъ по рукамъ, братъ. И то дѣло: сосватаемъ у Мирона Степановича.

Бѣдный Петруша не успѣлъ и опомниться, какъ отецъ вышелъ уже и началъ распоряжаться въ дру-

гой комнатѣ съ прикащиками. Ни съ того, ни съ сего выбралъ невѣсту, и самъ не знаетъ, какъ это сталось! «Что за пропасть,» подумалъ Петруша: «рехнулся, что ли, я? Чѣмъ бы только молить мнѣ отца, чтобы далъ отдохнуть мнѣ еще, коли милость его будетъ, а тутъ и самъ не знаю, съ какой стати, невѣсту выбралъ! Господи Боже мой! что́ я стану дѣлать? какой я женихъ? Все только бы плакалъ Авось еще успѣю. Какъ будетъ на-дняхъ въ духѣ батюшка, такъ не дастъ ли Богъ какъ-нибудь отмолиться?»

Въ такомъ же печальномъ положеніи, какъ Петруша, находилось въ это время семейство Тофельса. Розочка, еще полуребенокъ, сильно тосковала по другѣ своемъ, и на ней же тяготѣло все бремя родительскаго неудовольствія. Сестры ея также ходили, склонивъ головки и старались зачитывать по вечерамъ отцовское сердце, то есть досаду его, читая ему вслухъ нѣмецкія академическія вѣдомости, которыя старикъ держалъ. Мать была очень признательна дочерямъ за эту маленькую военную хитрость; но вообще все въ домѣ было какъ-то тихо и грустно. Иногда, тутъ или тамъ, шептались, будто не смѣли говорить вслухъ, чего никогда прежде не случалось; а бывало, все въ домѣ смѣется, хохочетъ, перекликается, отзывается,—и дружно сходила съ рукъ работа, и дружно отдыхали.

Аптекарскіе подмастерья сначала посмѣивались въ кулачекъ, радуясь успѣху своей тактики; но вскорѣ они также стали почесываться и укорять другъ друга въ изобрѣтеніи такой неудачной продѣлки. Шумъ въ домѣ, какого не бывало прежде, напугалъ дѣвушекъ и сдѣлалъ ихъ робкими и осторожными; а изгнаніе Петруши всѣхъ ихъ огорчило за добрую Розу. Поэтому, узнавъ, откуда послѣдовалъ доносъ, всѣ они составили между собою союзъ, для мести аптекарскимъ подмастерьямъ. Месть эта заключалась въ такомъ глубокомъ

презрѣніи, что ни стручки, ни тамаринда, ни даже калабрійская манна и дѣвичья кожа не могли болѣе соблазнить лакомокъ: онѣ оставались холодными и не прикасались ни къ какимъ коробочкамъ и сверткамъ. Всѣ эти вещи отправлялись обратно, прямо къ аптекарю, который, продолжая выводить мозоли свои, бранился съ утра до вечера съ учениками за расхищеніе аптечныхъ припасовъ.

ГЛАВА IV.

ИЗГОТОВЛЕНІЕ ОКРОШКИ И НАЧИНКИ.

Миронъ Степановичъ кушалъ чай, поглаживая бороду, въ семейномъ кругу своемъ. Тутъ большихъ и малыхъ было довольно, и всѣ они привыкли и пріучились съизмала пить бережно вприкуску, такъ, чтобы растянуть осколышъ сахара чашки на три, на четыре; а Марѳа Алексѣевна, заваривъ или засыпавъ разъ чаю и употчивавъ себя и супруга своего вдоволь, для остальныхъ домочадцевъ своихъ воды не жалѣла. Миронъ Степановичъ, выпивъ шестую или седьмую чашку, кинулъ остатокъ сахара своего сразмаху въ сахарницу, вздохнулъ и, отдувшись на обѣ стóроны, завалился въ кресла и продолжалъ молча думы свои, отрывчатыя и несвязныя: у него въ головѣ шли рядкомъ, но немножко сбивчиво, какъ плохо пріѣзженная пара коней, коренная и пристяжная, двѣ думы: одна насущная, торговая, купеческая; другая—подивитесь причудамъ человѣка! — другая дума почетная, чиновная, знатная. Первая отвѣчала нѣкоторымъ образомъ за коренную, вторая за пристяжную; но онѣ путались какъ-то, ртачились, заступали постромки, закусывали удила, рвались — одна въ одну, другая въ другую

сторону — и шли нескладно. Итогъ мѣсячнаго торговаго оборота, который, мимоходомъ сказать, не записывался никогда въ заморскія счетныя книги, а хранился просто въ памяти Мирона Степановича, въ этомъ объемистомъ и надежномъ архивѣ, который не боялся ни крысъ, ни пожаровъ, — итогъ мѣсячнаго оборота несвязно путался съ какою-то лѣствицею чиновъ, а тутъ мелькалъ еще въ воображеніи Мирона Степановича прикащикъ съ безменомъ, а тамъ пара эполетъ; умственный разсчетъ процентовъ, которые слѣдовало уплатить и получить въ теченіе будущей недѣли—все это Миронъ Степановичъ зналъ и соображалъ на память, — разсчетъ этотъ не могъ отцѣпиться отъ крестика, который давалъ еще въ то время дворянство. Крестикъ этотъ впился и впутался во всѣ торговые разсчеты Мирона Степановича, ровно въ беремя шемаханскаго шелка, и почтенный хозяинъ крякнулъ, наконецъ, погладилъ бороду, всталъ и вышелъ въ другую комнату.

«Ты ужь старъ, Миронъ Степановичъ!» сказалъ онъ самъ себѣ, покачивая головою: «вѣкъ свой отживаешь; тебѣ объ этомъ для себя думать нéчего. Расторгуйся ты понынѣшнему годовъ двадцать раньше— ну, тогда иное дѣло. А вотъ теперь хоть для дѣтей позаботься, чтобъ не пеняли послѣ на тебя, коли денегъ имъ покинешь, да чести не дашь, — для дѣтей позаботься. Жизнь нашего брата извѣстная: честь отъ утра до вечера; полюбился кому, ладно; не полюбился, чтó захочетъ, то надъ тобой и сдѣлаетъ: ты, говоритъ, мужикъ, бородачъ, тебѣ мѣсто въ передней. Кабы не совѣстно своихъ стариковъ, влѣзъ бы ину пору въ нѣмецкое платье, ей, право, влѣзъ бы; хоть чести съ нимъ тебѣ не прибудетъ, да все какъ-то у людей рука не такъ подымается на человѣка въ нѣмецкомъ платьѣ: все онъ какъ будто баринъ. А нашъ братъ

что? вотъ» — и толкнулъ ногою мимоходомъ стулъ, такъ что онъ полетѣлъ со стукомъ объ двери.

Марѳа Алексѣевна выглянула къ мужу съ вопросомъ: «что́ тутъ такое дѣлается?» Онъ отвѣчалъ: «такъ, ничего, стулъ хозяина не призналъ, не посторонился». И Марѳа Алексѣевна хотя и не поняла отвѣта, но и не призадумалась надъ нимъ, а успокоилась.

Между тѣмъ, вошла черезъ заднее крыльцо пріятельница Марѳы Алексѣевны, Акулина Герасимовна, которую прозвали въ городѣ Акулинушкой. Хозяйка съ гостьей, употчивавъ другъ друга взаимными лобзаніями, поклонами, величаніемъ по отчеству и освѣдомленіями о здоровьѣ, усѣлись на диванѣ и снова принялись за чай. Акулинушка также пила очень искусно вприкуску и ставила блюдечко, наливъ въ него чаю, вѣжливо и почтительно донышкомъ на поднятые кверху пять перстовъ и только изрѣдка позволяла себѣ, для перемѣны, брать его въ распорочку большимъ и четвертымъ пальцемъ снаружи, прихватывая указательнымъ сверху и оставивъ средній и мизинецъ рогульками.

Акулинушка была что-то очень весела, осматривалась, оглядывалась, усмѣхалась, улыбалась, льстила хозяйкѣ, ласкала ее при всякомъ удобномъ случаѣ и наконецъ свела рѣчь искусно вотъ на что:

— Ну, что же, матушка Марѳа Алексѣевна, ваше яблочко наливчатое, чай, ужь не зелено, дошло, доспѣло: нѣтъ ли у васъ, матушка, какого товару для сбыта? Я бы, можетъ статься, и купца нашла — хорошаго человѣка, и такого таки хорошаго, что стали бы вы жить за нимъ припѣваючи, меня, слугу вѣрнаго, поминаючи. Какъ вы думаете, матушка Марѳа Алексѣевна?

— А не знаю, матушка Акулина Герасимовна, какъ вамъ сказать; я безъ Мирона Степановича, сами знаете,

не радитель: онъ голова, онъ и правая рука. А кто бы это такой, напримѣръ? изъ какихъ?

— Хорошій человѣкъ, матушка Марѳа Алексѣевна (тутъ что-то щелкнуло подъ платкомъ Акулинушки, ровно орѣхъ), хорошій; благодарить будете, ей-богу; только ударьте по рукамъ!

— Не знаю, матушка, право не знаю. Да кто же бы это такой, сказывайте!

— Что вамъ сказывать, матушка! извѣстное дѣло: вы, слава Богу, знаете меня; я не такая, не пойду на такое дѣло, чтобъ васъ обманывать какъ, или что нибудь... Ужь я говорю, что хорошій человѣкъ, и благодарны будете. Красавецъ, ужь сказать, что молодецъ! Не стыдно въ люди показать. И смирный такой, ничего за нимъ никогда не слышно, и не такой, чтобъ нахлѣбникомъ думалъ жить у васъ: ваше добро таки по себѣ, чѣмъ Господь и отецъ благословятъ, а ужь и онъ не изъ дому понесетъ, а въ домъ: припасайте только ларцы!

— Охъ, не знаю, матушка Акулина Герасимовна, право не знаю, что́ и сказать тебѣ. Вотъ развѣ поговорить со старикомъ своимъ, что́ онъ скажетъ еще.

Марѳа Алексѣевна вышла въ другую комнату и воротилась черезъ минуту съ мужемъ.

Миронъ Степановичъ раскланялся, сѣлъ на кресла, сталъ почтительно освѣдомляться о здоровьѣ гостьи и всѣхъ родныхъ ея и не прежде, какъ черезъ полчаса разговора, перешелъ къ дѣлу и потребовалъ, чтобъ сваха назвала жениха, безъ чего-де отвѣта не будетъ никакого. Она продолжала еще нѣсколько времени загадочными намёками, покуда, наконецъ, Миронъ Степановичъ не добрался, что она прочитъ дочь его, Парашу, за сына купца Корюшкина. Старикъ наморщилъ немного брови, погладилъ бороду, почесалъ затылокъ и, казалось, не рѣшался, какъ на это отвѣчать; онъ

оглянулся къ дверямъ, гдѣ люди незастѣнчиво подслушивали, о чемъ идетъ рѣчь, сказалъ: «Подите вы! чего вамъ тутъ надо? тутъ не ваше дѣло»; потомъ обратился къ свахѣ и, повторивъ нѣсколько разъ: «не знаю, право не знаю», между тѣмъ какъ та увѣряла, что «кому же и знать, батюшка, кромѣ васъ» и что «женихъ хорошій, очень хорошій человѣкъ», — Миронъ Степановичъ сказалъ, наконецъ: «Нѣту, матушка, Акулина Герасимовна; спасибо за доброе старанье ваше, а не прогнѣвайтесь, вы дѣла-то не знаете. Параша у насъ молода еще; Богъ милостивъ, подождемъ, что впередъ будетъ; торопиться нечего».

Акулинушка распѣвала еще долго, и уговаривала, и приговаривала, но никакого рѣшительнаго отвѣта не получила. Испросивъ позволенія навѣдываться, она отправилась домой.

Параша узнала тотчасъ отъ людей, что тутъ дѣлалось, и ходила нѣсколько дней застыдившись, ожидая спокойно участи своей отъ воли родительской.

И сама Марѳа Алексѣевна не знала, чего хочетъ Степановичъ ея и для чего онъ отказываетъ, но и не смѣла спрашивать его о томъ, полагая, что это-де его дѣло и онъ про то самъ знаетъ: на то онъ отецъ.

Акулинушка отправилась домой не безъ надежды: она, изволите видѣть, развѣдавъ напередъ о препятствіяхъ, приняла мѣры свои и если не припаивала и не прикармливала невѣсты зельемъ, не давала ей любжи, то по крайности припасла и пустила въ дѣло штуку въ родѣ этого: она сняла съ сундука своего, какъ пошла сватать, большой висячій замокъ, держала его во время сватанья скрытно подъ платкомъ и на самомъ причинномъ мѣстѣ бесѣды своей повернула ключъ, щелкнула и попробовала за дужку, точно ли замокъ замкнулся. Увѣрившись въ этомъ и проговоривъ мысленно: «слово мое крѣпко», она не испугалась отказа,

а, укрѣпивъ такимъ образомъ за собою слово, надѣялась еще современемъ успѣть. Опытъ—важное дѣло, а многократный опытъ ручался Акулинушкѣ за успѣхъ этой мѣры.

Объяснимъ, между тѣмъ, почему Миронъ такъ призадумался, когда посватали Парашу за Петра Корюшкина, жениха во всѣхъ отношеніяхъ завиднаго, а по наслѣдству — одного изъ первыхъ богачей Тугарина. Мы видѣли уже, что Мирона Степановича мучила суета суетъ другого разбора; деньги у него были порядочныя у самого и, какъ у хорошаго хозяина, держались. Но ему хотѣлось пуще всего выйти въ люди, если не чрезъ себя самого, то по крайней мѣрѣ чрезъ дѣтей. Вотъ почему онъ сына прочилъ, во что бы ни стало, въ военную службу, а дочь хотѣлъ выдать за чиновника. У него была маленькая надежда на губернаторскаго адъютанта, около котораго ходили вѣрные люди, и потому Миронъ началъ немного зазнаваться. Не будь этого, онъ бы обѣими руками ухватился за Корюшкина, а развѣ изъ одного только приличія далъ бы на первый разъ неопредѣлительный отвѣтъ. Обдумывая все это, Миронъ былъ, однако же, доволенъ въ душѣ, что у дочери его такіе почетные женихи, и сказалъ про себя: «знаемъ мы васъ—Корюшкиныхъ, послѣдняя копѣйка ребромъ! Нѣтъ, коли судитъ Богъ быть намъ сватами, такъ изволь отписать на имя невѣсты сотенку тысячъ, а безъ этого въ долгъ не повѣримъ».

Хитрая сваха прилетѣла къ Якову Ивановичу въ полномъ удовольствіи, точно будто покончила все дѣло. Она разсыпалась мелкимъ бѣсомъ, обнадеживала, выхваляла Парашу, льстила самому Якову Ивановичу, на котораго-де на самого еще невѣсты заглядываются, и, отвертѣвшись общими словами и не сказавъ ничего положительнаго, юркнула и провалилась.

Акулинушка не даромъ слыла свахой, на которую

можно было положиться. Она усердно бралась за дѣло, особенно за такое, гдѣ отцы жениха и невѣсты поговаривали о сотняхъ тысячъ, и успѣвала сводить концы. Весь городъ подымала она на ноги, если встрѣчала препятствія; всѣ ворожбы и заговоры знала, всякую дурную и хорошую славу умѣла распускать, гдѣ и какъ нужно, чтобъ достигнуть своей цѣли. Гдѣ нельзя было покончить дѣла вдругъ, тамъ Акулинушка не горячилась: она работала, какъ муравей, круглый годъ и болѣе надъ одной кучкой, и Тугаринъ не даромъ преисполненъ былъ разсказами о ея дѣяніяхъ. Отхлопать невѣсту у жениха и передать ее другому — это ей какъ стаканъ воды выпить, ни по чемъ.

Разузнать все, что ей знать было нужно, Акулинушка подпустила напередъ надежную лавутчицу подъ адъютанта и растрезвонила отвѣтъ его по всему городу, и притомъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя должны были дойти до Мирона Степановича и оскорбить его самолюбіе. Словомъ, она вывела въ три дня — чужими руками—адъютанта на чистую воду, и Миронъ Степановичъ увидѣлъ, что тутъ ожидать нечего, что тутъ, какъ выразился онъ слегка, одно шеромыжничество. Съ сердцовъ и съ горя, сталъ онъ уже крѣпко жалѣть, что обошелся сухо съ Акулинушкой, и ждалъ съ нетерпѣніемъ, чтобъ она опять пожаловала. «Корюшкинъ, какъ бы то ни было, позажиточнѣе меня», подумалъ Миронъ: «а Петя будетъ Парашѣ моей дружка не дурная; только надо обезпечить ее, чтобъ старикъ за-живо не прокутилъ нажитаго.»

Между тѣмъ, Корюшкина нѣсколько безпокоила затяжка этого дѣла, и какъ ни виляла Акулинушка, а надо было ей что-нибудь придумать. Она шепотомъ намекнула Корюшкину на извѣстныя похвальныя качества Параши, которымъ завидуютъ всѣ отцы и ма-

тери: «Дѣвка, сударь батюшка, такая гордая, такая пышная, царица настоящая, что твоя королевна! Жаль ей, вишь, разставаться съ дѣвичьей долей своей, не хочется расплетать русой косы своей, боится, сударь батюшка, теперь, говоритъ, у отца-матери за пазушкой сижу, а тамъ будутъ ли меня жаловать да миловать? не раскинуть бы мнѣ печаль по плечамъ, не пустить бы мнѣ сухоту по животу? И заплачетъ, моя сердечная, какъ накроетъ бѣло личико-то руками, словно тучами бѣлый мѣсяцъ заволокло, а какъ глянетъ опять, моя раскрасавица, то вотъ ровно красное солнышко проглянуло на тебя: такъ вотъ, батюшка, рублемъ подаритъ! Вѣдь много, сударикъ ты мой, за нею безпокоятся, много всякихъ стараются: тотъ къ себѣ ее и тотъ къ себѣ—всякому тоже хочется, вотъ и Комариха ходитъ въ домъ Мирона Степановича, и косая вѣдьма чухломская, Осиповна, тоже тамъ старается; да шишъ возьмутъ, ничего не выстараются! Ужь кромѣ Акулины Герасимовны, просто сказать, никому этого дѣла не сдѣлать, таки вотъ ни мать, ни отецъ безъ меня ничего не сдѣлаютъ—ужь нѣтъ, нѣтъ, а все-таки опять зашлютъ къ Акулинѣ Герасимовнѣ! Будьте, батюшка, спокойны; все въ нашихъ рукахъ, не минуетъ насъ власть Господня. Слава Богу, не стыдно въ люди показаться съ такимъ женихомъ, съ Петромъ Яковлевичемъ; вѣдь нечего тутъ ломаться, надо правду говорить: дѣвки-то пальчики свои по немъ облизываютъ; это не другой кто!»

Миронъ Степановичъ ѣздилъ кой-куда и воротился домой крѣпко не въ духѣ. Марѳа Алексѣевна разспрашивала его съ осторожностью о случившемся: Миронъ Степановичъ надулся-было, но вдругъ его прорвало, и онъ выкричалъ все, что было у него на душѣ.

«Чего», говоритъ, «провались онъ совсѣмъ (вы видите, что рѣчь шла объ адъютантѣ). Иду я по новой

просади, а дрожки мои ѣдутъ рядомъ. Попадается мнѣ обтяжной этотъ, и думалъ—было я отворотиться,—пусть идетъ съ Богомъ своимъ путемъ—да такъ вотъ дернуло меня, снялъ шляпу, раскланялся, пошелъ съ нимъ по дорогѣ да разговорился про то, про се, какъ прошли мы просадь ту,—а онъ сказалъ, что ѣдетъ въ больницу,—такъ я, не быть бы не учемъ, и прошу, что неугодно ли съѣздить, вотъ-де и парныя дрожечки мои, прошу за одолженіе; а онъ: нѣтъ, говоритъ, благодарю, я и пѣшкомъ дойду; да и отворотилъ носъ въ сторону. Ну, я и подумалъ: провались же ты, коли зазнаваться сталъ; еще этакихъ-то дрожекъ, можетъ статься, и не видалъ, а не то что сиживалъ на нихъ; чего ты рыльце-то отворачиваешь? Это не деньщичишко сидитъ бритый, на столбикахъ, не сапатыя артельныя меренья; эти дрожечки 800 даны въ Казани, да лошади 500, да упряжь 250, да кучеръ откупленъ у меня за 700; стало быть, не на дровни жь я его сажалъ, а люди говорятъ, будетъ вся закладка 2250; поди жь ты, коли хочешь пѣшкомъ! кума съ возу, куму легче!»

Марфа Алексѣевна только развела руками, да ударила объ полы:

«Плюнь, батюшка Миронъ Степановичъ, право, плюнь! Голь эта вся такова. Вотъ и у братишки его, у старшого, вѣдь ни посудинки, говорятъ, нѣтъ; вѣдь забиралъ, забиралъ у добрыхъ людей по рядамъ да по лавкамъ, что, чай, и счетъ потеряли; со дня на день перебивается, а въ который день не сорветъ съ кого, такъ и ѣсть нечего; а хозяйка-то, гляди, въ какихъ атласахъ разъѣзжаетъ, словно княгиня!»

На другой день послѣ этого случая Миронъ Степановичъ, надумавшись, поѣхалъ съ утра на скотную площадь, зная, что встрѣтитъ тамъ Корюшкина, который въ торговые дни всегда тамъ бывалъ. Они и

точно сошлись, поздоровались и понемногу разговорились. Но чтобъ читатели видѣли ихъ передъ собою и отличили Мирона отъ Якова, то надо хоть немного показать сходство ихъ и несходство.

Миронъ Степановичъ былъ годовъ пять постарѣе, уже подъ шестьдесятъ, пониже ростомъ, но плотнѣе, пошире въ плечахъ, почернѣе волосомъ, съ небольшою просѣдью, лицо, какъ у любаго извощика; синій сюртукъ, разрѣзной, тонкаго сукна и нѣмецкіе сапоги, т. е. такіе, которые чистились ваксой. Изъ всего этого слѣдуетъ, что Миронъ Степановичъ походилъ на кулебяку съ бородой. Яковъ Ивановичъ былъ порослѣе, пожилистѣе, порусѣе волосомъ, а лицо чугунное, холодное; глаза темносѣрые, очень живые, ротъ сжатый, губы прикушены, сюртукъ также синій, но толстый, неопрятный, съ оборванными обтяжными пуговками; цвѣтная, истасканная жилетка, черный каленкоровый платчишко и воротникъ ситцевой рубашки всегда выказывались тутъ и тамъ, на груди и около шеи, — а сапоги сличные, смазные. Сверхъ того, Миронъ Степановичъ носилъ въ правой рукѣ распущенный шелковый платокъ и даже иногда таскалъ его за собою, обмотавъ кончикъ вокругъ пальца; Яковъ же Ивановичъ сморкался всегда въ бумажный, клѣтчатый, красный платокъ, какъ въ книгу, не распуская его, а разгибая только пополамъ, какъ былъ сложенъ прачкой, и опять совалъ его въ карманъ. Миронъ Степановичъ, наконецъ, нашивалъ большіе часы съ печатями, на золотой цѣпочкѣ; а Яковъ Ивановичъ, напротивъ, если при немъ кто-нибудь вынималъ изъ кармана часы, сухо отворачивался и, взглянувъ мелькомъ на солнышко, приговаривалъ: «первый», или «пятый»,—и никогда не ошибался

— А что, Яковъ Ивановичъ,—сказалъ Миронъ:— правда ли, нѣтъ ли, говорятъ, сало въ Питерѣ вздорожало?

— Вѣрь ты имъ!—отвѣчалъ тотъ:—какъ нѣтъ его, такъ и подымутъ, а привези только, такъ и сядешь: Знаемъ мы ихъ!

— Кому же и знать, коли не вамъ! А дома какъ у васъ, благополучно?

— Да вотъ сорванецъ мой, того, подросъ и, благодаря Бога, ничего; только скучать сталъ что-то, уши развѣситъ, да такъ себѣ и ходитъ.

— Извѣстно, человѣкъ молодой. Только смирный долженъ быть Петръ Яковлевичъ у васъ и почтенный человѣкъ, всѣ хвалятъ. Вотъ дастъ Богъ устроите его, такъ ничего, покинетъ скучать.

— Чего его устраивать! Извѣстно, все его, что нажито. Съ собой не возьмемъ. Будетъ съ него.

— Про это, благодаря Бога, и говорить нечего; а я говорю, что, то-есть, какъ устроите его хозяюшкой молодой, такъ и сами поуспокоитесь.

— Да, пора-то, пора. Не на веревкѣ же его держать. Что правда, то правда. Ну, а у васъ какъ дѣла?

— Да, благодаря Бога, живемъ, поколѣ Господь грѣхамъ нашимъ терпитъ.

— Вотъ, вѣдь вамъ-то хорошо было меня спрашивать, Миронъ Степановичъ: у меня одинъ однимъ, какъ перстъ; а вамъ Богъ далъ радости много, такъ тутъ и не знаешь, какъ за что взяться. Спросишь, такъ и назвать надо!

— Ну, что же, Яковъ Ивановичъ, такъ и назовите, коли потрудиться угодно будетъ; истинно, за честь примемъ!

— Да ты думаешь про кого, про Марѳу Алексѣевну твою, что ли, стану я спрашивать? Я, братъ, про старухъ не спрашиваю никогда!

— Ну, про молодыхъ спросите, милости просимъ! Извѣстно, старухи живутъ да покрякиваютъ, молодыя живутъ да поглядываютъ!

— Вишь, старый хрычъ!—сказалъ Корюшкинъ разгулявшись:—договорились мы таки съ тобою до того, что и называть не надо! коли такъ, такъ чего же ты пожимаешься?

— Кто? я? ни ни, Яковъ Ивановичъ! что мнѣ пожиматься?

— Ну, такъ о чемъ же толковать? отдаешь, что ли?

— Отдаю, Яковъ Ивановичъ, ей-богу, отдаю!

— Давно бы такъ!— закричалъ Корюшкинъ, обнимая свата:—мы, чай, другъ объ друга не замараемся, хоть кафтанъ-то на тебѣ и потоньше моего: нужды нѣтъ.

ГЛАВА V.

ПАРНАЯ ПОДБОРКА КОЛБАСЪ.

Воротившись домой, Миронъ Степановичъ засталъ у себя Акулинушку, которая сидѣла у Марѳы Алексѣевны за кофейкомъ уже болѣе часа и ждала его пріѣзда. Она очень искусно разсчитала для этого втораго посѣщенія время и обстоятельства, но не могла предвидѣть, что сваты съѣдутся и столкуются сами; она бы хоть черной кошкой между ними пробѣжала, а ужъ не дала бы имъ самимъ кончить дѣло.

Акулина Герасимовна такъ и залилась трещоткой, увидѣвъ Мирона, да такую понесла, что ему, у котораго дѣло было въ шляпѣ, не втерпежъ стало слушать, и онъ вздумалъ надъ ней подшутить. «Нѣту, нѣту, матушка сударыня моя, Акулина Герасимовна», сказалъ онъ, замахавъ руками: «милостивица ты наша,— и не говори и не поминай; не знаешь ты, золотая, дѣла; нѣту! ну вотъ тебѣ наотрѣзъ: нѣтъ! А впередъ милости просимъ, будьте гостьей нашей! Прошу, су-

дарыня, завтра на вечеръ, такъ вотъ увидите сами, какія у насъ дѣла; покорно прошу».

Этотъ нежданный отвѣтъ до того поразилъ Акулинушку, что она, баба неробкаго десятка, видавшая много на свѣтѣ, насилу перевела духъ. Не стало у нея на такой случай никакихъ запасныхъ поговорокъ, и она, заохавъ, залилась горькими слезами. Облегчивъ этимъ сердце, принялась она невпопадъ причитывать утраченной невѣстѣ, словно покойницѣ, и разсердила отца и даже мать. За это онъ не открылъ ей дѣла, а далъ уѣхать въ слезахъ и въ простодушномъ невѣдѣніи.

Когда Миронъ объявилъ хозяйкѣ своей, что дѣло кончено, то и она заплакала. Степанычъ не гнѣвался на это, а утѣшалъ ее; она же больше вздыхала, чѣмъ говорила, и посторонній зритель никакъ бы не разгадалъ, съ горя ли она плачетъ, отъ радости ли, или инаго рода чувство ее тревожитъ. Степанычъ объявилъ затѣмъ, что на завтра къ вечеру назначены смотрины, по-пріятельски, и тутъ же быть помолвкѣ. Мареа Алексѣевна опять испугалась немного, но ужъ плакала не долго, потому что надо было подумать о хозяйствѣ и кой-что припасти.

Позвали Парашу, поцѣловали ее и объявили, что завтра быть помолвкѣ; она, правду сказать, ждала этого со дня на день, подготовленная стараніемъ Акулинушки, и съ того времени, какъ началось сватовство, у нея съ дѣвушками только и рѣчи было, что о женихѣ. Онъ молодъ, хорошъ собою, очень богатъ; чего жъ ей больше? Всѣ подруги будутъ завидовать!

— Ну, братъ Петя,—сказалъ Корюшкинъ, пріѣхавъ домой и поцѣловавъ сына: — вотъ задамъ пиръ, такъ задамъ! Сколько есть вина у жидомора нашего, откупщика, все беру, все, до послѣдней косушки; 1,000 бочекъ, и то беру, колодцы, братъ, подѣлаемъ и жу-

равли поставимъ, только бы народъ проклятый не ввалился туда, а то отвѣчать будешь! Бани на три дня беру, и вѣники мои, и кто хочетъ квасомъ парься, пивомъ, медомъ запивай, всего вволю!.. Да ты что глядишь у меня мокрицей такой? а? Пойди-ко сюда, сюда, нагнись, дай-ко чубъ; вотъ такъ: не воруй, не пьянствуй, не шатайся; слышь, я что тебѣ говорю? молчи, дуракъ! я любя подралъ тебя. Вѣдь отецъ родной, не чужой кто. Молчи: дѣвка наша, засватана. Завтра смотрины у насъ; вѣдь, я ея и не видалъ, мнѣ смотрины, а тебѣ помолвка! Да ну, что ли, шевелись! Рабъ Господень, если отцовскій сынъ! Тьфу, бабенка ты какая! Она, чай, плачетъ теперь, такъ и тебѣ плакать! Ну, она дѣвка: нельзя въ такомъ случаѣ не поплакать... вотъ, слышалъ, Акулинушка говорила намедни, что русой косы своей жалѣетъ невѣста твоя; ну, а ты чего? толкуй съ нимъ! Поди, зови сюда прикащика!

Акулинушка едва успѣла дойти домой, какъ уже узнала отъ прибѣжавшихъ съ поздравленіями добрыхъ пріятельницъ настоящее положеніе дѣла. Несмотря на чрезвычайное разстройство свое, огорченіе и недоумѣніе, она сумѣла однакожъ такъ хорошо прикинуться и выѣхать на обинякахъ, что, выспросивъ все, что ей было нужно, сама и вида не показала, будто это для нея новость: она, напротивъ, сумѣла оставить разскащицъ въ убѣжденіи, что она-то сама и состряпала эту свадьбу. Такой оборотъ было ей тѣмъ удобнѣе дать дѣлу, что вѣстовщицы не знали разговора стариковъ на скотной площади, а знали только, черезъ людей, что завтра вечеромъ смотрины и помолвка у Мирона Степановича, и что Корюшкинъ также готовится отпировать свадьбу сына. Теперь Акулинушка поняла также, для чего Миронъ Степановичъ звалъ ее на завтрашній вечеръ, и догадалась, что именно она тамъ увидитъ.

Непонятно и до отчаянія огорчительно было ей только то, какимъ образомъ могло дѣло такъ внезапно состояться, и при томъ безъ нея! Не долго думавъ, она стала догадываться, что, видно, планы Мирона относительно адъютанта какъ-нибудь внезапно рушились, и старикъ вдругъ, не выждавъ вторичныхъ стараній ея, ударилъ по рукамъ. Она, какъ видите, и при неудачахъ рѣдко ошибалась въ своихъ догадкахъ и разсчетахъ. На этомъ основаніи, Акулинушка видѣла предъ собою два пути: или разсердиться не шутя, надѣлать шума, разбранить въ глаза сватовъ, за непозволительное самоуправство ихъ, и стараться всѣми силами разстроить свадьбу; или же смолчать, будто ничего не бывало, выставить себя передъ цѣлымъ свѣтомъ свахой въ этомъ дѣлѣ и принять видъ, будто сама его устроила. Она предпочла послѣднее, потому что оно было выгоднѣе, и положеніе ея при такихъ обстоятельствахъ несравненно почетнѣе. Она дѣло начала, это знали всѣ; надѣясь на наглый языкъ свой и ничѣмъ несмущаемые глаза, Акулинушка была увѣрена въ успѣхѣ и, конечно, не боялась никакой очной ставки, до которой, впрочемъ, по ея разсчету, не могло и дойти. Какая кому до этого нужда? Старики сами постыдятся выставить себя передъ міромъ сватами и уже для одного приличія примутъ Акулинушку въ подставныя посредницы. На этомъ основаніи, она тотчасъ же отправилась къ Корюшкину, увѣрилась осторожными разспросами въ передней въ истинѣ полученныхъ ею свѣдѣній и затѣмъ, пріосанившись, пошла представиться самому хозяину.

— А я къ вамъ, батюшка Яковъ Иванычъ, съ хорошею вѣстью, аль у васъ уже сердце слышитъ? Королевна-то пышная наша, недотрога-царевна, плачетъ сидитъ, а русу косу-то расплетать не боронитъ; иду, говоритъ, иду. И залилась слезами, сердечная моя, слезами»!

— Полно, такъ ли, матушка? — спросилъ Яковъ Ивановичъ, хитро мигнувъ однимъ глазомъ.

— Видитъ Богъ, такъ! Вѣдь я сейчасъ отъ нихъ. Помилуйте, шутить что ли я стану такимъ дѣломъ! Вѣдь ужь я, батюшка, передъ вами отвѣтчица, коли говорю, что идетъ, а не они; что? разумѣется, отецъ и мать — ну, и только; власть отцовская, а старанье мое; безъ этого нельзя. А ужь сколько было безпокойства, батюшка! Вѣдь извѣстно, дѣвичій обычай; ну, а стерпится — слюбится.

— А тебѣ слюбилось? перебилъ ее Корюшкинъ.

— И, батюшка! что про это поминать! Самъ знаешь, моя доля не такая была, покуда былъ живъ покойникъ; вотъ вѣдь мундиръ цѣлъ у меня и теперь, — царство ему небесное! — берегу, батюшка, былъ живъ, такъ и я чиновная была, а теперь, кабы свѣтъ не безъ добрыхъ людей, вотъ хоть какъ вы, Яковъ Ивановичъ съ Мирономъ Степановичемъ — тузы, ужь нечего говорить, — такъ что жь бы я, сирота горемычная, стала дѣлать?

— Ну, благо кончили, матушка: такъ ли, сякъ ли — да дѣло въ шапкѣ. Не станемъ поминать старое. Вотъ вамъ за благодарность мою, да еще припасовъ хозяйскихъ, того сего, прикажу вамъ прислать; молитесь Богу за молодыхъ, а мы, старики, помолимся сами за себя. Господь проститъ согрѣшенія наши!

Такимъ образомъ Акулинушка, уладивъ дѣло, явилась на смотрины не только какъ посвященная во всѣ тайны, но и въ родѣ правой руки хозяйки и распорядительницы...

Вечеръ этотъ въ свое время пришелъ. Позваны были только свои близкіе, но и ихъ набралось довольно. Въ то время еще стеариновыхъ свѣчъ не было, и Марѳа Алексѣевна, расхаживая между гостями, принимая поздравленія и привѣтствія, оборачивалась то

направо, то налѣво и своеручно снимала со свѣчей. Для барынь подавали темныя чарочки, чтобъ невидно было со стороны, много ли въ нихъ налито; а коли гостья жеманилась, то смѣтливая хозяйка отводила ее во внутренніе покои, посмотрѣть домъ, а въ спальнѣ доставала изъ маленькаго поставца штофчикъ. Когда гостья и тутъ еще отказывалась, то Марѳа Алексѣевна оглядывалась, подходила къ дверямъ, нѣтъ ли свидѣтелей, и если не было никого, то она вовсе становилась втупикъ, не понимая, что бы это такое значило, что гостья не пьетъ?... Вообще, угощенія разносились на подносахъ огромной величины, и прислуга обоего пола при этомъ кланялась каждому гостю, указывая носомъ на рюмки, стаканы или тарелочки. Впрочемъ, такой подносъ обыкновенно пускался въ круговую, въ сопровожденіи одного изъ членовъ благословеннаго семейства, съ обязанностію кланяться, потчивать и угощать.

Акулина Герасимовна сыграла комедію свою превосходно; иногда, правда, сыпались шуточки и намеки со стороны того и другаго изъ сватовъ, насчетъ не совсѣмъ удачнаго сватовства ея; но она отыгрывалась такъ мастерски, что никто изъ постороннихъ не могъ понять настоящій смыслъ дѣла, и притомъ громогласно выражалась объ этой свадьбѣ, какъ о своемъ стараніи.

Яковъ Ивановичъ вошелъ такимъ козыремъ, такимъ молодцомъ, что любо было на него посмотрѣть. Голова была примаслена и хорошо расчесана, волосы вились легкой волной. Новый праздничный сюртукъ, саржевый платокъ на шеѣ и нѣмецкіе сапоги довершали благоприличный нарядъ.

Въ одной рукѣ, Яковъ Ивановичъ держалъ на отлетѣ пуховую шляпу съ низкой тульей, въ другой— красный бумажный клѣтчатый платокъ, сложенный, какъ вышелъ изъ-подъ утюга.

За Яковомъ Ивановичемъ шелъ сынишка его, какъ онъ называлъ его сегодня во весь вечеръ, рослый, хорошо сложенный женихъ, но немного необтёсанный, да и вовсе не съ жениховской осанкой. Онъ болтался какъ-то на ходу со стороны въ сторону, въ длинномъ синемъ сюртукѣ по самыя пятки, какъ чубукъ въ чехлѣ, глядѣлъ въ землю и будто прятался за отца.

Корюшкинъ обнялъ встрѣтившихъ его хозяевъ, наговорилъ нѣсколько шумныхъ пожеланій и сейчасъ же просилъ показать суженую, примолвивъ: «Мнѣ, мнѣ покажите, а не ему; ему не надо; онъ наглядится еще; а мнѣ поцѣловать дайте ее, чтобъ всѣ люди видѣли, какихъ красавицъ старикъ цѣлуетъ, что и не всякому молодому удастся, а? Ха, ха, ха»!

Корюшкинъ, исполнивъ все это на дѣлѣ, разсказалъ невѣсткѣ, какъ онъ берегъ сынишка для нея и строго его держалъ, билъ его любя и наказывалъ не воровать, не пить, не шататься; совѣтовалъ невѣсткѣ также и впередъ не баловать муженька, держать его въ рукахъ и прочее.

Параша была недурна собой, но и не изъ-рядувонъ хороша. Кругленькое, пухленькое, чистенькое личико, плосковатое, носикъ маленькій, брови тонкой дугой, глаза хорошенькіе, но безъ души. Роста она была небольшаго, но когда сидѣла, то казалась выше, потому что была, какъ большая часть русскихъ женщинъ, коротконожка. Одѣвалась она по новому, въ нѣмецкое платье; платочекъ носила, свернувъ его въ клубочекъ и взявъ въ два кулачка передъ собою. Сложеніе ея показывало, что плоть вскорѣ должна одолѣть духовное начало, и что забота о житейскомъ и насущномъ составитъ единственную потребность этого существа, теперь еще довольно миловиднаго. Ей, впрочемъ, въ томъ кругу, гдѣ она выросла, легко было казаться любезною: говорить не приходилось ей, какъ

дѣвушкѣ, никогда, и стоило только молчать, присѣдать и слегка улыбаться.

Кончивъ привѣтствіе будущей невѣсткѣ своей, Яковъ Ивановичъ присѣлъ тутъ же и смолкъ, какъ будто прикусилъ языкъ, а между тѣмъ не спускалъ молодой съ глазъ. Взявшись раза два за бороду, онъ какъ будто призадумывался, потомъ оглядывался кругомъ, какъ будто кого искалъ, — наконецъ вздохнулъ, испросилъ вполголоса прощеніе грѣхамъ своимъ, всталъ и вышелъ въ залу.

Тамъ мужчины собрались вокругъ стола и дивана, стояли, сидѣли и шумно бесѣдовали. Между ними былъ и самъ хозяинъ и молчаливый женихъ. Этотъ, впрочемъ, сначала глядѣлъ на все скучно; но какъ о колбасницѣ онъ не смѣлъ и думать, и жениться на ней никогда не приходило ему въ голову, то новое положеніе жениха согрѣло его понемногу, взглядъ на пригоженькую невѣсту, которую онъ, такъ сказать, самъ выбралъ, обольстилъ его на время; поздравленія и привѣтствія, произносимыя со всѣхъ сторонъ съ такимъ видомъ, что есть-де съ чѣмъ поздравить и есть чему позавидовать, — поздравленія эти немножко тронули самолюбіе его и какъ ему дѣваться было некуда, то онъ пріободрился и считалъ судьбу свою не совсѣмъ дурною.

Въ это время подошелъ къ кружку твердымъ шагомъ старикъ Корюшкинъ, съ лицомъ важнымъ и нѣсколько озабоченнымъ; окинулъ молча всѣхъ глазами и присѣлъ на диванѣ; среди круга ему тотчасъ же очистили почетное мѣсто. Онъ взглянулъ раза два на сынишку своего, который какъ-то взгляда этого не понялъ, а потомъ опять на другихъ собесѣдниковъ и, кивнувъ на сына бокомъ головой, между тѣмъ какъ самъ уставилъ глаза на третьяго, сказалъ: «Каковъ молодецъ? а? Да ты, Петя», продолжалъ онъ, поло-

живъ правый локоть на столъ и подпершись лѣвымъ кулакомъ въ бокъ: «да ты, Петя, какъ я погляжу на тебя, не вовсе дуракъ; ты, даромъ глядишь свинкой, а толкъ таки знаешь! Ну, куда же тебѣ за такую дѣвку свататься? Ну, по тебѣ ли, хоть на людей пошлюсь, по тебѣ ли этакая невѣста? а? и откуда ты въ голову себѣ забралъ, чтобъ быть ей тебѣ ровней? Сватушка? плюнь ты на него, сдѣлай милость плюнь, да ударимъ по рукамъ со мной; вотъ тебѣ женихъ, такъ женихъ! Да, братъ, Петръ Яковлевичъ, не таращь глаза-то, этакая несмѣяна царевна и нашему брату подъ-стать будетъ, не только тебѣ! по рукамъ, что ли, сватушка? вотъ при всѣхъ добрыхъ людяхъ рѣшай; половину добра отпишу на ея имя—не тогда, какъ Богъ по душу пошлетъ, не въ завѣщаніи, а теперь отпишу, заживо, хоть сегодня. Ну? что жь ты глядишь на меня, ровно я тебѣ сказки сказываю? Нужды нѣтъ, что старики; мы съ тобой заткнемъ за поясъ молодежь нынѣшнюю. Пузыри, ей-богу, пузыри! Ну? не учиться стать намъ съ тобой невѣстъ просватывать, не за Акулинушкой же посылать»!

— Что такое, что такое? кто меня?—кричала Акулина Герасимовна, вбѣгая изъ сосѣдней комнаты.

— Да что же,—сказалъ въ раздумьѣ Миронъ Степановичъ:—коли дѣло сталъ говорить, сватушко, такъ быть по твоему; некуда дѣваться мнѣ: вѣдь вотъ свидѣтелей довольно!

— Что такое? — кричала Акулинушка, положивъ руку на плечо одного изъ озадаченныхъ слушателей, который растянулся въ креслѣ и опустилъ руки: — что такое?

— Ничего, матушка, — отвѣчалъ тотъ, въ какомъ-то недоумѣніи: такъ—они, промежь собой шутятъ.

Новый женихъ всталъ, обнялъ Мирона Степановича, поцѣловалъ его трижды, справа и слѣва. Всѣ встали,

и когда Яковъ Ивановичъ повернулся кругомъ на каблучкѣ, свиснулъ, притопнувъ: «вотъ вамъ женихъ-отъ, господа»! то бородачи вдругъ закричали ему «ура!», всѣ двинулись въ гостиную, гдѣ дѣло кончено было въ двухъ словахъ, и Корюшкинъ обнялъ опять — ужь не невѣстку свою, а невѣсту, которой было сказано тутъ же, что Яковъ Ивановичъ отписываетъ ей половину своего имѣнія. Она при этой перемѣнѣ судьбы своей даже не измѣнилась въ лицѣ: она сѣла такъ же спокойно и скромно, какъ прежде, на свое мѣсто.

Поздравленія начались снова, потчиванье также; удалая штука Корюкина оживила и развеселила стариковъ, которые всѣ считали себя въ эту минуту двадцатью годами моложе «Ай да мы! вотъ какъ наши»! раздавалось со всѣхъ сторонъ и въ шумномъ кругу около жениха. Акулинушка мастерски пристала подъ этотъ ладъ, пошла плясать, прищелкивая и припѣвая: «таки высватала, высватала», ко всеобщей утѣхѣ расходившейся братіи. Долго еще никто не замѣтилъ, что Петруши ужь тутъ не было.

Все такъ ловко и хорошо уладилось, что гости, разъѣзжаясь по домамъ, едва только могли вспомнить и сообразить, что званы были на помолвку Корюшкина-сына, а не отца; отецъ же, только выходя на крыльцо, спохватился Петруши и сказалъ: «экой пострѣлъ»! и отвѣчалъ сосѣду, который спросилъ: «ну, а съ нимъ теперь какъ же будете, Яковъ Ивановичъ»? — Онъ что? молокососъ, еще мозглякъ, его еще вотъ поучить надо сперва путемъ, а тамъ успѣемъ, не уйдетъ!

ГЛАВА VI.

КОЛБАСА ПРОГОРКЛАЯ, ЯДОВИТАЯ.

Между тѣмъ, Петруша пришелъ домой въ горькомъ отчаяніи: его такъ сильно позывало теперь къ

Розочкѣ, какъ, можетъ быть, и въ прежнее время не случалось. Чувства его снова пробудились съ такою силою, что онъ готовъ былъ наложить на себя руки. Но Вилимъ Карловичъ самъ не пуститъ его къ себѣ въ домъ; объ этомъ и думать нечего. Петруша сидѣлъ подлѣ роковаго органа, облокотившись на него, и рукоятка какъ-то попалась ему въ руку. Много, много воспоминаній погребено было для него въ этихъ вальсахъ и экосезахъ, даже въ фальшивой дудкѣ, которая перекрикивала всѣхъ товарищей своихъ и заканчивала некстати каждую штучку, даже и въ этомъ! Сколько веселыхъ, невинныхъ шутокъ, бывало, рождали звуки эти и — никто не ворчалъ тогда на Петю, никто не бранилъ его и не попрекалъ, то и дѣло, отеческою властію и правомъ своимъ: такъ все было хорошо, укромно и сладко!

Петруша повернулъ въ раздумьѣ рукоятку, плакалъ въ три ручья, облокотившись на завѣтный органъ свой, и мечталъ, заносился думами и все вертѣлъ да вертѣлъ, наигрывая веселенькія штучки.

«И опозорилъ меня передъ глазами всего города», думалъ Петруша: «позвавъ, какъ дурака, на помолвку эту; родной отецъ отбилъ невѣсту у сына — годится ли это? Не надо мнѣ ея, ей-богу не надо! не то на душѣ, и слава Тебѣ, Господи, что избавилъ отъ нея; а все-таки горько, что ничего не дается мнѣ! При всѣхъ людяхъ, на стыдъ мнѣ, имѣнье отписалъ ей — Господь съ нимъ: не зарился я на него никогда. — Вездѣ я дуракъ; тамъ только, у Вилима Карловича, не былъ я дуракомъ: тамъ было мнѣ хорошо. Бывало, подъ этотъ вальсъ (онъ все еще вертѣлъ органъ) она всегда подпѣвала и какія-то нѣмецкія слова подбирала....»

— Вотъ какъ Петруша мой забавляется!—сказалъ Яковъ Ивановичъ, вступая въ комнату, куда привелъ

его нежданная музыка:—ай да Петя! Ну, вотъ за это похвалю, ей-богу похвалю! Уважай отца, Петруша, знай, что ему вездѣ впередъ дорога передъ тобой, а ты ужь за нимъ. У самого дѣти будутъ, тоже скажешь. Не тужи, найдемъ; ты подумай-ка о Митрясовой, чуть ли она тебѣ не сподручнѣй будетъ!

— Не хочу, батюшка, видитъ Богъ не хочу, — сказалъ Петруша:—и этой не хотѣлъ и не тужу по ней,—передъ тобой, батюшка; и той не хочу... Охъ, дайте отдохнуть!

Отецъ посмотрѣлъ на него и, видя его въ большомъ разстройствѣ, сказалъ первое умное слово изъ всѣхъ, какія мы доселѣ отъ него слышали. Ему таки жаль стало сына; онъ успокоилъ его, обѣщалъ не неволить и предложилъ, не хочетъ ли онъ провѣтриться и протрястись, съѣздить по торговымъ дѣламъ въ Украйну. Старикъ какъ-то самъ почувствовалъ, что лучше сына сбыть на время и сыграть свадьбу безъ него; что онъ тутъ будетъ лишній человѣкъ. Петруша упалъ отцу въ ноги: такъ онъ этому предложенію обрадовался, и оба разстались въ самомъ веселомъ расположеніи и были другъ другомъ довольны, какъ давно не бывали.

Черезъ нѣсколько дней Петруша ускакалъ уже изъ Тугарина, въ такомъ же спокойномъ и веселомъ расположеніи духа. Ему казалось, что у него гора съ плечъ свалилась: такъ у него отлегло отъ сердца, такъ легко онъ дышалъ, такъ привѣтливо встрѣчалъ всякій новый предметъ на пути.

Вскорѣ за тѣмъ состоялась и свадьба Якова Ивановича, которую старики о-сю-пору помнятъ въ Тугаринѣ. Тутъ Корюшкинъ не запиралъ воротъ на запоръ, залучивъ къ себѣ гостей; двѣ недѣли сряду ворота и всѣ двери въ домѣ стояли настежь, и не только изъ домовъ гостей, съ улицы зазывали всѣхъ прохожихъ, какого-бы званія ни были, и для всѣхъ,

съ девяти часовъ утра до поздней ночи, были накрыты столы въ разныхъ покояхъ. Двѣ недѣли сряду день и ночь не успѣвали готовить и подавать питія и кушанья, и долго еще хвалился Яковъ Ивановичъ, что у него въ это время одного серебра украли тысячи на три; а полы такъ выбили сапогами, что надо было строгать ихъ и перебрать снова. Полиція принуждена была унять Якова Ивановича, потому что весь народъ въ Тугаринѣ былъ пьянъ съ утра до ночи и весь городъ пошелъ было кверху ногами; поэтому разливанное море и ограничилось, къ прискорбію Якова Ивановича, двумя только недѣлями.

Обратимся теперь къ дому Вилима Карловича, гдѣ ничего не вышло изъ обыкновеннаго порядка вещей, но гдѣ, между тѣмъ, также произошли значительныя перемѣны. Мы беремъ теперь всего слишкомъ годъ спустя послѣ размолвки Тофельса съ Корюшкинымъ, или со дня отправленія отъ перваго къ послѣднему вокальной и инструментальной музыки — въ лицѣ отчаянно-хрюкающей ютландской свиньи и вторившаго ей органа. Петруша не возвращался еще изъ своей поѣздки.

Принявъ одобрительно объявленіе старшей дочери, Катерины, по поводу неоднократнаго сватовства, что она замужъ идти не хочетъ, а остается при старикахъ, помогать по хозяйству, Вилимъ Карловичъ только было расположился отдохнуть послѣ такихъ важныхъ событій, какъ нашелся женихъ для второй дочери его, Розочки. Слабость Тофельса была— отдать дочерей за нѣмцевъ; а потому нѣмцы средняго званія всѣхъ окружныхъ городовъ, зная хорошее состояніе Тофельса, пріѣзжали знакомиться съ нимъ и попытаться счастія. Тутъ черезъ Акулинушку нельзя было дѣла сдѣлать, и потому женихи являлись на-лицо.

Розочкинъ женихъ былъ мелкій чиновникъ изъ

уѣзднаго города; выжига, коли хотите, а все-таки нѣмецъ. Выжига былъ онъ не въ томъ смыслѣ, какъ даютъ названіе это чистому серебру, которое добывается огнемъ изъ поношенныхъ галуновъ, а въ томъ значеніи, которое придаютъ этому слову, говоря о людяхъ и въ особенности о чиновникахъ. Онъ прошелъ огонь и воду, какъ тройной спиртъ, и такъ обтерпѣлся, что не боялся болѣе ни огня, ни воды.

О татарахъ нашихъ говорятъ обыкновенно, что татаринъ или совсѣмъ честный и надежный человѣкъ, котораго можно обсыпать золотомъ, — или, ужь если онъ мошенникъ, то мошенникъ весь, душой и тѣломъ. Нѣчто въ этомъ родѣ, кажется, можно бъ было сказать вообще объ иностранцахъ, поселившихся въ Россіи; по крайней мѣрѣ, они иногда съ удивительною способностію входятъ въ мѣстные нравы и въ самое короткое время вполнѣ къ нимъ пріурочиваются. Такихъ продувныхъ плутовъ и отъявленныхъ негодяевъ, какъ навертываются иногда изъ числа полуобрусѣвшихъ иностранцевъ, надо поискать и между своими.

Шифбрухъ, человѣкъ, о которомъ мы теперь говоримъ, малый очень благовидный, взялся Богъ вѣсть откуда, и, вступивъ, изъ отставки, на службу въ одинъ изъ уѣздовъ Тугарина, обратилъ на себя вниманіе цѣлаго городка: такой онъ былъ развязный, говорливый, расторопный, ловкій; а вскорѣ показалъ и служебную рысь свою, сдѣлавшись, при ничтожномъ мѣстишкѣ, человѣкомъ довольно значительнымъ. Онъ, правда бралъ на себя часто гораздо болѣе того, что могъ сдѣлать или исполнить; при всемъ томъ, однакожь, у него, повидимому, было какое-то вліяніе свыше настоящаго значенія его, путями темными, неисповѣдимыми—и была большая оборотливость и сноровка. Онъ одѣвался всегда очень благовидно, принималъ какую-то осанку, вызывающую неопытныхъ на по-

чтительность, и съ большою обязательностію брался за всякое, сколько-нибудь лакомое дѣло. Чтобъ нѣсколько съ нимъ познакомиться, приведемъ примѣръ.

Въ томъ же уѣздномъ городкѣ жилъ скорнякъ, принимавшій на лѣто шубы для сохраненія отъ моли. Почти каждому изъ жителей случилось убѣдиться на дѣлѣ, что сохранность шубъ у скорняка была крайне сомнительна, или лучше сказать, случайная; большею частію шубу съѣдала моль, или изъ нея выпарывали лучшія части и вставляли прѣлые, облѣзлые лоскутья; иногда шуба и вовсе пропадала. Скорнякъ этотъ, повидимому, былъ того же мнѣнія о шубѣ, какъ цыганъ о лошади, — то есть, что краденая обойдется невпримѣръ дешевле купленной. Несмотря на это, однакожь, у скорняка къ лѣту всегда опять набиралось нѣсколько десятковъ шубъ и нѣкоторыя изъ нихъ возвращались въ цѣлости. Но въ число сихъ послѣднихъ не угодила зимняя одежда одного изъ вновь прибывшихъ жителей помянутаго городка: енотовая, довольно хорошая шуба, возвратилась съ большими вставками изъ «сторожковаго», или по-просту сказать, собачьяго мѣха. Хозяинъ шубы поднялъ страшный крикъ, никакъ не хотѣлъ признать собачій мѣхъ енотовымъ, а скорняку не хотѣлось отвѣчать за продѣлку свою, и потому онъ, по совѣту опытныхъ людей, забѣжалъ, на всякій случай, къ Шифбруху, просить у него защиты.

— Такъ въ чемъ же дѣло?—спросилъ Шифбрухъ.

— Да вотъ, батюшка, грозятся, изволите видѣть, обидѣть нашего брата. Взялъ я, признаться, шубу Ивана Карповича подъ сохранность и берегъ-таки ее пуще глазу, все въ чуланчикѣ висѣла подъ рѣшетами— и припорашивалъ и выколачивалъ, какъ слѣдуетъ, и таки нечего сказать, что берегъ; да какъ-то вотъ сталось, что не признаетъ Иванъ Карповичъ шубы своей; вставки, говоритъ, есть, выкрали мѣхъ. Я сперва было

поуспокоить ихъ хотѣлъ и далъ на подержаніе свою шубу, попроще,—ну, и передѣлалъ ихнюю опять, перебралъ, какъ слѣдовало быть, и таки настоящаго енота поставилъ; а все не признаютъ, не принимаютъ; ну, что же я стану дѣлать? требуютъ съ меня 800 рублевъ, а мы, извѣстно, люди бѣдные, что заработаемъ, то и съѣдимъ; гдѣ же я возьму, чего нѣтъ? такъ те оставьте, батюшка, своими милостями!

Не говоря ни слова, Шифбрухъ взялъ перо въ руки и началъ писать съ большимъ одушевленіемъ. По временамъ только онъ обращался къ скорняку съ короткими вопросами, — о цѣнѣ шубы, о времени отдачи и тому подобное. — Ну, слушай, — сказалъ онъ, — такъ что ли будетъ? — и началъ читать:

«Такого-то числа и мѣсяца здѣшній помѣщикъ Иванъ Карповъ отдалъ мнѣ весьма поношенную и вытертую енотовую шубу свою, съ тѣмъ, чтобъ ее перешить, перебрать всю и прибавить одиннадцать енотовыхъ шкурокъ, которыя самъ тутъ же и осмотрѣлъ. Условившись въ цѣнѣ, я сказалъ ему, что на срокъ сработать шубы не берусь, потому что у меня работы много; на что онъ и согласился, прося меня въ такомъ случаѣ оставить у себя на сохраненіи, до осени, и обѣщавъ за это также уплатить причитающіеся 10 рублей. Впослѣдствіи онъ, однакожь, не принялъ отъ меня исправленной и поребранной шубы, съ прибавкою одиннадцати енотовъ, подъ предлогомъ, будто она не вся перебрана и еноты не хороши. Во избѣжаніе обидъ и притѣсненій, я вынужденъ былъ снова передѣлать шубу, на что пошло не мало времени, трудовъ и мѣха; но какъ настали холода, то г. Карповъ просилъ меня дать ему изъ проката другую шубу, до изготовленія его собственной; посему я и отдалъ ему, съ платою по десяти рублей въ мѣсяцъ, енотовую же шубу, стоившую 500 рублей. Наконецъ, нынѣ, когда

я перебралъ еще разъ шубу его всю снова и поставилъ всего 13 своихъ шкурокъ, г. Карповъ, проносивъ мою шубу въ теченіе цѣлой зимы и сдѣлавъ ее совершенно негодною къ употребленію, отъ платежа всякихъ денегъ, по вышеозначенному условію отказывается. Посему я прошу покорнѣйше удержать его отъ такихъ дѣйствій, клонящихся къ крайней обидѣ моей и разоренію, и взыскать съ него, г. Карпова, слѣдующія мнѣ деньги, а именно:

За сохраненіе енотовой шубы его у меня въ теченіе пяти мѣсяцевъ . . . . . , ...	10	руб.
За двукратную передѣлку шубы по 25 р.	50	»
За 13 лучшихъ шкурокъ енота, по 25 р.	325	»
За прокатъ шубы моей, за четыре мѣсяца	40	»
За самую шубу, которая не годна болѣе къ употребленію и взять ее обратно не желаю	500	»
Итого .	925	руб.

«Хотя я, по бѣдности своей, понесъ при семъ случаѣ большіе убытки, но будучи въ крайнемъ положеніи и притомъ обремененъ большимъ семействомъ...»

— У тебя дѣти есть? — спросилъ онъ скорняка?

— Нѣтъ, батюшка, Богъ не далъ, что впередъ развѣ... я человѣкъ одинокій, холостой.

— Ну, племянники, племянницы есть?

— Есть, батюшка, въ Бѣлевѣ есть, и въ самомъ Орлѣ есть два племянника.

Шифбрухъ сталь читать дальше... «семействомъ, желаю получить хотя малое вознагражденіе и, заботясь о прекращеніи нанесенной мнѣ обиды, я другихъ счетовъ не вывожу и не полагаю никакихъ на капиталъ свой процентовъ, а прошу униженно о избавленіи меня отъ жестокихъ притѣсненій, разоряющихъ все

мое малое достояніе, пріобрѣтенное честными трудами; вслѣдствіе того, прошу только объ уплатѣ мнѣ г. Карповымъ 925 рублей, съ оставленіемъ за нимъ, какъ его собственной, передѣланной мною шубы, такъ и моей, изношенной имъ и негодной болѣе ни къ какому употребленію».

Когда Шифбрухъ кончилъ и взглянулъ на скорняка, то этотъ бухнулся ему въ ноги и чуть не залился слезами: такъ обрадовался онъ новому и нежданному обороту дѣла. Шифбрухъ придержалъ просьбу правой рукой, отвелъ лѣвою отъ себя скорняка, который, вслѣдъ за поклономъ, полѣзъ было цѣловаться сдуру— и просьба была передана не иначе, какъ на извѣстныхъ условіяхъ, коихъ часть выполнена, со стороны просителя, на мѣстѣ. Къ этому очерку остается присовокупить только, что скорнякъ, отъ котораго Карповъ не хотѣлъ принять испорченной шубы своей, дѣйствительно далъ ему на подержаніе какую-то сторожковую шубу, съ просьбою взять ее на нѣсколько дней и съ обѣщаніемъ исправить енотовую шубу заново, вынуть всѣ вставки и заплатки собачьяго мѣха и поставить опять на мѣсто ихъ енотъ; но, не сдѣлавъ ничего, потому что давно уже пропилъ выкраденныя шкурки, не зналъ какъ раздѣлаться и былъ чрезвычайно изумленъ и обрадованъ этою нежданною помощію. Въ замѣчательной просьбѣ этой, впрочемъ, все было солгано, съ неимовѣрною наглостію, хотя весь разсказъ походилъ на правду и все сплетено было довольно правдоподобно; и бѣдному Карпову, вмѣсто вознагражденія за шубу его, навязали на шею тяжбу, по которой съ него же требовалось 925 рублей.

Это же самое дѣло, по которому возникло нѣсколько опасное разбирательство, привело Шифбруха въ губернскій городъ. Самъ Шифбрухъ, конечно, былъ при этомъ, какъ и всегда, въ сторонѣ; онъ рѣдко мѣшался

въ подобныя дѣла своимъ лицомъ, и на бумагѣ его имени не было; просьбу переписалъ какой-то пригодный къ этому писаришко и подписался: «просьбу со словъ просителя сочинилъ и набѣло переписывалъ такой-то». Но, при всемъ этомъ, дѣло приняло немножко опасный оборотъ: могли выдать молодца, и потому онъ прикатилъ заблаговременно предупредить подобную непріятность.

Познакомившись въ домѣ у Тофельса, Шифбрухъ въ три дня былъ у него свой. Матери прислуживался онъ рѣзными и клеенными подмочками, важными хозяйственными секретиками и досталъ ей какихъ-то рѣдкихъ сѣмянъ; отцу угождалъ веселымъ нравомъ своимъ, шуточками, отъ которыхъ всѣ хохотали до упаду, пикетомъ и дѣльными, по наружности, сужденіями о многихъ предметахъ; дѣвушкамъ же рѣшительно не давалъ опомниться; такъ онъ закидывалъ ихъ забавами всякаго рода и увеселялъ бесѣдой Онъ игралъ на клавирѣ множество новыхъ—для семейства Тофельса, которое училось играть по органу Корюшкина—танцевъ и пѣсенокъ; пѣлъ, для старика, любимую нѣмецкую пѣсню его о кнастерѣ и штетинскомъ пивѣ; онъ дѣлалъ множество искусныхъ штукъ картами, монетами, ниточкой—всѣмъ, что попадалось ему подъ руку; зналъ безчисленное множество загадокъ, шарадъ и анекдотовъ. Нельзя сказать, чтобъ все это выходило у него въ лучшемъ тонѣ; но на обращеніи его былъ какой-то поверхностный лоскъ и для средняго, мѣщанскаго сословія, къ которому принадлежало семейство Тофельса, этого было за глаза достаточно Старикъ именно указывалъ на него, на земляка по языку, какъ на примѣръ образованности, въ сравненіи съ приказными мѣстнаго происхожденія.

Такимъ образомъ, Шифбрухъ опуталъ въ самое короткое время все семейство Тофельса невидимыми те-

жетами своими; всѣ были въ восторгѣ отъ него, и старикъ часто восклицалъ: «Вотъ это человѣкъ, такъ человѣкъ!» Налгавъ имъ съ три короба о похожденіяхъ своихъ, которыя занесли его, при такихъ достоинствахъ и дарованіяхъ, въ этотъ край, Шифбрухъ объяснилъ загадку, повидимому, самымъ удовлетворительнымъ образомъ и усилилъ участіе къ себѣ добродушнаго старика

— Ну,—сказалъ однажды Тофельсъ, снимая вечеромъ рабочій бѣлый нарядъ свой и облекаясь въ бѣлый домашній канифасный, долгополый сюртукъ:—ну, любезный мой Шифбрухъ, теперь засядемъ въ пикетецъ, не правда ли? а маменька намъ подастъ чайку?

— Нѣтъ! я не стану съ вами больше играть на мѣлокъ, — отвѣчалъ тотъ:—что въ этомъ проку? Ну, дайте мнѣ хоть разъ обыграть васъ хорошенько!

— Экой злодѣй! онъ же меня хочетъ обыграть! Ну, еслибъ я не каялся разъ навсегда играть на деньги — да я и отъ роду на нихъ не игрывалъ — то проучилъ бы хвастуна!

— Что же, Вилимъ Карловичъ, зачѣмъ дѣло стало? закаялись играть на деньги — сыграйте на что-нибудь получше!

— А напримѣръ?

— Да позвольте, я у васъ выиграю Розу?

Старикъ захохоталъ.

— Хороши вы! Слышишь, Роза, какіе замыслы? Да какая же мнѣ въ томъ польза, что же я могу на эту ставку выиграть?

— Меня самого,—отвѣчалъ Шифбрухъ, приподнявъ руки и повернувшись на каблучкѣ:—и тогда мы всячески въ барышахъ, или, можетъ быть, въ проигрышѣ: выиграли — такъ проиграли, проиграли — такъ выиграли.

Шифбрухъ щелъ немножко быстро къ цѣли, какъ

мы видимъ, и нельзя сказать, чтобъ это было совсѣмъ по вкусу скромному семейству колбасника; не менѣе того остроты Шифбруха ходили въ домѣ Тофельса, какъ ходячая монета, и на этотъ разъ такая выходка была такъ же принята, какъ невинная шутка, которая, можетъ быть, предвѣщала нешуточную развязку. Шифбрухъ не ошибся, считая дѣло свое выигранным. Розѣ онъ уже много и часто нашептывалъ, и хотя не слышалъ отъ нея привѣта, но надѣялся не получить и положительнаго отказа. Переговоривъ на другой день со старикомъ глазъ-на-глазъ, Шифбрухъ убѣдилъ его въ пожизненной любви своей къ Розочкѣ и получилъ отвѣтъ, что надо объ этомъ дѣлѣ подумать; онъ уѣхалъ въ свой уѣздъ, черезъ недѣлю опять пріѣхалъ, опять настаивалъ и, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ бываетъ, когда «подумать» значитъ только привыкнуть къ новой мысли—получилъ согласіе и въ скоромъ времени обвѣнчался.

Что думала Роза, отдавшись этому человѣку, чего надѣялась и каково ей было—можемъ рѣшить только по догадкамъ. Она, конечно, не вышла за Шифбруха по страсти; склонность ея къ нему была дѣтская, поверхностная и возбуждена была свѣтскостію, веселостію и притворнымъ добродушіемъ его,—а еще болѣе, можетъ быть, вліяло на нее отцовское мнѣніе и желаніе. Она отцу повѣрила на слово. Нѣсколько времени не могла она забыть Петрушу, послѣ отъѣзда его,—но бытъ его былъ слишкомъ далекъ отъ ея быта; опомнившись, она поняла, что ей нѣтъ никакой надежды на него; кромѣ того, склонность эта, едва возникшая, была принята отцомъ съ такимъ негодованіемъ, что Роза сама готова была считать ее преступною. Шифбрухъ былъ свой братъ, сверхъ того и чиновникъ, лихой малый, очень милъ и потому можетъ быть немножко вскружилъ головку Розѣ мимо-

летнымъ вертижемъ. Этою-то минутой судьба воспользовалась; отецъ и мать, даже сестры уговаривали и настаивали, и Роза, не успѣвъ опомниться, стала невѣстой и—женой.

Двѣ дочери остались еще въ домѣ у Тофельса, а все-таки казалось ему вокругъ пустенько. У каждой были въ домѣ свои занятія, свои дни и часы для всякаго дѣла; куда ни поди, бывало, вездѣ попадаются на встрѣчу то одна, то двѣ, то всѣ три — а теперь стали онѣ встрѣчаться порѣже, и все какъ будто тутъ или тамъ одной недоставало. Спокойствіе и семейное довольство отъ этого не измѣнились; но сдѣлалось тише въ домѣ, а иногда посматривали другъ на друга съ какимъ-то грустнымъ спокойствіемъ. Въ Катеринѣ укрѣпилось намѣреніе, тверже прежняго, не выходить замужъ, а остаться при родителяхъ. Она съ усиленными заботами принималась съ утра за дѣло и, взявъ на себя половину работы и присмотра, много помогала старикамъ, содержала все въ отличномъ порядкѣ и сама была очень довольна.

ГЛАВА VII.

СУДЬБА БУДУЩАГО КОЛБАСНИКА.

Корюшкина, Якова Ивановича, мы женили; Розочку отдали замужъ, и такимъ образомъ почти покончили дѣла свои на этотъ разъ въ Тугаринѣ. Остался нашъ Петруша, нашъ турецкій чубукъ въ чехлѣ, и надобно теперь послѣдовать за нимъ.

Какъ неопытному юношѣ, который выросъ на сайкахъ и только для науки получалъ иногда, мимоходомъ, тумака, и притомъ какъ человѣку, который отъ природы хотя нѣсколько мыслилъ, Петрушѣ все показа-

лось ново и странно, когда онъ, потянувшись въ первый разъ изъ пеленъ своихъ, вышелъ на вольный свѣтъ. Полной воли ему отецъ не далъ въ дѣлахъ, но все-таки поручилъ поучиться, присмотрѣть за прикащиками въ Ростовѣ, Саратовѣ, Коломнѣ и Харьковѣ, посовѣтоваться съ ними и сдѣлать кое-какіе закупы. Проходя съ гуртами скота изъ одной губерніи въ другую, Петруша узналъ на дѣлѣ много и понялъ, какимъ образомъ самыя благія распоряженія могутъ дѣйствовать превратно, если они написаны съ-лица, а исполняются съ-изнанки: онъ узналъ, какъ обстоятельство это можетъ затруднять торговлю, обороты и общительность, болѣе чѣмъ самый недостатокъ всякихъ мѣръ и распоряженій и дикое состояніе страны. Тутъ подгородные луга всѣ взяты были на откупъ однимъ барышникомъ, который беретъ съ гуртовъ что хочетъ и выручаетъ 500 на сто; тамъ принято за постоянное правило взыскивать съ прогоннаго гурта, кромѣ условнаго, еще за потраву, которой и не было вовсе, но за которую гуртовщики должны были расплачиваться, чтобъ только высвободиться и угнать скотъ, потому что имъ каждый день задержки будетъ стоить не меньше небывалой потравы. Всюду свидѣтельствуютъ, здоровъ ли скотъ, нѣтъ ли чумы, и безъ этого не пропускаютъ, — а это опять стоитъ гуртовщику по нѣскольку копеекъ съ головы. Не давай, говорятъ; самъ виноватъ, коли даешь; и Петруша было попытался не дать, да только одинъ разъ, а послѣ опять расплачивался честно, да еще кланялся и просилъ, чтобъ взяли: свидѣтельства не выдадутъ, такъ уйти нельзя; и сиди съ гуртомъ, который съѣстъ въ трои сутки всѣ кормежныя деньги. Но бывало не только это, а бывало и то, что незнакомые люди, называвшіе себя сильнымъ въ этомъ кругу званіемъ, встрѣчали гурты на границахъ каждаго уѣзда и взи-

мали проходную пошлину за пропускъ. Самая прописка паспорта, въ каждомъ городѣ, никогда не обходилась у Петруши безъ почеса затылка: такую принялъ онъ привычку, когда ставалъ у воротъ или у подъѣзда заведенія, иногда по цѣлымъ днямъ, между тѣмъ какъ по своимъ разсчетамъ прошелъ бы дальше, не запнувшись въ этомъ городкѣ ногой. А между тѣмъ, скотина хочетъ ѣсть, и прописчики, хорошо зная справочныя цѣны, хорошо разсчитываютъ, во что можно оцѣнить каждый часъ или день простоя.

Петруша увидѣлъ и узналъ на дѣлѣ, что значитъ прижимка и задержка гуртовщика на переправѣ, гдѣ берутъ съ него что захотятъ или переправятъ одну часть гурта, а другую держатъ, и зная, чего станетъ бѣдному хозяину такое разстройство, вымогаютъ съ него послѣднее. А что тогда, если еще погрозятъ гдѣ-нибудь признать одну или двѣ скотины сомнительными, остановить и оцѣнить весь гуртъ и заставить хозяина кормить его сухимъ кормомъ, чтобъ не заразить на пастбищѣ другой скотины? Словомъ, Петруша теперь только понялъ, какимъ образомъ скотопромышленнику каждые 30 рублей, съ поставкой на мѣсто, обходятся въ 60; сколько горя надо перенести бѣдному хозяину и сколько у него испортится крови, покуда онъ пригонитъ благополучно гуртъ свой на мѣсто. А дѣло такъ просто; такъ спокойно, казалось бы, можно пройти съ добромъ своимъ тысячу другую верстъ и продать на мѣстѣ по дешевой цѣнѣ, потому что самому сходно досталось! Вотъ откуда и поговорка наша: за моремъ телушка полушка, да рубль перевозу!

— Какъ же тебѣ не грѣшно, — сказалъ Петруша однажды должностному крестьянину:—какъ тебѣ не грѣшно дратъ этакъ, ни дай, ни вынеси, съ прохожаго человѣка! Побойся ты Бога!

— Да, братъ, — сказалъ тотъ: — побудь-ка ты на нашемъ мѣстѣ, такъ узнаешь. Вѣдь и я ѣсть хочу, не хуже тебя, хоть и съ посохомъ хожу; а пашню-то за меня никто не обработаетъ!

— Да вѣдь вы за то на жалованьѣ; вамъ же съ міру за службу вашу и положено не мало, замѣтилъ Петруша.

— Не разъѣшься ты имъ, — отвѣчалъ спокойно тотъ, — какъ въ другихъ мѣстахъ, а у насъ, братъ, хоть иной дуракъ, вотъ какъ и ты, попрекнетъ нашего брата, да понапрасну. Коли я въ должности, такъ хозяйство у меня безъ рукъ и безъ пригляду; а какъ запустишь его, такъ послѣ не скоро и поправишь. Жалованьемъ нашъ братъ не разживется; оно хоть и, казалось бы, не совсѣмъ его мало, да у должностнаго человѣка и расходы не тѣ; тутъ гоньба день-деньской, а ину пору наѣдутъ да живутъ; а у кого, не у кого, какъ у меня таки; кто ни заѣхалъ, все къ намъ да къ намъ. Тутъ, братъ, одного вина въ годъ выйдетъ, что дай Богъ жалованьемъ покрыть; а заѣзжаютъ-то, братъ, такіе, что безъ хлѣба-соли не выпроводишь, противъ обычая не пойдешь.

— Для чего же, — спросилъ Петруша стараго, бывалаго прикащика своего, въ другомъ мѣстѣ: — для чего же подгородныя пастбища отдаются оброчнику за малую плату, а ему даютъ волю драть съ нашего брата, что хочетъ? Ужь лучше бъ городъ бралъ прямо съ насъ, такъ и намъ бы сходнѣе, да и ему бы выгоднѣе.

— Нельзя, — отвѣчалъ тотъ: — угодья городскія отдаются у нихъ съ торговъ да съ утвержденія начальства; нашъ братъ со скотомъ подойдетъ, такъ тутъ писать въ губернскій городъ да утвержденія выжидать некогда; а по ряду у нихъ отдать нельзя, а все, вишь, съ торговъ.

Отправивъ по принадлежности нѣсколько гуртовъ, въ теченіе болѣе полугода, Петруша сдѣлалъ новые закупы, также отправилъ ихъ и, не получая долгое время писемъ отъ отца, съ нетерпѣніемъ ожидалъ распоряженій отцовскихъ и высылки денегъ, въ которыхъ нуждался. Между тѣмъ, проходитъ и еще мѣсяцъ, а нѣтъ ни того, ни другаго. Петруша пишетъ письмо за письмомъ, и письма его какъ въ воду — остаются безъ отвѣта, безъ привѣта. Старый прикащикъ отправленъ съ гуртомъ, Петруша остался одинъ хозяиномъ и начинаетъ бѣдствовать и приходитъ въ отчаянье. Онъ прохарчился весь, отпустилъ работниковъ и началъ распродавать поодиночкѣ нѣсколько головъ скота, чтобъ себя прокормить, и дождался до того, что уже и домой ѣхать было не начто. Онъ испыталъ все, старался достать денегъ взаймы, нанять извощиковъ съ уплатою имъ денегъ въ Тугаринѣ, но не успѣлъ ни въ чемъ и видѣлъ передъ собою одно: отправиться домой пѣшкомъ, побираясь у добрыхъ людей.

Въ этомъ крайнемъ положеніи сидѣлъ бѣдный Петруша въ какомъ-то уѣздномъ городишкѣ, выжидая писемъ и денегъ и потерявъ уже всякую надежду и возможность дожидаться, какъ ему попался въ руки печатный листокъ, на которомъ онъ прочиталъ:

«Вслѣдствіе требованія Тугаринскаго губернскаго правленія отъ... N... объ отысканіи и доставленіи въ Тугаринъ наслѣдника купца Корюшкина, сына его Петра, по случаю состоявшихся на немъ казенныхъ взысканій, Мухановское губернское правленіе предписываетъ симъ всѣмъ градскимъ и земскимъ полиціямъ произвести розыскъ, и буде оный Петръ Корюшкинъ гдѣ-либо окажется, то представить его немедленно по принадлежности».

У Петруши руки опустились и замерло сердце. Этотъ листокъ прибавленій къ Губернскимъ вѣдомо-

стямъ открылъ ему вдругъ ужасную для него тайну молчанія отца и, сверхъ того, еще собственное его гибельное положеніе. Отца уже нѣтъ, а самого его отыскиваютъ за казенные долги!

Петруша былъ еще молодъ, а потому проплакалъ цѣлыя сутки Какъ все для него мгновенно измѣнилось — и какъ онъ самъ по себѣ на свѣтъ и на людей взглянулъ другимъ глазомъ и понятіями! Когда только приходилъ онъ повременамъ на нѣсколько минутъ въ себя, то, въ новомъ положеніи своемъ, самъ себя не узнавалъ: онъ будто смотрѣлъ самъ на себя со стороны. Не зная еще никакихъ подробностей печальной участи своей, не понимая, какъ все это могло статься, Петруша видѣлъ въ непроходимыхъ потьмахъ передъ собою изрѣдка одну только мелькающую искорку, за которую безотчетно держалась память сердца его, хотя и тутъ разсудокъ не понималъ ничего; Петруша на яву — и, можетъ быть, весьма некстати, — грезилъ Розой: это была для него одна свѣтлая точка.

«Въ Тугаринъ надо мнѣ попасть», — подумалъ онъ наконецъ: — «а тамъ — власть Господня» — перекрестился и всталъ. «Пусть же меня возьмутъ, коли ищутъ, и отправятъ по пересылкѣ; по крайней мѣрѣ, я буду тамъ». Онъ взглянулъ на число объявленія и очень удивился, какимъ образомъ столько времени прошло, и полиція не искала и не потребовала его, и онъ ничего не слышалъ объ этомъ розыскѣ. Собравшись съ духомъ и усердно помолившись, онъ пошелъ въ земскій судъ и явился тамъ, какъ отыскиваемый полиціею сынъ купца Корюшкина. Долго, очень долго тутъ было не до него, и онъ стоялъ какъ проситель, въ числѣ прочихъ, и не понималъ, какимъ образомъ всѣ люди въ этомъ мѣстѣ повидимому оглохли — по крайней мѣрѣ ни одинъ изъ нихъ не отвѣчалъ, проходя

мимо по передней, туда и сюда, когда Петруша кланялся ему въ поясъ и являлся, какъ отыскиваемый арестантъ. Наконецъ, присутствіе закрылось, и просителей валомъ погнали вонъ. На крыльцѣ удалось ему, однако же, остановить одного изъ членовъ, въ шитомъ мундирѣ; Петрушѣ сказано было, чтобъ шелъ въ полицію: здѣсь-де городъ, а не уѣздъ

Въ полиціи объ эту пору никого не было; сторожъ присовѣтовалъ Петрушѣ приходить завтра. И завтра не за горами: Петруша пришелъ; добровольная явка его изумила и озадачила чиновника, который нахмурилъ брови, взялъ изъ рукъ Петра листокъ объявленія, прочиталъ на немъ 27 марта и, оборотившись къ другому, который сидѣлъ за столомъ, спросилъ: «а что, у насъ публикаціи за мартъ очищены»?

— Какъ же-съ,—отвѣчалъ тотъ:—уже за половину апрѣля очищены.

— Такъ какъ же быть?—продолжалъ первый: — вотъ навязалась бѣда — какой-то дуракъ самъ напрашивается; посмотрите-ка въ дѣлахъ, отъ 27-го марта, Петръ Корюшкинъ.

— Да что же тутъ смотрѣть?—отвѣчалъ тотъ:— извѣстно, что на жительствѣ не оказался; я вѣдь докладываю, что публикаціи всѣ очищены.

— Такъ какъ же быть съ нимъ теперь?

— Да какъ быть? А намъ онъ на что? пусть его проваливаетъ. Намъ что съ нимъ возиться? Пусть идетъ себѣ: тамъ найдутъ, кому нужно. Мы свое сдѣлали, донесли, что на жительствѣ не оказался.

Такимъ образомъ, дѣйствительно прогнали нашего добровольно явившагося арестанта; даже нашелся одинъ такой, что хотѣлъ-было этимъ случаемъ воспользоваться и потребовалъ съ Петруши что-нибудь за освобожденіе. Не смотря на тяжкое положеніе свое, Петруша, однако же, при этомъ случаѣ сострадательно улыбнулся,

объяснивъ, что онъ освобожденія не проситъ и не желаетъ.

— Да все-таки,— возразилъ было тотъ, почесывая голову: — все-таки надо бы...

Петруша продалъ кой-какія бездѣлки и лишнее платье, пошелъ пѣшкомъ, тамъ нанялся въ работники къ обозу, опять шелъ пѣшкомъ и такимъ образомъ кой-какъ окончилъ бѣдственный, продолжительный путь свой и прибылъ въ Тугаринъ.

Вечернее солнышко было на закатѣ; сѣдая пыль стояла столбомъ надъ немощеннымъ городомъ, и привычные жители называли явленіе это сухимъ туманомъ. Вечерній благовѣстъ, столь знакомый Петрушѣ звукъ колокола, гудѣлъ однообразно надъ мирными жителями; возвращавшееся съ поля стадо мычало издали и взбивало по улицамъ густыя облака пыли. Съ какими чувствами выѣзжалъ Петруша, годъ тому назадъ, изъ роднаго Тугарина, и съ какими чувствами теперь возвращался? Сердце сильно у него щемило: что его теперь ждетъ, чѣмъ судьба его разрѣшится?

Онъ подходитъ къ родительскому дому своему, снявъ шапку и перекрестившись; слезы опять пробились ручьемъ. Ворота заперты, ставни забиты, все мертво и пусто. Петруша въ раздумьѣ обошелъ кругомъ, припоминая лѣта дѣтства своего и все, что сбылось съ нимъ въ этомъ домѣ; а затѣмъ рѣшился идти къ Мирону Степановичу, полагая найти тамъ и мачиху и узнать всѣ подробности своего несчастнаго положенія. У него недоставало духу спросить о чемъ-либо одного изъ встрѣчныхъ и прохожихъ: онъ отворачивался, будто боялся быть узнаннымъ, и крался пустыми улицами, подъ заборами.

Но, поворачивая за уголъ, Петруша встрѣтился круто, носомъ къ носу, съ человѣкомъ, котораго никогда не зналъ коротко, но который былъ извѣстенъ

всѣмъ незлобностію своею, а притомъ и напомнилъ ему внезапно былые дни и вечера, проведенные въ домѣ Тофельса. Это былъ соловой аптекарь съ мозолями, который узналъ Петра, остановился съ удивленіемъ, опершись одною рукою твердо на трость со шнуромъ и кистями, поднявъ другую кверху, какъ значокъ римскаго легіона. Вздернувъ брови, раскрывъ ротъ, онъ сказалъ: «А»!

Петруша невольно остановился, поклонился и назвалъ старика по имени и отчеству; а, нашедъ въ немъ участіе, онъ рѣшился спросить, что именно безъ него сдѣлалось?.

— Плохо, сказалъ соловой:—плохо, Петръ Яковлевичъ; да, но я хотѣлъ спросить у васъ... Старикъ вашъ скончался, это вы знаете; онъ скончался внезапно, отъ удара, даже ни одного рецепта не было прописано, и, говорятъ, кровь не пошла. Вотъ видите ли! Но я бы хотѣлъ знать... да, тутъ, говорятъ, сдѣлалось большое замѣшательство; приступили кредиторы, потому что наслѣдника, т. е. васъ, не было, а знали, что большая часть имѣнія передана была покойникомъ на имя жены, т. е. вашей мачихи, и даже на имя тестя, этой кубышки Мирона Степановича; знали также, что покойникъ, особенно въ послѣднее время, хозяйничалъ очень неразсчетливо, сорилъ деньгами, вошелъ въ огромные обороты, въ подряды съ казною... Но я бы желалъ знать...

— Помилуйте,—перебилъ его Петруша: — какимъ образомъ отецъ мой, при его состояніи, могъ разориться? Это для меня вовсе непонятно.

— Позвольте, — возразилъ тотъ: — я бы желалъ знать, или я говорю вамъ, что при новомъ хозяйствѣ пошелъ совершенный безпорядокъ. Старикомъ овладѣла молодая хозяйка, и родители ея заставляли его пить да гулять, кормить весь городъ, прибирали деньги

и запускали дѣла. Безъ хозяйскаго глаза, сами вы знаете, какая торговля? И прикащики, и всѣ ближніе кинулись грабить старика; а дѣла стали. О, я бы только полюбопытствовалъ... но оно такъ и вышло: залоги въ казнѣ пропали, начетъ открылся огромный, все описали, отобрали, половину растащили — чего вы тутъ хотите ожидать? Миронъ Степановичъ сдѣлалъ свое, и ни онъ, ни дочь его, вдова, теперь не тужатъ; а вотъ вы такъ сѣли! Я бы хотѣлъ знать, хотѣлъ спросить у васъ давно уже, да все какъ-то не случалось, потому что васъ здѣсь не было,—какимъ образомъ покойникъ рѣшился на такой неравный и невыгодный бракъ?

— Не знаю, — сказалъ Петруша.

— Ну, чего можно было ожидать отъ семейства,— продолжалъ аптекарь съ мозолями:—отъ Мирона Степановича? Да, Миронъ Степановичъ, не смотря на свое богатство и на богатство покойнаго родителя вашего, которое нынѣ благополучно пріобщилъ къ своему,— онъ, я вамъ говорю, хуже всякаго жида; онъ вотъ и теперь еще долженъ мнѣ, по частнымъ счетамъ, за 34 рецепта. Ну, вѣрите ли, я пересталъ отпускать! Ей-богу пересталъ, въ долгъ не вѣрю; вѣдь это казенное; я отвѣчаю за него своимъ добромъ! Я не отпускаю, а онъ и не беретъ, да такъ вотъ и живетъ слишкомъ полгода безъ лекарства, право такъ, даже ни одной ложки. Я бы желалъ знать...

— Неужто-жъ ничего мнѣ не осталось изъ отцовскаго добра?— спросилъ Петруша: — неужто таки ни одной копейки?

— А подите, спросите ихъ. Въ городѣ говорятъ, что ничего, одни начеты да недостача; я ихъ не считалъ, а такъ говорятъ всѣ. О, я бы полюбопытствовалъ только... Прощайте, Петръ Яковлевичъ, прощайте! закончилъ аптекарь, когда Петруша, не дослушавъ,

чего тому еще знать хотѣлось, раскланялся и пошелъ скорыми шагами впередъ.

Наконецъ, Петруша пришелъ въ домъ Мирона Степановича. Тутъ былъ онъ принятъ людьми съ какимъ-то недоумѣніемъ, съ бѣготней, суетой и перешептываніемъ. Вышелъ Миронъ и сказалъ протяжно и вяло:

— Здравствуй, братъ, Петръ Яковлевичъ! Ну, что, наказалъ насъ съ тобою Господь, а?

Прочія объясненія Мирона были сухи и малословны, такъ, будто тутъ не о чемъ болѣе толковать и не стóитъ попустому словъ терять. А когда Петруша рѣшился спросить: неужто-де все пропало и я вовсе остался нищимъ? то Миронъ, усмѣхнувшись горько и тряхнувъ бородой, сказалъ:

— Да развѣ ты не слышалъ еще, что ли? Все, любезный ты мой, пропало, ничего вотъ нѣтъ, окромѣ ста сорока тысячъ долгу; мы вотъ волоса на себѣ рвемъ; кто вѣрилъ ему, такъ и свое теперь потерялъ, да и казна не что возьметъ, не съ чего. А тебя, сердечнаго, судъ ищетъ давно; ты, гляди, не попадайся!

— Да куда же мнѣ дѣваться, Миронъ Степановичъ? Со свѣту, что ли, бѣжать? Коли вы не защитите, такъ пусть берутъ: мнѣ нечего дѣлать; теперь вся надежда на васъ.

— Охъ, братъ Петруша, какая это надежда! Мы сами живы, поколѣ Господь Богъ милостивъ,—а такъ-такъ вотъ чуть покачиваемся. Я что тебѣ сдѣлаю? Моя помощь какая? Тутъ, гляди, и самъ туда же попадешь, и только.

— Помилуйте, Миронъ Степановичъ, да неужто жъ вы меня такъ и покинете?

— А что же я дѣлать-то стану? Что мнѣ, отцовскіе долги твои платить, что ли? Такъ на это, любезный мой, нашего брата не станетъ, хоть какъ ни растягивайся. Вѣдь ты ему наслѣдникъ, а не я!

— Стало быть, только и будетъ мнѣ наслѣдства,— сказалъ Петруша: — что посадятъ въ тюрьму за отцовскіе долги? Больше я отъ васъ не услышу ничего?

Миронъ пожалъ плечами и вздохнулъ.

— Пусть же меня посадятъ, — сказалъ Петруша спокойно:—авось тамъ хоть накормятъ: я сегодня еще не ѣлъ.

Онъ всталъ и пошелъ было. Миронъ спохватился и началъ приглашать закусить, выпить чашку чаю, поужинать, закричалъ хозяйку, и Петруша, отказавшись рѣшительно отъ всего, не успѣлъ, однако же, выйти, какъ Марѳа Алексѣевна съ Паращей, — бывшія, какъ видно, не за горами,—вошли и остановили его. Мать залилась съ горя слезами, поминая покойника, а дочь, молодая вдова, стояла съ тѣмъ же безстрастнымъ лицомъ, въ ненарушимомъ спокойствіи духа, и держала въ обѣихъ рукахъ передъ собою свернутый клубкомъ платочекъ. Петруша взглянулъ на нее — все расплылось на этомъ тучномъ лицѣ и полныхъ плечахъ; немного и было тутъ пріятныхъ чертъ, но и тѣ исчезли: все испошлилось, расплющилось и слилось въ одно.

Петруша не ѣлъ еще во весь день, но ему въ этомъ домѣ корка хлѣба стала бы коромысломъ въ горлѣ; онъ отказался отъ всего, предалъ хозяевъ суду Божію и пошелъ.

Онъ не долго думалъ, явился куда слѣдовало, и, правду сказать, съ нимъ обошлись здѣсь несравненно сострадательнѣе и привѣтливѣе, чѣмъ у своихъ. Старикъ Корюшкинъ былъ столько извѣстенъ въ городѣ и столько разъ кормилъ и поилъ всѣхъ, что полиціймейстеръ счелъ за особенное удовольствіе напоить и накормить голоднаго сына его, а самъ ходилъ въ это время подбоченясь взадъ и впередъ, подходя повреме-

намъ къ стоявшей въ сторонѣ закускѣ и наливая себѣ, за здоровье арестанта, рюмочку.

— Ну, какъ же, братецъ ты мой,—сказалъ, наконецъ, полиціймейстеръ:—какъ же мнѣ съ тобою быть? Ну, какъ же я тебя стану отправлятъ теперь въ острогъ? Ну, сдѣлай ты милость, научи меня!

— Просто,—отвѣчалъ Петруша:—прикажите связать да и отправьте съ книжкой подъ росписку. Вамъ лучше это извѣстно.

— Да нельзя, братецъ ты мой! Рука не подымается! ей-богу не подымается! Ну, вѣдь я хлѣбъ-соль помню покойника Якова Ивановича. Охъ, лихой старикъ былъ! Только ужъ, бывало, весь городъ наповалъ перепоитъ, ни одного нищаго трезваго не найдешь; а ужъ объ нашемъ братѣ и не говори: бывало, не соберешь команды своей въ недѣлю: кто подъ тыномъ, кто въ канавѣ, кто безъ глаза — ползутъ, бывало, ровно на масляницѣ! Баньщиковъ всѣхъ перепоитъ, никого нѣтъ и въ баняхъ, того гляди городъ сожгутъ: кто пришелъ, тотъ и парится, какъ знаетъ: самъ воды накачай, самъ дровъ подкинь... Охъ, проказникъ покойникъ былъ!

— Что дѣлать! — сказалъ Петруша: — миновалась эта пора.

— Ну, да какъ же мнѣ съ тобой-то быть? Да ты сказывай, гляди на меня, сказывай: ты уйдешь, что ли?

— Куда же я уйду? — отвѣчалъ тотъ: — уходить, такъ незачѣмъ бы и приходить было.

— Ну, такъ живи у меня покуда въ казармѣ,— сказалъ полиціймейстеръ и налилъ еще рюмку.—Будь здоровъ! живи на мой отвѣтъ; а уйдешь, такъ ужъ я за тебя въ сибирку полѣзу, нечего дѣлать,—и расхохотался въ честь этой остроты.

Такимъ образомъ, Петруша не попалъ въ каменный мѣшокъ, а остался на горькой волѣ, но не выходилъ

никуда ни шагу, ни съ кѣмъ не видался. Не всѣ люди помнили хлѣбъ-соль Корюшкина такъ хорошо, какъ полиціймейстеръ; но не всѣ и забыли старика, не всѣ откинулись отъ сына, какъ Миронъ Степановичъ съ мачихой, и дѣло вскорѣ было рѣшено благополучно. Благополучіе это не простиралось свыше того, что Петру дана была свобода; онъ все-еще оставался тѣмъ же нищимъ, но и этого было не мало. Дѣло рѣшили такъ, разсудивъ весьма основательно, что, какъ сынъ наслѣдства не получалъ и отъ него отрекается, то продать отцовское имѣніе, сколько его найдется, а сына оставить въ покоѣ.

Нашъ бѣднякъ, получивъ наконецъ рѣшеніе, сидѣлъ на крыльцѣ такъ называемой полицейской казармы и думалъ думу.

— Надо надѣвать лямку да идти въ бурлаки, — сказалъ онъ, качая головой:—больше некуда дѣваться.

— Такъ погоди, братъ, немного, — сказалъ арестантъ, который былъ приведенъ для допроса и дожидался вмѣстѣ съ конвойнымъ своимъ тутъ же: — погоди, пойдемъ вмѣстѣ. Я эту лямку знаю и самъ туда же пойду: авось скоро выпустятъ. Славное, братъ, житье!

Петруша сталъ его разспрашивать, и, между прочимъ, спросилъ также, за что и по какому дѣлу онъ сидитъ.

— Проклятый всему виноватъ, — сказалъ тотъ: — онъ меня это втравилъ. Я, братъ, скорняжилъ помаленьку въ Тулиновѣ да на хлѣбъ не на хлѣбъ, а все хоть на вино, бывало, заработаешь. Тутъ грѣхъ попуталъ: у одного помѣщика шубу взялъ подъ сохранность и въ цѣлости представилъ, да недостача въ мѣху случилась. Баринъ задорный такой, знать ничего не хочетъ. Ахти мнѣ бѣда какая. И тутъ нѣтъ, и тамъ нѣтъ, и заплатить нечѣмъ — туда, сюда совался, да

вотъ на какого-то и насунулся сдуру, люди добрые указали; а я и послушался. Онъ — чтобъ ему ни дна, ни покрышки — еще у васъ тутъ хозяйку высваталъ передъ смертью у нѣмца-колбасника и самъ никакъ изъ нихнихъ былъ.

— Какъ передъ смертью?—спросилъ Петруша: — развѣ онъ умеръ, Шифбрухъ?

— Да, да, онъ и есть, Шитруховъ, померъ давно. Такъ вотъ ровно косой срѣзало: набили бока, говорятъ, на ярмаркѣ картежники. Кто ихъ тамъ знаетъ! Такъ онъ мнѣ и настрочилъ просьбу, чтобъ, вишь, съ него же, съ барина того, поживиться, да и дѣло все испортилъ. Тутъ потянули въ судъ, да то, да другое—все съ этого пошло, да такъ дѣло запутали, что, вотъ, годъ и маюсь.

Петруша, какъ ребенокъ, увлекся безотчетно извѣстіемъ о смерти Шифбруха и самъ не зналъ, почему и зачѣмъ. Онъ разспросилъ еще разъ, вѣрно ли это, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, всталъ и тутъ же пошелъ къ Тофельсу, также не зная зачѣмъ, но съ какою-то рѣшимостью, будто знаетъ, что дѣлаетъ. Дорогою только пришло ему въ голову проситься въ работники къ Вилиму Карловичу, хоть за насущный хлѣбъ, и вымолить себѣ эту милость.

Въ домѣ Тофельса былъ Петруша принятъ съ криками радости со всѣхъ сторонъ и со слезами. У нѣмцевъ безъ этого не обходится. Молодая вдова была опять тутъ, у отца. Она поблѣднѣла, похорошѣла и съ виду казалась и умнѣе, и спокойнѣе. Сжалился старикъ, глядя на Петрушу, который былъ въ такомъ бѣдственномъ положеніи, и Вилимъ Карловичъ, подумавъ немного, согласился дать ему на время у себя въ домѣ пристанище, но долго не могъ рѣшиться считать его работникомъ своимъ. Петруша, однако же, съумѣлъ побѣдить сомнѣніе и недовѣрчивость старика

и вскорѣ ужился въ домѣ такъ хорошо, такъ исправно отправлялъ всѣ работы, что къ нему привыкли, будто онъ вѣкъ жилъ въ этой должности.

Черезъ нѣсколько времени Вилимъ Карловичъ призвалъ Петра, поговорилъ еще разъ обстоятельно и разспросилъ, точно ли твердая воля и намѣреніе его есть оставаться въ домѣ простымъ работникомъ, и, получивъ на это утвердительный отвѣтъ, сказалъ: «Ну, коли такъ, благослови тебя Богъ; путный же ты человѣкъ», и положилъ ему съ того же дня жалованье.

ГЛАВА VIII.

КОЛБАСНИКЪ ИЗЪ РУССКИХЪ.

Прошло нѣсколько времени въ мирномъ спокойствіи, которое какъ будто болѣе утвердилось въ домѣ Тофельса съ тѣхъ поръ, какъ прибылъ туда послушный и работящій сотрудникъ. Онъ жилъ тамъ какъ односемьянинъ и благословлялъ свою судьбу. — «Было ли мнѣ когда-нибудь такъ хорошо, такъ спокойно на душѣ,—думалъ онъ:—когда отца моего называли чуть не милліонщикомъ, а меня единственнымъ его наслѣдникомъ? Было только тогда развѣ, когда я забывался на часокъ въ этомъ же домѣ; но зато какою тревогой и грозою все это окончилось!»

Время шло; Петруша все болѣе и болѣе сближался со всей семьей и въ особенности съ Розой, и все это дѣлалось исподволь, самымъ незамѣтнымъ образомъ. Старикъ отчасти видѣлъ и понималъ дѣло, косился иногда, собирался говорить, но смалчивалъ, потому что какъ-то не было особеннаго повода къ объясненіямъ и потому еще, что онъ самъ не зналъ, что бы именно такое сказать.

Однажды,—это было на страстной недѣлѣ, передъ Пасхой, когда спѣшная работа кипѣла въ домѣ у Тофельса, — готовили окорока, колбасы и сосиски всѣхъ сортовъ, чистили ножки и головки, варили студень, начиняли фаршемъ птицу и поросятъ, — Петруша работалъ почти всю ночь вмѣстѣ съ семьею колбасника. Работа кипѣла; на дворѣ темно и тихо, въ комнатахъ свѣтло, пріютно и шумно: воздухъ какой-то праздничный, торжественный, а Роза, въ бѣленькомъ чепчикѣ своемъ и въ короткихъ рукавахъ, очень мила, грустно весела и сострадательна. Она шутила, смѣялась съ другими, но все по временамъ призадумывалась и свѣшивала головку на бокъ. Петруша по наружности также принималъ участіе въ общемъ суетливомъ весельѣ, но видимо томился чѣмъ-то и вздыхалъ.

— Вотъ, сказала Роза послѣ долгаго молчанія, стоя рядомъ съ помощникомъ своимъ за какою-то начинкой: — вотъ какъ на свѣтѣ иногда бываетъ! Кто бы подумалъ въ то время, когда мы плясали еще подъ вашъ органъ, что мы будемъ жить вмѣстѣ, и что вы сдѣлаетесь нашимъ помощникомъ?

Петруша встрепенулся и взглянулъ на нее; она съ улыбкой на него посмотрѣла, но отъ взгляда его потупила глаза и, зарумянившись, усерднѣе прежняго принялась за свою работу. Петруша вздохнулъ и, также принявшись опять за дѣло, сказалъ вполголоса: «Ваша правда; тогда мы не знали, не гадали, что будетъ теперь; а теперь не знаемъ, что станется черезъ недѣлю, черезъ день, можетъ быть».

Послѣднія слова были сказаны съ особеннымъ горькимъ чувствомъ. Роза невольно опять взглянула на него и спросила также вполголоса: «а что же будетъ?»

— Богъ-вѣсть что будетъ,—отвѣчалъ онъ, не поднимая глазъ.

— Да что же? спросила Роза настойчиво и убѣдительно, послѣ молчанія: — что такое? Вы говорите такъ, будто предвѣщаете что-то недоброе.

У Петра глаза разъ, другой прищурились и мигнули, онъ сталъ потряхивать головой, между тѣмъ какъ руки его были прилежно заняты. — Я уйду отъ васъ,—сказалъ онъ наконецъ глухо:—нѣтъ мнѣ, видно, житья нигдѣ на свѣтѣ: то недобрые люди выживаютъ, то отъ добрыхъ бѣжать приходится!

— Развѣ вамъ нехорошо съ нами? — спросила она съ видимымъ смущеніемъ, вызывая его на положительный отвѣтъ.

— Роза Вилимовна, — отвѣчалъ онъ, подумавъ немного: — что про это и говорить, что хорошо; сами вы знаете. Не тужу я по богатствѣ своемъ, ни по дорогѣ, на которую отецъ было готовилъ меня, — ни по чемъ; тужу я о томъ, что, куда я ни кинусь, все доля моя горькая. То богатство мое выгнало меня изъ вашего дома, а теперь, видно, гонитъ нищета. Нѣтъ, мнѣ у васъ житья не будетъ, Роза Вилимовна! тошнехонько становится; что дальше, то хуже. Ни отецъ вашъ не отдастъ васъ за меня, горемыку, ни сами вы, можетъ статься, не пойдете... Стало быть, только и осталось мнѣ, что отворотиться отъ солнышка да въ лѣсъ!

— Пересолишь, пересолишь, Роза!—закричалъ Торельсъ, оглядываясь:—или это еще и перецъ у тебя? Что ты, дитя мое, дѣлаешь? Ты весь фаршъ испоргишь!

Болѣе въ этотъ вечеръ между Розой и Петрушей разговора не было. Они даже какъ будто обходили другъ друга и смѣялись и шутили принужденно. Мать замѣтила это и, передъ отходомъ ко сну, приняла молодую вдову въ дружескій допросъ. Роза все разсказала и умоляла мать быть посредницой у отца, скло-

нить его къ согласію на бракъ ея съ Петромъ. «Довольно я натерпѣлась», сказала она, горько плача: «Богъ ему прости и успокой душу его; дайте жь мнѣ пожить теперь по-людски».

Не смотря на то, что Роза была вдова и потому, казалось бы, довольно независима, ей и въ умъ не приходило сдѣлать подобный шагъ безъ отцовскаго благословенія, безъ воли его. Кратковременное замужество ея мелькнуло за нею, какъ зловѣщій сонъ; а возвратившись въ родительскій домъ, она стала опять тою же Розой, какъ была прежде. Вслѣдствіе совѣщанія родителей между собою, въ продолженіе котораго Тофельсъ передвигалъ колпакъ свой съ уха на ухо, вставалъ, ходилъ, иногда вдругъ упиралъ обѣ руки въ бока и призадумывался, опять садился, — слѣдствіемъ этого всего было, что онъ позвалъ Петрушу на первый день пасхи и, похристосовавшись съ нимъ по русскому обычаю, началъ такъ:

— Петруша, я тебя знаю давно и люблю. Если ты захочешь, то изъ тебя можетъ выйти порядочный человѣкъ, во славу Господню и на честь и на пользу ближняго. Выслушай меня.

«Когда я жилъ еще заграницей, то я зналъ русскихъ по одному только случаю: артель русскихъ рабочихъ возвращалась съ лейпцигской ярмарки, десятка съ полтора видныхъ ребятъ, подъ русской стрижкой, а которые постарѣе, такъ и съ бородками. Они пристали на пути въ постояломъ дворѣ, въ небольшомъ городѣ, и мы, жители, ходили смотрѣть на нихъ и разговаривать съ ними; почти всѣ они говорили по-нѣмецки. Противъ трактира хозяинъ собирался красить снаружи домъ свой и, обдумывая это обстоятельство, совѣтовался съ архитекторами и съ двумя старшими мастерами. На этотъ разговоръ подошли и земляки ваши и вслушивались, о чемъ идетъ рѣчь; мастера

просили дорого, а хозяинъ немного горячился. Одинъ изъ русскихъ вмѣшался въ разговоръ и сказалъ, что въ Россіи взяли бы за окраску дома почти втрое дешевле. Слово за словомъ, и объяснилось, что нѣмцы, для побѣлки или окраски дома, ставятъ лѣса вокругъ всего дома, и во всѣ пять ярусовъ, точно будто его вновь строятъ, и что уже по этой одной причинѣ какъ работа, такъ и припасы обходятся имъ гораздо дороже. Русскіе сказали, что по ихнему разсчету нужно столько-то краски да на столько-то посуды и щетины, а затѣмъ нѣсколько плахъ дровъ и одну или двѣ лѣсины на переносный костыль; расцѣнивъ все это, показали, что весь излишекъ цѣны пойдетъ за работу. Хозяинъ, недолго думавъ, приговорилъ проходящую артель снять работу; тѣ взяли задатокъ и принялись; гдѣ изъ окна плаху высунули, гдѣ кой на чемъ подмостились, да пару подвижныхъ костылей на одной лѣсинѣ сдѣлали, смотрѣть страшно: одинъ наверху сидитъ подъ кровлей, ногами въ стѣну упирается да отталкиваетъ, а другой внизу рычагомъ костыль подвигаетъ... О, я это очень помню; весь городъ смотрѣлъ; трубы водосточныя красили, сидя верхомъ на ведрѣ, макали подъ себя кисть и спускались по трубѣ же. Такъ-сякъ, затерли, закрасили, выбѣлили и покончили. Нѣмцы, глядя на всю продѣлку эту, дивились и спросили земляковъ вашихъ: да вы какіе мастера: каменьщики, маляры или штукатуры?—«Нѣтъ, — отвѣчали тѣ: — мы, признаться, не то чтобы шкукатуры и не маляры; есть у насъ тутъ одинъ, что въ плотникахъ живалъ; другой есть стекольщикъ, а то мы всѣ сызранцы, сапожники»!!!

«Вотъ видишь, другъ мой Петруша, на это земляки ваши хороши; за это я ихъ уважаю: расторопны, догадливы, поворотливы; все сдѣлаютъ, все переймутъ, да все какъ-нибудь. Вотъ почему они на такое искусс-

ство, какъ наше, не годятся. Наше званіе почетное, Петруша; наша работа смышленная, требуетъ науки, ученья, хорошихъ, основательныхъ свѣдѣній, любви къ искусству своему, прилежанія, доброй нравственности и большой аккуратности. Слушай дальше, Петруша. Я опишу тебѣ нашу, нѣмецкую, бойню и русскую, а ты слушай да самъ и разсуди послѣ».

«Въ глухомъ и пустомъ мѣстѣ, среди вони, смрада и нечистоты, вдали отъ жилья, стоятъ сараи, сколоченные изъ барочныхъ досокъ. Это называется бойня. Внутри пусто, никакого устройства; кромѣ вторника и субботы, то-есть бойныхъ дней, снаружи все также пусто и уныло; только пришлыя собаки гуляютъ среди раздолья въ окружности, и стаи воронъ и грачей, каркая, перелетаютъ съ мѣста на мѣсто»

— Правда,—сказалъ Петруша,—правда.

— Постой,—принялъ опять старикъ:—постой, не перебивай меня, дай мнѣ договорить. Иногда ты встрѣтишь на такой бойнѣ сторожа и нѣсколько головъ несчастнаго скота, который почему-либо не попалъ подъ обухъ во вторникъ и ожидаетъ смиренно на привязи субботы, безъ корма, безъ пойла, заморенный голодомъ и жаждой. Потрудись свѣсить, сколько сала и мяса волъ потеряетъ въ эти предсмертные дни, и ты увидишь, что это составитъ никакъ не менѣе пуда на голову; какія цѣны ни положишь на говядину и на сѣно, все-таки окажется, что хозяинъ отдалъ рубль за гривну. Стада свиней, на подножномъ корму, роются въ кровяной грязи и, будучи обращены въ плотоядныхъ животныхъ, даютъ жесткое, дурное и нездоровое мясо, которое мы поневолѣ съѣдаемъ подъ разной приправой. Когда придетъ урочный день, то скотъ спроваживаютъ поштучно на помостъ; при этомъ бѣднаго вола просятъ пожаловать на свое мѣсто какою-нибудь подручной дубиной, обломкомъ оглобли, иско-

лотятъ ему бока, ляжки, изомнутъ, для понужденія, хвостъ и нерѣдко собьютъ одинъ рогъ. Дрожащая всѣмъ тѣломъ скотина, съ избитымъ заживо мясомъ, стоитъ на мѣстѣ, притянутая головою къ помосту. Чтобъ теперь вознаградить отчасти утрату мяса, о которой я говорилъ, скотину не поражаютъ однимъ полновѣснымъ ударомъ обуха, а бьютъ по лбу разъ по десяти и двадцати, чтобъ отъ продолжительнаго и возобновляемаго испуга кровь застыла въ жилахъ, сгустилась и не вытекла сполна при зарѣзѣ. Затѣмъ не колютъ скотины, не вскрываютъ сонныхъ жилъ, а рѣжутъ, отчего кровь не такъ быстро вытекаетъ и фунтовъ пять говядины, собственно такъ называемый зарѣзъ, дѣлаются вовсе негодными для пищи. Этого мало: я видѣлъ не разъ, что два работника убиваютъ скотину, какъ живодеры, дубинами... Картина отвратительная, которая безчеститъ все наше званіе!

Убитаго вола кладутъ на спину и начинаютъ обдирать острымъ и остроконечнымъ ножемъ; исколовъ кругомъ шкуру и выхвативъ тутъ и тамъ по лоскутку мездры,—отчего кожа теряетъ третью долю цѣнности своей, — начинаютъ вырубать грудину, въ лежачемъ положеніи стегна, и все загаживается кровью и осколками костей. Тогда вынимаютъ внутренности, исколовъ и изорвавъ ихъ въ десяти мѣстахъ; обдаютъ всю тушу кровью и грязью, складываютъ внутренности въ кучу и выволакиваютъ послѣ за бойню, на сало, которое, напитанное кровью, завязывается по 3 или 4 пуда въ одинъ кутырь. Салу не дадутъ и остыть, отчего оно задыхается и вскорѣ тухнетъ. Туши сваливаются на грязную кровяную телегу, работникъ садится на нихъ и такимъ образомъ отвозитъ ихъ въ мясные ряды. Печень и другія внутренности разбираются гусачниками въ такомъ же грязномъ видѣ, а во время поста сваливаются на чердакъ, гдѣ это добро

лежитъ горами, мерзнетъ, таетъ и прѣетъ, и наконецъ все-еще находитъ покупателей, если не вовсе перегноится до мясоѣда. Воды на бойнѣ нѣтъ никогда, и она вовсе не идетъ въ дѣло, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ непремѣнно полагается на каждую битую скотину по два ушата воды, для обмывки и очистки. На мясѣ, на салѣ, шкурѣ и другихъ частяхъ скотопромышленники и мясники наши теряютъ отъ одного небреженія и безпорядка огромныя суммы; онѣ составляютъ на все государство, конечно, многіе милліоны. А между тѣмъ скотъ нашъ славится, кормъ дешевле, и сбытъ, не только сала и шкуръ, но и самой даже солонины, долженъ бы доставить намъ огромную и выгодную промышленность. Теперь шкуры наши всѣ изрѣзаны, истыканы, какъ извѣстно всякому торговому человѣку; сало всегда тухлое, а мясо вовсе не идетъ въ солонину, потому что для этого не годится.

— Все это я видѣлъ, — замѣтилъ Петруша: — это правда.

— Гамбургскій и англійскій способы бить скотъ я почитаю лучшими,—продолжалъ Тофельсъ: —затѣмъ слѣдуетъ бельгійскій, а французскій мнѣ менѣе нравится. Посмотрѣлъ бы ты, братъ Петруша, на любую гамбургскую бойню! Издержки на устройство ея давнымъ-давно вознаградились наличнымъ барышомъ, а она стоитъ и все-еще обогащаетъ умнаго, знающаго и разсчетливаго хозяина. Тутъ 50 опытныхъ подмастерьевъ бываютъ ежедневно въ работѣ; каждый изъ нихъ долженъ изучить ремесло свое и каждый былъ бы строго наказанъ и прогнанъ за одинъ только порѣзъ или проколъ шкуры, тогда какъ у насъ бываетъ ихъ пятьдесятъ на каждой. Не найдешь ты здѣсь тухлаго сала въ кутыряхъ и кровянаго мяса: тутъ идетъ вывозъ копченаго и соленаго во всѣ части свѣта. Путешественники осматриваютъ въ Гамбургѣ бойню, какъ

всякое другое замѣчательное заведеніе, фабрику, заводы, — какъ въ Лондонѣ осматриваютъ знаменитую пивоварню.

На такой бойнѣ живутъ очень порядочные люди, и ихъ не безпокоитъ зачумленный воздухъ, духота и нечисть, которые заставляютъ здѣсь относить бойни за нѣсколько верстъ отъ города. На гамбургской бойнѣ найдете вы всѣ снаряды и устройство; тутъ удобные подъемные вороты, большіе и малые топоры, различные ножи—и все это чисто, свѣтло, опрятно; тутъ насосы и надлежащій запасъ воды; складочныя мѣста для сала, солонины, шкуръ и прочаго — и все это въ порядкѣ; подземныя посудины для пріема крови, а равно трубы и колодцы, для стока сукровицы; котлы для выварки крови, которая вся идетъ въ дѣло; посуда для очистки и сохраненія зорной крови; соляные запасы; бочарня; сушильня для запасныхъ бочарныхъ клепокъ; сушильня для кожъ и для сала; контора съ разсчетными книгами; конюшня для скота и запасы корма. Когда скотъ пригнанъ съ рынка или пастьбы, то ему даютъ сутки покоя и поятъ въ волю, черезъ что кожа впослѣдствіи легче отдѣляется, мясо бываетъ чище, внутренности опрятнѣе и самая даже кровь лучше вытекаетъ изъ жилъ. Въ урочный часъ скотину ведутъ бережно на бойню, не пугая ея и отнюдь не дозволяя себѣ побоевъ; затѣмъ ее поражаютъ мгновенно, въ одинъ ударъ обухомъ, на смерть*). Тамъ дозволяется дать еще два добавочные удара; но кто не свалилъ вола сразу, или принужденъ ударить его въ додатокъ болѣе двухъ разъ, того наказываетъ старшій подмастерье, а что еще хуже — ему даютъ прозвище *рѣзаки* (Schneider), слово крайне оскорбительное для всякаго порядочнаго

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стали бить скотину ударомъ ножа въ становую жилу—способъ также весьма хорошій, но требующій навыка.

человѣка. Затѣмъ отыскиваютъ и вскрываютъ сонныя жилы, а не рѣжутъ поперекъ всю шею; отъ этого кровь вытекаетъ до капли, мясо не терпитъ отъ зарѣза, а кожа выигрываетъ въ цѣнности. Собственно боемъ скотины занимаются опытные въ этомъ дѣлѣ подмастерья, которые исключительно этимъ промышляютъ, обхаживая въ извѣстные дни всѣ бойни и получая плату съ головы. Убитая скотина кладется на спину, кожа снимается однимъ продольнымъ разрѣзомъ, отъ самой морды до хвоста; въ 30 минутъ это дѣло кончено, стегно виситъ, поднятое вóротомъ, а на мездрѣ, конечно, не найдешь ты ни одного порѣза. Въ этой работѣ виденъ человѣкъ и можетъ себя показать: мужественный, смѣлый и ловкій малый работаетъ такъ, что любо смотрѣть; а слабаго, неуклюжаго мастеръ прогонитъ отъ работы. Затѣмъ все обмывается и очищается, голова и ноги обвариваются и чистятся, мозгъ отдѣльно вымачивается, языки обмываются; поднятое стегно вытирается нѣсколько разъ мокрыми полотенцами; въ этомъ же положеніи, для удобства и соблюденія опрятности, вынимаются внутренности, сало, гусакъ, и все это кладется не въ грязь, а на чистый столъ; все это очищается и обмывается, такъ что любо смотрѣть; все кладется на свое мѣсто и все идетъ въ дѣло. Грудь, разрубленная вдоль, распирается распоркой, все стегно внутри окачивается водой и обмывается, да сверхъ того еще окладывается мокрыми полотенцами, которыя перемѣняются, напитываясь кровью. Почки съ жиромъ своимъ остаются, для пользы и приличія, на своихъ мѣстахъ. Затѣмъ вся бойня окачивается и вымывается водой, вся посуда и снаряды также, и всѣ окна и двери растворяются, чтобъ мясо остыло на вѣтрѣ и прочахло. Откуда тутъ взяться духотѣ? Надувать мясо тамъ запрещено, подъ опасеніемъ отдачи въ рабочій домъ; шкура съ прорѣзами

была бы посмѣшищемъ для всей бойни; а кромѣ сукровицы да еще выкинутаго изъ очищенныхъ внутренностей, ни шерстинки не пропадетъ даромъ: кровь, копыта, черепъ, — все идетъ въ дѣло.

Когда начну говорить объ этомъ, у меня, Петруша, сердце обливается кровью; нѣтъ конца моему сѣтованію. Здѣсь, напримѣръ, крошатъ и терзаютъ на клочки драгоцѣнный почечный жиръ, тогда какъ повсюду за границей оставляютъ его сначала во всей красотѣ на стегнѣ, а потомъ выбираютъ цѣликомъ и продаютъ дорогóю цѣною на свѣчные заводы. Здѣсь работникъ беретъ ножъ, надрѣзываетъ весь почечный жиръ мелкой рѣшеткой по всѣмъ направленіямъ и разстилаетъ его плутовской уловкой вдоль хребта по всѣмъ ребрамъ, чтобъ плохой говядинѣ дать жирный, пріятный видъ. Все обманъ и обманъ самый неразсчетливый! Половина этого дорогаго жира крошится и падаетъ въ подставленное грязное ведро, куда стекаетъ также кровь и всякая нечисть; это все идетъ въ кутырь, слеживается тамъ вмѣстѣ съ сальникомъ и тухнетъ. Такимъ образомъ покупщикъ долженъ покупать сало вмѣсто мяса; а мясники сами теряютъ болѣе половины цѣны: мясо, напримѣръ, въ Петербургѣ стоитъ изъ первыхъ рукъ 5, 6 рублей, а почечное сало на биржѣ по 12 и 15 рублей за пудъ. Сверхъ того, хорошему работнику нужно столько же времени на то, чтобъ искусно растерзать и распластать почки, сколько и для того, чтобъ убить и очистить скотину. Ежели же разсудить, что въ каждомъ стегнѣ остается кругомъ не менѣе пуда почечнаго жира, остальное-жь крошится и пропадаетъ даромъ въ грязи и крови, и что въ трехъ главнѣйшихъ мѣстахъ, въ Петербургѣ, Москвѣ и Коломнѣ, бьютъ ежегодно 250,000 головъ, то, принявъ для всей остальной Имперіи, откуда доброе сало могло бы быть сбываемо за границу, столько

залѣ. Петруша стоялъ, въ продолженіе шумной продажи отцовскаго имущества, печальный, но спокойный; онъ грезилъ прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ и спокойно выжидалъ очереди своему органу. Но продажа кончилась, а органа нѣтъ. Удивившись этому и спросивъ кого-то изъ старожиловъ, не слышно ли, куда дѣвался этотъ органъ, который извѣстенъ былъ похожденіями своими цѣлому городу, — Петруша получилъ отвѣтъ, что органъ у Мирона Степановича: «неутѣшная вдовушка увезла его съ собой», прибавилъ тотъ, «чай, все плачетъ да наигрываетъ!»

Петруша вспомнилъ, какъ онъ и самъ когда-то сидѣлъ и плакалъ подлѣ органа, наигрывая плясовыя пѣсни; но ему при всемъ томъ не хотѣлось уступить эту плачевную музыку Мирону, который могъ бы, казалось, удовольствоваться болѣе существенными пріобрѣтеніями, доставшимися ему, правдою и неправдою, отъ Корюшкина. Онъ отправился сгоряча къ Мирону Степановичу и доложилъ ему о желаніи своемъ имѣть на память эту вещь, которая, неизвѣстно какимъ образомъ, попала въ домъ Мирона. Кулебяка съ бородой обнялъ Петра, узнавъ, что рѣчь идетъ только объ органѣ, много шутилъ и смѣялся и выдалъ ему музыку съ большимъ удовольствіемъ. Онъ только побожился разъ пять сряду, для очистки совѣсти, что органъ былъ подаренъ ребятамъ его.

А какая радостная встрѣча была этому органу въ домѣ Тофельса! Даже старики едва не прослезились, а Роза сказала вздохнувъ: «А добраго нашего ютландца нѣтъ?»

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА

или

ПРОГУЛКА ПО НЕВСКОМУ ПРОСПЕКТУ

Невскій проспектъ, отъ Дворцовой площади и до Невскаго монастыря — это не только цѣлый городъ, цѣлая столица, это цѣлый міръ, — міръ вещественный и міръ духовный, міръ событій, столкновеній, случайностей, міръ хитрой и сложной разсчетливости, тонкихъ происковъ и продувнаго пустозвона; это палата ума и торная колея дурачества; бездна премудрости и шутовской помостъ фиглярства; кладезь замысловатости и битая мостовая пошлости; картинная галлерея скромной модности и позорище модной скромности; выставка щегольства, роскоши и вкуса—базаръ чванства и суетности, толкучій рынокъ многихъ, если не всѣхъ, слабостей и глупостей людскихъ; опорная точка, основаніе дѣйствій и цѣлой жизни одного человѣка — поворотный кругъ и солнцестояніе другаго; это ратное поприще и укромная колія—бѣгъ взапуски на безпредѣльное пространство и тѣсный кругъ коловращенія вкругъ наемнаго очага. Разгульная пѣснь лихаго тунеядца сливается здѣсь съ тихимъ вздохомъ труда и

стономъ нужды. Служба, и военная, и гражданская, и словомъ всякая, мелькаетъ вправо и влѣво, впереди и назади—и тутъ же снуютъ туда и сюда самыя неслужебныя лица, озабоченныя своими и чужими разсчетами, нуждой и горемъ — прохаживаются чванно самодовольныя, самонадѣянныя, упитанныя и умащенныя куколки; и между ними, и между службой скользятъ и ватаги вольницы и тунеядцевъ. Вертлявый живчикъ пляшетъ рядомъ съ неповоротливой торговкой; сущій подобень, снимокъ съ модной картинки, обгоняетъ сальнаго пирожника, подмастерья въ пестрядевомъ халатѣ, голландскаго шкипера въ байковой рубахѣ. А загляните въ жилье — въ подвалы, ярусы и чердаки — тутъ въ одно и то же время и крестятъ и отпѣваютъ, и сватаютъ и вѣнчаютъ, и хоронятъ и рожаютъ — и нѣтъ нужды, нѣтъ потребности, которой бы нельзя удовлетворить по безконечной площади этой, отъ Зимняго дворца до Невскаго монастыря; тутъ все, вся лѣстница званій, зданій, чиновъ, возрастовъ и половъ.

Другой описалъ уже населеніе Невскаго проспекта по днямъ и часамъ, по суточнымъ перемѣнамъ; вы видѣли, что по Невскому движется цѣлый міръ, сбываетъ и прибываетъ попеременно круглыя сутки—но міръ этотъ образуется и составляется изъ сложности всѣхъ чиновъ и званій, изъ совокупности нѣсколькихъ тысячъ людей, коихъ судьба сводитъ день за день изо всѣхъ концовъ столицы и цѣлаго царства; это не тотъ міръ, о которомъ я хочу говорить; дайте мнѣ разсказать вамъ, какимъ образомъ для одного частнаго человѣка весь міръ ограничивался собственно стѣнами Невскаго проспекта, и какъ самое даже воображеніе этого лица, въ разгульныя мгновенія, не летало далѣе Елагина, Каменнаго и Крестовскаго! Каждое изъ лицъ, составляющихъ собою міръ совокупностей на Невскомъ,

служитъ міру часъ, а много два въ сутки; остальное время лицедѣи наши проводятъ во всѣхъ концахъ столицы, продолжаютъ комедію или трагедію свою въ Садовой, Гороховой, Литейной; а иной, пожалуй, даже на острову и на Пескахъ—но нашъ герой не сбивался во весь свой вѣкъ со столбоваго пути Невскаго проспекта, и былъ и жилъ тутъ весь свой вѣкъ; тутъ онъ началъ жизнь, тутъ и кончилъ; а даже самая развалина этой первой въ мірѣ улицы, за каретнымъ рядомъ, не соблазнила его, какъ мы впослѣдствіи увидимъ: онъ покинулъ Мытненскую и пошелъ направо, къ Невскому, не призадумавшись ни на минуту.

Итакъ, лѣтъ тому будетъ съ 50, въ одномъ изъ крайнихъ деревянныхъ домиковъ къ Невскому монастырю, жилъ нѣмецъ, булочникъ. Его звали, разумѣется, Иваномъ Ивановичемъ, какъ уже и въ то время звали всѣхъ нѣмцевъ-булочниковъ и колбасниковъ; Иваны Адамовичи были, какъ извѣстно, воспитатели, учители; Карлы Ивановичи или Иваны Карловичи доктора и нѣмцы служащіе; а имена: Адольфъ, Августъ, Густавъ и другія, болѣе замысловатыя, составляли собствен-
[illegible] художниковъ и музыкантовъ. Иванъ
[illegible] ъ также художникъ въ своемъ ремеслѣ,
[illegible] словѣкъ весьма скромный и незаносчивый,
[illegible] вался именемъ и отчествомъ Ивана. Была у
[illegible] ва Анна Ивановна, и болѣе не было никого:
[illegible] богъ не далъ. Иванъ Ивановичъ нажилъ уже подъ Невскимъ порядочное въ быту этомъ состояніе, часто тужилъ и скучалъ за наслѣдниковъ, но все ложился и вставалъ бездѣтенъ, пекъ сухари, крендельки и булочки, мѣнялъ на себѣ верхнее бѣлье, колпакъ и передникъ по три раза въ недѣлю, въ урочные дни и часы, сдавалъ все это опять счетомъ Аннѣ Ивановнѣ, и и указывалъ только пальцемъ на то мѣсто, какое-то требовало починки: Анна Ивановна чини добру ли это,

мыла, катала, гладила,—сухари и булочки продавались успѣшно, а чета наша жила въ одиночествѣ: ребятишекъ Богъ не далъ.

Подслушалъ ли кто желаніе Ивана Ивановича и Анны Ивановны, или просто своимъ умомъ догадался, что зажиточному бездѣтнику-булочнику можно поднести при случаѣ гостинецъ, — не знаю; но тутъ случилось вотъ что: въ темный осенній вечеръ, когда Анна Ивановна давно уже закрыла ставни и собиралась подать на столъ картофель и молочный супъ (а у нея была своя коровка), — кто-то постучался довольно сильно у того окна, гдѣ была деревянная форточка, вмѣсто нынѣшнихъ жестяныхъ, и сказалъ, на вопросъ старика: «что нужно»?—«Иванъ Ивановичъ, выдь на минутку, выдь скорѣе пожалуста, письмо къ тебѣ есть, нужное дѣло». Иванъ Ивановичъ положилъ бѣлую глиняную трубочку свою бережно на карнизъ печки, накинулъ неторопясь стеганый халатъ, отворилъ осторожно двери, между тѣмъ какъ Анна Ивановна, немного встревоженная, ему свѣтила: вышедъ на крыльцо, онъ спросилъ: «ну, какой письмо, что нужно»? Все было тихо, никто не отвѣчалъ ни слова. Иванъ Ивановичъ оглядывался кругомъ, готовился уже вымолвить прескверную русскую брань, которую перенялъ, со свойственною иностранцамъ легкостію, у нашего народа; но какъ онъ дѣлалъ все вообще не торопясь, то и хотѣлъ сперва осмотрѣться хорошенько, впотьмахъ сталъ спускаться со знакомаго ему крыльца, вытаращивъ глаза прямо на улицу, споткнулся и чуть не отмѣрилъ по мостовой косую сажень. Изъ-подъ ногъ его какой-то свертокъ покатился по пяти или шести ступенямъ, и въ то же [illegible]я раздался изъ него жалобный крикъ [illegible]атенка. В[illegible]мъ сердцѣ Анны Ивановны отозва[illegible]тина, [illegible]ое намъ, мужчинамъ, чувство; составляющ[illegible]ропливо на полъ и кинулась къ

котенку. Иванъ Ивановичъ также сошелъ съ крыльца, не торопясь, и съ удивленіемъ оглядывался впотьмахъ, между тѣмъ какъ свѣтъ отъ свѣчи въ сѣняхъ освѣщалъ великолѣпно цвѣтной халатъ его и бѣлый какъ снѣгъ колпакъ. «Что же это значитъ»? спросилъ онъ, нагнувшись къ находкѣ своей, надъ которой хлопотала Анна Ивановна. Котенокъ оказался ребенкомъ, новорожденнымъ мальчикомъ. Его внесли въ покои — и съ нимъ явилась у Анны Ивановны бездна хлопотъ и заботъ. «Богъ послалъ», говорила Анна Ивановна: — «надобно за нимъ ходить какъ за своимъ».

Ребенокъ былъ завернутъ въ поношенное женское платье и укутанъ сверху русскимъ бѣлымъ утиральникомъ; во рту соска, на шеѣ мѣдный тѣльникъ, а въ утиральникѣ нашлась записка, писанная какимъ-то полууставомъ: «просимъ принять сего младенца, нареченнова Іосифомъ, который очень хорошева роду».

Этотъ Гомеръ хорошаго рода долго былъ загадкой для добраго булочника, не гораздаго на русскую грамоту; нечеткая записка заставляла подозрѣвать, что тутъ кроется какое-нибудь недоумѣніе, и, только недѣль шесть спустя, нашелся отставной сенатскій писарь, голова дѣловая, который смогъ вывести Ивана Ивановича и всѣхъ друзей, пріятелей и свойственниковъ его изъ отчаяннаго положенія называть крещеннаго человѣка неизвѣстнымъ во всемъ христіанскомъ мірѣ именемъ Гомера и дать мальчишкѣ подлинную кличку его. Все дѣло заключалось въ томъ, что въ запискѣ написано было не Гомеромъ, а Іосифомъ, хотя, правду сказать, мудрено было разгадать полуграмотную скоропись, и сенатскій писарь, видно, не даромъ слылъ мастеромъ и докою своего дѣла.

Какъ всякій нежданный и необычайный случай, и этотъ также навелъ на Ивана Ивановича какую-то робость; онъ не зналъ, недоумѣвалъ, къ добру ли это,

къ худу ли, ухаживалъ понемногу весь вечеръ около найденыша и какъ будто былъ доволенъ поневолѣ; онъ видѣлъ необходимость принять ребенка, воображалъ, что наконецъ сдѣлался отцомъ, можетъ воспитать, образовать ребенка, радоваться дѣтскими забавами и успѣхами его — но въ то же время перечила всему этому мысль, что это чужой, какой-то подкидышъ, что за нимъ будетъ много заботъ и безпокойства, и Богъ вѣсть что изъ него выйдетъ. Наконецъ, Иванъ Ивановичъ утѣшился тѣмъ, что если изъ ребенка выйдетъ негодяй, то по крайней мѣрѣ онъ не сынъ его, не родной. Анна Ивановна не думала ни о чемъ, хлопотала около младенца, доставала изъ обитаго бронзой комода старое бѣлье и собиралась тотчасъ же кроить изъ него пеленки. «Изъ поношеннаго лучше», говорила она мужу, который задумался и ничего не слышалъ: — «изъ поношеннаго лучше; это помягче, не такъ сурово, какъ новое».

Такимъ образомъ герой нашъ увидѣлъ свѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, явился на свѣтѣ, въ самомъ концѣ Невскаго проспекта и сверхъ того на правой, плебейской сторонѣ его. Съ этой минуты начинается прогулка этого человѣка по одной и той же улицѣ, и много суждено было ему еще испытать, до перехода на правую, аристократическую сторону проспекта, по которой происходило обратное низшествіе его до самаго Невскаго кладбища.

Первый поводъ къ восхожденію было то, что названные родители Іосифа прекраснаго стали подвигаться понемногу все выше и выше по Невскому, по мѣрѣ того, какъ состояніе ихъ улучшалось. Перемѣнивъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, раза три квартиру, Иванъ Ивановичъ пекъ булки и сухари уже на углу Владимірской, когда мальчику минуло восемь лѣтъ. Тутъ происходило важное разсужденіе и совѣщаніе о

тѣлесномъ и духовномъ благѣ его и окончилось, во-первыхъ, удостовѣреніемъ доктора, что Оська дѣйствительно и точно долженъ состоять въ близкомъ свойствѣ съ африканскимъ, сирѣчь одногорбымъ верблюдомъ, съ верблюдомъ объ одной холкѣ или собственно такъ называемымъ наромъ или дромадеромъ; во-вторыхъ, что ему грамотѣ учиться необходимо, но въ школы анненскую и петропавловскую ходить далеко, а потому и должно принять предложеніе отставнаго писца Косолапова и отдать ему Оську въ науку, съ платою по одному гривенному ситнику и десятку сухарей (большой руки) на день и съ поднесеніемъ ему, Косолапову, въ Пасху по одному куличу, а къ именинамъ его (въ день Андрея Первозваннаго) по одному трехчетвертному кренделю. Вѣсъ и мѣра кулича предоставлялись великодушію подносителей.

Итакъ, Оська выдался горбунчикомъ; мнѣнія о причинѣ такого тѣлеснаго недостатка, или, правильнѣе избытка, были неодинаковы. Анна Ивановна полагала, что грѣхъ лежитъ на совѣсти Ивана Ивановича, который пощупалъ неосторожно ногою подкинутый на крыльцо тючокъ или свертокъ и, такъ сказать, свернулъ питомцу своему шею при первомъ съ нимъ свиданіи. Иванъ Ивановичъ не соглашался, но не умѣлъ основательно опровергнуть такой поклепъ и прибѣгалъ всегда къ защитѣ доктора, который обвинялъ одно только золотушное расположеніе мальчика и знатное, по всей вѣроятности, происхожденіе его. Съ этимъ Иванъ Ивановичъ охотно соглашался и показывалъ всѣмъ записку, бывшую при найденышѣ; не умѣя самъ прочитать ее, просилъ онъ другихъ читать вслухъ, и переводилъ ее по-нѣмецки, объясняя, что «очень хорошева роду» значитъ: aus einer sehr guten Familien;— дѣло обыточное и вѣроятное; горбъ — это привѣсокъ или недовѣсокъ къ головѣ, къ мозгу, и если не подде-

житъ сомнѣнію, что мозгъ необходимъ и для людей изъ очень хорошей фамиліи, то нельзя удивляться тому, что мозгъ этотъ, по тѣснотѣ въ головѣ или по случайному наполненію чѣмъ-либо инымъ, не удивительно, говорю, что полное количество мозга, необходимое для человѣка хорошаго рода, иногда не помѣщается въ тѣсной полости черепа и потому привѣшивается въ видѣ отдѣльной ноши. Докторъ не совсѣмъ соглашался на подобные выводы и заключенія земляка своего и друга; но какъ пиво и табакъ были у Ивана Ивановича превосходны, и доктора, Ивана Карловича, ожидала въ домѣ друга его каждый вечеръ, въ положенный часъ, готовая доска и кости трикъ-тракъ, то онъ и старался, по врожденной уступчивости своей, находить мнѣніе Ивана Ивановича, по крайней мѣрѣ, замысловатымъ, остроумнымъ и правдоподобнымъ.

Іосифъ научился шутя двумъ языкамъ, русскому и нѣмецкому, выучился читать и писать, и Андрей Косолаповъ съѣлъ ситники свои и сухари не даромъ. Оська началъ съ псалтыря и часослова и въ 12 лѣтъ читалъ уже бѣгло по верхамъ всякую церковную и гражданскую грамоту. За дра, тха, пха,—тогдашняго времени достался ему, правда, не одинъ толчокъ, и любимое поощреніе учителя его: «олухъ, орѣховъ надаю, вотъ такъ и пойду стучать табакеркой по головѣ», частенько приводилось въ дѣйствительное исполненіе; но Іосифъ былъ самъ увѣренъ, что русская грамота безъ этого не дается никому, и что одну только нѣмецкую можно преподавать, какъ дѣлала Анна Ивановна, на изюминахъ, миндаляхъ и пряникахъ, а потому и нисколько не удивился, когда за выучку наукѣ класть на счеты — что, по понятіямъ Іосифа, также принадлежало къ русской грамотѣ—Косолапову прибавили еще пятокъ сухарей, а учитель набавилъ Оськѣ по столько же лишнихъ долбушекъ въ голову,

подъ особеннымъ названіемъ кокосовъ. Съ этихъ-то поръ кости на счетахъ и кокосы сблизились въ умѣ мальчика до такой степени, что онъ и подъ старость никогда не могъ взять въ руки эти приказныя гусли, не выговоривъ мысленно про себя: кокосы.

Наступило время разсужденія, чѣмъ быть Оськѣ и по какой дорогѣ его пустить. Анна Ивановна очень скорбѣла о томъ, что даровитый питомецъ ея былъ не одинаковаго съ нею исповѣданія и потому никакъ не могъ воспользоваться основательнымъ поприщемъ или званіемъ, которое она, по связямъ своимъ, могла бы современемъ ему доставить, а именно: званіе и мѣсто кистера или дьячка въ нѣмецкой церкви. Голосъ, увѣряла Анна Ивановна, былъ у горбунчика рѣзкій и вѣрный, и прихожанамъ было бы пріятно и легко слѣдовать за его напѣвомъ. Докторъ совѣтовалъ отдать мальчика въ науку токарю, потому что всегдашнее движеніе и стоячая жизнь будутъ горбунчику полезны. Но токарь, также Иванъ Ивановичъ, кумъ или сватъ нашего булочника, отказался отъ горбунчика, потому что для него-де надо строить особый станокъ, а до станка, устроеннаго для людей обыкновенныхъ, онъ не достанетъ и носомъ. Итакъ Оську отдали къ жестянику, на углу противъ Аничкова моста. Такимъ образомъ восхожденіе этого солнышка продолжалось, и онъ все понемногу подвигался по Невскому проспекту выше и выше, и стучалъ и паялъ и заклепывалъ съ большимъ усердіемъ, хотя честный жестяникъ пророчилъ тёзкѣ своему, булочнику Ивану Ивановичу, что Іосифъ во всю жизнь свою не сдѣлаетъ ни одного геніальнаго кофейника, потому что въ глубинѣ души этого Іосифа не таится тонкое чувство изящнаго, необходимое для всякой клёпани жестяной работы.

И точно, Гомеръ нашъ, Оська тожь, въ родню былъ толстъ, да не въ родню былъ простъ. Прикѣ-

сокъ хребтоваго мозга, столь необходимый, по мнѣнію булочника, для пополненія недостатка мозга головнаго, не далъ Іосифу той смышленности и остроты, которая нерѣдко бываетъ удѣломъ сутуловатыхъ и горбатыхъ. Іосифъ прекрасный, Осипъ Ивановичъ тожъ, былъ мирный гражданинъ этого міра, чуждался всѣхъ отважныхъ соображеній и предпріятій, какъ напримѣръ: добѣжать по Фонтанкѣ до Гороховой, перейти безъ всякой нужды проспектъ и пройтись по лѣвой, аристократической сторонѣ его и прочее; нѣтъ, Осипъ Ивановичъ, съ тѣхъ поръ какъ нахальное дышло сбило однажды шляпу съ головы его, а огромный рыдванъ переѣхалъ и колесовалъ его нещадно, съ тѣхъ поръ Осипъ Ивановичъ ходилъ исключительно по тротуару и бульвару (котораго теперь, впрочемъ, давно уже нѣтъ), держался всегда правой руки, давалъ всякому встрѣчному дорогу и никогда не пускался на дрожащую и стенающую подъ тяжестію колесъ мостовую. Если же какой-нибудь неуклюжій лабазникъ, пролагая себѣ путь грудью и плечами, наваливалъ изрѣдка, всею тяжестію своего хлѣбнаго тѣла, на Осипа Ивановича, то это было для него опасно только по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, когда его одѣвали въ нѣмецкое суконное платье, которое, какъ извѣстно, пудры и муки не любитъ; по буднямъ же тиковый или нанковый халатъ сносилъ подобный ударъ судьбы безропотно, и Осипъ Ивановичъ вспоминалъ только съ ужасомъ, какъ бы затрещала бѣдная голова его и жалости достойный привѣсокъ, если бы наглая оглобля угодила пониже и не лабазникъ, а тяжелая карета прошла бы поперекъ живота, т. е. сѣдалища и средоточія жизни его.

Нѣсколько разъ уже честный жестяникъ Иванъ Ивановичъ хотѣлъ обратить ученика своего въ первобытное его состояніе къ булочнику Ивану Ивановичу,

по недостатку, какъ онъ выражался, смѣлости и самоувѣренности въ розмахѣ клепальнаго молотка. «Онъ только накладываетъ латунь и жесть», говорилъ великій мужъ клепани, жестяникъ Иванъ Ивановичъ, «и никакъ не можетъ пріучиться дать ей вольнымъ ударомъ молотка ровный, естественный и пріятный для глазъ погибъ. Вы знаете, любезный кумъ, что кривая линія—душа изящнаго, ломаная линія, напротивъ, обижаетъ глазъ; а у него вездѣ выходятъ углы, шишки и выбоины». Названный отецъ Осипа угощалъ тёзку своего пивомъ и кренделями и просилъ не терять надежду и терпѣніе, а сдѣлать изъ Оськи человѣка. Такъ прошло два года, Оськѣ скоро 15 лѣтъ, и жестяникъ, потерявъ наконецъ всякое терпѣніе и состраданіе, ударилъ ученика своего неудачнымъ жестянымъ рукомойникомъ, работы ученика, въ голову, и пошелъ самъ объявить тезкѣ своему и гефатеру о происшедшемъ и просить положительно взять своего питомца и пустить его по другой, болѣе сподручной ему дорогѣ.

«Возьмите его», говорилъ онъ запыхавшись, «возьмите: въ рукѣ его нѣтъ никакого сочувствія къ правильной кривой линіи, и всякая работа его обидна глазу честнаго человѣка. Скажу вамъ еще болѣе: онъ даже при самой простой закленкѣ не можетъ дать создаваемой подъ молоткомъ головкѣ гвоздя пріятную и необходимую округлость; нѣтъ, онъ плющитъ его все прямо въ темя, и каждая работа его должна проходить снова чрезъ мои руки. Это невыносимо. Знаете ли, любезный сватъ, теорія ваша о мозговомъ привѣскѣ на этомъ маломъ, на Оськѣ, не подтверждается. У него и въ головѣ Богъ знаетъ что такое, что у порядочныхъ людей бываетъ совсѣмъ не въ этой благородной полости; а про горбъ его и говорить нечего, и Анна Ивановна права: это, должно быть, произошло отъ ушиба».

Иванъ Ивановичъ вздохнулъ и взялъ питомца своего домой; но домъ этотъ — какъ Иванъ Ивановичъ опять подвинулся впередъ — стоялъ около того мѣста, гдѣ нынѣ Александринскій театръ, а Аничковскій дворецъ былъ недавно выстроенъ на засыпанномъ болотѣ и бывшемъ на этомъ мѣстѣ дугообразномъ озерѣ.

«Нечего дѣлать», — сказалъ Иванъ Ивановичъ, подумавъ, женѣ своей Аннѣ Ивановнѣ: — «пустить его по другой дорогѣ. Спрашивалъ я его, добивался, къ чему у него есть охота, — не знаю, говоритъ, ни къ чему».

Еще повыше, на той же правой сторонѣ Невскаго, уже недалеко отъ Полицейскаго моста, жилъ въ то время князь Трухинъ-Соломкинъ. Иванъ Ивановичъ ставилъ къ нему въ домъ сухари, булки и крендели и былъ коротко знакомъ съ дворецкимъ князя. Этимъ-то путемъ пристроили Гомера писцомъ въ домовую княжью контору, и горбунчикъ подвинулся еще саженъ на сто выше по Невскому проспекту. Чудная судьба этого человѣка: идти исполинскими шагами впередъ, пройти всю длину Невскаго, до краеугольнаго дома одной стороны, и возвратиться вспять по другой, не отшатнувшись никуда, ниже на полпяди въ сторону.

Осипъ Ивановичъ и въ княжескомъ домѣ не зазнавался: былъ по-прежнему тихъ и смиренъ, изрѣдка только опаздывалъ къ дѣлу, зазѣвавшись, по всегдашней привычкѣ своей, на улицѣ. Лѣтъ пятнадцать служилъ онъ въ домовой конторѣ князя Трухина-Соломкина, въ послѣдній день какъ въ первый, и не слыхалъ ни худаго слова, ни хорошаго. Въ половинѣ осьмаго часа онъ вставалъ, одѣвался, пилъ съ названными родителями свой чай и ѣлъ вволю отборные, румяные сухари; въ половинѣ девятало бралъ онъ трость и шляпу и отправлялся мѣрнымъ шагомъ вверхъ по проспекту, все по лѣвую сторону его, до княжескаго

дома, до Полицейскаго моста; молча входилъ онъ въ контору, молча принимался за переписку разныхъ бумагъ, счетовъ и писемъ и молча кланялся, если старшій конторщикъ или помощникъ его входили; ровно въ полдень ставилъ перо въ большую, круглую чернильницу синяго стекла, отправлялся домой, обѣдалъ, возвращался въ три часа и, смотря по надобности, сидѣлъ до шести, восьми или позже; приходилъ домой, ужиналъ картофельный супъ и ложился спать. Онъ переписывалъ все, что ему наваливали на столъ, отъ слова до слова, отъ буквы до буквы, и никогда не ошибался; но, если бы ему дать перебѣлить приговоръ на ссылку его самого въ каторжную работу, онъ бы набралъ и отпечаталъ его четкимъ перомъ своимъ съ тѣмъ же всегдашнимъ хладнокровіемъ, ушелъ бы домой и спокойно легъ бы почивать, не подозрѣвая даже, что ему угрожаетъ. Это былъ секретарь въ полномъ смыслѣ слова, потому что все, что онъ писалъ, оставалось даже для него самого ненарушимымъ секретомъ. Князь записалъ, однако же, писца своего на службу, по канцеляріи пажескаго корпуса, и Осипъ Ивановичъ, проходя ежедневно по нѣскольку разъ мимо Гостинаго двора и Садовой, видѣлъ въ сотнѣ шаговъ отъ себя зданіе, въ которомъ числился на службѣ, но ни разу не доходилъ къ нему ближе, чѣмъ вела обычная его дорога. Осипъ Ивановичъ все еще, во всѣхъ походахъ своихъ отъ Аничкова до Полицейскаго моста, держался правой стороны и держалъ правѣе при каждой встрѣчѣ съ прохожими; онъ все еще боялся каретъ, и близкій стукъ колесъ наводилъ на душу его какую-то робость; онъ все еще, въ продолженіе 30 лѣтъ жизни, ни одного раза не садился на дрожки, а и того менѣе въ коляску, не ѣзжалъ отроду на колесахъ—на саняхъ же Осипъ Ивановичъ позволилъ себѣ прокатиться, изъ дому къ должности, въ продолженіе

15 лѣтъ службы своей, не болѣе трехъ разъ. Онъ до того свыкся съ улицею родины, жительства и службы своей, что говорилъ, по разсказамъ и по наслышкѣ, о другихъ частяхъ города, какъ мы толкуемъ иногда о Новой Голландіи. Все, что лежало внѣ проспекта, Осипъ Ивановичъ называлъ заграничнымъ, и если ему случилось пройти за чѣмъ-нибудь въ Гостиномъ дворѣ нѣсколько лавокъ по зеркальной линіи, то онъ записывалъ и отмѣчалъ день этотъ словами: «былъ за границей, купилъ платокъ, подтяжки и проч.» Впрочемъ, и на это пускался Осипъ Ивановичъ очень рѣдко и только по самой необходимости; а большею частію самая даже попытка проникнуть за границу ему не удавалась. Такъ напримѣръ: онъ рѣшился однажды идти за границу шаговъ съ сотню по Фонтанкѣ отъ Аничкова моста, чтобы посмотрѣть на звѣря тюленя морскаго, котораго тамъ показывали на рыбной баркѣ; но не сдѣлалъ еще и 50 шаговъ, какъ зазѣвался, и водоносъ-дворникъ задѣлъ за него ведромъ или концомъ коромысла, выплеснулъ ему за воротникъ полведра воды, отбилъ и остудилъ всю любознательность его. Въ другой разъ онъ было рѣшился навѣстить пріятеля въ Морской, но при самомъ поворотѣ на улицу глазъ совѣсти его до того возмутился, что Гомеръ нашъ самъ испугался отваги своей, остановился, призадумался, зазѣвался на этотъ заграничный край—и, опомнившись, немедленно воротился.

При всемъ томъ, однакоже, Осипъ Ивановичъ крайне любилъ разговаривать о заграничныхъ новостяхъ, т. е. о томъ, что дѣлается у Обухова моста, на Острову, на Моховой; объ этомъ бесѣдовалъ онъ съ большимъ участіемъ и разспрашивалъ людей бывалыхъ, какъ тамъ живутъ? Онъ любопытствовалъ также узнать о цѣнахъ на различные припасы въ различныхъ частяхъ города, слушалъ съ завистью о дешевизнѣ на Сѣнной,

самъ же не бывалъ и ногой даже на Кругломъ рынкѣ. а держался во всемъ мелочной лавочки № 1, бывшей въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ онъ самъ. Смерть названнаго отца его и отъѣздъ матери обратно на родину, въ Силезію, поставили было Іосифа прекраснаго на нѣсколько времени въ большое недоумѣніе; вскорѣ однако же онъ привыкъ къ новому положенію своему, которое въ сущности опять-таки способствовало къ производству его на высшее мѣсто. По совѣту и наставленію одного хорошаго пріятеля, онъ нанялъ комнату у портнаго, занимавшаго чердачокъ въ первомъ или второмъ домѣ отъ Дворцовой площади, чѣмъ и заключилъ, такъ сказать, первую половину прогулки своей по Невскому проспекту, прошедши въ 30 лѣтъ всю правую сторону его, отъ монастыря до Дворцовой площади.

Не пеняйте на эту скудную приключеніями, ничтожную первую половину жизни: такъ было; а мы взялись только передать то, что было; показать, въ какомъ тихомъ и безмятежномъ одиночествѣ иногда протекаетъ жизнь человѣка, среди шумной, трескучей и суетной столицы.

Итакъ, часть вторая: житье-бытье Осипа Ивановича во вторую половину жизни его, на пути отъ Дворцовой площади обратно до Невскаго монастыря, по лѣвой, аристократической сторонѣ проспекта.

— Что вы не женитесь, Осипъ Ивановичъ? сказалъ ему однажды задушевный пріятель его и сослуживецъ по княжей конторѣ, что бы вамъ жениться?

Горбунчикъ улыбнулся, зарумянившись, вздохнулъ, пожалъ плечами и увѣрялъ, что онъ бы и не прочь отъ этого дѣла: да не легко его состряпать, гдѣ найдешь невѣсту?

— На свѣтѣ не безъ добрыхъ людей, пособятъ. Пойдемъ, братъ, сегодня къ теткѣ моей, посовѣтуемся. А ужъ какую найдемъ тебѣ невѣсту!!

Пріятель, какъ видите, навязавшись въ близкіе повѣренные Іосифу, сталъ дружески говорить ему *ты*.

— Да кто же за меня пойдетъ?

— Какъ кто? Всякая пойдетъ. Тутъ подошло, братъ, время голодное, жениховъ нѣтъ ни золотника. Двѣнадцатый годъ переморилъ ихъ на голову, а тамъ всѣ за границу ушли, одни мальчишки да старики только и остались.

— Хорошо-съ, да тетка ваша, пожалуй, захочетъ высватать мнѣ заграничную? Я, право, этого боюсь.

— Какую заграничную? Чудакъ ты! Вотъ напримѣръ дочь Семена Ивановича — а?

— Да Семенъ Ивановичъ гдѣ живетъ? вѣдь онъ никакъ въ Фонарномъ переулкѣ?

— Ну, такъ что жъ тебѣ до этого?

— Нѣтъ-съ, подумать страшно. Завяжется этакое заграничное свойство́—я вѣдь къ нимъ туда не пойду ни за что; а тутъ станутъ звать да просить...

И вотъ главнѣйшая причина, почему Осипъ Ивановичъ остался холостымъ; на Невскомъ проспектѣ невѣсты для него какъ-то не случилось, взять заграничную онъ боялся, робѣлъ, въ нерѣшимости время бѣжало своимъ чередомъ — и ушло.

Завязалась было разъ у него любовишка и на проспектѣ, и крѣпко было показалась ему дѣвушка, и не сердилась она на недостатокъ или избытокъ Осипа Ивановича, не брезгала горбомъ его и отвѣчала, повидимому, нѣжной страсти, слушала охотно, когда онъ пѣлъ нѣжнымъ голосомъ своимъ: «Жестокую Темиру» или «Звукъ унылый фортепіано», и все шло, казалось, хорошо, да портной Иванъ Ивановичъ перешелъ съ угла Литейной къ самому Пушечному двору, туда, за Анненскую кирку, и Осипъ Ивановичъ принужденъ былъ проститься съ своею возлюбленною на вѣки. Тяжело и грустно ему, бѣдному, было, и

ходилъ онъ съ недѣлю, крѣпко повѣсивъ носъ; потомъ уже помаленьку провѣтрился и успокоился. Тянуться за нею туда—онъ ни за что не рѣшался; сердце ныло, но остывало мгновенно, когда преступная мысль искать счастья на Литейной приходила ему въ голову.

Иногда пугала Осипа Ивановича—котораго между тѣмъ произвели уже въ регистраторы — еще одна мысль: что, если его вдругъ потребуютъ на службу въ канцелярію пажескаго корпуса? Проходя по Невскому отъ Гостинаго двора къ библіотекѣ, поперекъ устья Садовой, горбунчикъ нашъ крестился тихомолкомъ при такой мысли; это было бы довольно значительное отклоненіе отъ проспекта, отъ привычнаго и проторенного пути — волосъ становился дыбомъ отъ такихъ ужасовъ, и Осипъ Ивановичъ вечеромъ долго не могъ уснуть; въ такихъ случаяхъ и горбъ не давалъ ему спать, и бѣднякъ ворочался съ боку на бокъ до поздней ночи, часу до двѣнадцатаго.

Всѣ новѣйшія перемѣны и украшенія Невскаго проспекта совершились на глазахъ Осипа Ивановича; онъ каждую недѣлю раза два проходилъ, гуляя, во всю длину его и замѣчалъ все, что дѣлалось. Двукратная переворотка бульваровъ, постройка Александринскаго театра и Михайловскаго дворца съ проложеніемъ новой улицы—въ особенности смущали Осипа Ивановича: онъ видѣлъ сперва одно только разрушеніе и съ безпокойствомъ спрашивалъ у работниковъ и мастеровыхъ: не весь ли проспектъ будутъ ломать, и не ошиблись ли они, не лучше ли обождать прибытія архитектора и разспросить хорошенько: точно ли все это пойдетъ въ сломку? Онъ иногда при этомъ постукивалъ тростью въ каменную стѣну и говорилъ: «кажется, еще очень прочно и крѣпко, постояло бы еще безъ всякой опасности.» А если, напримѣръ, ско-

маютъ весь Невскій проспектъ, куда я тогда дѣнусь и что изъ меня будетъ? Въ такія минуты отчаянья пажескій корпусъ, иногда столько пугавшій Осипа Ивановича, былъ для него отрадною мыслью и надеждой-оплотомъ; должно быть, корпусъ уцѣлѣетъ, а это все-таки улица близкая, сосѣдняя, знакомая. Предшествовавшее этимъ работамъ сооруженіе дома генеральнаго штаба и свода въ Малой Миліонной, также привлекало все любопытство Іосифа прекраснаго; онъ даже рѣшился однажды взглянуть на оконченное зданіе, пройти по Малой Миліонной, въ ворота, на самую площадь; но, выглянувши изъ-подъ огромнаго, великолѣпнаго свода на одну изъ обширнѣйшихъ въ мірѣ городскихъ площадей, онъ оробѣлъ: ему сдѣлалось какъ-то душно и страшно, имъ овладѣла тоска по родинѣ, сердце сжалось, и онъ поспѣшно отступилъ и воротился по Малой Милліонной на проспектъ. Тутъ онъ перевелъ духъ и свободно оглянулся.

«Какъ же вы, Осипъ Ивановичъ, живете 39 лѣтъ въ Питерѣ и не видали Невы, не видали ни одного ялбота, ни судна, за исключеніемъ барокъ на Мойкѣ и Фонтанкѣ? Взгляните хоть на новый Исаакіевскій мостъ, съ чугунными надолбами и фонарными столбами.»

Осипъ Ивановичъ вздохнулъ и долго не рѣшался; нужно было напередъ доказать ему, что Исаакіевская площадь, обще съ Адмиралтейской и Дворцовой, составляютъ въ сущности продолженіе и принадлежность Невскаго проспекта; нужно было еще много убѣдительныхъ просьбъ и приглашеній, а потомъ, наконецъ— нужно было взять его вдвоемъ подъ руки и тащить за собою насильно.

Поровнявшись съ памятникомъ Петра Великаго, Осипъ Ивановичъ остановился: изумленіе растянуло лицо его въ длину, и онъ невольно снялъ шляпу. Но едва погрузился онъ въ созерцательное забытье,

т. е. по всегдашней привычкѣ своей зазѣвался, какъ карета четверней, которая везла какого-то большаго барина, вѣроятно къ весьма поспѣшному обѣду, накатила на Іосифа со страшнымъ стукомъ и молніеобразною быстротою. Гомеру казалось, что онъ лежитъ уже подъ колесницей, и всѣми силами рукъ и ногъ своихъ онъ упирался и противодѣйствовалъ всесокрушительнымъ ударамъ колесъ; тщетная борьба длилась одно только мгновенье, и Іосифъ очнулся на жесткой мостовой, куда метнула его мощная рука пріятеля, спасая отъ потоптанія лошадьми и колесованія рыдваномъ. Съ нимъ-то, съ пріятелемъ своимъ, Осипъ Ивановичъ боролся усильно, обезумѣвъ въ испугѣ и принявъ спасительную десницу пріятеля своего за роковую спицу цѣпляющаго за него колеса.

Этимъ могли бы окончиться на сей разъ всѣ бѣдствія Осипа Ивановича, еслибы предупредительная судьба не опредѣлила ему еще другаго рода испытанія или наказанія за дерзкое и своевольное уклоненіе отъ столбоваго пути жизни, отъ Невскаго проспекта. Въ то время нерѣдко случалось, что шалуны отвертывали позолоченныя верхушки копій отъ ограды памятника; надзоръ за этимъ поручался сенатскому караулу. Осипъ Ивановичъ, съ испугу отъ наѣхавшей кареты, ухватился за прутъ рѣшетки и вскочилъ на каменное основаніе ея; часовому показался прыжокъ этотъ издали подозрительнымъ, онъ закричалъ ефрейтора, и Іосифа ни съ того ни съ сего взяли было на гауптвахту. Испугъ и страхъ его превосходили всякое описаніе. Къ счастію, товарищи его, менѣе робкіе, не покинули бѣдняка въ этомъ отчаянномъ положеніи и, наконецъ, выручили его убѣдительнымъ представленіемъ и объясненіемъ дѣла.

Разсудительный безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій угадаетъ, что Осипъ Ивановичъ, освободившись

такимъ образомъ отъ грозившей ему двоякой опасности, поправилъ заплечный привѣсокъ свой и стремительнымъ шагомъ удалился обратно во свояси, не видавъ ни Невы, ни моста, ни ялботовъ; что одно только воспоминаніе о памятникѣ Петра Великаго заставляло его, на улицѣ, снимать со страхомъ шляпу, а у себя въ домѣ оглядываться во всѣ стороны, не угрожаетъ ли опять откуда-нибудь бѣдствіе и гибель.

Не удаляясь съ Невскаго, Осипъ Ивановичъ одаренъ былъ отъ природы необыкновенною способностію находить подъ руками все, въ чемъ онъ нуждался. Дивные разсказы пріятелей объ удобствахъ и дешевизнѣ на Щукиномъ и Апраксиномъ дворахъ прельщали его, но не обольщали; онъ умѣлъ отыскивать и на самомъ Невскомъ проспектѣ мастеровыхъ, которые одѣвали, обували и снаряжали его въ люди не дороже, если еще не дешевле Щукина двора. Онъ доходилъ до нихъ по особымъ связямъ и знакомствамъ и отыскивалъ ихъ преимущественно между дворниками, подмастерьями и господскими людьми. Къ ремесленнику подъ вывѣской — Осипъ Ивановичъ не заглядывалъ никогда.

Когда подошло замѣчательное время, памятное для всего Петербурга, для Россіи, для цѣлой Европы— 1812 годъ—то Осипъ Ивановичъ такъ же, какъ многіе другіе, опасался нашествія французовъ на Питеръ, складывалъ и собиралъ въ кучу всѣ драгоцѣнности свои, все, съ чѣмъ онъ не хотѣлъ разстаться, и готовился, въ случаѣ крайности, искать спасенія въ Выборгѣ или Гельсинфорсѣ. Мысль эта, мысль покинуть Невскій проспектъ и даже самый Питеръ, была для Осипа Ивановича убійственна, схватывала его за горло какъ удушье, — но, таково было въ то время общее расположеніе умовъ или, вѣрнѣе и правильнѣе сказать, общаго чувства, что даже такому человѣку, каковъ

былъ Осипъ Ивановичъ нашъ, не могло придти на умъ остаться спокойно въ столицѣ; при нашествіи врага бѣжать, отступить, покинувъ и здѣсь, какъ въ первопрестольномъ градѣ, однѣ стѣны и кровли,— казалось всякому необходимостію, святымъ долгомъ. Никому и никогда на умъ не приходило, чтобы можно было, какъ дѣлали въ свое время почти всѣ столицы Европы,— отдаться спокойно въ руки иноплеменнаго врага и считать его главою роднаго царства. И Осипъ Ивановичъ судилъ и рядилъ съ другими, въ тѣсномъ кругу своемъ, только о томъ, куда перенесетъ царь столицу свою, гдѣ будетъ средоточіе правительства, гдѣ присутственныя мѣста и проч. Послѣднее тѣмъ болѣе озабочивало Гомера, что онъ служилъ теперь въ губернскомъ правленіи. Долго онъ не рѣшался на сомнительную службу эту — сомнительную для него потому, что правленіе было и тогда, какъ теперь, за угломъ Невскаго проспекта, на Адмиралтейской площади; Гомеру страшно было пуститься на такую заграничную службу, почти въ виду памятника Петру I-му и сенатской гауптвахты. Опознавъ съ пріятелями своими во всей подробности мѣстоположеніе будущаго поприща своего, онъ крайне обрадовался, когда убѣдился на дѣлѣ, что оно составляетъ небольшое продолженіе Невскаго и, слѣдовательно, по всей справедливости можетъ быть причислено ко внутреннимъ губерніямъ Имперіи. Осипъ Ивановичъ шелъ сначала отъ угла Невскаго съ оглядкой, посматривая, на сколько онъ удалился отъ родины своей; наконецъ, махнувъ рукой, согласился, и его приняли охотно, потому-что онъ писалъ чистенько.

Осипъ Ивановичъ участвовалъ также душею и сердцемъ въ славѣ русскаго мужества и доблести, при возвращеніи гвардіи изъ-за границы; никто, конечно, не встрѣтилъ здѣсь гвардію нашу съ такимъ страхомъ удивленія и глубокаго, безпредѣльнаго уваженія, какъ

Осипъ Ивановичъ; каждый солдатъ былъ, въ глазахъ его, богатырь баснословный, и одно воспоминаніе о далекихъ, пройденныхъ имъ странахъ поселяло въ Гомерѣ нашемъ священный ужасъ изумленія. Онъ качался, стоя на ногахъ, голова у него кружилась, когда онъ разсматривалъ этихъ сподвижниковъ славы.

Жизнь Осипа Ивановича текла такъ мирно и тихо и однообразно, что онъ оглянуться не успѣлъ, какъ дожилъ и до наводненія 1824-го года. Послѣ этого страшнаго переворота, у него осталась, отъ сильнаго душевнаго потрясенія, по гробъ свой, привычка вздыхать по-временамъ тяжело и приговаривать, покачавъ головой кстати и некстати: «суета суетъ и всяческая суета; все тлѣнно, все бренно; нигдѣ и никогда жизнь наша не бываетъ въ безопасности, и умереть когда-нибудь да надо». Съ этого бѣдственнаго дня, Осипъ Ивановичъ сталъ невольно и часто размышлять и разсуждать о смерти, о послѣднемъ часѣ своемъ и даже о свѣтопреставленіи. Осипъ Ивановичъ просидѣлъ, во время наводненія, преспокойно у себя дома въ комнаткѣ, которую нанималъ у ремесленника, на заднемъ дворѣ, гдѣ платилъ со столомъ 35 р. въ мѣсяцъ; но страхъ былъ великъ. Осипъ Ивановичъ дѣлалъ разныя предположенія, когда вода покрывала весь дворъ на цѣлую сажень, предположенія о томъ, что должно или можетъ послѣдовать, если Богъ попуститъ ей прибывать еще цѣлую недѣлю; онъ совѣтовался съ хозяиномъ своимъ, такимъ же храбрымъ человѣкомъ, объ отступленіи свыше предѣловъ общаго ихъ владѣнія, за черту жилыхъ покоевъ, на чердакъ; хватался за подоконники, за толстую каменную стѣну и пытался встряхнуть или покачнуть ее, чтобы, глядя въ окно на воду, убѣдиться, крѣпко ли на ногахъ стоитъ каменный домъ и не снесетъ ли его, чего добраго, водой? Случай этотъ, наводненіе, былъ такъ новъ и неожиданъ для Осипа Ивано-

вича, что онъ не могъ еще долго опомниться и образумиться, когда вода давно уже сбыла и весь Петербургъ начиналъ уже вступать въ привычную колею своей обиходной жизни. Осипъ Ивановичъ съ любознательнымъ страхомъ разспрашивалъ: какія же будутъ приняты впередъ отъ подобныхъ неблагонамѣренныхъ покушеній мокрой стихіи мѣры? Останется ли Питеръ на томъ же мѣстѣ или, какъ уже значительная часть Невскаго проспекта неоднократно была сломана, не вздумаютъ ли перенести Петербургъ въ Москву, которая, какъ слышно, лежитъ выше? И тутъ Гомеръ какъ будто уже не боялся этого перемѣщенія, а старался поощрять къ тому будочниковъ и городовыхъ, задобривая ихъ въ пріятельской бесѣдѣ. Осипъ Ивановичъ полагалъ, что дѣло зависитъ частію отъ этого начальства. Осипъ Ивановичъ не видѣлъ причины, почему бы наводненію не быть каждый день, коли уже опытъ доказалъ, что оно быть можетъ; и въ этомъ случаѣ не видѣлъ возможности оставаться и жить въ Петербургѣ, «развѣ», прибавлялъ онъ «развѣ гдѣ-нибудь на Литейной, куда вода, какъ слышно, не дошла; но вѣдь это уже не Петербургъ, тамъ есть свои жители, а тутъ свои, все равно какъ живутъ люди въ Царь-градѣ и въ Америкѣ». Въ день наводненія, Осипъ Ивановичъ не былъ въ губернскомъ правленіи, хотя это былъ день не праздничный; въ теченіе слишкомъ трехъ десятковъ лѣтъ, одинъ только этотъ день Осипъ Ивановичъ не былъ въ должности.

Такъ событія за событіями неслись мимо Осипа Ивановича и, не смотря на силу впечатлѣній своихъ, едва касались его краемъ полы, не производя, въ однообразной жизни его никакого переворота. Осипъ Ивановичъ, который только съ тѣхъ поръ, какъ утратилъ названныхъ родителей своихъ, и сталъ жить вполнѣ на своихъ харчахъ, нашелъ, по изобрѣтательности

несытаго желудка, путь и способъ прибавить къ посильнымъ доходамъ еще небольшой доходецъ отъ рукъ своихъ, отъ рукодѣлья. Казенное содержаніе его никогда не простиралось далѣе сотенъ, и Осипъ Ивановичъ клалъ тысячи рублей только на счетахъ, но не видалъ ихъ никогда въ глаза, какіе они живутъ на свѣтѣ; поэтому онъ, кромѣ того, что велъ для забавы дневникъ, собиралъ тщательно всѣ записочки на хорошую ваксу, чернила, на порошки выводить пятна, клоповъ и прочее,—работалъ также на досугѣ разныя бумажныя клееныя издѣлья и сбывалъ ихъ съ рукъ, хоть дешево, да за наличныя деньги. Какъ только нужда прижметъ его, такъ онъ посидитъ одну ночь, наклеитъ пилюльныхъ коробочекъ сотни двѣ, снесетъ ихъ ранехонько въ аптеку у Аничкина моста — и красненькая въ карманѣ; а не то, состроитъ кухоньку съ очагомъ, плитой и русской печью, поставитъ кухарку, дворника-дровосѣка и дѣвку-чернавку, раскрасить все это, покроетъ лакомъ, яичнымъ бѣлкомъ, проведетъ прехитро отъ рукъ и ногъ проволоки къ рычажку, который движется позади кухни, снесетъ въ игрушечныя лавки или магазины и получитъ цѣлковый, или ужь на худой конецъ полтинникъ, за одну такую штуку. На аптеку у Аничкина моста и на игрушечныя лавки Осипъ Ивановичъ работалъ постоянно, и находилъ время и средства зарабатывать по крайней мѣрѣ столько же, сколько онъ получалъ жалованья.

Приближаемся къ самому достопамятному событію въ жизни Осипа Ивановича: ему случилось быть на Петербургской сторонѣ, разъ въ жизни случилось быть за границей, даже по ту сторону Невы — но его свезли туда ночью и ночью опять обратили; онъ ничего не видалъ и говорилъ объ этомъ событіи, какъ о приключеніи изъ «Тысячи одной ночи». Но пусть

намъ Осипъ Ивановичъ самъ разскажетъ случай этотъ подробно и обстоятельно: мы уже говорили, что герой нашъ велъ дневникъ, записывалъ постоянно все, что только разнообразило тихомирную жизнь его — выпишемъ нѣсколько страничекъ изъ дневника этого, чтобы познакомиться ближе съ замѣчательнымъ пріемышемъ булочника Ивана Ивановича и Анны Ивановны.

7 Января. Слякоть страшная, коею будучи застигнутъ, принужденъ вооружиться калошами и зонтикомъ. Конечно, жаль калошъ, но и сапоги поберегать надобно. Подклеилъ одну пару, для сухаго времени — ничего не замѣтно. Перевязалъ на зонтикѣ одинъ прутъ проволокой желѣзной, пережженной—сталъ отчего-то колоться. Въ правленіи сказали, что приказано впередъ держать, въ каждой части, катера или ялботы, для спасенія жителей, вслучаѣ (чего Боже упаси) наводненія. Конечно, такъ; да много ли усядется, по нечаянности, на одинъ ялботъ? Очень опасно жить въ Петербургѣ. Суета суетъ и всяческая суета; когда нибудь умереть надо. Да, этого нельзя миновать. Эту истину я слышалъ отъ одного пьянаго, котораго городовой везъ на дрожкахъ; мужикъ лежалъ навзничъ, поперекъ дрожекъ, глядѣлъ на небо и, указавъ туда же пальцемъ, сказалъ съ чувствомъ: «служизый — а служивый! всѣ тамъ будемъ!!»

8 Января. — Праздникъ; не былъ въ правленіи, клеилъ коробочки; не забыть бы выпросить завтра у архиваріуса черновой бумаги, вся вышла. Сварилъ сандалу на цвѣтную бумагу. Сегодня морозъ и колоть; стукъ отъ каретъ страшный: все думается, не скачутъ ли пожарные. Конечно, вода въ столицѣ нашей очень опасна; но страшенъ, какъ подумаешь хорошенько, и огонь; а упаси Боже—сверху огонь, а снизу вода.... да, когда-нибудь смерти не миновать

9 Января. Завалили перепиской, до четвертаго часу не вставалъ со стула, даже, съ позволенія сказать, потъ прошибъ и носу утереть некогда было. Что дѣлать, надо служить. Козьма Ивановичъ ошибся въ чемъ-то, совралъ, да такъ подалъ Терентію Семеновичу; а Терентій Семеновичъ и спросили: «развѣ вы по-русски не знаете, не понимаете, что пишете: какъ же можно нагородить такую безсмыслицу?» Терентію Ивановичу хорошо такъ отважно говорить, его перебѣлять не заставляютъ; онъ уже за сочинительскимъ столомъ сидитъ, такъ ему, конечно ужь, приходится понимать, что пишетъ; а нашему брату развѣ есть когда заниматься пустяками, любопытствовать и разбирать бумаги, что написано? этакъ, за разборомъ, и ничего не напишешь. Столько лѣтъ служа въ этомъ званіи, да если у кого достанетъ смѣлости деньденьской, съ утра до ночи, входить въ такія подробности и обременять память свою, — можно съ ума сойти. Только надобно, конечно, разбирать повѣрнѣе глазами и писать, рукѣ воли не давать, что написано, а не что въ голову придетъ. — Получилъ отъ Егора Степановича отличный рецептъ на зеленыя чернила и загадочку: запишу.

Зеленыя чернила. Взять яри-мѣдянки и виннаго камню на вѣсъ поровну, истолочь мелко, положить въ полированную или стеклянную посудку, налить уксусу ренскаго, вѣсомъ столько же, какъ и яри, грѣть понемногу дня два, три или болѣе, встряхивая; когда образуется сверху пріятнаго цвѣта зеленая жидкость, слить ее и подбавить камеди аравійской.

Загадка. Что выше лошади, а ниже собаки? *Отвѣтъ:* сѣдло: оное выше лошади, когда лежитъ на ней, а ниже собаки, буде лежитъ на землѣ.

Завтра непремѣнно постараюсь сочинить загадку; это пріятная забава, и загадаю Егору Степановичу.

11-го января. Все морозъ; и вчера тоже былъ морозъ; въ правленіи ничего особеннаго не случилось, кромѣ того, что сторожъ Яковъ пришелъ хмѣльной и хотѣлъ повѣсить шинель совѣтника да задѣлъ обшлагомъ за гвоздь вѣшалки и, такъ сказать, самъ себя повѣсилъ, не могъ никакъ распутать обшлага и стоялъ, воздѣвъ руки кверху, сопѣлъ и покачивался, такъ что всѣ сошлись въ переднюю смотрѣть на него, и много смѣялись. Орфей Ивановичъ приказали однакоже Степану распутать его, снять съ гвоздя и положить спать на лавку, въ служительской казармѣ; дураку Якову показалось, съ пьяныхъ глазъ, что Степанъ держитъ руку его, и онъ, размахнувшись другою, ударилъ его въ затылокъ. Однакоже его сняли съ вѣшалки и увели; велѣно завтра высѣчь.

Вчера я не записалъ ничего; аптекарь просилъ поторопиться принести коробочекъ пилюльныхъ, подъ золотой бумагой; она 40 коп. листъ, а выходитъ только сорокъ восемь кружковъ—6 по листу, да 8 поперекъ; а лапшу эту, обрѣзки, почти некуда дѣвать, не выкроишь ничего. Напрасно; что за щегольство?

Загадки я однакожъ не сложилъ; хотѣлъ-было загадать веретено, да не приберешь, какъ его тамъ замаскировать. Простая вещь, а вѣдь тоже надобно взяться за нее по привычкѣ.

12-го января. Рѣшился не брать вовсе сухарей, ни въ лавкѣ, ни у булочника: прошло золотое время, когда ѣлъ ихъ на выборъ, вволю. О, добрые родители мои! нѣтъ васъ, буду брать вѣсовой бѣлый хлѣбъ по 11 копеекъ фунтъ.

14-го января. Вчера приключеніе было необыкновенное, даже перебой подъ сердцемъ еще чувствую, и давитъ подъ ложечкой. Господи Боже мой, какъ тяжело на свѣтѣ жить! И какіе есть люди, наподобіе звѣрей хищныхъ, не помышляющіе о погибели собра-

тій своихъ! 13-е января для меня черный день; справился по дневнику моему, и сряду 3 года, въ этотъ день, сокрушаетъ меня бѣдствіе. Третьяго года собака изорвала шинель—это такъ и записано; прошлаго года ночью, по темнотѣ, глотнулъ ошибкою изъ бутылки чернилъ вмѣсто кислыхъ щей, и прескверныхъ, видно съ купоросомъ. Нынче — даже страшно и непріятно писать, что случилось; однакоже написать, для порядку, должно; буду казниться, глядя на такія страсти. Да, не миновать намъ смерти, никому.

Зашелъ я вечеромъ къ Егору Ѳедоровичу, — давно уже просилъ и приглашалъ. Было темно, какъ обыкновенно уже съ пятаго часу, но Егоръ Ѳедоровичъ нынѣ житель не заграничный, хоть и не близко отъ насъ: подъ Каретнымъ рядомъ. Тамъ провели время пріятно, все больше на гитарѣ играли и пѣли разныя пѣсни, на хорошіе голоса. Какъ общество было только холостое, то меня и просили спѣть чувствительную пѣсню: «Чѣмъ тебя я огорчила»; не успѣлъ я покончить всѣхъ куплетовъ, какъ вошли къ Егору Ѳедоровичу два актера изъ подставныхъ, однакожъ очень, какъ говорилъ Егоръ Ѳедоровичъ, извѣстные и старые пріятели его, и звали съ собою прокатиться, такъ какъ они ѣхали въ казенномъ возкѣ по домамъ, а напередъ хотѣли еще покататься съ пріятелемъ. «Хорошо», говоритъ Егоръ Ѳедоровичъ, «вотъ кстати и завеземъ Осипа Ивановича домой, онъ живетъ у Полицейскаго моста»; и представилъ меня господамъ актерамъ, и мы, какъ слѣдуетъ, вѣжливо раскланялись и сказали, какъ обыкновенно, что рады имѣть честь познакомиться лично. Я было не рѣшался ѣхать съ ними, но Егоръ Ѳедоровичъ меня убѣдилъ и обѣщалъ прямо подвезти къ Полицейскому мосту. Входимъ въ возокъ, т. е. карету, а тамъ сидитъ человѣкъ шесть и какія-то женщины или можетъ быть дамы; и какъ старые знакомые, всѣ

эти господа и госпожи съ большимъ хохотомъ приняли Егора Ѳедоровича, и говорили, что изготовили ему этотъ сюрпризъ. Егоръ Ѳедоровичъ и самъ сталъ кричать съ ними, шумѣть и шутить и смѣяться; закричали «пошелъ», и подняли такую возню въ возкѣ, что меня впотьмахъ и забыли, и забыли сказать, чтобы остановиться у Полицейскаго моста; а я сижу спокойно, прижавшись въ уголъ, и жду все, скоро ли пріѣдемъ. Между тѣмъ оказалось, что нѣкоторые изъ господъ актеровъ были подгулявши, и послѣ радостей и смѣховъ у нихъ вышла какая-то общая ссора, и подняли такой содомъ, что я бъ радъ былъ въ окно выскочить— но боялся сломить шею; лошади бѣгутъ, а я, какъ человѣкъ къ ѣздѣ непривычный, боялся убиться. Двери были только однѣ, да и тѣ съ задняго крыльца, куда мнѣ и не было возможности пробраться. Такимъ образомъ вышла у нихъ ссора и о томъ, куда ѣхать напередъ; тотъ кричалъ туда, тотъ—туда, тотъ—туда, тотъ зоветъ всѣхъ вмѣстѣ на край свѣта — и одинъ какой-то, наконецъ-таки, осилилъ и перекричалъ всѣхъ и велѣлъ ѣхать — куда бы вы думали? на Петербургскую сторону! Я все сидѣлъ въ страхѣ и молчалъ, между тѣмъ какъ всѣ они кричали взапуски, и дамы и кавалеры; но когда рѣшено было ѣхать въ такую заграничную сторону, то сердце мое замерло, я присоединился къ недовольнымъ и сталъ просить убѣдительно высадить по крайности меня къ Полицейскому мосту; просилъ, молилъ — никто меня и не слышитъ, не слушаетъ, не отвѣчаетъ; всякій кричитъ свое и всѣ горячатся, а меня и не слушаютъ. Наконецъ, сосѣдъ мой, который сперва спорилъ, а потомъ замолчалъ и завалился, сложивъ руки, въ самый задъ кареты, толкнулъ меня очень невѣжливо локтемъ, сказавъ: «Сидите вы тутъ, и безъ васъ тошно; какой Полицейскій мостъ, когда мы уже въѣзжаемъ на Воскресенскій».

Я ужаснулся и едва не обомлѣлъ; глухой стукъ и гулъ по деревянному мосту точно раздавался уже отъ нашей кареты и другихъ экипажей;—къ счастію, было очень темно, я не видалъ ни моста, ни воды, а жмурился въ ужасѣ, когда свѣтъ фонаря падалъ въ окно кареты... Я замолчалъ и горько себѣ заплакалъ. Наконецъ, подъѣхали къ какому-то низенькому дому, вышли всѣ съ тѣмъ же крикомъ и шумомъ — я не успѣлъ оглянуться, куда они всѣ дѣвались, и Егоръ Ѳедоровичъ также, Богъ ему прости кровную обиду эту — а меня покинули. И страшно одному на чужбинѣ, и еще въ темную ночь.... Кучеръ также былъ очень недоволенъ этой поѣздкой, кричалъ и бранился съ господами актерами, которые выскочили и ушли, не затворивъ даже дверецъ возка; кучеръ слѣзъ съ козелъ и обошелъ кругомъ — потому что дверцы эти отворялись тамъ, гдѣ у другихъ каретъ бываютъ запятки — и увидалъ меня въ возкѣ и, видно, призналъ за чужаго; онъ сталъ гнать меня вонъ немилосердно, не хотѣлъ и слышать увѣреній моихъ, что меня обѣщали подвезти къ Полицейскому мосту; «наймите, говоритъ, себѣ извощика». Страшная это была для меня минута! Одинъ на бѣломъ свѣтѣ, на чужой, далекой сторонѣ, всѣ откинулись отъ меня, и даже кучеръ гонитъ, хочетъ покинуть на гибель! Я обѣщалъ ему полтинникъ, который вчера получилъ отъ аптекаря— къ счастію, со мною больше денегъ не было, я бы ему отдалъ всѣ; онъ умилосердился и привезъ меня домой. О, какъ я горячо молился, кинувшись на колѣни, когда пришелъ въ родную комнату свою, — со слезами и со вздохами! Я былъ очень боленъ и насилу дотащился сегодня въ правленіе; отъ жестокой качки въ возкѣ меня тошнило; отъ крика и шума голова кружилась, а со страху помутило на душѣ и потемнѣло въ глазахъ. Нѣтъ, клятву далъ, ни за какія блага не подда-

ваться впередъ убѣжденію людей, для коихъ жизнь человѣка нипочемъ; мужикъ сказалъ правду: всѣ тамъ будемъ и смерти не миновать; но противно Божескому Промыслу идти на гибель добровольно, или по неблагонамѣренности другихъ. Вотъ какія непредвидимыя опасности грозятъ человѣку, кромѣ огня и воды, и какъ надобно остерегаться людей. Нѣтъ, никто не минуетъ участи своей, и всѣмъ намъ умереть должно. На что же человѣкъ родится?

Не забыть: узнать завтра въ правленіи у кого-нибудь, какой такой есть иванъ-чай, дешевый и съ хорошимъ настоемъ, и гдѣ его можно получить? *Во-вторыхъ:* какой органъ явился у Палкина въ трактирѣ, играетъ разныя штуки, говорятъ, и можно ли его послушать даромъ?

Кончимъ этимъ, на первый случай, выписку изъ дневника Осипа Ивановича и скажемъ только, что весь дневникъ его былъ похожъ на приложенный образецъ; но приключеній, подобныхъ 13-му января, не было и нѣтъ у него; это случай необычайный и самый необыкновенный во всю жизнь Осипа Ивановича. Ненависть его къ возкамъ и каретамъ возросла съ этого времени до высшей степени, и никакое убѣжденіе, никакіе доводы и причины не могли его понудить, во всѣ остальные два десятка лѣтъ жизни, поставить ногу на приступокъ какого-нибудь экипажа.

Восхожденіе Осипа Ивановича, на правой сторонѣ Невскаго проспекта, представляетъ намъ восходъ свѣтила — ростъ и мужалость нашего героя — тутъ слѣдуетъ, по общимъ законамъ природы, временное стояніе на одной и той же точкѣ и, наконецъ, нисхожденіе по лѣвой сторонѣ того же пространства, закатъ. Дни его клонятся исподволь къ концу, любимой истинѣ его должно сбыться, и хмѣльной мудрецъ, лежавшій навзничь поперекъ дрожекъ, сказалъ большую истину.

Судьба заставляла Осипа Ивановича перемѣнять обиталище свое нѣсколько разъ и, перешедши однажды на лѣвую сторону проспекта, подвигаться исподволь дальше и дальше. Жизнь его оставалась та же; но онъ, по службѣ, перешелъ въ думу и по этому поводу отыскалъ себѣ комнату на углу Караванной. Здѣсь пришла ему было опять охота жениться и пожить семьяниномъ; но судьба явно противоборствовала этому счастью и подсылала ему невѣстъ несподручныхъ. Іосифъ и самъ испугался, когда его привели было на смотрины, въ сосѣдній цвѣточный магазинъ, гдѣ работала какая-то дѣвушка, согласившаяся напередъ и за глаза на союзъ сердецъ съ горбатымъ и немолодымъ чиновникомъ. «Какая она мнѣ ровня», сказалъ вздохнувши Іосифъ, и, не смотря на всѣ убѣжденія услужливыхъ людей, у него достало-таки ума рѣшительно отъ этого союза отказаться. Онъ справлялся даже и въ аптекѣ, куда столько лѣтъ ставилъ коробочки, нѣтъ ли гдѣ, по близости, необходимой для него половины; но всѣ исканія и старанія его остались безуспѣшны: его только раза два одурачили и этимъ вовсе отбили охоту пускаться на такіе сомнительные поиски.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ — и судьба привела Осипу Ивановичу служить въ канцеляріи педагогическаго института, за Аничкинымъ мостомъ, на лѣвой сторонѣ. Не думайте, чтобъ онъ былъ сдѣланъ правителемъ канцеляріи — нѣтъ, волосъ на головѣ его давно уже перещеголялъ, серебристымъ отливомъ своимъ, самый дорогой боберъ; Іосифъ восходилъ также, мало-по-малу, лѣстницу чиновъ и былъ уже титулярный, но занятія его оставались все одни и тѣ же, и за сочинительскимъ столомъ ему сидѣть не удавалось. Опытная, привычная рука чертила условные знаки, какъ деревянный телеграфъ шевелитъ безсознательно руками и ногами; онъ передаетъ тѣмъ, у кого

есть ключъ этой грамоты, все, что угодно, а самъ ничего не знаетъ, не вѣдаетъ.

Въ этой нравственной и умственной непорочности засталъ Осипа Ивановича 56-й годъ жизни его, считая по именинамъ, потому что дня рожденія его никто не зналъ. 4-е апрѣля — это, какъ вы знаете, весна, гдѣ все такъ свѣжо и дѣвственно, все благоухаетъ, наземъ, наросшій по улицамъ въ теченіе полугода, распускается, киснетъ и катитъ незатѣйливыя волны свои, подъ метлами дворниковъ, по великолѣпнымъ улицамъ столицы—когда небо бываетъ подернуто мечтательною пеленою, ниспосылающею, раза по три въ день, благодать свою на землю нашу въ крупныхъ и мелкихъ капляхъ; когда птички такъ радостно поютъ на Щукиномъ дворѣ, и свѣжая зелень — въ зеленныхъ лавкахъ и на кусочкахъ дерна, привозимыхъ въ продажу для плѣнныхъ въ столицѣ жаворонковъ — услаждаетъ зрѣніе и обоняніе наше. Итакъ, 4-го апрѣля Осипъ Ивановичъ отпраздновалъ свои именины, и въ этотъ день, не смотря на всеобщую веселость пяти или шести собесѣдниковъ, вздыхалъ чаще прежняго, говорилъ о суетности мірской, о наводненіяхъ, пожарахъ и наконецъ о естественной смерти человѣка, которой нельзя миновать. Мудрецъ, лежащій поперекъ дрожекъ, съ разметанной по вѣтру бородой, какъ пишутъ короля Лира, пришелъ опять на память нашему Гомеру, и слова: «всѣ тамъ будемъ» звучали въ ушахъ его какъ великая, глубокая истина. Осипъ Ивановичъ расчувствовался, простился около полуночи трогательно съ товарищами своими, объявилъ имъ, что они, вѣроятно, въ послѣдній разъ отпраздновали съ нимъ этотъ замѣчательный день, потомъ усердно и со слезами помолился и легъ спать.

Давненько уже Осипъ Ивановичъ началъ хилѣть и до времени одряхлѣлъ. Одышка брала его все чаще

и чаще, грудь залегала, и пилюли пріятеля его, аптекаря, очищая порядочно желудокъ, не приносили груди никакой помощи. Осипъ Ивановичъ разсудилъ весьма основательно, что это иначе и быть не могло: всякое снадобье идетъ въ желудокъ, спровадить его въ легкія нельзя, какую же тамъ отъ него ожидать помощь?

Прошло недѣли три, и Осипъ Ивановичъ сталъ ходить въ канцелярію рѣже, чего съ нимъ доселѣ никогда не случалось; а вскорѣ стулъ его оставался и вовсе незанятымъ. Привычка слышать ежедневно о какомъ-нибудь изъ знакомыхъ, что онъ нездоровъ, была причиною тому, что на бѣднаго больнаго нашего обратили вниманіе, когда онъ лежалъ уже безъ памяти. Утромъ, въ первыхъ числахъ мая, дворникъ, прислуживавшій Осипу Ивановичу, прибѣжалъ сказать сослуживцамъ его, что онъ скончался.

Вѣсть эту, какъ обыкновенно, встрѣтили недовѣрчивымъ «неужели», но пришедши на мѣсто происшествія, поневолѣ убѣдились въ смерти Осипа Ивановича. Кто былъ его отецъ, мать? Гдѣ братья, сестры, родные? Нищета ли принесла его на порогъ Анны Ивановны или преступная любовь? Всего этого ни въ дневникѣ, ни въ духовной Осипа Ивановича не было написано, тайна никѣмъ не разоблачилась. Она умерла вмѣстѣ съ нашимъ героемъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ДВОРНИКЪ.

На дворѣ погода какая-то средняя, то-есть люди заѣзжіе полагаютъ, что она довольно сносна, и надѣются, что къ вечеру еще провёдрится, а каретные извощики ею вполнѣ довольны: ѣзды въ крытыхъ экипажахъ больше.

Одинъ дворникъ мететъ плитнякъ, другой, насупротивъ, на общую пользу салоповъ и шинелей пѣшеходовъ, лакируетъ чугунныя надолбы постнымъ масломъ съ сажей.

— Никакъ, Иванъ, у тебя масло-то невареное? сказалъ тотъ, что съ метлой.

— А что?

— Да такъ, что-то не слыхать его черезъ улицу; а то, бывало, таки-переноситъ отъ тебя къ намъ.

— И то сырое. Тутъ не до варки, а вымазать бы только, чтобъ не потянули опять.

Чиновники идутъ средней побѣжкой между иноходи и рыси, такъ-называемымъ у барышниковъ перебоемъ; первый дворникъ мететъ размашисто всѣхъ ихъ сряду по ногамъ. Они поочередно подпрыгиваютъ черезъ метлу; одинъ, однакоже, миновавъ опасность, останавливается и бранится.

Дворникъ продолжаетъ свое дѣло, будто не слышитъ, и ворчитъ послѣ про себя, но такъ, что черезъ улицу слышно: «обойти не хочешь? нешто глазъ во лбу нѣту?» Другой дворникъ, для котораго собственно острое словцо это было пущено, смѣется и, выпрямившись, засучиваетъ нѣсколько рукава, шаркнувъ себя локтемъ по боку, передаетъ черную масляную ветошку, для отдыха, изъ правой руки въ лѣвую, а освободившеюся рукою почесываетъ голову.

Порядочно-одѣтый человѣкъ останавливается у воротъ дома, смотритъ на надпись и, оглядываясь, говоритъ: «Эй, любезный, гдѣ здѣшній дворникъ?»

Григорій молчитъ, будто не слышитъ; тотъ повторяетъ вопросъ свой погромче и понастойчивѣе.

— Тамъ, спросите во дворѣ.

Господинъ уходитъ подъ ворота; второй дворникъ, Иванъ, смѣется.—Ты что жь не отозвался?

— Много ихъ ходитъ тутъ! отвѣчаетъ первый и продолжаетъ мести.

Въ это время, извощикъ, на выѣздахъ, проѣзжаетъ шагомъ, дремля бочкомъ на дрожкахъ; лошадь разбитая, дрожки ободранныя, кожа между крыльями прорвана, изъ-подъ подушки кругомъ торчитъ сѣно; гайка сваливается съ колеса.

Дворникъ съ метлой глядитъ нѣсколько времени вслѣдъ за извощикомъ, потомъ выходитъ на средину улицы, подымаетъ гайку и кладетъ ее въ карманъ. Колесо съ дрожекъ соскочило, извощикъ чуть не клюнулся носомъ въ мостовую, соскакиваетъ, останавливая лошадь, оглядывается кругомъ и бѣжитъ назадъ. Увидавъ дворника на пути со средины улицы къ плитняку, обращается къ нему: «ты, что-ли, поднялъ, дядя».

— Кого поднялъ?

— Да гайку-ту? Отдай, пожалуйста!

— А ты видѣлъ, что-ли?

— Да чего видѣлъ? Отдай, пожалуйста!

— Отдай! Что я тебѣ отдамъ? Ты бы сперва двугривенный посулилъ, а тамъ бы говорилъ: отдай.

Споръ становится понемногу жарче; извощикъ сперва проситъ, тамъ божится, что у него нѣтъ ни пятака, что онъ только вотъ выѣхалъ; потомъ пошла брань и крикъ, въ которомъ, кромѣ обычныхъ привѣтствій, слышно только съ одной стороны: «отдай, я тебѣ говорю, отдай!» а съ другой: «что я тебѣ отдамъ? да ты видѣлъ, что ли?» Съ этимъ воинственнымъ крикомъ непріятели другъ на друга наступаютъ; дворникъ Иванъ, съ помазкомъ въ рукѣ, пользуется пріятнымъ зрѣлищемъ и, улыбаясь, отдыхаетъ отъ трудовъ; народъ начинаетъ собираться, образуя кружокъ. Какой-то дюжій парень также останавливается и, узнавъ, въ чемъ дѣло, говоритъ извощику: «Да ты что горло дерешь, толкуешь съ нимъ, съ собакой? Ты въ рыло его, а я поддамъ по затылку». И едва это было сказано, какъ и тотъ и другой, будто по командѣ, въ одинъ темпъ исполнили на дѣлѣ это дѣльное увѣщаніе.

Народъ кругомъ захохоталъ, а оглушенный неожиданнымъ убѣжденіемъ строптивый Гришка, тряхнувъ слегка головой, досталъ гайку изъ кармана шароваръ и отдалъ извощику съ совѣтомъ: «не терять ее въ другой разъ, а то-де ину-пору и не воротишь: иной и не отдастъ; а за нее въ кузницѣ надо заплатить цѣлковый, да еще накланяешься да напросишься: вашего брата тамъ много!»

Зрители, натѣшившись этимъ позорищемъ, разошлись своимъ путемъ, оглядываясь по временамъ назадъ; извощикъ надѣлъ колесо, навернулъ гайку и во все это время бранился. Дворникъ Григорій принялся опять за метлу и ограничился повтореніемъ того же дружескаго совѣта. Дворникъ Иванъ подшучивалъ,

смѣючись слегка надъ товарищемъ: «Извощику-то ты что-жь такъ спустилъ? Эка здоровъ кистень у парня-то!»

Въ это время господинъ, проискавъ дворника по пустякамъ во дворѣ, вышелъ опять изъ-подъ воротъ и обратился къ нашему пріятелю довольно настойчиво:—Да ты, что ли, здѣшній дворникъ, эй!

— А вамъ кого надо?

— Титулярнаго совѣтника Былова.

— На лѣвую руку подъ ворота, въ самый верхъ, двери на лѣвой рукѣ.

— Такъ что-жь ты не сказалъ мнѣ давича, какъ я спрашивалъ тебя? Вѣдь ты дворникъ здѣшній?

— Дворникъ! Мало ли дворниковъ бываетъ? У другихъ, у хорошихъ хозяевъ, человѣка по три живетъ; это нашъ только вотъ на одномъ выѣзжаетъ.

Посѣтитель долженъ былъ принять эту логику особаго разбора за отвѣтъ, пожалъ плечами и пошелъ по указанію.

По ту сторону улицы проходятъ двѣ барыни; у одной изъ нихъ на рукахъ какая-то шавка; барыня ее усердно лижетъ и цѣлуетъ.

— Вотъ, — сказалъ веселый дворникъ Иванъ: — барыни-тѣ дѣтей своихъ пестовать не хотятъ, а со щенятами нянчатся!

Обѣ барыни оглянулись на веселаго дворника и посмотрѣли на него такими глазами, будто онъ сказалъ непростительную дерзость.

Между тѣмъ, изъ дома дворника съ метлой выскочила чумичка, сложивъ руки подъ сальнымъ ситцевымъ передникомъ, который она сшила на свой счетъ, обидѣвшись тѣмъ, что барыня вздумала подарить ей для кухни пару тиковыхъ или холстинныхъ.—Григорій!— начала она кричать: — ахъ, ты, Господи, воля твоя, какой народъ! Григорій, да что жь ты не принесешь, что ли, сегодня воды?

— Поспѣешь! Что тороплива больно?

— Поспѣешь! Ахъ, ты Боже мой! Барыня бранится, въ третій разъ гоняетъ меня; я по цѣлому дому бѣгала — нѣтъ какъ нѣтъ; а онъ вотъ еще тутъ прохлаждается, словно Христа-ради воду носитъ намъ; право!—Да иди, что-ли, принеси!

— Принеси! Тутъ вотъ любое; либо по воду иди, либо улицу мети; а какъ надзиратель пойдетъ, такъ вотъ и будемъ мы съ тобой у праздника.

— У праздника? Да мнѣ что за праздники! Тамъ вы себѣ, пожалуй, празднуйте, а ты воды принеси!

Григорій поворачивается медвѣдемъ и отправляется къ воротамъ; чумичка, побѣдивъ краснорѣчіемъ своимъ упорство его, убѣгаетъ проворно подъ ворота; онъ сильнымъ взмахомъ кидаетъ за нею метлу, а Иванъ кричитъ, повысивъ голосъ: «Эхъ! ушла полубарыня! а такъ вотъ чуть-чуть не огрѣлъ ее! — Больно тонко прохаживаться изволите!» примолвилъ онъ, намекая на босыя ея ноги:—«чулки отморозите, сударыня!»

Въ промежуткѣ этихъ забавъ, однакожь, Иванъ и Григорій сдѣлали также свое дѣло, потому что за нихъ никто не работалъ. До свѣту встань, дворъ убери, подъ воротами вымети, воды семей на десятокъ натаскай, дровъ въ четвертый этажъ, за полтинникъ на мѣсяцъ, принеси. И Григорій взвалитъ, бывало, цѣлую полѣнницу на плечи (все хочется покончить за одинъ пріемъ), а веревку — подложивъ шапку — вытянетъ прямо черезъ лобъ и послѣ только потретъ его, бывало, рукой.

Тамъ плитнякъ выскреби, да вымети, да посыпь пескомъ; улицу вымети, соръ убери; у колоды, гдѣ стоятъ извощики, также все прибери и снеси на дворъ. За назёмъ этотъ колонисты платили, впрочемъ, охотно Григорію по рублю съ воза; вишь, нѣмцамъ этимъ все нужно. Тутъ, глядишь — опять дождь, либо снѣгъ,

опять мети тротуары—и такъ день-за-день. Во все это время и домъ стереги, и въ часть сбѣгай съ запиской о новомъ постояльцѣ; на ночь, ляжешь, не ляжешь, а не больно засыпайся: колокольчикъ подъ самой головой, и уйти отъ него некуда, хоть бы и захотѣлъ, потому что и все-то жилье въ подворотномъ подвалѣ едва помѣщаетъ въ себѣ огромную печь. Сойдите ступеней шесть, остановитесь и раздуйте вокругъ себя густой воздухъ и какіе-то облачные пары, если васъ не ошибетъ на третьей ступени обморокъ отъ какого-то прокислаго и прогорклаго чада, то вы, всмотрѣвшись помаленьку въ предметы, среди вѣчныхъ сумерекъ этого подвала увидите, кромѣ угрюмой дебелой печки, еще лавку, которая безногимъ концомъ своимъ лежитъ на боченкѣ; столъ, въ которомъ ножки вышли на цѣлый вершокъ посверхъ столешницы; а между печью и стѣною — кровать, которая вела самую превратную жизнь: она дремала только днемъ, какъ дремлетъ искра подъ пепломъ, ночью же оживала вся, питаясь тучностью нашего дюжаго дворника. Онъ былъ независтливъ и говаривалъ, что-де необидно никому. Замѣчательно, что домашняя скотинка эта пріурочена была къ колокольчику, какъ саженая рыба, только въ обратномъ смыслѣ: она разбѣгалась мгновенно, когда зловѣщій колокольчикъ раздавался надъ головою спящаго Григорія, и терпѣливо ожидала возвращенія его и смѣло опять выступала мгновенно въ походъ, лишь только онъ ложился, натянувъ одну полу тулупа себѣ черезъ голову. Подлѣ печи три коротенькія полочки, а на нихъ двѣ деревянныя чашки и одна глиняная, ложки, сельтерскій кувшинъ, штофчикъ, полуштофчикъ, графинчикъ, какая-то мутная, порожняя стклянка и фарфоровая золоченая чашка съ графской короной. Подъ лавкой бурозеленоватый самоваръ о трехъ ножкахъ, двѣ битыя бутылки съ ворванью и сажей, для

смазки надолбъ, и вѣроятно, ради пріятнаго, сытнаго запаха, куча обгорѣлыхъ плошекъ. Горшковъ не водится въ хозяйствѣ Григорія, а два чугунчика, для щей и каши, постоянно проживаютъ въ печи, или по крайней мѣрѣ съ шестка не сходятъ. Мыть ихъ, хотя по временамъ, Григорій считалъ совершенно излишнимъ, убѣдившись на опытѣ, что сколько-де ихъ не мой, они все черны *).

Тулупъ и кафтанъ висятъ подъ лавкой, у самаго стола, такимъ образомъ, чтобъ Григорій, во время обѣда съ товарищами, могъ доставить и себѣ и имъ удовольствіе тереться о платье головою. Въ углу образа, вокругъ вербочки, въ кіотѣ сбереженное отъ Святой яичко и кусочекъ кулича, чтобъ разговѣться на тотъ годъ; подъ кіотомъ бутылка съ богоявленской водой и пара фарфоровыхъ яичекъ. Объ утиральникѣ, который виситъ подъ зеркальцемъ въ углу, подлѣ полокъ, рядомъ съ Платовымъ и Блюхеромъ, надо также упомянуть, хоть бы потому, что онъ съ алыми шитками; утиральникъ этотъ упитанъ и умащенъ разнородною смѣсью всякой всячины досыта, до самаго нельзя и проживетъ, вѣроятно, въ этомъ видѣ еще очень долго, потому что мыши не могутъ его достать съ гвоздя, а собакъ Григорій нашъ не держитъ, но онъ именно испыталъ однажды на своемъ вѣку, что голодная собака унесла тайкомъ такой съѣдомый утиральникъ, который и пропалъ бы, вѣроятно, безъ вѣсти, еслибъ собака эта не погрызлась изъ-за лакомаго куска съ другимъ псомъ; ссора эта обратила вниманіе нашего дворника на спорную добычу, которая и не досталась ни одной изъ тяжущихся сторонъ, а была у нихъ

---

*) Впрочемъ, Григорій увѣрялъ меня однажды, что моетъ всю посуду свою каждогодно — въ понедѣльникъ на великій постъ, но не для чистоты, а ради грѣха, какъ самъ онъ выражался.

отбита. Григорій пнулъ еще ногою одного пса, встряхнулъ раза два утиральникъ и повѣсилъ его на свое мѣсто. Онъ въ извѣстныхъ случаяхъ любилъ порядокъ.

Отчего же — спросите вы — дворъ и улица были всегда такъ чисты у Григорія, когда конура его не могла похвалиться хозяиномъ слишкомъ чистоплотнымъ? Ну, въ этой внѣшней чистотѣ виноватъ былъ не Григорій, а не спускавшій съ него глазъ надзиратель. Вотъ почему дворнику нашему чистота и надоѣла до такой степени и опостылѣла: онъ все это вымещалъ на своемъ подвалѣ, который былъ у него въ полномъ распоряженіи, и тутъ только Григорій дышалъ свободно, наслаждаясь мягкою, сальною наружностью всѣхъ предметовъ своего маленькаго хозяйства, упиваясь благовоніемъ, пресыщаясь питательною густотою доморощеной атмосферы.

На другое утро Иванъ да Григорій опять поздоровались черезъ улицу съ метлами въ рукахъ.

— Что ты? аль не можешь?

— Нѣтъ, что-то плохо; черезъ силу хожу,— такъ и подводитъ животы.

— А ты бы натощакъ квасу съ огурцами поѣлъ, посоливши хорошенько.

— Нѣтъ, я ужь вотъ золы съ солью выпилъ; авось отпуститъ.

Но, видно, отъ золы съ солью не совсѣмъ отпустило: Григорій пошелъ къ лекарю своему, къ лавочнику, и просилъ помощи. Тотъ долго не разспрашивалъ, а, узнавъ главнѣйшія обстоятельства, положилъ Григорія у себя на печь, велѣвъ ему лечь плотнѣе животомъ на горячій ржаной хлѣбъ; накрылъ больного тулупомъ, далъ ему выпить чего-то горячаго и къ обѣду поставилъ его на ноги. Григорій поблагодарилъ своего лекаря и разсудилъ, что не худо послѣ этого поберечься и довольствоваться въ этотъ день легкимъ

постнымъ столомъ, то-есть, квашеной капустой, огурцами, тухлой рыбой и фонарнымъ масломъ.

Григорій любитъ иногда покричать, любитъ подчасъ и нагрубить, но также охотно смиряется, довольствуясь тѣмъ, чтобъ, отвернувшись, поворчать, а за глаза и побранить. Сто разъ говорилъ онъ уже черезъ улицу Ивану, что послѣдній день живетъ у этого хозяина, отойдетъ завтра же непремѣнно, а на утро опять выходилъ на службу съ метлой, съ лопатой, съ ведрами. Хозяинъ былъ имъ доволенъ, въ особенности за честность и строгій присмотръ.

Григорій узнавалъ подозрительныхъ посѣтителей чутьемъ, по первому взгляду, и выпроваживалъ ихъ обыкновенно тѣмъ, что начиналъ придираться вопросами о томъ, къ кому и зачѣмъ идешь, а потомъ спросами о паспортѣ и мѣстѣ жительства. О такихъ предметахъ, какъ Григорій зналъ по давнишнему опыту и навыку, люди этого разбора бесѣдуютъ очень неохотно и потому, обыкновенно, не затягивая разговора, удалялись на поиски въ иное мѣсто. Иногда Григорій, встрѣтивъ въ воротахъ человѣка съ полуобритой бородой, въ засаленномъ цвѣтномъ бумажномъ платкѣ и въ изорванной шинелишкѣ, пускался немедленно въ откровенныя съ нимъ объясненія, увѣряя его, что здѣсь-де, братъ, нѣтъ тебѣ поживы никакой, право нѣтъ, ступай съ Богомъ; а, поймавъ у себя въ домѣ подобнаго человѣка, онъ, во избѣжаніе, по его мнѣнію, лишнихъ хлопотъ, потаскавъ незваннаго гостя за чубъ, выпроваживалъ его въ зашей. Веселый дворникъ Иванъ тѣшился въ такихъ случаяхъ иначе: онъ заставлялъ вора лѣзть въ тѣсную подворотню и погонялъ его сзади съ разными поговорками метлой.

Но если какой-нибудь счастливый находчикъ проносилъ подъ мышкой попавшееся ему гдѣ-нибудь платье, то Григорій съ преспокойною совѣстью тор-

говалъ и нерѣдко покупалъ вещь, коли ее отдавали за безцѣнокъ и она годилась ему въ передѣлку. «А мнѣ что?» говаривалъ онъ:—«я почемъ знаю? Нешто я укралъ? Украдено, такъ не у насъ».

Въ праздникъ Григорій любилъ одѣваться кучеромъ, лѣтомъ въ плисовый поддѣвокъ, зимой въ щегольское полукафтанье и плисовыя шаровары, а тулупъ накидывалъ на плечи. У него была и шелковая, низенькая, развалистая шляпа. Такъ онъ сиживалъ нерѣдко за воротами, сложа руки, насвистывая сквозь зубы, или лакомясь моченымъ горохомъ, который доставалъ изъ краснаго, какъ жаръ, платка. Такіе платки нынѣ въ рѣдкость; они назывались «бубновыми», и бѣлые бубны, вытравленные по алому полю какой-нибудь кислотой, вскорѣ обращались просто въ дырочки, что и подавало Григорію поводъ подбирать повременамъ горошины съ земли, обдувать ихъ и съѣдать поодиночкѣ. Иванъ, сидя рядомъ или насупротивъ, предпочиталъ кочерыжки, а если ихъ не было, — рѣпу. Вкусы того и другаго мирились лѣтомъ надъ недозрѣлымъ, зеленымъ и жесткимъ крыжовникомъ, не крупнѣе гороха, и оба дворника запасались тогда почти ежедневно двумя или тремя помадными банками этого лакомства, которое носила по улицѣ уродливая, пирогомъ повязанная старуха, вскрикивая пѣтухомъ: «крыжовникъ спѣла-ай! крыжовникъ садовай, махровай» и пр. Она не заламывала головы на верхнія окна, а косилась обыкновенно въ подвальныя жилья и за копеечку нагребала помадную банку верхомъ.

Орѣховъ Григорій не терпѣлъ, увѣряя, что грызть орѣхи прилично только дѣвкамъ.

Въ этомъ состоялъ весь праздникъ Григорія; изрѣдка только онъ напивался вволю, поставивъ напередъ какого-нибудь земляка на цѣлыя сутки на свое мѣсто. Не принявъ напередъ этой мѣры, онъ не гу-

лялъ никогда. Всегдашняя поговорка его, когда кто поминалъ праздникъ, была: «какой нашему брату праздникъ?» Онъ совершенно соглашался съ однимъ мастеровымъ, который даже о Рождествѣ, какъ о праздникѣ, отозвался однажды съ примѣсью философской хандры, сказавъ со вздохомъ: «что за праздникъ нашему брату? тутъ и всего-то три дня: не успѣешь не то что погулять, а на съѣзжую попасть». — Ну, напередъ не угадаешь, братъ, гдѣ будешь,—замѣтилъ было недогадливый Григорій; но мастеровой отвѣчалъ, пожавъ плечами: «нѣтъ, не берутъ: первые три дня не приказано братъ никого». Но годовые праздники, при всей малозначительности своей для Григорія, какъ дни пированья, замѣчательны были для него тѣмъ, что онъ ходилъ по порядку собирать подать со всѣхъ постояльцевъ. И у него, какъ у самого хозяина, квартиры всѣ были расцѣнены по доходу, отъ гривенника, получаемаго по два раза въ годъ съ прежалкаго и прекислаго переплетчика, проквашеннаго насквозь затхлымъ клейстеромъ, и до красненькой двухъ квартиръ втораго жилья. Онъ перенялъ у остряка Ивана давать постояльцамъ своимъ прозванія по числу рублей, получаемыхъ отъ нихъ къ Рождеству и къ Святой: «двугривенный переплетчикъ», «трехрублевый чиновникъ» и проч. Этимъ способомъ, о которомъ слухи доходили иногда до честолюбивыхъ жильцовъ, ему даже удавалось повышать водочный окладъ, и жилецъ поступалъ тогда съ трехрублеваго въ пятирублевый разрядъ. Въ случаѣ перехода новаго жильца, Григорій умѣлъ сообщить ему всегда заблаговременно, до наступленія праздниковъ, свѣдѣніе, сколько получалось обыкновенно отъ его предшественника. Съ жильцовъ безпокойныхъ, которые постоянно возвращались домой по ночамъ, Григорій иногда понастоятельнѣе требовалъ, *на чай*, увѣряя, что за ними-де хлопотъ очень много.

У Григорія былъ еще небольшой промыселъ: онъ занимался въ своемъ кругу оборотишками по небольшому домашнему банку и отдавалъ, за вѣрнымъ поручительствомъ, или подъ заклады, до сотни рублей въ ростъ. Болѣе восьми или десяти со ста въ мѣсяцъ ему рѣдко удавалось взять; а если его попрекали такимъ запросомъ, увѣряя, что изъ казны можно взять за пять или за шесть со ста, то онъ, махнувъ рукой, говорилъ преспокойно: «Ну, такъ поди въ казну, а не то вотъ къ графскому камердинеру: тотъ съ тебя возьметъ по двадцати въ мѣсяцъ да еще росписку, что залогъ имъ купленъ у тебя, да, не дождавшись сроку, и продастъ его, коли хорошій покупатель найдется». Григорій не видалъ тутъ никакого грѣха: «я, говоритъ, никого не неволю, никому не напрашиваюсь; мои пятьдесятъ рублей мѣста не пролежатъ у меня и въ сундукѣ». Что дѣло это надо дѣлать тайкомъ—это онъ очень хорошо понималъ, — но не потому тайкомъ, чтобъ оно было дѣло виноватое, а потому-де, что, извѣстно ужь, во всякомъ дѣлѣ надо беречься отъ придирки да знать его про себя; тутъ, пожалуй, попадешься за всякую бездѣлицу и во всемъ виноватъ останешься. Какъ старый дворникъ и уличный петербургскій житель, которому нерѣдко случалось сталкиваться и дружиться съ народомъ всякаго разбора, Григорій былъ не только коротко знакомъ со всѣми плутнями петербургскихъ мошенниковъ, но понималъ отчасти языкъ ихъ, и молодой сосѣдъ его, Иванъ, бралъ у бывалаго пріятеля своего иногда уроки въ этомъ полезномъ знаніи. «Стырить камлюхъ», т. е. украсть шапку; «перетырить жулику коньки и грабли», т. е. передать помощнику-мальчишкѣ сапоги и перчатки; «добыть бирку», т. е. паспортъ; «увести скамейку», т. е. лошадь,—все это понималъ Григорій безъ перевода и однажды больно насмѣшилъ веселаго Ивана, когда они сидѣли въ празд-

никъ рядкомъ за воротами, упиваясь чадомъ смердящихъ плошекъ; небольшая шайка проходила въ это время, какъ видно было, отъ разъѣзда театра и, увидѣвъ товарища, поставленнаго для наблюденія за *ширманами* (т. е. за карманами) пѣшеходовъ, встрѣтила его вопросомъ: *что клею?* т. е. много ли промыслилъ? А Григорій отвѣчалъ преспокойно: *бабки, веснухи да лепень*, т. е. деньги, часы да платокъ, и мошенники съ недоумѣніемъ посмотрѣли на Григорія, не зная, мазурикъ ли это, т. е. товарищъ ли или предатель. Иванъ научился также отъ Григорія пугать мошенниковъ и узнавать ихъ въ толпѣ; стоитъ только сказать «стрема», т. е. берегись!—и всякій мазурикъ сейчасъ же кругомъ оглянется.

Отчего же, спросите, Григорій, какъ и всѣ товарищи его, зная и встрѣчая людей этихъ иногда и съ поличнымъ, зная даже нерѣдко, по слухамъ, кто что и гдѣ укралъ—отчего же онъ не ловилъ ихъ, не доносилъ на нихъ, куда слѣдовало, а смотрѣлъ на все это равнодушно, какъ на постороннее для него и безвредное дѣло? Оттого, что у него были свои понятія и убѣжденія, свой взглядъ и своя житейская опытность, переходящая съ поколѣнія на поколѣніе. Противу такихъ укоренившихся и воплотившихся доводовъ спорить трудно. Григорій былъ твердо, логически убѣжденъ, что виноватъ тотъ, кто попался, а не тотъ, кто укралъ; что только открытое преступленіе—вина, и, наконецъ, что всегда виноватъ будетъ тотъ, кто гласно впутается въ такое опасное дѣло. У Григорія была на это сотня нелѣпыхъ примѣровъ въ запасѣ, какъ одинъ будто виноватъ остался за то, что донесъ на вора, а другой за то, что его впутали въ свидѣтели; какъ третьяго затаскали въ разспросахъ и показаніяхъ и присудили *за разнорѣчіе* о такомъ дѣлѣ, о которомъ онъ ровно ничего не зналъ и сказалъ одинъ разъ, что

ничего не знаетъ, а въ другой разъ, что не знаетъ ничего; какъ такого-то взяли и посадили за то, что онъ остановился мимоходомъ и поглядѣлъ на плывшій по водѣ трупъ, или такъ-называемое «мертвое дѣло»; какъ такого-то записали и осудили прикосновеннымъ къ дѣлу за то, что онъ вздумалъ было вступиться, когда при немъ хотѣли ограбить человѣка; словомъ, Григорій почиталъ себя человѣкомъ опытнымъ и, по привычкѣ, судилъ о подобныхъ дѣлахъ весьма хладнокровно.

Григорій зналъ наизусть звонъ каждаго изъ жильцовъ. Просыпаясь ночью отъ звона, который мгновенно производилъ такой переворотъ въ жильцахъ или постояльцахъ собственной его квартиры, онъ ворчалъ обыкновенно про себя спросонья: «двугривенный баринъ—ну, не горячись, поспѣешь»; потомъ медленно поворачивался, почесывался, зѣвалъ, накидывалъ свой тулупишко и, взявъ ключи, отправлялся босикомъ по мерзлому снѣгу, попадая путемъ дорогою правою рукою въ лѣвый рукавъ тулупа; не находилъ спросонья рукава, останавливался еще разъ подъ воротами, проворчавъ: «кой лѣшій, наглухо, что ли, рукавъ-этъ пришитъ?», потомъ кричалъ вслухъ «сейчасъ», а ворчалъ, впрочемъ, не совсѣмъ про себя: «постой, тебѣ говорятъ; надорвешься; замерзъ, что ли, тамъ?» Но, растворивъ, наконецъ, калитку, Григорій обыкновенно дѣлался вѣжливѣе и мягче въ обращеніи своемъ и пропускалъ жильца молча, или даже иногда проговаривалъ, будто нехотя, пополамъ съ позѣвкомъ: «извольте-съ». У Ивана была на этотъ счетъ другая замашка: онъ, какъ человѣкъ веселый и живой, не заставлялъ долго дожидаться у воротъ; но если время было уже поздно, то, раскланиваясь съ вошедшимъ, говорилъ только, стоя на морозѣ босикомъ въ одной рубахѣ: «у насъ, сударь, былъ тоже одинъ такой, что все поздно домой

приходилъ, да хорошій баринъ спасибо, вотъ какъ и ваша милость: все, бывало, на чай даетъ». Замѣтьте: *на чай*, а не на водку: у Ивана землякъ-полотеръ, человѣкъ довольно тонкаго обращенія, и у него-то Иванъ выучился объясняться нѣсколько вѣжливѣе.

Остается сказать нѣсколько словъ о семейныхъ, родственныхъ, хозяйственныхъ и вообще домашнихъ отношеніяхъ нашего Григорія.

Плохъ ли онъ былъ, хорошъ ли, честенъ по-*своему*, или по-*нашему*, много ли, мало ли зарабатывалъ, а кормилъ дома, въ деревнѣ, семью. И онъ, какъ прочіе, разсказывалъ о бытѣ своемъ все одно и то же: «Вишь, пора тяжелая: хлѣба Господь не родитъ, земли у насъ малость; а тутъ подушное, оброкъ, земство... за отца плати, потому что слѣпъ, — ну, за отца все бы еще ничего, а то и за дѣда плати, потому что и дѣдъ еще живъ, и даже не слѣпъ, а только всю зиму на печи сидитъ, какъ сидѣлъ когда-то Илья-Муромецъ, — да еще за двухъ малыхъ ребятъ, за одного покойника да еще за одного живаго».

Еще на десятокъ годовъ станетъ Григорія, можетъ статься, и на полтора; тамъ—либо пойдетъ онъ и самъ сядетъ на печь, сбывъ дѣда, либо займется въ деревнѣ торговлей, коли деньги тутъ не пропадутъ въ закладахъ. Пріѣдетъ домой, привезетъ сотни три-четыре, вырубитъ подъ избой продольное окно, подопретъ висячій ставень шестомъ и развѣситъ въ лавочкѣ пучковъ десятокъ лычныхъ и пеньковыхъ веревокъ, оборотей, недоуздковъ, да три вѣнка рѣпчатаго лука; поставитъ бочку дегтя, другую меда — онѣ и по пословицѣ вмѣстѣ живутъ, десятокъ ременныхъ кнутовъ, тесаныхъ дугъ, оглобель, лаптей, пряниковъ, тесемокъ и нѣсколько вязанокъ барашекъ. Вотъ и всѣ припасы и вся торговля; а если вы думаете, что Григорій при такихъ оборотахъ изъ-за хлѣба на квасъ не зарабо-

таетъ, такъ ошибаетесь: онъ человѣкъ бывалый; деготь у него будетъ такой нескончаемый, что онъ изъ одной бочки, въ розницу, двѣ, либо три нацѣдитъ, медъ онъ пластаетъ и размазываетъ такъ мастерски, что коли за чаемъ не высосешь картузной бумаги, на которую наклеитъ онъ четверку, такъ и вкусу этому меду не узнаешь. А веревки, наконецъ... да веревкамъ его конца нѣтъ; онъ мѣряетъ ихъ маховыми саженями и намахаетъ вамъ ихъ столько, сколько угодно, вотъ только въ глазахъ рябитъ, какъ пойдетъ разводить руками; дѣло дорожное — взять негдѣ, такъ и берутъ.

Иванъ, я думаю, не пойдетъ въ деревню, а пойдетъ, надумавшись, либо въ кучера, либо станетъ зимою ледъ колоть, а лѣтомъ яблоками торговать, весной же и осенью перекупать и продавать, что случится на толкучемъ. Удали его въ дворникахъ тѣсно, а дома скучно; со столичнымъ образованіемъ человѣку въ такой глуши жить тяжело...

ДЕНЬЩИКЪ

(ФИЗІОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ)

Говорятъ, въ каждомъ человѣкѣ есть сходство съ тѣмъ или другимъ животнымъ — по наружности, по пріемамъ, собственно по лицу или даже по свойствамъ и качествамъ. Единственный въ своемъ родѣ Гранвиль неподражаемо умѣлъ схватывать сходство и отношенія эти и переносить ихъ карандашемъ на бумагу. Если бы у меня многотрудное умѣнье или искусство не отставало отъ вольнаго въ разгулѣ и дешеваго воображенія, то я бы, кажется, мастерски нарисовалъ деньщика Якова Торцеголоваго въ видѣ небывалаго, невиданнаго чудовища, составленнаго изъ пяти животныхъ: одного недостаточно, потому что достоинства Якова слишкомъ разнообразны. *Верблюдъ*, сутулый, неповоротливый, молчаливый — а подчасъ несносно крикливый — и притомъ безотвѣтный работникъ до послѣдняго издыханія; *волкъ*, съ неуклюжею, но иногда смѣшною хитростью и жадностью своею, дерзкій и неутомимый во время голода; *песъ*, полазчивый, вѣрный, который лаетъ на все, что только увидитъ внѣ конуры своей; *хомякъ*, домовитый хозяинъ, съ запасными сумками за скулами, который полагаетъ, по видимому,

будто весь міръ созданъ для того только, чтобы было откуда таскать запасъ и припасъ въ свою норку, и, наконецъ, *бобръ строитель*, который на все мастеръ, все умѣетъ сдѣлать, что нужно въ домѣ, и хоть изъ грязи, да слѣпитъ хатку и живетъ по своему хорошо. Вотъ эти пять животныхъ—вотъ какой сложный звѣрь вышелъ бы у меня изъ Якова Торцеголоваго; а чей хвостъ, чья голова, чьи руки и ноги у него, разбирайте сами!

Онъ попалъ въ деньщики по малому росту и сутулости, былъ сверхъ того лѣвша, любилъ на ходу глядѣть въ землю, махать руками, переваливаться и распускать около себя одежду повольнѣе. Изъ кармановъ шароваръ его и казачьяго кафтанчика всегда почти висѣли концы нитокъ и бечевокъ, а на днѣ кармана лежали пробки, мѣлокъ, рожокъ или тавлинка, горсть гороха и другія подручныя принадлежности; а когда полкъ стоялъ въ южной Россіи, то во всѣхъ карманахъ у Якова, не исключая и жилеточныхъ, были разсыпаны для обиходнаго лакомства арбузныя сѣмечки.

Иногда какое-нибудь стеклышко, отбитая отъ чашки ручка, обломокъ сургуча, или найденная гдѣ-нибудь петелька, гвоздь, крючекъ, попавъ въ карманъ Якова, держались тамъ очень долго, по нѣскольку мѣсяцевъ, шаритъ бывало по карманамъ, за чѣмъ-нибудь, попадется въ руки мѣлокъ, пробка или гвоздь—онъ поглядитъ на него, иногда еще попробуетъ на зубъ, не серебро ли, и положитъ опять на мѣсто. Перебирая, отъ нечего дѣлать, рѣдкости эти, Яковъ припоминалъ, гдѣ и какъ онѣ найдены или достались ему, по какому случаю попали въ карманъ, и тѣшился такимъ образомъ живыми воспоминаніями своихъ похожденій. Въ этомъ скопидомствѣ вы, конечно, узнаете хомяка. Какъ тѣснаго, такъ и короткаго платья Яковъ не могъ

терпѣть и говаривалъ, что онъ былъ этимъ испуганъ въ малолѣтствѣ. Когда баринъ хотѣлъ было ему однажды сшить, изъ стараго мундира, куртку, то Яковъ разревѣлся какъ верблюдъ, увѣряя въ отчаяніи, что послѣ этого нельзя больше жить на свѣтѣ. Онъ любилъ, чтобы все около него было и просторно, и прикрыто, и потому предпочиталъ всякой иной одеждѣ темнозеленый казакинъ со сборками, но только не въ обтяжку. Одинъ изъ кармановъ или лацканъ этого облаченія были обыкновенно надорваны, обшлага съ исподу вытерты на *нѣтъ*, до самой кисти, на лацканѣ же, на ребро въ шовъ, затыкались торчмя, про всякій случай, булавки, а сбоку претолстая игла, укутанная ниткой въ видѣ цифры 8. Жилетка обыкновенно пользовалась преимуществомъ красной выпушки; фуражка съ козырькомъ — обносокъ барина — и сапоги своей работы довершали нарядъ.

На сапоги свои Яковъ любилъ иногда глядѣть безотчетно и засматривался на нихъ по цѣлымъ часамъ, особенно когда они были недавно вычинены имъ и вымазаны саломъ. Тогда Яковъ охорашивался, сидя гдѣ-нибудь въ углу, повертывалъ предъ собою ногу и старался заглянуть подъ подошву, чтобы полюбоваться новыми подметками. Онъ мурлыкалъ въ такое время про себя: «растоскуйся ты, моя голубушка!» или насвистывалъ сквозь зубы другую заунывную пѣсню.

Яковъ служивалъ на вѣку своемъ у всякихъ господъ, какъ увѣрялъ онъ, и служилъ вѣрой и правдой. Первый баринъ его былъ немножко безпокойнаго нрава, любилъ повеселиться — но былъ очень скученъ навеселѣ и крутенекъ. Угодить на него было мудрено; но Торцеголовый, благодаря Бога, ладилъ и съ нимъ; плакался Яковъ на него, это правда, но плакался, какъ жалуются, по привычкѣ, на весь Божій свѣтъ, а не то чтобы взаправду, какъ жалуются на бѣду немощу-

чую, извѣстную, общую: на господъ-де, извѣстное дѣло, не угодишь; господской работы не переработаешь; работа наша, хоть день и ночь прибирай, не видная, ровно все ничего не дѣлаешь, а къ вечеру поясницу разломитъ и проч., а затѣмъ, въ утѣшеніе себѣ же, онъ приговаривалъ: чтожъ, извѣстно, на то они господа. Съ этимъ-то бариномъ, человѣкомъ по чину очень небольшимъ, Яковъ ѣхалъ однажды на перекладныхъ: скакали, сломя голову, день и ночь, въ погоню за самонужнѣйшимъ дѣломъ. Можетъ статься, время было холодное, или безсонье одолѣло путника, или, наконецъ, его растрясло не въ мочь — но только онъ, по привычкѣ своей, подкрѣпился разъ, а тамъ и другой, и третій—да такъ крѣпко, что слегъ вовсе. У насъ принимаютъ вообще три степени этого отвлеченнаго состоянія: съ *воздержаніемъ*, съ *разстановкою*, и съ *расположеніемъ*. При первой степени, одержимый можетъ еще пройти подлѣ стѣнки, придерживаясь за нее; при второй, съ разстановкою, можетъ идти, если двое поведутъ его подъ руки, а третій будетъ разставлять ноги; при послѣдней же степени, съ расположеніемъ, одержимый располагается гдѣ случится, гдѣ припадокъ захватитъ его врасплохъ, и, растянувшись во весь ростъ, лежитъ безчувственно, такъ что никакія силы не могутъ болѣе воздвигнуть его на ноги. Этой-то третьей степени самозабвенія достигъ баринъ Якова на одной изъ станцій, — но помнилъ еще одно обстоятельство: что ему надо ѣхать, надо торопиться, погонять и драться. Баринъ Якова не былъ собственно дантистомъ, — какъ классически выразился Гоголь, — но подчасъ все-таки считалъ пріятнымъ долгомъ заняться по сей служебной части.

Между тѣмъ на станцію входитъ какой-то проѣзжій и видитъ слѣдующее: на диванѣ лежитъ, растянувшись во весь ростъ и закрывъ глаза, человѣкъ до-

вольно длинный и стройный; подлѣ сидитъ на стулѣ другой, въ темнозеленомъ казакинѣ, изъ кармана коего торчитъ коротенькая трубка и виситъ какой-то ремешокъ; этотъ человѣкъ звенитъ почтовымъ колокольчикомъ надъ головою сонного, который по-временамъ, въ свѣтлыя минуты, тщетно силится раскрыть глаза, замахнуться кулакомъ и заставляетъ непослушный, суконный языкъ свой прокричать грозное: «пошелъ!» и снова замахивается кулакомъ. Проѣзжій остановился предъ этой занимательной живой картиной, спросилъ вполголоса: «что это такое?» и Яковъ, продолжая звенѣть, отвѣчалъ со вздохомъ: «да вотъ, сударь, другія сутки ѣдемъ; какъ перестанешь звенѣть, такъ дерется; пошелъ, говоритъ, да пошелъ; спроситъ водки — да опять пошелъ; вотъ и ѣдемъ».

Долго ли, коротко ли Яковъ съ бариномъ ѣхали такимъ образомъ и далеко ли уѣхали — не знаю; но этотъ способъ ѣзды, столь докучливый для Якова, оказался также вреднымъ для барина его, который, пустившись въ безконечныя поѣздки и путешествія этого рода, вскорѣ волею Божіею помре. Когда несчастіе это совершилось, то бѣдный Яковъ Торцеголовый въ отчаяніи ударилъ руками объ полы и залился слезами. Онъ пересчитывалъ и припоминалъ всѣ дурныя свойства и качества покойнаго, оканчивая однакоже каждый разъ припѣвомъ: «Да все-таки баринъ добрый былъ! Бывало, сердечный жалованьишко прогуляетъ, ѣсть нечего до трети — нѣтъ ли, братъ Яковъ, каши? Да каши, сударь, нѣтъ, — крупы-то вѣдь немного отпускается, сами знаете, — ну, говоритъ, такъ хлѣба ломоть отрѣжь, жалованнаго, казеннаго — добрый баринъ былъ! Конечно, что правда, то правда, какъ подгуляетъ бывало, такъ больно дерется... ну, на то они господа: а все баринъ былъ добрый»!

Чувствительность и добродушіе русскаго человѣка

при подобныхъ случахъ заслуживаютъ всякаго уваженія, Напримѣръ, везутъ знаменитаго, сановнаго покойника, бабы, выскочившія толпой, съ любопытствомъ смотрятъ на поѣздъ и готовы, пожалуй, и заплакать, смотря по тому, кто какъ съумѣетъ направить ихъ участіе. «Да это кто же»? спрашиваетъ одна. «Это покойникъ, тотъ и тотъ, извѣстный на всю Россію человѣкъ».—Охъ, онъ, батюшка мой родной, сердечный!.. А это что же, вонъ, ѣдетъ за нимъ?.. Это называется печальная колесница, это карета покойнаго.... «Охъ, она, моя матушка, голубушка»... И баба, забывъ, отъ избытка участія, покойника, готова горько плакать надъ каретой!

Яковъ побѣжалъ объявить о смерти барина своего адъютанту и сказалъ ему предлинную чувствительную рѣчь, которой смыслъ—по отрывистому расположенію думъ Якова—трудно выразить, но въ коей нѣсколько разъ повторялось: «власть Господня, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, покуда грѣхамъ нашимъ терпитъ, а у меня, сударь, извѣстное дѣло, теперь родныхъ больше нѣтъ, окромѣ васъ, больше заступиться за меня некому».

Адъютанта этого Яковъ причелъ въ родни потому, что тотъ болѣе другихъ знался съ бариномъ его и часто дружески его журилъ, стараясь убѣдить, что изъ него могъ бы выйти очень порядочный человѣкъ, еслибъ онъ не обращался слишкомъ часто въ скотину. Тогда, бывало, и Яковъ, простоявъ во все время такой рѣчи у дверей и переступая спокойно съ ноги на ногу, принималъ слово, по уходѣ адъютанта, и читалъ барину наставленія, вродѣ слѣдующихъ:

«Ну, что, сударь, бросьте,—ей-богу бросьте, они правду говорятъ. Отъ этого что хорошаго будетъ — ничего не будетъ; вотъ намедни вы изволили заснуть въ передней на лавкѣ, а тутъ впотьмахъ васъ завалили

было шинелями; что добраго, такъ бы и задохлись; вѣдь я насилу васъ вытащилъ; право, сударь, вѣдь цѣлый ворохъ шинелей накидали на васъ, а ужь вы безъ памяти изволили быть; или вотъ хоть на той недѣлѣ, какъ изволили съ господами гулять да кучеръ Ивана Макаровича свалилъ васъ въ одни пошевни, развозилъ васъ по домамъ,—подъѣхалъ къ фатерѣ вашей и кричитъ: Яковъ, а Яковъ, — поди возьми своего барина, говоритъ. Я вышелъ, а вы еще изволите упираться, а тамъ и драться; не тронь, говорите, не подымай меня, не твое дѣло. Ну, чье же, сударь, дѣло, коли не мое? Извѣстно уже, коли я не присмотрю за вами, такъ кто же приглядитъ? Нехорошо, сударь, воля ваша, что-этакъ то хорошаго будетъ? Ничего не будетъ»!

Когда, по внезапной смерти барина, пришли описывать и опечатывать имѣніе его, то Яковъ, изъ усердія къ покойному, заступился за такъ называемое имѣніе это и не хотѣлъ допуститъ никого; за это попалъ онъ подъ караулъ и чуть не было еще хуже. Что онъ думалъ въ это время, какъ могъ отстаивать мундиръ и панталоны покойнаго барина силой, — этого не могъ онъ объяснить толкомъ никогда, но отговаривался и оправдывался впослѣдствіи тѣмъ только, что, «извѣстно-де, за покойника заступиться некому, какъ же мнѣ не беречь господскаго добра»?

Относительно правъ собственности у Якова Торцеголоваго были вообще особенныя понятія, кои требуютъ нѣкотораго поясненія. Нельзя сказать, чтобы онъ дѣйствовалъ всегда на правахъ волка; но давно сказано: гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно. Онъ, вопервыхъ, дошелъ своимъ умомъ до основныхъ понятій философіи Канта, съ тѣмъ только различіемъ, что употреблялъ, при всеобщемъ раздѣленіи вселенной, множественное число, вмѣсто единственнаго; весь міръ

распадался для него на двѣ половины: на *мы* и *не мы*. Мы—это были для него самъ онъ съ бариномъ своимъ и со всѣми своими пожитками; *не мы*—это были всѣ прочіе господа, весь видимый міръ. Въ болѣе обширномъ смыслѣ *мы* означало также свою роту, баталіонъ или даже полкъ; а въ самомъ пространномъ значеніи *мы* принималось въ смыслѣ: вся армія, всѣ военные, и тогда *мы* и *не мы* было тоже, что пріятель и непріятель.

Затѣмъ обязанности Якова, какъ человѣка-христіанина и служиваго, были въ глазахъ его тѣмъ священнѣе и ненарушимѣе, чѣмъ тѣснѣе можно было примѣнить къ вопросному случаю понятіе *мы*; но онъ потакалъ самъ себѣ тѣмъ болѣе въ произвольномъ примѣненіи этой истины, чѣмъ шире становилось философское понятіе, не признавая за собой уже почти никакихъ обязанностей за предѣлами этого подобнаго понятія; тутъ Яковъ обращался въ волка съ ногъ до головы; тутъ онъ вступалъ уже, какъ полагалъ, по всѣмъ правиламъ въ непріятельскую землю и понималъ своимъ умомъ буквально и очень ясно изреченіе: «бей и маленькаго: выростетъ — непріятель будетъ»!

Воръ — слово постыдное въ глазахъ Якова, воръ былъ у него тотъ, кто готовъ былъ обокрасть барина своего или собрата, сотоварища, кто воруетъ у той половины вселенной, которую Яковъ называлъ *мы* и *наше*. Яковъ плюнетъ на такого человѣка и отойдетъ. Но еслибъ вы сказали ему, что и самъ онъ воръ, потому что въ хозяйствѣ его находится некупленный ухватъ, взятая гдѣ-то мимоходомъ сковородка; сапоги, стоющіе рубля четыре и купленные по извѣстнымъ причинамъ за двугривенный, то Яковъ выпучилъ бы на васъ глаза и съ чистѣйшею совѣстію, покачавъ головой, сослался бы на барина своего и весь полкъ: они-де знаютъ его, Якова, какъ человѣка, котораго можно осыпать золотомъ — и онъ ничего не тронетъ.

Затѣмъ онъ, смотря по обстоятельствамъ, или разбранилъ бы клеветника своего въ глаза, или сказалъ бы: «Богъ съ нимъ! обидѣть, извѣстно, можно всякаго человѣка, хоть кого угодно,—Богъ съ нимъ»!

Изъ бѣды и напасти, то-есть изъ острога, послѣ заступничества за имущество покойнаго барина, Якова выручилъ другой баринъ, который взялъ его въ деньщики. Яковъ обѣщалъ и тому служить вѣрой и правдой и сдержалъ, посвоему, слово. Онъ, можетъ быть, отъ избытка усердія, попадалъ иногда въ просакъ, но не смущался этимъ, зная разъ навсегда, что на господъ не угодишь. Однажды онъ вычистилъ золоченыя пуговицы кирпичемъ; онъ положилъ въ другой разъ четверть фунта корицы въ супъ, полагая утѣшить барина французскимъ столомъ; онъ, по ошибкѣ, заправилъ щи, вмѣсто уксуса, ваксой,—видно, бутылочки обѣ стояли рядомъ; онъ положилъ плохо завязанный узелокъ съ толченою солью въ барскій чемоданъ и пересолилъ бѣлье и платье насквозь; онъ на свѣтло-сѣрую шинель барина своего положилъ заплату оливковаго цвѣта, пристегавъ ее бѣлыми нитками; онъ дергалъ, отъ избытка усердія, сѣдой волосъ изъ боброваго воротника; онъ выскребъ, для опрятности, столъ краснаго дерева косаремъ, потому что у перваго барина его не было такого домашняго обзаведенія, а были столъ и лавки простые, какіе въ деревнѣ случались. Становился ли онъ умнѣе послѣ каждой изъ подобныхъ продѣлокъ—этого не знаю; но онъ видѣлъ только въ неудовольствіи барина каждый разъ новое подтвержденіе важнѣйшей статьи изъ опытной премудрости своей — что-де, извѣстное дѣло, на господъ не угодишь; но не сердился нисколько, когда его бранивали за подобныя продѣлки, потому что и это-де извѣстное дѣло, безъ того нельзя, чтобы не побранили, на то они господа.

распадался для него на двѣ половины: на *мы* и *не мы*. Мы—это были для него самъ онъ съ бариномъ своимъ и со всѣми своими пожитками; *не мы*—это были всѣ прочіе господа, весь видимый міръ. Въ болѣе обширномъ смыслѣ *мы* означало также свою роту, баталіонъ или даже полкъ; а въ самомъ пространномъ значеніи *мы* принималось въ смыслѣ: вся армія, всѣ военные, и тогда *мы* и *не мы* было тоже, что пріятель и непріятель.

Затѣмъ обязанности Якова, какъ человѣка-христіанина и служиваго, были въ глазахъ его тѣмъ священнѣе и ненарушимѣе, чѣмъ тѣснѣе можно было примѣнить къ вопросному случаю понятіе *мы*; но онъ потакалъ самъ себѣ тѣмъ болѣе въ произвольномъ примѣненіи этой истины, чѣмъ шире становилось философское понятіе, не признавая за собой уже почти никакихъ обязанностей за предѣлами этого подобнаго понятія; тутъ Яковъ обращался въ волка съ ногъ до головы; тутъ онъ вступалъ уже, какъ полагалъ, по всѣмъ правиламъ въ непріятельскую землю и понималъ своимъ умомъ буквально и очень ясно изреченіе: «бей и маленькаго: выростетъ — непріятель будетъ»!

Воръ — слово постыдное въ глазахъ Якова, воръ былъ у него тотъ, кто готовъ былъ обокрасть барина своего или собрата, сотоварища, кто воруетъ у той половины вселенной, которую Яковъ называлъ *мы* и *наше*. Яковъ плюнетъ на такого человѣка и отойдетъ. Но еслибъ вы сказали ему, что и самъ онъ воръ, потому что въ хозяйствѣ его находится некупленный ухватъ, взятая гдѣ-то мимоходомъ сковородка; сапоги, стоющіе рубля четыре и купленные по извѣстнымъ причинамъ за двугривенный, то Яковъ выпучилъ бы на васъ глаза и съ чистѣйшею совѣстію, покачавъ головой, сослался бы на барина своего и весь полкъ: они-де знаютъ его, Якова, какъ человѣка, котораго можно осыпать золотомъ — и онъ ничего не тронетъ.

Затѣмъ онъ, смотря по обстоятельствамъ, или разбранилъ бы клеветника своего въ глаза, или сказалъ бы: «Богъ съ нимъ! обидѣть, извѣстно, можно всякаго человѣка, хоть кого угодно,—Богъ съ нимъ»!

Изъ бѣды и напасти, то-есть изъ острога, послѣ заступничества за имущество покойнаго барина, Якова выручилъ другой баринъ, который взялъ его въ деньщики. Яковъ обѣщалъ и тому служить вѣрой и правдой и сдержалъ, посвоему, слово. Онъ, можетъ быть, отъ избытка усердія, попадалъ иногда въ просакъ, но не смущался этимъ, зная разъ навсегда, что на господъ не угодишь. Однажды онъ вычистилъ золоченыя пуговицы кирпичемъ; онъ положилъ въ другой разъ четверть фунта корицы въ супъ, полагая утѣшить барина французскимъ столомъ; онъ, по ошибкѣ, заправилъ щи, вмѣсто уксуса, ваксой,—видно, бутылочки обѣ стояли рядомъ; онъ положилъ плохо завязанный узелокъ съ толченою солью въ барскій чемоданъ и пересолилъ бѣлье и платье насквозь; онъ на свѣтло-сѣрую шинель барина своего положилъ заплату оливковаго цвѣта, пристегавъ ее бѣлыми нитками; онъ дергалъ, отъ избытка усердія, сѣдой волосъ изъ боброваго воротника; онъ выскребъ, для опрятности, столъ краснаго дерева косаремъ, потому что у перваго барина его не было такого домашняго обзаведенія, а были столъ и лавки простые, какіе въ деревнѣ случались. Становился ли онъ умнѣе послѣ каждой изъ подобныхъ продѣлокъ—этого не знаю; но онъ видѣлъ только въ неудовольствіи барина каждый разъ новое подтвержденіе важнѣйшей статьи изъ опытной премудрости своей — что-де, извѣстное дѣло, на господъ не угодишь; но не сердился нисколько, когда его бранивали за подобныя продѣлки, потому что и это-де извѣстное дѣло, безъ того нельзя, чтобы не побранили, на то они господа.

Бывало, Яковъ собирается писать домой письмо; тогда онъ ходитъ нѣсколько дней призадумавшись, забываетъ дѣло и отвѣчаетъ невпопадъ. Напримѣръ: «Яковъ!»—молчокъ.—«Яковъ!»—«Сейчасъ сударь.»—«Яковъ, что ты не идешь, когда я зову?»—«Да тамъ нельзя было бросить и отойти...»—«Что же ты дѣлалъ?»—«Собирался было руки помыть...» Письмо крѣпко озабочивало Якова, и хотя это случалось никакъ не болѣе одного или двухъ разъ въ годъ, но зато онъ въ это время жилъ душою дома, гдѣ не бывалъ уже лѣтъ около двадцати. Письма этого рода пишутся, какъ извѣстно, отъявленными писаками на заказъ и раздѣляются, по цѣнѣ, на два или три разряда; смотря по тому, *полные* ли, или *неполные* посылаются поклоны. Яковъ не противорѣчилъ однакоже и тому, когда одинъ заказной плутъ, изъ писарей, взялъ съ него лишнюю гривну за то, что полкъ перешелъ далѣе и что письмо Якова теперь далеко пойдетъ. Полные или неполные поклоны, смотря по количеству финансовъ Якова, — если онъ не рѣшался упросить кого-нибудь написать письмо въ долгъ, составляло вообще самое существенное различіе этихъ писемъ, въ которыхъ однакоже всегда говорилось нѣсколько словъ о баринѣ. Человѣкъ двадцать родныхъ было еще у Якова—русскій человѣкъ безъ нихъ не живетъ — и онъ отписывалъ каждому порознь и поимянно милостиваго государя или государыню, любезнаго, возлюбленнаго, вселюбезнѣйшаго, а затѣмъ нижайшій, глубочайшій, усердный, преусердный или другаго разбора поклонъ; называлъ себя мы, сестру или брата вы, испрашивая у родителей, дядей, тетокъ и проч., у каждаго порознь, ихъ родительскаго или родственнаго благословенія, на вѣки нерушимаго, прибавляя: «а о себѣ скажу, что мы, благодаря Бога, живы и здоровы обрѣтаемся, чего и вамъ желаемъ и вседневно и всечасно у Создателя въ горячихъ мо-

литвахъ испрашиваемъ» и заканчивалъ обычнымъ и приличнымъ оборотомъ: *уважаемый вами* такой-то. Онъ иногда вставлялъ еще гдѣ-нибудь извѣстія о здоровьѣ или нездоровьѣ своего барина, говорилъ: что мы-де съ бариномъ собираемся жениться и проч.

Разговорный языкъ Якова также отличался галантерейностью своею и часто смѣшилъ людей. Онъ поздравлялъ барина и другихъ офицеровъ съ собственными своими именинами: «Ваше благородіе, имѣю честь проздравить, я именинникъ.» Онъ говорилъ изъ вѣжливости: «я изволилъ вамъ докладывать, или вы изволили мнѣ доложить.» Раздѣляя весь видимый міръ, по теоріи Канта, на *мы* и *не мы* — на пріятелей и непріятелей, онъ о рѣдкомъ человѣкѣ относился съ равнодушіемъ или даже со спокойствіемъ, и большею частію горячо вступался за людей, или бранилъ ихъ безъ пощады, Кто хорошъ, тотъ былъ для него золотой и хорошъ безъ мѣры; а кто досадитъ, тотъ уже никуда не годился отъ козырька до закаблучьевъ. Замѣчательны были, въ сихъ и подобныхъ случаяхъ, доводы и причины Якова, коими онъ оправдывался предъ бариномъ своимъ или посторонними людьми. Напр., Якову досталось однажды съѣздить куда-то на лошади сосѣдняго помѣщика Губанова; лошадь не показалась Якову, или пристала, что ли, дорогой, и съ этого времени онъ придумалъ, для брани поговорку: «а чтобъ тебя съ Губановымъ на пристяжку пустить!» Когда нашлись люди, которые замѣтили Якову, что нехорошо браниться такъ и некстати, то онъ отвѣчалъ: «Помилуйте, сударь, что тутъ не браниться. Я, власть ваша, никого не займаю, а только послѣ этого ужь и на свѣтѣ жить нельзя.»—«Не ходи ты, Яковъ, съ бреднемъ по этому озеру — сколько разъ тебѣ это добрые люди говорили — ты плавать не умѣешь, а тутъ омутъ на омутѣ!»—«Ничего, сударь,—отвѣчалъ

Яковъ, — что же дѣлать? власть Господня. Вотъ, и намедни въ Грачевкѣ мальчикъ утонулъ...» а затѣмъ, въ тотъ же день вечеромъ, опять-таки отправился съ бредникомъ на озеро.

Замѣчательное и преполезное, для барина его, свойство Якова заключалось еще въ томъ, что онъ былъ вездѣ дома, куда бы ни пришелъ, «Здравствуй, хозяйка; здорово, хозяинъ», и затѣмъ онъ, перекрестившись, протягивалъ руку за ухватомъ и кочергой, очищалъ, гдѣ слѣдовало, мѣсто себѣ и барину, зналъ по навыку, гдѣ найти чуланъ, каморку, клѣть, и чего и гдѣ тамъ искать, какъ задобрить или застращать хозяйку, чѣмъ угодить хозяину, — и между прочимъ зналъ также такое слово, отъ котораго дружился съ каждой собакой, какъ только шагнетъ на дворъ. — Отчего на тебя, Яковъ, и собаки не лаютъ? спрашивали у него, бывало, и онъ отвѣчалъ, смотря по расположенію своему: «онѣ мнѣ всѣ свои, я всѣхъ ихъ знаю,» или: «а что ей лаять—не видала, что ли, она человѣка?» Онъ всегда давалъ собакѣ кличку по шерсти съ первой встрѣчи, спорилъ съ хозяиномъ, если тотъ увѣрялъ, что это не Сѣрко, а Куцый; и Куцый, повидимому, соглашался съ этимъ и охотно бѣжалъ на зовъ новаго пріятеля.

Извѣстно, что календарь нашего крестьянина отличается по способу выраженія отъ нашего: мужикъ рѣдко знаетъ мѣсяцы и числа, но знаетъ хорошо посты, заговѣнья, сочельники, всѣ праздники, святыхъ и, избирая болѣе замѣчательные въ быту его сроки, обозначаетъ ихъ сими названіями. У Якова былъ свой календарь, довольно понятный въ его кругу: время назначенія новыхъ капраловъ, фельдфебелей, ротныхъ, батальонныхъ, полковыхъ, бригадныхъ и, наконецъ, корпусныхъ командировъ: смотры, постройка или пригонка амуниціи, лагерь, ученье, перемѣна стоянки,

марши, походы, дневки, привалы, и, наконецъ, замѣчательныя событія въ ротѣ, въ батальонѣ, въ полку: такой-то арестантъ бѣжалъ; такой-то солдатъ сломалъ прикладъ ружья, потерялъ штыкъ; тому или другому дана награда, такой-то произведенъ чиномъ, такой-то умеръ, переведенъ, вновь опредѣлился и проч. Вотъ эпохи, по коимъ Яковъ опредѣлялъ прошедшее; для настоящаго ему ненужно было календаря, потому что оно пролетало мимо его, какъ мимо всѣхъ, а для будущаго—потому, что онъ все будущее предоставлялъ Богу и говорилъ только: «дастъ Богъ, будетъ то и то—вдось, вотъ, дождемся», и зналъ кромѣ того четыре времени года, какъ всѣ пять пальцевъ. Ведро и ненастье, тепло и стужу измѣрялъ и опредѣлялъ онъ также посвоему: на дворѣ холодно, хоть ружье въ избу поставь, такъ развѣ чуть только отпотѣетъ; на дворѣ морозъ, лошади на конюшнѣ всю ночь протопали; видно сыро, барабанъ чуть слышно; жара такая, что за козырекъ рукой нельзя взяться; такой дождь, что ломоть хлѣба изъ пекарни подъ полой сухимъ не донесешь домой и проч. Честенъ былъ Яковъ посвоему, о чемъ мы уже говорили, и,—честенъ и неподкупенъ для себя, для своего барина, роты, батальона, полка; но чѣмъ дальше и шире расходился этотъ кругъ, тѣмъ жиже становилась честность нашего Якова и на самыхъ предѣлахъ перехода видимаго міра изъ *мы* въ *не мы* — она была дотого мутна, что терялась вдали, какъ сѣрый туманъ, безъ лица, безъ цвѣта и безъ образа. Чтобы употребить другое, можетъ быть болѣе удачное, подобіе, скажемъ, что честность его расходилась отъ него во всѣ стороны клиномъ и оканчивалась, въ извѣстномъ или неизвѣстномъ разстояніи, будучи снята *на нѣтъ*.

Таковъ былъ Яковъ, и таковы будутъ всѣ Яковы наши, по крайней мѣрѣ большинство ихъ. Мастеръ и

доточникъ или источникъ на всякую домашнюю потребу, онъ чинилъ сапоги, платилъ, какъ мы видѣли выше, платье, строгалъ, заклепывалъ, долбилъ, клеилъ и ладилъ все, что было нужно въ походномъ хозяйствѣ. Какъ комнатный, кравчій и постельничій, онъ ставилъ чайникъ, варилъ кофе, набивалъ трубки, бѣгалъ за виномъ рысью и откупоривалъ бутылки, стлалъ солому, покрывалъ ее простыней или рядномъ и клалъ въ голову подушку, а въ ноги халатъ и прозапасъ еще шинель, чтобы одѣться; какъ конюшій и ясельничій, стремянный и кучеръ, онъ ходилъ за лошадью, когда она была у барина, сѣдлалъ ее выбракованнымъ гусарскимъ сѣдлишкомъ, или закладывалъ въ пошевни; какъ приспѣшникъ, готовилъ онъ до четырехъ блюдъ: щи, кашу, пирогъ и битки. Верблюдомъ былъ онъ на походѣ, когда, запустивъ шаровары въ сапоги и навьючившись разнымъ скарбомъ, мѣсилъ грязь мѣрною поступью; волкомъ—какъ и гдѣ случалось: въ нуждѣ, за недосугомъ купить или выпросить то, что ему было нужно; вѣрнымъ псомъ былъ онъ всегда, и вся забота его, все назначеніе состояли въ томъ, чтобы хранить и оберегать, по крайнему разумѣнію, господское добро; хомякомъ былъ онъ на зимнихъ квартирахъ, на стоянкахъ, когда нѣсколько мѣсяцевъ постоя на мѣстѣ казались ему вѣкомъ, и онъ обзаводился въ то время всякою дрянью, будто вѣкъ съ ней жить, для того только, чтобы, послѣ долгихъ вздоховъ и соболѣзнованій, кинуть все это, когда приходилось выступить въ походъ; наконецъ, бобромъ-строителемъ Яковъ дѣлался если не на каждомъ привалѣ, то по крайней мѣрѣ на каждомъ ночлегѣ; вилы, два шеста или хворостина, рядно да охабка соломы—и дворецъ готовъ: извольте, ваше благородіе, перебираться!

ЧУХОНЦЫ ВЪ ПИТЕРѢ

У насъ, не безъ основанія, называютъ чухнами все нерусское поколѣніе коренныхъ жителей Петербургской, Выборгской и сосѣднихъ балтійскихъ губерній. Оставивъ на сей разъ въ покоѣ эстовъ и латышей, взглянемъ собственно на чухонъ, т. е. на уроженцевъ Выборгской губерніи, кои, въ особенности женщины, такъ охотно называютъ себя шведами и шведками: «Я ведка исъ Фиборгъ», обыкновенный отвѣтъ петербургской кухарки, если спросите ее, откуда она родомъ.

Не только каждый народъ, но и уроженцы извѣстныхъ мѣстъ, приходя на заработки въ столицу нашу, держатся своего рода жизни и какихъ либо особыхъ промысловъ. Такъ, касимовскіе татары всѣ почти идутъ въ дворники; рязанцы — въ сидѣльцы и еще болѣе въ цѣловальники; тверитяне — въ каменьщики и штукатуры; бѣлоруссы—исключительно въ земляную работу и прочее. Чухонца или финляндца вы не увидите ни въ сидѣльцахъ, ни даже въ разнощикахъ, кромѣ привозящихъ яйца, масло и молоко и выпрашивающихъ въ домахъ, послѣ продажи припасовъ своихъ, лоскутки и ленточки для дочерей и сестеръ. Высшій кругъ ремесленнаго или рабочаго сословія изъ этого народа— это серебрянники; за ними слѣдуютъ трубочистные

мастера; черный народъ, осѣдлый въ Петербургѣ, идетъ смолоду въ трубочисты, иногда нанимается въ кучера; идущіе на заработки промышляютъ легковымъ извозомъ, и то болѣе зимой, изъ ближайшихъ деревень, верстъ за сто, полтораста; въ ломовыхъ же извощикахъ вы никогда не увидите чухонца. Кромѣ того, выборгскіе крестьяне возятъ въ столицу песокъ, на лодкахъ и гужемъ, булыжный камень и всѣ вообще сельскіе припасы, пригоняя иногда, на придачу, нѣсколько головъ своего малорослаго рогатаго скота.

Встрѣтивъ, особенно въ воскресенье, такого трубочистнаго мастера, вы не всегда съ перваго взгляда догадаетесь, съ кѣмъ столкнулись. Черный фракъ и золотая цѣпочка, зимой также енотовая шуба—могли бы ввести васъ въ обманъ и заставить предполагать, что передъ вами, по крайней мѣрѣ, почетный гражданинъ, если не самъ откупщикъ питейныхъ сборовъ. Ремесло трубочистнаго мастера, у котораго только изрѣдка остаются на рукахъ, по праздникамъ, слѣды прежнихъ собственноручныхъ занятій, — ремесло это хлѣбное. Мастера получаютъ плату съ дома, или, вѣрнѣе, съ дыма, берутъ на себя подрядомъ обязанность чистить трубы во всѣхъ и самыхъ огромныхъ казенныхъ зданіяхъ и держатъ цѣлую артель рабочихъ и мальчишекъ, содержа ихъ, по крутому финскому нраву и тугому скопидомству, очень строго и на весьма умѣренной пищѣ. Салакушка и вообще плохая и дешевая соленая рыбка, да еще картофель, обыкновенная ихъ пища; мясо видятъ они рѣдко. Не смотря на это, вы въ воскресенье, на Крестовскомъ островѣ, должны заглянуть иному чухонцу вплотную за уши, чтобы узнать трубочистнаго подмастерья или ученика въ толпѣ ремесленныхъ веселыхъ гулякъ, для коихъ Крестовскій островъ составляетъ истинную отраду: тамъ они, бѣдные, отводятъ душу и, собираясь съ

силами на наступающую седмицу, забываютъ по разу въ недѣлю, какъ больно мастеръ надралъ чубъ въ понедѣльникъ и въ среду, какъ зло ущипнулъ во вторникъ, выдралъ за ухо два дня сряду, въ четвергъ и въ пятницу, и какъ натолкалъ бока въ субботу. Зимой и эта отрада не дается; изрѣдка только удается забраться съ товарищами въ Красный кабачокъ, а, впрочемъ, все праздничное утѣшеніе состоитъ въ томъ, что сходишь въ субботу въ баню,—непремѣнная льгота всѣхъ трубочистовъ, — да гуляешь въ воскресенье съ товарищами не съ чумичкой, ядромъ, скрябкой, метлой и веревкой и не въ бархатномъ черномъ платьѣ, какъ сами они называютъ будничній нарядъ свой, а въ сюртукѣ, и замѣтьте, непремѣнно въ *бѣлой* манишкѣ, или по крайней мѣрѣ съ бѣлыми воротничками. Эти бѣлые воротнички придаютъ каждому трубочисту, въ собственныхъ его глазахъ, сто на сто цѣны и вѣсу; ему, въ будничномъ быту, бѣлое бѣлье — такое диво, что оно ему дѣлается всего дороже и милѣе.

Чухны вообще народъ самый честный, то-есть крѣпкій и вѣрный на слово; но разныя житейскія уловки и ухищренія, особенно среди всѣхъ соблазновъ столицы, водятся и въ ихъ грѣшномъ быту, какъ и во всякомъ иномъ. Подряжаясь чистить трубы въ большомъ казенномъ зданіи, съ отвѣтственностью за выкидку изъ трубы, трубочисты берутъ порядочныя деньги, по сотнѣ и по двѣ цѣлковыхъ въ годъ; но разсказать ли вамъ, какъ трубочистный мастеръ, перехитривъ, чистилъ въ пяти большихъ зданіяхъ трубы круглый годъ за полтину серебра?

Были, по законному порядку, назначены торги Господа трубочисты сошлись въ срокъ и, не смотр на обыкновенное единодушіе свое по предварительной стачкѣ, немного погорячились и съ пяти сотъ цѣлковыхъ запроса сбили цѣну непомѣрно низко, на двѣсти

Видя такую бѣду и опомнившись нѣсколько, одинъ изъ самыхъ бойкихъ заневскихъ уроженцевъ, именитый начальникъ чернобархатной дружины, выступилъ смѣло впередъ и сказалъ: «полтину серебра». — Начальство съ недоумѣніемъ приподняло голову и рѣшилось просить объясненія. «Я прошу полтину серебра», отвѣчалъ тотъ же мастеръ, между тѣмъ какъ прочіе, понявъ эту уловку, самодовольно поглядывали другъ на друга и улыбались. «Я берусь чистить трубы не за 400 и не за 200 рублей серебромъ, а за полтину». «Что это ты, шутить, что ли, сюда пришелъ?» спросилъ его строгій голосъ, между тѣмъ, какъ очки были приподняты съ переносья на самое темя. «Чего шутить, какая шутка!» продолжалъ тотъ же мастеръ:— «я вамъ говорю дѣло, я берусь за полтину серебра».

Торги были остановлены, журналъ подписанъ и подписка съ подрядчика взята. Не дрогнула у него рука и при подписи; смѣло и бойко расчеркнулся онъ, закусивъ губу, а прочіе съ какимъ-то удовольствіемъ перешептывались по своему и поглядывали черезъ плечо мастера на подпись его.

На этотъ разъ разсчетъ его былъ вѣренъ и удаченъ. Долго думало присутствіе, какъ тутъ быть и что дѣлать. Какъ-де отдать за полтину подрядъ, за который плачивали всегда по 300 рублей? Это курамъ на смѣхъ: онъ просто дурачитъ людей; а, наконецъ, какое же будетъ ручательство въ томъ, что онъ выполнитъ подрядъ? Залогу съ него слѣдуетъ всего-то треть годовой платы — итого за годъ $16^2/_3$ копейки; что же съ этимъ станешь дѣлать?—И на этомъ основаніи не утвердили торговъ, а предписали произвести новые. На этихъ новыхъ торгахъ мастера наши явились уже болѣе спокойными и разсудительными, установивъ между собою послѣднюю цѣну 400 руб. серебромъ и положивъ сдать работу одному, по жеребью,

а прочимъ получать съ него отсталаго. Такъ и сталось.

Но когда на слѣдующій годъ господа трубочисты вздумали сыграть ту же шутку, то они обожглись. Подрядъ остался за тѣмъ же мастеромъ за полтину, и торги утвердили, потому что на этотъ разъ прошлогодній залогъ обезпечивалъ отъ неустойки....

Большая часть здѣшнихъ серебрянниковъ средней руки—земляки трубочистамъ, и, между прочимъ, все, что вы покупаете подъ Думой, выходитъ изъ-подъ ихъ рукъ. Есть изъ нихъ также довольно мастеровъ золотыхъ дѣлъ. Люди эти надежны, трезвы, работящи; но и у нихъ нерѣдко голова походитъ на половую щетку: съ такимъ упорствомъ у нихъ волоса подымаются на дыбы, не ложась подъ гребень, и такъ упрямы и норовисты эти головы. Если вы заказываете какую-нибудь вещь, желая, чтобы она была сдѣлана, какъ вамъ хочется, то землякъ трубочиста сперва споритъ съ вами, увѣряя, что этого сдѣлать нельзя, а что надо сдѣлать иначе; коли вы настаиваете положительно и готовы уйти по несогласію мастера, то онъ смолчитъ, кивнувъ разъ, другой головой и сказавъ: «хорошо, хорошо», а между тѣмъ непремѣнно сдѣлаетъ ее по своему и отвѣтитъ вамъ впослѣдствіи сухо, что такъ надо было и что иначе нельзя. Ни одинъ васъ не обвѣситъ; у всякаго положенная цѣна за работу; но и финляндецъ, какъ русскій человѣкъ, рѣдко поставитъ вамъ работу въ обѣщанный срокъ и, сверхъ того, какъ упомянуто, весьма неохотно уклонится отъ привычной формы вещи.

Въ числѣ сельскихъ произведеній, привозимыхъ чухнами, пахтанное, или, собственно, чухонское масло занимаетъ не послѣднее мѣсто. Замѣчательно, что обычай пахтать масло принадлежитъ всѣмъ чухонскимъ, или вѣрнѣе чудскимъ, финскимъ поколѣніямъ, а обычай

топить его—турецкому или татарскому и монгольскому племенамъ. По этому незначительному обычаю, кажется, можно довольно вѣрно распознавать у насъ эти два поколѣнія тамъ, гдѣ есть сомнѣніе. Если бы, напримѣръ, шитковыя рубахи, монисты, пронизи, головной уборъ женщинъ (кала-башъ и кашъ-боу) у башкировъ и нѣкоторыя другія этнографическія указанія не изобличали въ нихъ чудское племя, то я бы готовъ былъ отказать имъ въ татаро-монгольскомъ происхожденіи по одному обычаю ихъ не топить масло, а пахтать его.

Хозяйки наши падки на чухонское масло, которое крестьяне разносятъ по столицѣ; но и этотъ честный промыселъ, къ сожалѣнію, подалъ поводъ къ мошенничеству, которое многимъ хозяйкамъ крѣпко досаждаетъ. Я не говорю о томъ, что и честные чухны выучились класть на исподъ въ кадочку прогорклое масло, или сыпать туда крупную соль, продавая ее вмѣстѣ съ масломъ по рублю фунтъ, но хочу сказать нѣсколько словъ объ отъявленномъ и болѣе утонченномъ мошенничествѣ предпріимчивыхъ столичныхъ прасоловъ или кулаковъ. Они скупаютъ масло зимой, разбиваютъ его въ теплѣ, наливъ водой, а потомъ выносятъ на морозъ и сбиваютъ воду вмѣстѣ съ масломъ, образуя какое-то масляное мороженое, весьма невыгодное для покупателей, потому что въ немъ бываетъ болѣе половины воды или льду. Чтобы затѣмъ удобнѣе и вѣрнѣе сбыть этотъ товаръ, прасолы поручаютъ распродажу его захожимъ сюда чухонцамъ, кои разносятъ его по дворамъ, будто только-что привезли изъ деревни. За это нельзя не попенять честнымъ финляндцамъ, хотя они тутъ только плуты подставные, а настоящіе мошенники скрываются въ какихъ-нибудь подвалахъ или мелочныхъ лавочкахъ.

Подгородные жители разсказываютъ, что чухны,

пріѣзжающіе въ столицу съ сельскими припасами, а въ томъ числѣ и съ рыбой и раками въ бочкахъ, не продаютъ товара дорогою по упрямству, а можетъ быть и боясь продешевить, не зная настоящихъ цѣнъ въ городѣ. Отнѣкиваясь, они обыкновенно, чтобы отвязаться, говорятъ: «мы привеземъ вамъ въ другой разъ, теперь нельзя отдать». Тогда стоитъ только убѣдить чухонца, не зная его въ глаза, взять задатокъ, и онъ уже не обманетъ, а непремѣнно привезетъ, что обѣщалъ. Мнѣ говорили объ этомъ люди, испытавшіе такой способъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, и увѣряли, что изъ числа десяти или двѣнадцати задатковъ у нихъ вообще пропадало не болѣе одного, и что иной чухонецъ привозилъ обѣщанное, хотя полгода и даже цѣлый годъ спустя. Эта черта такъ хороша, что, конечно, ее всякій народъ пожелалъ бы присвоить себѣ, но она не всякому далась.

Спросите, какъ дѣлаютъ подрядчики или поставщики булыжнаго камня и песку для полученія этого товара изъ Финляндіи. Они отправляются на мѣста, приглашаютъ черезъ пасторовъ крестьянъ для сбора и поставки камня къ сроку, раздаютъ имъ тутъ же задатки, отъ трехъ до шести цѣлковыхъ на брата, записываютъ имена ихъ, для одного счета, и безъ всякихъ дальнѣйшихъ удостовѣреній, залоговъ и околичностей уѣзжаютъ въ Питеръ. Списки эти не могутъ, въ сущности, служить ни къ чему, не только потому, что не облечены въ законную форму, но уже и потому, что въ нихъ насчитаны цѣлые десятки Іогансоновъ, Андерсоновъ и Михельсоновъ, коихъ едва ли кто былъ бы въ состояніи отыскать на бѣломъ свѣтѣ, еслибы они не явились сами. Но будьте спокойны, задатки ваши не пропадутъ: весною день-за-день лодочники являются къ вамъ на дворъ, сдаютъ камень, привозятъ вѣсти о тѣхъ, кои еще не успѣли

его поставить, просятъ за нихъ отсрочки или возвращаютъ задатки; а если вы ихъ разсчитаете безъ задержки и безъ притязаній и дадите еще по стакану вина, то они готовы, воротившись домой, объѣздить за васъ всю столицу и понукнуть менѣе радивыхъ земляковъ своихъ или заставить ихъ, въ случаѣ какихъ-либо важныхъ помѣхъ, передать обязательство и задатокъ другому.

Будучи однажды случайно свидѣтелемъ такого пріема булыжника отъ чухонъ, я невольно обратилъ вниманіе на рослаго, молодаго дѣтину, со свѣтлыми, гладкими и длинными волосами, словно вычесанными изъ пакли, съ голубыми глазами, въ коихъ отражалась какая-то сильная печаль. Онъ стоялъ очень спокойно и тихо, не проталкивался впередъ, ждалъ очереди, говорилъ мало и тихо и часто вздыхалъ. Наконецъ, очередь до него дошла. «Какъ тебя зовутъ?» спросилъ хозяинъ или прикащикъ его, сидя за именнымъ спискомъ поставщиковъ.

Тотъ сказалъ имя, прозваніе и мѣсто рожденія.

Хозяинъ пробѣжалъ списокъ и возразилъ, что такого человѣка въ этой деревнѣ у него не записано.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ чухонецъ, — у васъ записанъ братъ мой, Андрей, да его уже нѣтъ. И слезы навернулись у него на глазахъ.

— А гдѣ же братъ твой? Умеръ?

— Умеръ, потонулъ. Оттого мы и позапоздали немного; не взыщите. Онъ отправился въ срокъ, буря его захватила за Кронштадтомъ, лодку разбило, все пропало, и самъ потонулъ. Я, младшій братъ, принялъ все наслѣдство, что было, а съ тѣмъ и долги и обязательства брата, такъ ужь надо было исполнить: получайте.

Другаго рода явленіе, которое не служитъ къ чести чухонъ и относится собственно до ближайшихъ,

подгородныхъ деревень, встрѣчаете вы нерѣдко лѣтомъ по выборгской дорогѣ, а иногда и среди города: это обычай вымаливать подаяніе на снаряженіе небывалой невѣсты. Во многихъ странахъ, между прочимъ также въ Финляндіи и въ Польшѣ, небольшое приданое для бѣдной четы собирается отъ доброхотныхъ дателей; въ Финляндіи мать или тетка отправляется для этого въ обходъ съ дочерью-невѣстой, а въ Польшѣ женихъ съ невѣстой, въ сопровожденіи подругъ и всѣхъ свадебныхъ гостей, иногда еще съ музыкой и пляской, ходятъ по улицамъ и собираютъ, за благодарный поцѣлуй невѣсты, небольшое подаяніе. Лѣтомъ вы частенько встрѣтите на выборгской дорогѣ двухъ женщинъ, изъ коихъ одна повязана по головѣ какою-то бѣлой ветошкой, а другая простоволосая, съ алой гарусной тесьмой на головѣ, подстриженная поперекъ лба въ-обрубъ, босая, но съ парою новыхъ башмаковъ въ рукахъ; одна изъ нихъ кланяется и проситъ подаянія для невѣсты, указывая при этомъ на другую. Нерѣдко обѣ почти въ однихъ лѣтахъ, старухи, или одна изъ нихъ ребенокъ; словомъ, тутъ по первому взгляду видна комедія.

Большая часть петербургскихъ кухарокъ чухонки; онѣ опрятны и, если не избалованы столичными соблазнами, вѣрны и честны; но онѣ всегда очень упрямы, а подъ старость дѣлаются злы и бранчивы до нестерпимости. Тѣ изъ нихъ, кои смотрятъ изподлобья, отворачиваются въ какой-то судорожной дѣятельности и сиплымъ, грубымъ голосомъ много разсказываютъ о великихъ заслугахъ своихъ и о томъ, какимъ важнымъ господамъ онѣ служили, никуда не годятся. Такого рода *ведки* обокрадутъ васъ кругомъ въ хозяйственныхъ покупкахъ, и все, что есть у нихъ, пропьютъ на кофе. Кофе пьютъ онѣ вообще запоемъ, страстно, и ни за что не пойдутъ служить въ домъ, гдѣ бы

вздумали отпотчивать ихъ одной чашечкой въ день. Переходя на заработки въ столицу, чухонки вообще оставляютъ и сельскую, некрасивую одежду свою и одѣваются, какъ говорятъ, по-нѣмецки.

Нельзя не упомянуть и еще объ одномъ пути, коимъ чухонцы попадаются зимой въ Петербургъ.

Въ Финляндіи, какъ говорится у насъ, все дешево; иностранные ситцы, а въ особенности кофе, на который наложено здѣсь до 150% пошлины, тамъ вдвое дешевле, а потому огромная прибыль слишкомъ часто соблазняетъ смѣлыхъ сосѣдей нашихъ. Въ Финляндію ежегодно пріѣзжаютъ прикащики изъ Гамбурга и другихъ мѣстъ, съ образцами дешеваго товара, предлагаютъ его финляндскимъ купцамъ въ долгъ, каждому на извѣстную сумму, и доставляютъ въ срокъ. Честность финляндцевъ обезпечиваетъ иностранца въ этомъ случаѣ; а если одинъ должникъ и разорятся, то потеря эта вознаграждается значительными барышами, получаемыми съ прочихъ десяти или пятнадцати домовъ. Взявшіе товаръ, съ своей стороны, должны стараться сбыть его; между тѣмъ финляндцы сами такъ бережливы, такъ мало привыкли сорить деньгами, что аршинный товаръ тамъ сходитъ очень плохо, а кофе не болѣе извѣстнаго количества, которое разочтено до четверти фунта въ каждомъ семействѣ. Сосѣдняя Русь— богата, потребителей много и денегъ довольно; дѣло въ томъ только, какъ бы доставить туда товаръ: и на это есть средство, потому что пограничные чухны этимъ промышляютъ и берутся за дѣло смѣло и искусно.

Нагружаютъ небольшой обозъ, выбравъ для того самыхъ бойкихъ и нашколенныхъ лошадей. Погонщиковъ бываетъ мало, какъ можно меньше, чтобъ въ случаѣ нападенія легче было бѣжать. Въ темную ночь обозъ этотъ подъѣзжаетъ къ столицѣ, не торными до-

рогами, а трущобами и проселками, и нерѣдко при одномъ или двухъ вершникахъ, опознающихъ предварительно мѣстность и извѣщающихъ особеннымъ крикомъ и свистомъ объ опасностяхъ. Обозъ этотъ крадется мимо Выборгской заставы черезъ Черную рѣчку, или еще ниже, по взморью; иногда онъ объѣзжаетъ всю столицу кругомъ и пробирается съ противоположной стороны. Если нельзя проѣхать, то нерѣдко взваливаютъ мѣшки на плеча и переносятъ на себѣ, сдавая прямо по условію въ вѣрныя руки. Если такой обозъ бываетъ настигнутъ объѣздчиками, то поданный знакъ мгновенно извѣщаетъ о томъ всѣхъ возчиковъ, и первая уловка ихъ состоитъ въ томъ, чтобы разогнать весь обозъ въ разныя стороны, въ лѣсъ. Привычныя къ тому лошади, по особому крику, кидаются со всѣхъ ногъ въ чащу и мчатъ, сколько духу есть, покуда не свалятся гдѣ-нибудь въ канаву, если не завязнутъ съ возомъ между двухъ пней. Возницы между тѣмъ, покинувъ обозъ на произволъ судьбы, также бросаются въ сторону и стараются скрыться, что имъ и удается почти всегда. Такимъ образомъ объѣздчикамъ стóитъ большаго труда нагнать, по глубокому снѣгу въ лѣсу, легкія чухонскія сани и вывести ихъ на дорогу; но большая часть обоза, по темнотѣ и непроходимости путей, благополучно скрывается. Увѣряютъ даже, что хорошо пріученныя лошади контрабандистовъ, при первомъ удобномъ случаѣ, при малѣйшей оплошности стражи, вырываются изъ рукъ и скачутъ во весь опоръ проселками обратно, не даваясь никому въ руки. Эти лошади, будучи захвачены, продаются здѣсь, какъ и сани, сбруя и самый товаръ, съ молотка; тайные повѣренные прежнихъ хозяевъ стараются выкупить ихъ, дорожа ими, и бывали примѣры, что за плохую на видъ чухонскую кляченку, которую нельзя оцѣнить свыше двадцати цѣлковыхъ, платили по сту и

двѣсти руб. серебр. Когда, во время продажи съ наддачи, цѣна лошадямъ возрастала до такой неимовѣрной степени, то всѣ съ любопытствомъ обращали взоры на тороватаго покупщика, а иные говорили ему вполголоса: «смотри, держи ее крѣпче! не то, придется въ другой разъ выкупать ее здѣсь за такую-то цѣну»! Впрочемъ, изобличая этотъ преступный промыселъ нашихъ сосѣдей, надобно, согласно истинѣ, сознаться, что съ ними никогда почти не бываетъ кровавыхъ ошибокъ и побоищъ, коими, напротивъ, ославились пограничные жители нѣкоторыхъ мѣстъ западныхъ губерній. Чухны, привыкшіе, какъ говорятъ, и дома къ порядку, тишинѣ и повиновенію, бросаютъ тотчасъ все, если бываютъ открыты, и предаютъ товаръ и обозъ свой на жертву, получая, впрочемъ, по условію, вознагражденіе отъ хозяевъ за лошадей.

Хотя наружность чухонца, особенно въ зимней одеждѣ, не слишкомъ рѣзко отличается у насъ въ толпѣ прочаго народа, не менѣе того, его обыкновенно можно узнать съ перваго взгляда. Огромный треухъ рысьяго мѣха и ничѣмъ неизгладимое, косноязычное произношеніе, — это его принадлежности. Есть однакоже около Петербурга, но не въ Финляндіи, до такой степени обрусѣвшіе чухны, какъ по одеждѣ, такъ даже и по языку, что ихъ почти нельзя распознать отъ русскихъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что чудское или финское племя вообще довольно склонно къ этому переходу или преобразованію и русѣетъ гораздо легче, чѣмъ племена монгольскія или татарскія. Такъ, напримѣръ, вогулы и вотяки, безъ сомнѣнія, вскорѣ исчезнутъ вовсе; даже языкъ ихъ утрачивается, и они, соединившись съ нами по вѣрѣ, мало-по-малу соединятся также во всѣхъ прочихъ житейскихъ отношеніяхъ, и одно только преданіе будетъ указывать на нихъ, какъ на бывшихъ инородцевъ. Почти то же можно сказать

о нѣкоторой части мордвы; даже зыряне, гдѣ они живутъ не особнякомъ, а близь русскихъ, легко съ ними сближаются; а слабосильные чуваши и черемисы весьма охотно называютъ себя русскими, принимаютъ русскую стрижку и носятъ рубашку по русскому обычаю, сознаваясь, однако же, въ униженіи своемъ, что изъ нихъ вышелъ доселѣ только «дрянная русская человѣка, но авось, Богъ дастъ, выйдетъ и матерая». Вообще, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что значительная часть нынѣшней Россіи была населена народами чудскаго происхожденія—меря, мурома, мещера, кривичи и проч., кои въ теченіе вѣковъ обрусѣли. Даже въ произношеніи народа нашего можно отыскать мѣстами это происхожденіе, а тщедушный складъ, хотя и несвойственный собственно чухнамъ, чувашское лицо и глаза и нѣсколько сохранившихся издревле обычаевъ, слишкомъ ясно наводятъ на это заключеніе, подтверждаемое бытописаніемъ. Тамъ, гдѣ народъ говоритъ «это такая благая путь», можно по справедливости усомниться, коренные ли русскіе такъ изъясняются; а приглядѣвшись поближе къ алымъ шиткамъ на рубахахъ, къ шитымъ же коймамъ, къ холодникамъ и балахонамъ, и, наконецъ, къ безобразнымъ рогатымъ женскимъ кичкамъ съ низанными назатыльниками, невольно скажешь: это мордва. Такъ, напримѣръ, въ большей части Орловской губерніи бабы одѣваются совершенно по-мордовски.

Въ Питерѣ вы нерѣдко увидите пять, шесть и болѣе человѣкъ, идущихъ мѣрными шагами гусемъ, одинъ за другимъ, всѣ въ высокихъ сапогахъ, смурыхъ кафтанахъ или въ тулупахъ и съ огромными рысьими треухами на головѣ. Это заѣзжіе чухны, идущіе за городскими покупками. Вошедъ въ тѣсную лавку, они занимаютъ ее собою всю: другому покупателю нѣтъ мѣста; по привычкѣ не вбирая рукъ и ногъ въ себя,

они даютъ имъ полный просторъ. Одинъ изъ нихъ, парень бывалый, который слыветъ знатокомъ русскаго языка, идетъ впереди, прочіе за нимъ, какъ бараны. Передній заднему мостъ Вожакъ этотъ спрашиваетъ лентъ, купецъ ставитъ ему коробку съ лентами, приглашаетъ, говоритъ цѣну; вожака не смущаютъ льстивые возгласы продавца; вожакъ прикидываетъ ленту на свѣтъ и съ замѣчаніемъ знатока: «рѣдка больно», кладетъ ее на мѣсто и уходитъ. Дѣло рѣшено: чухонцы здѣсь лентъ не купятъ; не менѣе того, каждый изъ нихъ непремѣнно, выждавъ свою очередь, подойдетъ къ коробочкѣ, возьметъ ленту, прикинетъ ее на свѣтъ и положитъ на мѣсто. Такъ она перейдетъ черезъ семь рукъ, если опытный купецъ не догадается ее прибрать. Если же она будетъ прибрана, то замѣтьте, это озадачитъ и разстроитъ того чухонца, который подойдетъ съ свою очередь къ прилавку и протянетъ руку къ пустому мѣсту; онъ постоитъ нѣсколько, оглянется, понесетъ руку въ затылокъ и въ смущеніи отойдетъ Проходя затѣмъ мимо бакалейной лавки, вся ватага въ нее забьется и, оглядываясь молча на повторительное приглашеніе хозяина и на вопросъ его: «что вамъ угодно»?—ждетъ развязки отъ вожака. Когда же этотъ, подошедъ къ боченку съ сельдями, возьметъ одну селедку щепотью, перевернетъ и разглядитъ ее, кинетъ опять въ боченокъ и, облизавъ пальцы, выйдетъ спокойно изъ лавки, то всѣ пятеро послѣдуютъ его примѣру; каждый, поочередно, возьметъ и разглядитъ селедку, оближетъ пальцы и пойдетъ. Если же вожакъ рѣшится купить за семь коп. мѣди селедку, то прочіе достаютъ заблаговременно кошели свои изъ-за пазухи, отсчитываютъ деньги и также берутъ по селедкѣ. Все это дѣлается чинно и молча; изрѣдка тотъ или другой роняетъ ненарокомъ скромное словечко.

Но подъ веселый часъ, то есть подъ чару зеленавина, — чухонецъ говорливъ и веселъ; угрюмость его проносится какъ облачко; онъ забываетъ трудъ и горе, живетъ и оживаетъ. Можетъ быть, вамъ случалось иногда встрѣтить, по близости кабака или харчевни, такихъ счастливыхъ жильцовъ подлуннаго міра: они поютъ изо всей мочи, сколько можно пѣть тому, кому Богъ не далъ ни тѣни голоса; поютъ всѣ вмѣстѣ, но каждый порознь, каждый по себѣ, и ни одинъ не хочетъ слушать никого, кромѣ себя самого. Пѣсня ихъ скорая, плясовая, очень однообразная, по четыре такта въ колѣнцѣ, и пѣвецъ, выразительно помахивая руками, показываетъ, что ему теперь нѣтъ нужды ни до кого и ни до чего. Этого пѣвца вы можете встрѣтить черезъ нѣсколько часовъ позже въ одноколкѣ за выборгской заставой: завалившись въ ларчикъ этотъ поперекъ тряской оси, свѣсивъ голову и согнувъ колѣни кочергой, онъ спитъ мертвымъ сномъ, блаженствуя въ грезахъ, покуда не придется ему очнуться по ту, либо другую сторону дороги въ канавѣ.

Оканчивая этимъ статейку, я обязанъ однакоже сказать, что чухонъ отнюдь нельзя назвать пьяницами, но, напротивъ, народомъ весьма трезвымъ.

НАХОДЧИВОЕ ПОКОЛѢНІЕ

Недавно одинъ изъ *хозяевъ* по зеркальной линіи гостинаго двора, разсматривая палку мою, въ которую вкладывался зонтикъ, сказалъ: «Вотъ, говорятъ, нѣмцы нашъ хлѣбъ ѣдятъ. Господь съ ними, пусть ѣдятъ; они насъ добру учатъ; не будь ихъ, у кого бы мы стали перенимать? Они, вишь, до всего умомъ-разумомъ доходятъ, а мы — глазами».

Есть тутъ и правда, подумалъ я, и не даромъ народъ нашъ сложилъ поговорку: *у нѣмца на все инструментъ есть*. Нужда промышляетъ, досужливость перенимаетъ. Много найдется у насъ досужихъ самоучекъ, которые, что ни увидятъ, все сдѣлаютъ; но *хозяинъ* правъ: имъ надо напередъ увидѣть; русскій умъ тяжеленекъ на подъемъ, русскій заднимъ умомъ крѣпокъ. Поговорка: русскій человѣкъ не пропадетъ — не въ ту силу сложена, какъ иногда ее понимаютъ. Русскій человѣкъ вѣкъ не зналъ еще такой нужды, какъ знаетъ ее заморское племя — а голь на выдумки таровата. Если нужда заставитъ русскаго человѣка промышлять, то онъ рѣдко промышляетъ головою, никогда ногами, а всего чаще руками, и думаетъ по готовому.

Вотъ, заморское поколѣніе, народъ извѣстный у насъ встарину подъ собирательнымъ именемъ *нѣмцевъ*, а нынѣ подъ названіемъ иностранцевъ, — поколѣніе, которое не вѣритъ прибасенкамъ, гдѣ счастіе навѣдывается къ сонному—которое растетъ и мужаетъ съ убѣжденіемъ, что, не давъ счастію угонки, за нимъ не угоняешься,—вотъ это поколѣніе, говорю, у котораго на все инструментъ есть, не пропадаетъ нигдѣ; оно находчиво, смѣло пускается въ открытое море чужбины, увертливо борется съ супротивными волнами и нерѣдко благополучно достигаетъ берега. Но вы спросите: не выѣзжаетъ ли такой искатель судьбы иногда на чужомъ хребтѣ? Безъ сомнѣнія, и на это есть весьма основательная причина, а именно: на своемъ не выѣдешь, самъ на себя, на плеча свои не сядешь.

Народъ, о которомъ я говорю, взявъ только извѣстную частицу его, отлитую по одному образцу, принадлежитъ, по званію, къ бездомнымъ скитальцамъ, къ бобылямъ; по призванію — къ художникамъ, какъ называютъ иногда человѣка, который гораздъ на все, или еще лучше — къ *источникамъ*. Источникомъ, въ простонародномъ языкѣ нашемъ, называется именно такой человѣкъ, который и скроитъ, и сошьетъ, и выворотитъ, и мельницу починитъ, и узоры выведетъ — потѣшитъ во-время малыхъ ребятъ водяною мутовкой да бумажнымъ пѣтухомъ, старичковъ—проволочною оправой на очки, красныхъ дѣвушекъ — самодѣлковыми серьгами да подвѣсками. По наружности, такой землепроходецъ человѣкъ благообразный: бакенбарды у него чистенько зачесаны впередъ, запонки презатѣйливыя, поступь смѣлая, руки привѣшены въ плечахъ на основаніи правилъ нашихъ учебныхъ анатомій, т. е. *свободно-движнымъ сочлененіемъ*, и когда пришлецъ нашъ ловко и вольно разсуждаетъ *свободно-движными* руками своими, то никакъ нельзя

догадаться, что онѣ придѣланы у него по такому варварскому способу. Если вамъ случалось видѣть когда-нибудь одного такого гражданина міра, то вы видѣли въ немъ и всѣхъ: это политипажъ. Иногда, слышалъ я, перемѣшавъ званіе человѣка съ заглавіемъ извѣстнаго рода учебныхъ книгъ, называютъ ихъ *самоучителями;* ихъ и точно можно такъ назвать — но не потому, чтобы они *сами* чему-нибудь *учились*, а просто потому, что *сами* берутся *учить* всему на свѣтѣ другихъ, и не брезгаютъ горькимъ хлѣбомъ воспитателя барскихъ дѣтей.

Въ Кронштадтъ прибылъ изъ Гавра корабль за саломъ и пенькою; привезъ и то, и се, и между прочимъ съ десятокъ пассажировъ. Одинъ за другимъ вышли на берегъ и пошли, въ ожиданіи таможенной очистки пожитковъ своихъ, туда и сюда; а какой-то молодой человѣкъ, бойкой наружности, ходитъ взадъ и впередъ по шканцамъ, заложивъ руки въ карманы, и съ завистью поглядываетъ на удаляющихся по берегу товарищей своихъ. Это м'сье Петитомъ, родомъ изъ Лозанны или Женевы. Капитанъ не спускаетъ его на берегъ. Петитомъ сумѣлъ убѣдить капитана отвезти его въ Россію, съ тѣмъ, чтобы тамъ немедленно уплатить остальную половину недоимки за проѣздъ; но теперь покуда еще не сумѣлъ привести въ исполненіе благонамѣреннаго обѣщанія своего: никто изъ попутчиковъ не даетъ ему денегъ взаймы, тѣмъ болѣе, что м'сье Петитомъ, *обѣдая* всегда на чужой счетъ, *обѣдалъ* дружески на этомъ перепутьѣ поочередно всѣхъ товарищей своихъ, съ коими судьба его свела, признаваясь каждому глазъ на глазъ, по секрету, что онъ политическій бѣглецъ и принужденъ былъ бѣжать отъ угрожавшей ему новой линіи Бурбоновъ съ такою поспѣшностью, что не успѣлъ захватить съ собою ничего, ни даже припасеннаго мѣшка отличныхъ сахар-

ныхъ сухарей, не только семи дюжинъ жестянокъ съ готовымъ кушаньемъ. Все это, а равно и деньги его, будутъ ему пересланы непремѣнно задушевными друзьями, прикрывавшими съ такимъ самоотверженіемъ его бѣгство.

Впрочемъ, Петитомъ не унываетъ; у него, конечно, нѣтъ въ виду ни одного ломанаго шелега, не только гроша, но это нисколько его не озабочиваетъ; онъ прибылъ въ Россію и такъ или иначе будетъ на берегу, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; капитанъ не повезетъ же его обратно въ Гавръ. Петитомъ надѣлъ единственный щегольской фракъ свой, и бронзовые, подъ золотую оправу, очки; притуалетился кругомъ и, расхаживая взадъ и впередъ, посвистываетъ. «Всѣ товарищи ушли — думаетъ онъ про себя — поѣсть не у кого; если капитанъ продержитъ меня на-тощакъ до полудня, я буду, кажется, ровно въ такомъ же положеніи, какъ тотъ, который, прогулявшись утромъ, пришелъ домой и спросилъ у слуги: «нѣтъ ли у насъ чего поѣсть?» и на отвѣтъ: «вы сами знаете, что нѣтъ ни корки», сказалъ: такъ вотъ что, я пойду лягу отдохнуть, а ты разбуди меня *послѣ обѣда*...»

«Если бы у меня былъ какой-нибудь чемоданъ съ собою, или сундукъ, я бы его могъ оставить капитану въ закладъ, и пройтись по Кронштадту, оглянуться, поискать земляковъ легитимистовъ; можетъ быть и промыслилъ бы что-нибудь; но у меня одинъ узелокъ, а кой-какія бездѣлушки уже заложены у товарищей. — Капитанъ! сказалъ онъ, вдругъ остановившись вдохновенно, — вотъ вамъ паспортъ мой, оставьте его у себя подъ залогъ, а меня отпустите къ консулу; иначе я не могу достать вамъ денегъ.» Капитанъ согласился.

Петитомъ встрѣтилъ на берегу двухъ человѣкъ: одного съ бородою, въ синемъ кафтанѣ, другаго во флотскомъ мундирѣ. Съ первымъ онъ могъ объясниться

по-нѣмецки, съ другимъ по-французски. Это ему понравилось. «Россія не такъ страшна, подумалъ онъ, какъ я полагалъ; люди, какъ люди; и день довольно свѣтлый почти какъ у насъ; гдѣ же вѣчные сумерки и полугодовая ночь? И лѣто также не морозное, по крайней мѣрѣ, здѣсь, въ Кронштадтѣ; посмотримъ, что дальше будетъ, напримѣръ, въ Петербургѣ.»

Петитомъ разспросилъ, гдѣ найти своего консула, но, между тѣмъ, ласковое обращеніе встрѣчныхъ имъ туземцевъ и убѣдительныя представленія тощаго желудка побудили Петитома испытать на первыхъ порахъ хваленое гостепріимство наше и удовлетворить этимъ самой настоятельной потребности; «потомъ уже, подумалъ онъ, я займусь своимъ дѣломъ.» Онъ, безъ обиняковъ, со свойственною этому поколѣнію ловкостью и умѣньемъ, разсказалъ молодому моряку, жителю знаменитыхъ въ то время *палоѣъ*, что бѣжалъ отъ преслѣдованія старой линій Бурбоновъ, бѣжалъ съ такою поспѣшностью, что не успѣлъ даже захватить съ собою кошелька и бумажника. «Но, продолжалъ ловкій разсказчикъ, закинувъ нѣсколько голову и взявъ мичмана за руку: но я ни на минуту не призадумался, я зналъ, въ какую землю ѣду: въ землю, гдѣ иностранцы, загнанные туда судьбою, принимаются радушно, какъ братья, гдѣ всякій гость не можетъ нахвалиться гостепріимствомъ хозяина. Вотъ почему я смѣло ступилъ на этотъ чуждый для меня берегъ; я увѣренъ, что найду достойный этого народа пріемъ; хотя—прибавилъ онъ съ ужимкою, —хотя и не знаю еще, гдѣ сегодня буду обѣдать! Вы женаты или холосты?» продолжалъ онъ.

— Холостъ, отвѣчалъ мичманъ, насупилъ брови, опустилъ голову и сдѣлалъ рядомъ съ товарищемъ своимъ нѣсколько шаговъ молча. Онъ думалъ въ это время: куда же я его дѣну? какъ его вести за собою

въ знаменитые палы, на 15-ти рублевую квартиру, гдѣ въ передней стоитъ огромная русская печь, въ которой Степанъ мой изготовилъ сегодня, вѣроятно, то же, что было вчера и третьяго дня и что будетъ завтра,—щи да кашу?....

— Не правда ли, продолжалъ между тѣмъ Петитомъ, не правда ли, у васъ водится прекрасный обычай, по которому всякій вновь прибывшій чужестранецъ долженъ избрать себѣ непремѣнно друга между туземцами, и даже обмѣняться съ нимъ именемъ, и новый другъ этотъ заботится о другѣ своемъ какъ о себѣ?

Петитомъ, какъ видите, немного спуталъ обычаи островитянъ Тихаго океана, о коихъ читалъ въ Дюмонъ-Дюрвилѣ, съ обычаями русскихъ. Но это у него нипочемъ: его нисколько и не озадачила поправка молодаго мичмана, который, наконецъ, для поддержанія чести русскаго хлѣбосольства, рѣшился накормить француза въ гостиницѣ и поставить ему бутылку вина.

За этимъ дружескимъ обѣдомъ, Петитомъ открылъ душу и обнаружилъ различныя опасенія свои на счетъ вѣчныхъ потемокъ, непроходимыхъ льдовъ и снѣговъ сѣвернаго полюса, къ которому онъ теперь приблизился почти на пистолетный выстрѣлъ, на счетъ русской стужи, отъ которой обыкновенно глаза у людей замерзаютъ какъ стекло, почему-де и заведено, что люди въ этомъ случаѣ заходятъ безъ обиняковъ въ первую встрѣчную дверь, отогрѣваютъ глаза и молча опять отправляются своимъ путемъ; на счетъ опасности отъ моржей и бѣлыхъ медвѣдей, отъ набѣговъ татаръ и монголовъ, и проч. Мичманъ успокоилъ его нѣсколько, Петитомъ, *сытый*, сталъ еще вдвое бодрѣе Петитома тощаго и голоднаго, открылъ мичману, изъ благодарности, на прощанье, секретъ, какъ чистить бронзу, склеивать битый фарфоръ и дѣлать превосходную ваксу, и раскланялся самымъ обязательнымъ образомъ.

Два дня спустя, нашъ Петитомъ сидѣлъ уже въ огромной бричкѣ, среди мадамы, двухъ дѣвокъ и пятерыхъ дѣтей, разстилался въ любезностяхъ, смѣшилъ и увеселялъ всѣхъ, былъ самъ сытъ и доволенъ, и катилъ по Петергофской дорогѣ въ Петербургъ. Какъ такъ? А вотъ какъ.

Такъ ли, иначе ли, но онъ, съ помощью консула, отъ капитана своего отдѣлался; вышелъ на свободу, но заплатить цѣлковый за проѣздъ до Петербурга не могъ, потому что ему негдѣ взять было и гроша. Онъ узналъ, что, попавши въ Петергофъ, можно попасть въ Петербургъ пѣшкомъ; воспользовавшись свѣдѣніемъ этимъ, онъ поѣхалъ съ флотскими офицерами кататься на катерѣ, попросилъ, какъ будто шутя, чтобъ его высадили въ Петергофѣ и, раскланявшись съ новыми пріятелями, отправился преспокойно пѣшкомъ въ Петербургъ.

Пройдя нѣсколько по Нарвской дорогѣ, поглядывая и посвистывая, гольшъ мой поравнялся съ какою-то латышскою бричкою безконечной длины, подъ полотняною покрышкой. Бричка тянулась шагомъ; изъ боковыхъ амбразуръ выглядывала полдюжина пригожихъ дѣтскихъ головокъ; Петитомъ услышалъ вскользь нѣсколько словъ разговора и могъ только разслышать, что говорили по-нѣмецки. Дѣти грызли крендели, и тощій желудокъ пѣшехода настоятельно запросилъ крендельки.— «Постой, сказалъ про себя Петитомъ, не все вдругъ, по-маленьку». Придумывая средство, какъ познакомиться съ соблазнительною бричкою, онъ пристально вглядывался въ лѣвое заднее колесо, которое было умотано сплошь алою шерстью. «Странный обычай, подумалъ Петитомъ, надобно упомянуть и объ этомъ въ запискахъ, которыя современемъ я издамъ о Россіи...» Онъ до того пристально разсматривалъ это украшеніе колеса, что дѣти стали выглядывать изъ

брички и, увидѣвъ, что именно обратило на себя вниманіе пѣшехода, вдругъ закричали, заговорили; мадамъ выглянула, всплеснула руками, закричала кучеру: «стой!» и вслѣдъ затѣмъ сама вывалилась изъ брички, а за нею выпрыгнули воспитанницы ея. Петитомъ подошелъ на помощь, и дѣло объяснилось; мадамъ вязала какой-то красный колпакъ, положила огромный клубокъ шерсти въ боковой карманъ брички, кто-то изъ дѣтей выскочилъ дорогою, вѣроятно вытащилъ за собою конецъ нитки, она попала въ колесо, и такимъ образомъ весь клубокъ, во время ѣзды, намотался на колесо. Мадамъ и ахала, и смѣялась, но между тѣмъ принялась разматывать шерсть, что весьма забавляло прохожихъ и проѣзжихъ. Кучеръ поднялъ задъ брички, Петитомъ вертѣлъ колесо назадъ, мадамъ мотала клубокъ.

Эта счастливая встрѣча доставила Петитому пріятное и полезное знакомство; онъ во время работы успѣлъ разсказать всѣ приключенія свои, прибавивъ только къ тому, будто матросы въ Кронштадтѣ его обокрали; кончилось тѣмъ, что Петитома посадили въ бричку и накормили кренделями.

На этомъ новомъ перепутьѣ Петитомъ опять пополнилъ свѣдѣнія свои о Россіи: онъ узналъ отъ мадамы, что въ Петербургѣ учителей много, что иностранцу трудно получить хорошее мѣсто, что ему придется ѣхать куда-нибудь въ губернію, въ Москву, но что пароходы въ Москву не ходятъ. Мадамъ также успокоила его на счетъ бѣлыхъ медвѣдей и Ледовитаго моря, увѣривъ, что въ Москвѣ нѣтъ ни того, ни другаго.

Но мадамъ сама была хозяйкою только въ дорожной бричкѣ, въ которой она возила барскихъ дѣтей въ Ревель, на купанье; она не могла предложить новому знакомцу своему, который въ этомъ случаѣ весьма

благоразумно сказался нѣмцемъ, никакого пріюта, а высадила его, съ большимъ сожалѣніемъ, въ Коломнѣ. Петитомъ не робѣлъ однакожь; по его мнѣнію, не только всякому дню, всякому часу подобала забота своя. Прошедшее не бременило его никогда; а какъ онъ былъ увѣренъ, что и каждый грядущій часъ поступитъ въ свое время въ число прошедшихъ, то онъ и ожидалъ все будущее съ такимъ же спокойствіемъ, какъ разговаривалъ о прошломъ. День да ночь, вотъ и сутки прочь; такъ и отваливаемъ.

У Петитома нѣтъ въ Питерѣ ни одной души знакомой, и онъ еще не знаетъ, куда приведетъ его судьба на ночлегъ. Онъ стоитъ на углу тротуара, въ одной рукѣ узелокъ, въ другой шерстяная сумка, и такъ безпечно и простодушно оглядывается на всѣ стороны, будто кого-нибудь поджидаетъ, будто прибылъ, наконецъ, изъ дальняго пути на родину свою. На лицѣ его только выражалось нѣсколько нетерпѣнія и удивленія, что долго-де никто не является на помощь: точно будто бы судьба подрядилась заботиться о немъ болѣе, чѣмъ онъ заботится о себѣ самъ.

Безъ запинки и съ обязательною вѣжливостью заговариваетъ онъ, наконецъ, съ однимъ изъ прохожихъ; нисколько не удивляется, что и этотъ прохожій говоритъ по-французски, — м'сье не предполагаетъ, чтобы можно было жить и дышать свободно, не зная по-французски. Къ ночи онъ уже расположился у часоваго мастера, въ Гороховой, съ тѣмъ, чтобы за уголъ въ комнатѣ и за столъ отработать чисткою и починкою часовъ. Поутру онъ уже сидитъ за работой, разбираетъ часы, раскладываетъ вычищенныя колеса подъ стеклянные колпачки и разсказываетъ съ приличными пріемами и осанкой ученикамъ и подмастерьямъ, что у него былъ за моремъ богатый магазинъ хрусталя и бронзы, но внезапное бѣдствіе поставило магазинщика

въ нынѣшнее горькое положеніе: онъ пострадалъ отъ несостоятельности торговаго дома или за политическое мнѣніе свое; но, какъ *брав'омъ*, какъ честный человѣкъ, не жалѣетъ объ утратѣ: правда ему дороже головы, не только живота или наживнаго добра. Пріятели скоро вышлютъ ему сотню тысячъ франковъ, и тогда онъ опять разживется... Ученики, частію русскіе, которые по какому-то навыку понимаютъ всѣхъ иностранцевъ, на какомъ бы языкѣ они ни говорили, слушаютъ съ удивленіемъ новаго, временнаго собрата своего, и завидуютъ полосатой бархатной жилеткѣ его.

Вскорѣ у Петитома появились для продажи разныя бездѣлушки: дамскія перчатки въ грецкомъ орѣхѣ, цѣпочки и нѣсколько зонтиковъ въ тростяхъ, объ одномъ изъ коихъ *хозяинъ* зеркальной линіи сдѣлалъ свои замѣчанія, переданныя мною въ началѣ этой статьи. Вещицы эти были заложены имъ какому-то попутчику, еще во время переѣзда моремъ изъ Гавра: этого человѣка Петитомъ отыскалъ, выкупилъ вещи свои и распродалъ ихъ съ выгодою. Онъ смѣялся въ душѣ, что избавилъ себя отъ хлопотъ безпошлиннаго провоза этихъ вещей, предоставивъ о томъ заботиться тому, кто принялъ ихъ подъ залогъ.

Петитомъ оставилъ часовщика, перешелъ въ Морскую, къ землячкѣ, успѣлъ развести порядочное знакомство, и вскорѣ добылъ мѣсто воспитателя *).... Его увозятъ въ Симбирскъ, довѣряютъ ему двухъ дѣвочекъ и мальчика, и вотъ когда Петитомъ, достигнувъ ближайшей цѣли своей, дѣлается самоучителемъ. Въ два мѣсяца дѣти затвердили разныя французскія и нѣмец-

---

*) Разумѣется, не въ оффиціальномъ званіи *наставника*. Со времени учрежденія экзаменовъ для этихъ господъ, Петитомъ долженъ былъ вступить въ должность свою подъ именемъ *компаніона* или *нахлѣбника* своихъ хозяевъ.

кія привѣтствія и пожеланія, а мимоходомъ Петитомъ успѣлъ продать одному изъ симбирскихъ погребщиковъ секретъ: какъ исправлять попорченныя вина, и торговалъ подъ рукою, черезъ барскаго каммердинера, эссенціями жизни и элексирами всѣхъ сортовъ, между прочимъ также для истребленія блохъ и клоповъ.

Покуда все шло хорошо; но Петитомъ сталъ не довѣрять торговому товарищу своему и вскорѣ убѣдился, что этотъ его точно обманываетъ. Не думавъ долго, онъ перевелъ лавочку въ свою комнату, обзавелся, сверхъ духовъ и помады, еще цѣпочками, перстеньками, дамскими поручнями, наперстками, иголками, сережками, и пріучилъ воспитанниковъ своихъ, особенно двухъ пригоженькихъ дѣвочекъ, уже подростковъ, исправлять, въ отсутствіе его, должность сидѣльцевъ. Онѣ дѣлали это очень ловко и мило торговались, казали товаръ лицомъ и, подавая покупателю цѣпочку, вскидывали ее съ какою-то плутовскою уловкою наизнанку бѣленькой ручки своей.

По доносу каммердинера, все это вдругъ обнаружилось, и тѣмъ болѣе изумило папеньку и маменьку, что они сами ничего не видали, не подозрѣвали. Петитома согнали со двора, задолжавъ ему полугодовое жалованье. Помѣщикъ нашъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые воспитываютъ дѣтей своихъ или на казенный счетъ, или въ долгъ; наличными же деньгами платилъ онъ только за вистомъ, и болѣе нигдѣ и никогда. Петитомъ исчезъ изъ Симбирска, проклиная неблагодарность русскихъ и увѣряя всѣхъ, что уѣдетъ опять домой, заграницу.

Прошло два года, и симбирскій помѣщикъ нашъ отправился со всей семьей на Кавказъ, повезъ дѣтей и жену и себя лечить пятигорскими водами. Прогуливаясь тамъ между опрятными новенькими домами, выстроенными для посѣтителей, увидѣли они огром-

ную вывѣску, съ презатѣйливою собачьей комедіей. Папенькѣ и маменькѣ не было покоя: пойдемъ да пойдемъ въ собачью комедію. Пошли, и хохотали до упада всѣ, и малые и большіе. Тутъ курносая моська Жантиль, въ аломъ фракѣ и голубой фуражкѣ, расхаживаетъ на дыбкахъ подъ ручку съ косматою шавкой, мадмоазель Санфасонъ; тутъ цѣлая упряжь гнѣдыхъ дворняжекъ везутъ коляску, гдѣ нарядная маленькая пѣганка исправляетъ должность кучера; двѣ моськи, одна въ бѣломъ атласномъ платьѣ, другая въ вишневомъ французскомъ кафтанѣ сидятъ въ коляскѣ, а брусбартъ, въ ливреѣ, стоитъ на запяткахъ; тутъ цѣлая стая собакъ всѣхъ мастей и во всѣхъ нарядахъ, щегольскихъ, модныхъ, ощипанныхъ, оборванныхъ, пляшутъ на дыбкахъ, подъ барабанъ и дудку, экосезъ, и каждый разъ, когда очередная пара отправляется взадъ и впередъ между рядами дамъ и кавалеровъ, ропотъ зависти и неудовольствія выражается въ рядахъ пляшущихъ: дамы и кавалеры ворчатъ и скалятъ зубы. Наконецъ, какой-то назойливый барбосъ, который велъ себя во время танцевъ самымъ неприличнымъ образомъ, и между прочимъ ворчалъ и огрызался безпрестанно, даже безъ всякаго къ тому повода, барбосъ этотъ ухватилъ одного кавалера въ оранжевомъ кафтанѣ за воротникъ; тотъ сталъ огрызаться, кавалеры и дамы, всѣ безъ разбора, приняли ту, либо другую сторону, и балъ окончился буйствомъ и страшною дракой, разсмѣшившею большихъ и напугавшею малыхъ зрителей. При этой общей свалкѣ фуражки, шляпки и клочки мишурнаго платья летѣли во всѣ стороны.

Въ эту критическую минуту, вступилъ на поприще съ арапникомъ въ рукѣ самъ хозяинъ, желавшій, вѣроятно, спасти лоскутный рядъ свой, фраки, юпки и кафтаны, отъ конечнаго истребленія. «М'сье

Петитомъ, м'сье Петитомъ!» закричали въ одинъ голосъ симбирскіе воспитанники нашего самоучителя... Такъ, это былъ онъ! Прирожденный воспитатель, онъ, за неимѣніемъ другихъ воспитанниковъ, занялся обученіемъ мосекъ, шавокъ и болонокъ, разговаривалъ съ ними такъ же мило и поучительно, какъ бывало съ дѣтьми; заставлялъ ихъ также ловко кланяться, присѣдать, держаться прямо, на-вытяжку, складывать вѣжливо лапки, и собачки уже довольно порядочно понимали по-нѣмецки.

Вскорѣ, однако же, судьба опять покарала бѣднаго самоучителя: онъ внезапно, въ страшную годину, лишился всѣхъ воспитанниковъ своихъ, подававшихъ столько лестныхъ надеждъ. На ученыхъ собакъ напала чума, которая, какъ извѣстно, не щадитъ ни пола, ни возраста, ни даже званія и состоянія: страшный кашель, рвота и тому подобное воцарились въ балаганѣ подъ вывѣскою мосекъ, шавокъ и болонокъ; много истратилъ Петитомъ на сѣру, антимоній и табачный настой; уходъ былъ за воспитанниками примѣрный, но судьба порѣшила дѣло по своему: въ три недѣли все кончилось; ученыя собаки подохли или остались такими калѣками, что не было никакой возможности показывать ихъ; онѣ поглупѣли, одурѣли, позабыли всѣ науки и, разбитыя на заднія ноги, едва перекачивались съ мѣста на мѣсто. Собачья комедія рѣшительно разстроилась.

Скрипка или флейта, подъ которую плясали собаки, выручила Петитома. Екатеринославскій помѣщикъ увезъ его изъ Ставрополя къ себѣ устроивать домашнюю музыку. Петитомъ брался за все, что вамъ угодно, и еслибы кобылка и саранча не поѣла въ Славяносербскомъ уѣздѣ хлѣба, то, можетъ быть, у помѣщика была бы современемъ и музыка; по крайней мѣрѣ, *трехъ* человѣкъ, изъ псарей, съ басомъ, со скрипкой

и кларнетомъ, Петитомъ поставилъ уже на ноги. Но кобылка испортила все дѣло, музыка полетѣла къ чорту, потому что тутъ нечѣмъ было кормить и рабочихъ крестьянъ, не только дармоѣдовъ.

Самоучитель оглянулся въ околодкѣ и попалъ счастливо на прежнюю колею свою; у сосѣда подростали ребятишки; сосѣдъ нашелъ въ Петитомѣ дешеваго наставника, и дѣло сладилось. Но послѣ столькихъ горькихъ опытовъ, Петитомъ сталъ дорожить мѣстомъ своимъ и старался угодить, по возможности, родителямъ, отложивъ всякій посторонній промыселъ, по крайней мѣрѣ до того времени, покуда не обживется и не устроится на своемъ мѣстѣ. Смѣтивъ, что родители малютокъ были смертные охотники до благонравнаго воспитанія, въ особенности до поучительныхъ стишковъ и басенъ, Петитомъ долгое время былъ въ затрудненіи, какимъ образомъ обнаружить передъ родителями осязательнымъ образомъ тѣ нравственныя правила, которыя онъ внушаетъ дѣтямъ? Родители не знали ни по-нѣмецки, ни по-французски, а тутъ еще на бѣду наступали папенькины именины. Наконецъ, Петитомъ рѣшился: дѣти вытвердили наизусть французское и нѣмецкое пожеланіе; это такъ, само по себѣ, и родители слушали его, проливая слезы радости; но затѣмъ, дѣти прочли также на память двѣ русскія басни, написанныя Петитомомъ. Да, Петитомъ выучился уже русскому языку, и не только свободно на немъ изъяснялся, но писалъ въ стихахъ и въ прозѣ поучительныя басни. Вотъ онѣ:

I. СОБАЧКА И СОБАКА.

Одинъ маленькій собачка съ великій злость
Грызъ кость.
Большой собака приходилъ,
И маленькій собачка спросилъ:

Маленькій собачка, зачѣмъ ты съ великій злость
Грызешь кость?
Маленькій собачка отвѣчалъ:
Мнѣ хозяинъ давалъ.

НРАВОУЧЕНІЕ.

Слѣдовательно, ничего не должно дѣлать безъ позволенія.

II. ВЕЛИКОДУШІЕ.

Одинъ молодой козелъ пошелъ себя немножко прогуливаетъ; вдругъ на встрѣчу ему попадался городовой Городовой, по должность свой, спросилъ: Господинъ молодой козелъ, вы пьянъ? Нѣтъ, отвѣчалъ молодой козелъ, я не пьянъ, я только немножко себя прогуливаетъ. Городовой обратился, по должность свой, къ другой прохожій.

Эта басня показываетъ, что одинъ былъ великодушнѣе другаго, а другой великодушнѣе одного.

Вотъ вамъ необыкновенные успѣхи Петитома въ русскомъ языкѣ; вотъ вамъ умъ его, даръ писателя, остроуміе и высокія понятія о нравственности. Удивительно, до какой степени этотъ человѣкъ пріучилъ себя въ нѣсколько лѣтъ къ русской почвѣ; это въ особенности доказываетъ вторая басня его: русская басня, по всему.

Хотите знать и окончательныя приключенія Петитома? Ему предстоитъ троякій конецъ: или онъ женится на какой-нибудь зажиточной вдовѣ и навсегда останется въ Россіи; или онъ наживется лѣтъ черезъ десять самъ и поѣдетъ за море, въ свое отечество; или, наконецъ, онъ состарѣется у насъ такимъ же бобылемъ, и будетъ разъѣзжать, подъ названіемъ нѣмца или француза, круглый годъ по всему околодку, гостить поочередно у помѣщиковъ, разнообразить скуч-

ную деревенскую жизнь ихъ покорнымъ появленіемъ своимъ, исправляя нѣкоторымъ образомъ, за насущный хлѣбъ, должность уѣзднаго шута. Послѣднее тѣмъ вѣроятнѣе, что онъ на всѣхъ деревенскихъ съѣздахъ своего околодка составляетъ уже необходимое лицо; надъ нимъ удачно трунятъ, и онъ, къ общему удовольствію, удачно отшучивается и никогда не сердится.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА

	стр.
ВАКХЪ СИДОРОВЪ ЧАЙКИНЪ — или разсказъ о его собственномъ житьѣ-бытьѣ	
БѢДОВИКЪ	115
КОЛБАСНИКИ И БОРОДАЧИ	222
ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА или прогулка по невскому проспекту	305
ПЕТЕРБУРГСКІЙ ДВОРНИКЪ	339
ДЕНЬЩИКЪ (физіологическій очеркъ)	355
ЧУХОНЦЫ ВЪ ПИТЕРѢ	369
НАХОДЧИВОЕ ПОКОЛѢНІЕ	384

841.73
D131
V. 3

Stanford University Libraries
3 6105 013 373 605

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

SEP 1996
SEP 10 1996

БИБЛІОТЕКА ЗНАМЕНИТЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

КНИГА 71 ПЕРВЫЙ ГОДЪ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФА

БИБЛІОТЕКА ЗНАМЕНИТЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

КНИГА VI 1651 ТОМЪ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФА